

*Мы в бою познали себя,
Продираясь сквозь холод смерти,
Эту жизнь земную любя,
За нее деремся как черти.
С гордо поднятой головой
Мы любой ураган встречаем,
И за каждый поступок свой
Сердцем, совестью отвечаем.*

ДОРОГИ ВОЙНЫ

Курган
«Парус-М», 2005

К 03 (07)

Дороги войны

Книга издана по инициативе и на средства
Управления Внутренних дел Курганской области

Составители: Ю.Г.Гаврилов, Г.П.Устюжанин

Редакционный совет: В.М. Старков (председатель),
А.А.Асямоллов, А.К.Бортовский, Ю.Г.Гаврилов, А.А.Зиновьев,
С.И.Корюкин, И.В. Сеницын, Г.Д.Третьяков, Г.П.Устюжанин

Сборник создан из очерков и воспоминаний об участниках нелегких военных дней, кто мужеством, сердцем и совестью прокладывал и ведет дорогу к светлому завтра наших потомков и Отечества.

ISBN 5-86047-185-8

«Парус-М» - 2005

ЭСТАФЕТА МУЖЕСТВА

П риблизается 60-я годовщина Победы советского народа в Великой Отечественной войне над фашистской Германией. Дорогую цену заплатили за нее наши люди. Более двадцати миллионов жизней наших соотечественников положены на алтарь Победы. Минувшие десятилетия не изгладили из памяти события тех дней. Живы еще ветераны, которые мужественно и героически приближали Победу, которые доказали всему миру, как могуч и непобедим свободный народ. Среди тех, кто ковал нашу победу, немало сотрудников правоохранительных органов, наших с вами земляков, товарищей по служебным делам.

В первые дни войны более ста добровольцев – работников зауральской милиции – эшелон увозил на запад. «Не могу оставаться в тылу, когда враг топчет нашу землю», – писал в своем заявлении 25 июня 1941 года участковый уполномоченный Катайского районного отдела милиции Григорий Иванович Пономарев. Он ушел на фронт бить врага и громил его, не жалея своей жизни.

Перелистывая хранящиеся в музее УВД воспоминания фронтовиков, встречаешь немало названий памятных для нашего народа великих битв и сражений. Мелькают на страницах наименования городов, сел и деревень, стран, в которых довелось побывать зауральцам во время Великой Отечественной войны. Как часто судьба сводила их на трудных во-

енных дорогах, почти бок о бок сражались они под Москвой, в Сталинграде и на Курской дуге, мерзли и утопали в болотах под Ленинградом, штурмовали оплот гитлеровцев – Берлин. А познакомились в тысячах километров от тех мест – в далеком зауральском крае, в мирное время, когда они, вчерашние бойцы-фронтовики, сменили армейские шинели на форму сотрудника органов внутренних дел.

Так, Алексей Константинович Каргаполов с ротой солдат и матросов в Сталинграде держал оборону в районе элеватора. В день отбивали по пять-семь атак. Как он в своих воспоминаниях говорит: «Мы били немцев, а они лезли снова и снова. И мы поклялись: «За Волгой нам земли нет». Теперь известно, что в одном из дневников убитого немецкого солдата 94-й дивизии было написано: «Русские в плен не идут, а подпускают близко и забрасывают нас гранатами. В элеваторе засели не люди, а черти, которых не берут ни огонь, ни пули».

В таких же отчаянных боях в Сталинграде участвовал контролер СИЗО-1 Петр Егорович Черкасов. В одном из уличных боев он был тяжело ранен, контужен, но выстоял, не отступил. Отчаянно сражались за сталинградскую землю ветераны органов внутренних дел города Кургана – Камшилов Николай Михайлович, Кочегин Михаил Кузьмич, Каримов Сабагат Насруллаевич, Сурков Константин Трофимович, Чесноков Александр Степанович.

Геройски погиб под Сталинградом милиционер из Половинского отдела милиции Дмитрий Сергеевич Яковлев. Когда закончились патроны, смолкли дивизионные пушки, Дмитрий Яковлев, чтобы остановить врага, израненный, со связками гранат бросился под фашистский танк. Рисунок журнала «Пограничник» № 7 от 1943 года на первой странице навечно запечатлел подвиг зауральского милиционера, младшего политрука 10-й дивизии НКВД Дмитрия Сергеевича Яковлева.

Полита земля Сталинграда и кровью других зауральских милиционеров. В том, что 330 тысяч фашистских солдат были уничтожены под Сталинградом, а более 90 тысяч взяты в плен, есть и заслуга фронтовиков – сотрудников органов внутренних дел нашей области, о чем рассказано выше.

Стойко сражались зауральские милиционеры и на других фронтах. Командовал взводом штрафников в боях под Ленин-

градом бывший начальник БХСС Петуховского отдела внутренних дел Николай Васильевич Привезенцев. Самоотверженно дрался с фашистами под Ленинградом начальник снабжения ИТК-1 Алексей Алексеевич Кокшаров, командуя взводом солдат, героически отбивавших атаку за атакой гитлеровцев.

Начальник отдела дознания УВД Иван Федорович Кремлев – военный летчик, сделал более 100 боевых вылетов, защищая Ленинград. На подступах к городу участвовал в боях с фашистами, командовал стрелковым батальоном заместитель начальника отдела исправительно-трудовых учреждений Иван Иванович Едренников. В 1943 году он был тяжело ранен, но не сломлен духовно, многие знают и сейчас его оптимистом.

Участвовали в боях за город на Неве начальник горотдела милиции Богачев Борис Александрович, начальник паспортного отдела Каргаполов Алексей Матвеевич, сотрудник линейного отдела милиции Воинков Иван Дмитриевич, сотрудник ИТУ Евдокимов Григорий Варфоломеевич, комендант УВД Коробейников Иван Петрович.

Служили в милиции Ленинграда более 900 дней блокады старший оперуполномоченный уголовного розыска Вакулич Константин Михайлович, старший инспектор ОБХСС Харитонов Яков Степанович. В бою за Ленинград был тяжело ранен и контужен милиционер курганской милиции Кириллов Федор Иванович. Родные получили похоронку, где было написано: «В боях за социалистическую Родину, верный воинской Присяге, проявив геройство и мужество, убит Кириллов Ф.И.». К счастью, это оказалось ошибкой. Его тяжело раненного подобрали санитары, он выздоровел, вернулся в строй и закончил войну в Берлине.

Крупнейшим поворотным событием в истории Великой Отечественной войны была битва на Курской дуге. 50 дней и ночей длилась она. В этих сражениях фашисты потеряли более 500 тысяч солдат, 7 танковых дивизий. Вермахт пытался взять реванш за Сталинград. Но из этого у гитлеровцев ничего не вышло. Высокий морально-политический настрой личного состава наших войск, смелость и мужество, проявленные в боях тысячами солдат и офицеров, не позволили фашистам прорвать оборону и продвинуться вперед. В этих сражениях, в составе 8-й истребительной противотанковой ар-

тиллерийской бригады, участвовал заместитель начальника уголовного розыска города Кургана Сергей Яковлевич Чечулин. Он рассказывал: «От разрывов снарядов, гула танков и пушечных выстрелов закладывало уши. Понимали друг друга без слов, работая просто автоматически. О жизни никто не думал. Выстоять – вот главная была задача».

Стойко дрались и били врага на Курской дуге наши товарищи по службе Петр Григорьевич Осипов, Афанасий Матвеевич Дедов, Сергей Максимович Морев, Афанасий Нефедович Поздняков, Петр Егорович Черкасов.

1418 дней продолжалась Великая Отечественная война. Враг, отступая, с особой жестокостью и безысходностью сражался за каждый город, за каждое село. Война медленно пятилась на Запад. Фронтов было много, но почти на всех фронтах воевали сотрудники органов внутренних дел Курганской области. Бывший заместитель начальника УВД Владимир Федорович Потанин воевал на Центральном фронте. В марте 1942 года был ранен. После выздоровления направлен на 2-й Украинский фронт. Участвовал в боях на Курской дуге, в разгроме Корсунь-Шевченковской группировки врага. При форсировании Тиссы ранен вторично. После выздоровления участвовал в боях за Будапешт, Братиславу, закончил войну в Праге.

В первые дни войны ушел на фронт из села Чаши сотрудник милиции Михаил Варнавич Сабенин. Он воевал на Северо-Западном фронте, участвовал в сражении на Курской дуге. С боями дошел до Днепра. В сентябре 1943 года, под Киевом, под сильным огнем противника стрелковая рота, которой он командовал, первой форсировала Днепр и захватила плацдарм, обеспечив переправу остальным войскам. За мужество и отвагу, проявленные в этом бою, Михаилу Варнавичу присвоено звание Героя Советского Союза. Его именем названа одна из улиц города Киева. Подвигами этого человека гордится вся зауральская милиция.

Почти всю Европу прошел с боями Борис Александрович Богачев, бывший начальник городского отдела милиции. Он освобождал Болгарию, Венгрию, Румынию, Австрию, Югославию. За годы войны был трижды ранен.

Прошли через всю войну и закончили ее в Берлине Григорий Михайлович Фомин, Сергей Васильевич Преображенский

– заместитель начальника ИТК-1, Данил Федосеевич Дедов – сотрудник следственного изолятора города Кургана, Федор Иванович Фомин – инспектор вневедомственной охраны, Михаил Яковлевич Комаров – начальник одного из подразделений исправительно-трудовых учреждений, Яков Григорьевич Шевелев – старший оперуполномоченный уголовного розыска Шадринского районного отдела внутренних дел, Василий Федорович Курицин, дежурный помощник начальника ИТК-1.

Но не только на фронтах вели борьбу с врагом наши соотрудники. Некоторые из них не давали покоя фашистам и в тылу. Бывший начальник линейного отдела милиции станции Курган Олег Петрович Каманский воевал в партизанском отряде в Крыму. Бывший начальник УВД Курганской области Федор Иванович Крылов руководил партизанским движением на Смоленщине.

Отремев на Западе, война перекинулась на Восток. В разгроме Квантунской армии империалистической Японии принимал участие сотрудник милиции Анатолий Алексеевич Зверев. В боях на Дальнем Востоке отличились бывший начальник паспортного стола Первомайского отдела внутренних дел города Кургана Александр Матвеевич Каргаполов, милиционер отдельного взвода милиции Дмитрий Михайлович Пономарев, сотрудник Притобольного районного отдела внутренних дел Григорий Иванович Никитин, старшина Октябрьского отдела милиции Анатолий Николаевич Носков, председатель объединенного комитета профсоюза управления Алексей Яковлевич Торцев и другие.

Закончилась война, но не все участники боевых сражений вернулись домой. Погибли, защищая Родину, участковый уполномоченный города Кургана Антонов Алексей Поликарпович, милиционеры Катайского районного отдела милиции Березин Яков Иванович, Жернаков Григорий Андреевич, милиционер Половинского районного отдела Дедов Терентий Алексеевич, милиционер города Кургана Шастов Александр Захарович, милиционер Варгашинского районного отдела Федоров Федор Давидович, агент уголовного розыска Колчанов Ксенофонтий Григорьевич и многие, многие другие.

Строки поэта Роберта Рождественского
*Вспомним всех поименно,
Горем вспомним своим.
Это надо не мертвым,
Это нужно живым*

напоминают нам о вечном долге Памяти перед солдатами-победителями и их товарищами, павшими в бою.

В разделе книги, посвященном фронтовым подвигам наших ветеранов, есть рассказы о тех, кого уже нет рядом с нами, но есть и живые свидетели тех далеких событий. Каждому из них, даже тому, кто закончил войну совсем юным, безусым мальчишкой, нынче уже не меньше 80 лет.

Время летит неумолимо. Безжалостная смерть в каждый раз вырывает из наших рядов – но не из сердец – достойного бойца-ветерана Великой Отечественной... На сегодняшний день их осталось среди нас чуть больше ста человек. И каждого из них мы помним поименно, о каждом заботимся, помогаем в меру своих сил и возможностей.

К сожалению, у бойцов правопорядка и соблюдения законности такая судьба – быть всегда на передовой за спокойствие и справедливость. Им пришлось с достоинством и честью бороться за мирную жизнь, а порой погибать и после Отечественной войны во многих «горячих точках» за пределами Родины, а после распада Советского Союза, в странах СНГ и на территории России. Они и сегодня на линии огня, равняясь на мужество дедов и отцов, достойно служат Отечеству.

Сергей ФЕДОСОВ,
начальник УВД области,
генерал-майор милиции

ГЕРОЙСКАЯ ЖИЗНЬ МИХАИЛА САБЕНИНА

В музее истории УВД Курганской области вы непременно обратите внимание на скульптурный портрет Героя Советского Союза Сабенина Михаила Варнавича.

Вместе с портретным сходством скульптору Надежде Лытченко-Меткой удалось раскрыть и характер Героя. На посетителей смотрит человек с простым крестьянским лицом, на котором застыла задумчивая грусть. Слегка усталый взгляд открытых глаз как бы обращен в себя. За плечами этого человека – большой и тернистый жизненный путь.

Михаил Варнавич родился на севере Курганской области, в старинном селе Шатрово. Семья была большая. Глава семейства, великий трудяга Варнава Федорович, держал справное крестьянское хозяйство. Через Шатрово проходил торговый путь между тобольским севером и казахскими степями. Сабенин-старший успевал крестьянствовать на земле, а еще и приторговывать бакалейными товарами: мечтал выбиться в купеческое сословие.

Вряд ли сам Михаил Варнавич мог вспомнить, когда начал он постигать азы крестьянского труда. Наверное, с того дня, когда приобрел способность самостоятельно держать в руках нехитрые орудия труда: грабли, вилы, косу, лопату... Его мать, Анастасия Савельевна, изможденная болезнью, затурканная деспотом-мужем, рано начала поручать сыну несложную работу по хозяйству. Когда Миша закончил три класса церковно-

приходской школы, отец сказал, как отрубил: “Шабаш! Отныне твое место – на подворье, там работы невпроворот. Учись хозяином быть, в этом главная наука”.

Советскую власть Варнава Федорович встретил без восторга. К тому времени у него уже было большое хозяйство, управляться с которым только своими силами становилось все труднее, поэтому пришлось нанимать работников. Вместе с братьями, батраками и поденщиками Миша трудился от зари до зари. Кто, как не он, на собственном хребте испытал всю несправедливость, человеческую алчность. В нем подспудно росла ненависть к стяжательству отца.

Осенью 1920 года 16-летний Миша Сабенин вступил в комсомол. Узнав об этом, Варнава Федорович жестоко избил сына, запретил общаться с голытьбой. Но подросток нарушил запрет отца, продолжал активно участвовать в жизни сельской “комсы”.

9 февраля 1921 года в Зауралье и Западной Сибири вспыхнул кулацко-эсеровский мятеж. Восставшие жестоко расправлялись с партийно-советскими активистами, комсомольцами, да и просто с жителями, которые поддерживали советскую власть. Чтобы избежать расправы, Миша Сабенин с друзьями-комсомольцами скрывались в таежных урманах.

Через два месяца мятежники были разгромлены. Вернувшись в родное село, Михаил узнал горькую правду: его отец и дядя, Павлин Федорович, участвовали в смуте, помогали мятежникам. Чаша терпения паренька была переполнена, и он ушел из дома. Но как и на что жить? И юноша, в неполные семнадцать лет взваливает на свои плечи тяжкую долю батрака.

Нелегкое это было время. Страшная засуха, неурожай... Разгул бандитских шаек, оставшихся после мятежа. Требовались невероятные усилия человеческого характера, стойкость и мужество, чтобы выстоять, не сломаться под напором жизненных невзгод. И молодой комсомолец показал в те годы негибаемую силу духа.

В 1926 году Михаила Сабенина призвали в ряды Красной Армии. Вернувшись через два года на родину, Михаил сразу же активно включился в строительство новой жизни на селе: с друзьями-комсомольцами участвовал в заготовках хлеба (его

даже назначили агентом “Союзхлеба” при Кодском заготпункте), являлся уполномоченным райкома комсомола по коллективизации сельского хозяйства. Молодые сельские активисты в свободное время устраивали спектакли на актуальные темы, исполняли в них различные роли. Ни один из таких спектаклей в Шатрово не обходился без участия Михаила.

Важной вехой в жизни Михаила Сабенина стал март 1929 года: Шатровский райком партии утвердил решение первичной партийной организации принять активиста-комсомольца Сабенина в члены ВКП(б). А через три дня после этого был подписан Приказ о назначении коммуниста Сабенина младшим милиционером районного административного отдела.

С большим старанием взялся коммунист Сабенин за работу. И в честь 12-й годовщины рабоче-крестьянской милиции последовал Приказ: “...За твердость и старательность в рядах РКМ наградить тов. Сабенина М.В. отрезом сукна на брюки и материалом на пару белья”.

С тех пор у милиционера Сабенина было множество различных поощрений, но зловещая тень отца-кулака, участника эсеровского мятежа, преследовала его постоянно. Подкулачники, друзья отца, чтобы укротить ретивого блюстителя порядка, пускали различные слухи, не гнушались клеветы, угрожали. «Сверхбдительные» борцы за Советскую власть существовали во все времена, и потому в 1934 году, во время очередной чистки партийных рядов, Михаила Сабенина исключили из членов ВКП(б), но в обкоме партии прислушались к апелляции молодого коммуниста, и решение Шатровского райкома было отменено.

Год спустя, опять же после очередного клеветнического доноса, Сабенина уволили из органов внутренних дел с формулировкой “как классово-чуждый элемент”, однако вскоре восстановили на работе по заявлению Михаила Варнавича с просьбой – глубже вникнуть в суть дела.

В 1942 году Михаил Варнавич добровольцем ушел на войну. Воевал на Северо-Западном фронте, участвовал в жестких боях на Курской дуге. В сентябре 1943 года, в боях за город Киев, проявил высокие организаторские способности, личное мужество и отвагу. Дело было так: стрелковая рота, в которой политруком был Михаил Варнавич Сабенин, получи-

ла боевое задание — форсировать Днепр в районе села Вышгород и обеспечить переправу всему стрелковому батальону. В точно назначенное время взвилась сигнальная ракета, рассыпая брызги искр. Артиллерия обрушила огненный шквал на вражеские позиции. Немцы ответили тем же. Стрельба и разрывы сливались в один сплошной гул. Под эту дуэль десантники погрузились в рыбацьи лодки и отчалили от берега.

Не успели перемахнуть середину реки, как гитлеровцы их обнаружили, открыли по десантникам минометный огонь. Осколками прошло лодку. Убит один солдат, тяжело ранен второй. Нужно что-то предпринимать. Сабенин первым бросился в холодные воды Днепра. Следом поплыли и остальные. Подбадривая товарищей, Сабенин плыл впереди, толкая перед собой лодку с пулеметом и боеприпасами. Но вот ноги нащупали дно. В отяжелевшей от воды одежде бойцы устремились на крутой берег. Эхом по Днепру разнеслось мощное “ура-а-а!”. Гитлеровцы яростно сопротивлялись, но десантники в ожесточенном бою, метр за метром расширяли свой плацдарм, ворвались в траншеи врага и закрепились там.

На второй день натиск врага усилился. Десять раз немцы бросались в атаку на горсточку героев-храбрецов и каждый раз откатывались назад. Потери противника были велики, но и десантники не досчитывались многих. Кольцо сжималось, гитлеровцы кричали:

– Рус! Сдавайсь! Сдавайсь, будешь жить!

В ответ летели гранаты.

“Стоять насмерть!” — таков был приказ командира-политрука. Исход боя решили “катюши”, огонь которых вызвал на себя отважный комиссар Сабенин. Раскаленный металл обрушился на головы гитлеровцев. И после этого на правый берег Днепра хлынули подразделения советских войск. Никакая сила не могла уже остановить их...Задание командования было выполнено.

За мужество и отвагу, проявленные в этом бою, Михаилу Варнавичу было присвоено высокое звание Герой Советского Союза, а благодарные жители Киева называли его именем одну из улиц города.

Михаил Варнавич Сабенин с боями прошел всю Европу. За мужество в боях под Будапештом награжден вторым орде-

ном Красного Знамени.

После демобилизации вернулся в родное Зауралье и еще длительное время работал начальником ряда районных отделов милиции.

После выхода в отставку в 1952 году Сабенин переехал к дочери, в Москву, и еще долгих 16 лет работал комендантом Московского государственного университета. Преподаватели и студенты МГУ с большим теплом всегда вспоминали о Михаиле Варнавиче. По их словам, это был энергичный, всегда подтянутый и собранный человек. Даже находясь на заслуженном отдыхе, он никогда не позволял себе расслабиться.

В год пятидесятилетия Советской власти при УВД Курганского облисполкома создавалась многотиражная газета «На боевом посту». В честь этого события ветеран написал письмо, которое было опубликовано на ее страницах 17 ноября 1967 года. В нем наш знаменитый земляк рассказывал о своем жизненном пути, давал советы молодым сотрудникам милиции, пришедшим на смену ветеранам. Были там и такие строки:

“...Кто-то относился ко мне с уважением, кто-то посматривал на меня с недоверием... Но я всегда любил порядок и иногда жестко требовал его от других. Так как считал и считаю, что именно требовательность порождает порядок, а значит, и социалистическую законность.

Успехов вам, дорогие друзья, коллеги, в укреплении необходимого правопорядка в Зауралье и, конечно, семейного благополучия!

Ваш Михаил Сабенин”.

Он был истинным солдатом правопорядка и остался им до конца. Мы уже говорили, что именем Сабенина названа улица в городе Киеве. Такое же имя носит и одна из улиц его родного поселка Шатрово. А это значит, что память о Герое будет жить в веках.

Юрий ГАВРИЛОВ

РАСПИСАЛСЯ НА РЕЙХСТАГЕ

НАГРАДА ПОСЛЕ ПЕРВОГО БОЯ

Находясь в четырнадцати километрах от нашей столицы, немцы во время войны рассматривали ее в бинокли и стереотрубы, а мне удалось побывать в Берлине около поверженного рейхстага и Бранденбургских ворот, стать там участником самого светлого исторического события – Дня Победы, – сказал подполковник внутренних войск в отставке Дмитрий Степанович Бурмантов, награжденный за боевые подвиги тремя орденами Славы, орденом Отечественной войны первой степени, орденом Красной Звезды и многочисленными медалями. – Медаль “За боевые заслуги” получил после первого боя. В 1943 году, после прохождения курса молодого красноармейца и школы сержантского состава шестого запасного стрелкового полка, находившегося в городе Кунгуре, он попал сразу на поле тяжелейшего сражения. Девятнадцатилетний сержант Дмитрий Бурмантов был направлен пополнением в первый Донской танковый корпус командиром отделения роты автоматчиков. Корпус прибыл на Орловско-Курско-Белгородский выступ, где наши войска готовились к мобильной обороне.

– Копали траншеи в полный рост, делали ходы сообщения, строили блиндажи, оборудовали огневые точки. Ради маски-

ровки частично закапывали в землю танки. За нами, метрах в трехстах, находилась истребительно-противотанковая артиллерия.

Стояли в обороне полтора месяца. Командованием было решено измотать гитлеровцев в оборонительных боях. Ждали, когда они станут наступать. Жестокий бой начался пятого июля 1943 года.

– Восприятие первого боя? – повторил Бурмантов мой вопрос. – Ошеломляющее. Кругом грохот. К нашим окопам идут десятки танков. На душе – жутко. В тот день мы стреляли по пехоте, а танки били – артиллеристы.

В первом бою Дмитрий Степанович Бурмантов был ранен. Отправлен в полевой госпиталь. Подлечившись, прошел медкомиссию и в составе маршевой роты прибыл в расположение 369-й стрелковой дивизии, которая формировалась раньше в Кургане. Попал к землякам.

СТАЛ РАЗВЕДЧИКОМ

В 1225-м стрелковом полку его определили в разведчики. Был в ту пору так называемый взвод пешей разведки при штабе полка. С ним он и пошел дальше по дорогам войны. С этим полком разведчики первыми подошли к Днепру в районе города Могилева, форсировали реку.

– Прошли несколько километров более – менее спокойно. Но затишье оказалось недолгим. Около деревни Малиновки немцы, выходящие из окружения, ночью напали на штаб полка, где хранилось знамя вместе с секретными документами. Победа в этом бою далась нелегко. Потом продвигались к Минску. Мы, разведчики, шли впереди, добывая необходимые данные. За время войны пришлось брать много раз «языков». За первого из них, взятого здесь, меня наградили орденом Славы третьей степени. Немецкий часовой, которого мы взяли тогда и доставили в штаб, дал важную информацию о своем формировании.

Но бывало и так, что и «языки» не приносили ожидаемой пользы. Одни рассказывали о том, что уже было известно, другие – молчали. За таких мы получали другое поощрение – сто граммов фронтовых, ужин и восьми - десятичасовой от-

дых, – вспоминает Дмитрий Степанович Бурмантов.

Когда Бурмантов набрался опыта, то из взвода пешей разведки его перевели в 428-ю разведроту, находившуюся при штабе дивизии, где назначили помощником командира разведывательного взвода. С этой ротой Дмитрий Степанович и шел с боями до Варшавы.

Тогда наши части уничтожили большую группировку немцев в районе польских городов Данциг, Гдыня, Сопот. Здесь взяли 16 000 пленных.

За проявленное мужество ему вручили орден Славы второй степени. У Одера за взятие «языка» Дмитрий Степанович был награжден орденом Красной Звезды. Захваченный в плен фельдфебель рассказал о расположении немецких войск и количестве орудий.

Немцы в ту пору на этом участке сосредоточивали основные силы. Ведь, как известно, через Восточную Пруссию самый ближний путь до Берлина. Поэтому войска противника здесь оказывали яростное сопротивление.

– Каждый «язык» дорого обходился. Много я тут потерял боевых товарищей, – говорит Дмитрий Степанович. – Расставаться с друзьями – самое страшное. Минуту назад с кем-то, бывало, еще ел кашу из одного котелка – и вот его нет в живых. И закрываем ему лицо выцветшей от солнца пилоткой, если удастся, заворачиваем в плащ-палатку. Оставляем в кармане погибшего гильзу с необходимыми сведениями: фамилией, именем, отчеством, домашним адресом.

В ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ВОЙНЫ

Дмитрий Степанович на польской земле был ранен, награжден еще одним орденом Славы. После выздоровления на этот раз его направили в 301-ю стрелковую дивизию под командованием полковника Антонова, которая 21 апреля 1945 года с боями подошла к Берлину. Было очевидно, что идут последние дни войны, немцы фанатически сопротивлялись.

– Штурмом приходилось брать каждый дом. Сначала бой шел в подвале, потом на первом и других этажах здания, – продолжал рассказ Дмитрий Степанович. – Ни в один дом не

входили без боя.

Восьмого мая 1945 года в пригороде Берлина Карл-Хорсте немцами был подписан Акт о безоговорочной капитуляции.

В день Победы я находился около рейхстага. На его стене, которая уже пестрела различными подписями, написал: “Урал – Бурмантов”. На душе было радостно.

Через некоторое время группу бойцов из нашей части откомандировали в Москву. Принимал участие в параде Победы. От каждого фронта в то время в сводный полк было направлено сюда по тысяче наиболее отличившихся бойцов и привезено по 36 знамен от каждого фронта.

Приехали в Москву 10 июня. Разместили, помню, в палатках на Тушинском аэродроме. Через несколько дней нам выдали парадную одежду – китель, брюки, сапоги. Стали обучать ходьбе строевым шагом, о котором мы, фронтовики, имели смутное представление. Ведь мы умели только воевать. Тренировки проходили на Центральном аэродроме. В ночное время – на Красной площади.

Парад состоялся 24 июня и стал для нас да и всей страны незабываемым событием. В тот день увидел знаменитых маршалов Победы – Жукова и Рокоссовского, многих командиров, которые проявили особое мужество в боях.

После парада снова возвратился в Германию. Служил в разведроту, неподалеку от Берлина. Был старшиной. Нес коммандантскую службу. Занимался боевой и тактической подготовкой. Вместе с солдатами помогал местным жителям расчищать завалы, налаживать мирную жизнь.

Население относилось к нам в основном дружелюбно. Мы с ними делились пищей. Если в котлах оставались суп или каша, предлагали детям. Позднее к нам с котелками стали ходить женщины и старики. Помогали им, как могли. Ведь, находясь в Германии, руководствовались тем, что принесли освобождение немецкому народу.

ТАК ОБРАЗОВАЛАСЬ ДИНАСТИЯ

Дмитрий Степанович Бурмантов в 1947 году перешел на сверхсрочную службу. Прошел обучение в школе пехоты города Львова. Позднее окончил военное училище в городе

Орджоникидзе. Служил в Свердловской области. Стаж достаточно большой – тридцать два года. За это время Дмитрий Степанович был и командиром взвода, и роты, и начальником отдела кадров полка, бригады.

Во время службы в Свердловской области познакомился со своей женой Изой Федоровной. Осенью 1949 года создали семью. В 1950 году родилась дочь Светлана. В следующем – сын Константин. Через восемь лет – еще дочь, Ольга.

Со временем у Бурмантовых образовалась династия военных. Сын Константин закончил Военную академию. Дочь Светлана вышла замуж за военного летчика. Их дети тоже избрали профессию отцов. В настоящее время Сергей и Алексей – капитаны. Леонид учится в военном училище.

Дмитрий Степанович Бурмантов с гордостью рассказывал о детях и внуках. А еще – о хлопотах дачных. 21 июня 2004 года отметил свой юбилей – восьмидесятилетие. Для него, как я увидела, это не солидный возраст. Он живет такой интересной жизнью, что можно по-доброму позавидовать. По-прежнему много читает. Чаще всего книги о Великой Отечественной войне. Выступает в курганских школах. Нередко в классе, где учится внучка Оксана. Не только накануне праздников, так как считает, что важнее всего для человека любого возраста – историческая память. Поддерживает контакты и с советом ветеранов управления внутренних дел области. И с радостью планирует свое будущее, так как знает, что жить в мирное время – это счастье.

Надежда РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

УХОДИЛ ДОБРОВОЛЬЦЕМ

Начало лета 1941 года для Володи Мальгина было памятным. Пришла пора расставаться со школой. Сданы последние экзамены, получен аттестат зрелости. В последний школьный вечер выпускники веселились от души: пели, танцевали, до утра гуляли по родному поселку Макушино.

С первыми лучами солнца заторопились одноклассники домой. Планы на воскресный день были большие. Но оказалось, что в то самое время, когда выпускники строили планы на будущее, – фашистский план “Барбаросса” напрочь перечеркнул их мечты. Немецко-фашистские орды вторглись на территорию советской страны.

И Володя, в числе вчерашних школьников, записался добровольцем, чтобы пойти на фронт. Но его направили на учебу в Курган, в эвакуированную сюда Луганскую школу по подготовке авиационных механиков. В мае 1942 года молодой специалист по ремонту самолетов уже служил в 34-м запасном авиационном полку. Самолеты, требующие ремонта, прибывали сюда ежедневно. Ремонтом их занимались парни, едва распрощавшиеся со школой. Но скидок на молодость не было. От их работы зависело выполнение боевых заданий на фронте и жизнь летчиков. И старались ребята. Бывало, и сутками без отдыха. Время военное – все это понимали и работали так.

В июле 1943 года на ремонтные мастерские 949-го штурмового полка, где уже служил Владимир Мальгин, налетели

фашистские бомбардировщики. К счастью для Мальгина, он уцелел. За годы войны их полк вел боевые действия на Калининском, на Прибалтийском, на Белорусском фронтах.

Из армии Владимир Иванович демобилизовался в 1950 году. Вернулся на родину. На его гимнастерке сияли медали «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.» и орден Красной звезды. Учился, работал, осваивал целинные земли... И все в авангарде жизни – на комсомольской, партийной и советской работе. За добросовестный труд Владимир Иванович был награжден орденом “Знак Почета”, медалями “За трудовую доблесть”, “За освоение целинных земель”.

В 1968 году решением обкома партии Владимир Иванович Мальгин был назначен на должность заместителя начальника УВД области по кадрам. И здесь сумел подобрать, обучить и воспитать целую плеяду профессионалов, грамотных руководителей отделов и подразделений УВД. Это сказалось и на результатах работы органов внутренних дел области. Сложные и ответственные задачи по укреплению правопорядка и законности в городах и селах Зауралья решались на высоком профессиональном уровне.

Владимир Иванович Мальгин никогда не жалел себя. С раннего утра и до позднего вечера находился на своем посту. Да и в выходные дни частенько спешил сюда – решить какие-то неотложные дела и вопросы, помочь в решении проблем... Такая работа отразилась на здоровье. В 1980 году Владимир Иванович ушел в отставку по болезни. Спустя три года его не стало...

Но Владимир Иванович Мальгин – настоящий сын и патриот своей страны не забыт. Его дела и пример в службе продолжает сын – Сергей Владимирович Мальгин, полковник милиции, заместитель начальника УВД. Сейчас его служба является образцом для сотрудников. Настоящий боевой офицер, по долгу службы ему неоднократно приходилось бывать в “горячих точках”. И нигде Сергей Владимирович не запятнал чести офицера. Достойную смену воспитал себе Владимир Иванович Мальгин, добрую память он о себе оставил.

Юрий ГАВРИЛОВ

ВЕРНУСЬ С ПОБЕДОЙ!

Свой семнадцатый день рождения Владимир Потанин запомнил на всю жизнь. За три дня до его именин Курган взбудоражила черная весть – фашистская Германия без объявления войны напала на Советский Союз. Родной город изменился, жил совсем по-иному. Было не до именин.

Знакомые пацаны, с которыми еще вчера носились по курганским улицам и играли в казаки-разбойники, вдруг резко посерьезнев, уходили один за другим на войну. В мае 1942-го пришел черед и Владимира. Было ему в ту пору неполных восемнадцать. Через все фронтовые дороги и годы пронес он горестный вскрик матери, прочитавшей принесенную ему из военкомата повестку. Помнил он и ее слезы при прощании на вокзале, и свое обещание – обязательно вернуться к ней живым и здоровым...

А потом домой полетели письма-треугольнички, наскоро написанные в перерыве между боями, в которых он также обещал матери: “Вернусь с победой!”

Призывника Владимира Потанина направили в Златоустовское пулеметное училище, а через полгода командиром минометного расчета он принял первый бой в составе 69-го стрелкового полка, 79-й стрелковой дивизии. От оглушающих разрывов мин и снарядов хотелось зажать уши, спрятаться куда-то подальше. Все казалось нереальным, страшным, просто ужасным. Но надо было до конца постигать эту трудную науку

– воевать, и молодой командир снова и снова приказывал расчёту: “Заряжай! Огонь!” И миномет в очередной раз нес противнику смерть...

Через пять месяцев тяжелых боев, когда уже вчерашнего школьника давно не пугали разрывы и выстрелы, когда столько фронтовых дорог было пройдено, в бою под городом Сухиничи Владимир Потанин был ранен. Девчонка-санструктор, рискуя жизнью своей, вынесла его из-под огня. После двухмесячного лечения в госпитале Владимира вновь направили на учебу – на этот раз в Московское пулеметное училище.

Быстро минуло время учебы, и новоиспеченный лейтенант прибыл к новому месту службы – командиром минометного взвода в 233-й стрелковый полк 81-й стрелковой дивизии, воевавшей в составе 2-го Украинского фронта. В составе этого полка Владимир Федорович принял участие в двух жесточайших битвах – на Курской дуге и в разгроме Корсунь-Шевченковской группировки немцев.

Впереди были Карпаты. Но каждый шаг на войне дается с большим трудом, с потерями.

Потанина ранило, когда полк переправлялся через реку Тиссу в августе 44-го. Через два месяца вновь вернулся в свою часть и был назначен офицером связи штаба. Довелось ему участвовать в боях под Будапештом, в районе города Эстергом, снова форсировать реку – на этот раз венгерскую, наступать на Братиславу и Прагу. Здесь, на подступах к Праге, и застало Потанина сообщение об окончании войны. Тот, кому не пришлось испытать жарких боев, скорбных прощаний с друзьями, изнуряющей боли госпиталей, никогда не поймет, какая радость охватила солдат при таком известии. Первой и самой главной мыслью у каждого была одна: “Живой!”

Владимир Федорович сдержал данное матери обещание и вернулся домой после демобилизации в 1946 году. Грудь бравого боевого офицера украшали награды: два ордена Красной Звезды, два ордена Отечественной войны, медали “За боевые заслуги”, “За взятие Будапешта”, “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг”.

После непродолжительного отпуска Потанин решает продолжить службу в органах внутренних дел. Вначале его назначают на должность инспектора ХОЗО УВД, потом замести-

телем начальника и начальником этого отдела. Хорошие командирские навыки, приобретенные на фронте, умение повести коллектив за собой, мобилизовать подчиненных на выполнение поставленных задач пригодились и в мирной жизни. Владимир Федорович в сентябре 1961 года был назначен начальником одного из самых крупных подразделений УВД – отдела мест заключения, а в феврале 1965 года – первым заместителем начальника УВД. С этой должности в звании полковника он и ушел в отставку в июне 1980 года.

Большие организаторские способности Владимир Федорович показал еще будучи начальником ОМЗ. Под его руководством коллектив отдела принял конкретные меры к трудоустройству всех осужденных, провел большую работу по расширению собственного производства. В этот период были построены и сданы в эксплуатацию основные производственные цеха ИТК-2 (поселок Юргамыш), принято от местной промышленности чугунолитейное производство ИТК-1. Построен ряд промышленных объектов в других колониях, что позволило трудоустроить на собственном производстве 80 процентов осужденных. За период его руководства в колониях были дополнительно открыты три общеобразовательные школы и профессионально-техническое училище на ИТК-6. Много внимания Владимир Федорович уделял работе оперативных частей, профилактике преступности среди осужденных и нарушений ими режима содержания.

Инициативный, находчивый в решении сложных вопросов, настойчивый и принципиальный – таким Владимир Федорович Потанин представлен в аттестациях 60-х годов. Культурный, вежливый в обращении, глубоко знающий свое дело, среди сотрудников отделов и подразделений он пользовался заслуженным авторитетом. Будучи заместителем начальника УВД, Владимир Федорович проводил большую работу по укреплению правопорядка в области, улучшению жизни и быта сотрудников, строительству и обустройству служебных помещений органов внутренних дел. Активно участвует бывший фронтовик в общественной и политической жизни города, неоднократно избирался депутатом городского Совета.

Правительством высоко оценены его трудовые успехи. В 1971 году Владимир Федорович награжден орденом Трудово-

го Красного Знамени. Ему присвоено высокое звание “Заслуженный работник МВД” и вручен соответствующий знак. Этого в Курганской области на сегодняшний день удостоены всего 16 сотрудников милиции. Не счесть в его личном деле записей об объявленных благодарностях, почетных грамотах не только от управления внутренних дел области, но и от МВД СССР и Верховного Совета СССР.

Энергичный боевой офицер и после выхода на пенсию не перестает активно работать. Много лет он являлся заместителем председателя областного Совета ветеранов. Порученную ему работу выполнял инициативно, с душой. Так, например, немало сделал для решения вопросов по завершению строительства госпиталя для ветеранов войны. В том, что этот госпиталь сейчас успешно функционирует, большая заслуга Владимира Федоровича.

До конца своей жизни Владимир Федорович Потанин оставался человеком ищущим, честным, преданным своим идеалам. Для всех, кому довелось служить под его руководством, он до сих пор остается Человеком и Офицером. Именно так – с большой буквы.

Григорий ФОМИН

СЕРГЕЙ ЧЕЧУЛИН НА ДОРОГАХ ВОЙНЫ

Наш земляк подполковник милиции в отставке Сергей Яковлевич Чечулин участвовал в одном из жесточайших сражений — в битве на Курской дуге. Совсем юный, ранее почти не выезжавший за пределы области, во время Великой Отечественной войны он повидал мир, переполненный смертями, болью и скорбью. Освобождал от захватчиков Воронеж и Кировоград, правобережную Украину, Молдавию, Венгрию, Чехословакию, Трансильванию. В истребительной противотанковой бригаде он был командиром орудия. Фронтовики знают что это такое — стоять против танков!

Если бы раньше кто-то предсказал ему такую судьбу, он бы не поверил.

Весной 1941 года Сергей в Кургане обучался на летчика и мечтал о полетах, осваивал на практике немудреный У-2. Курсанты большую часть времени проводили на аэродроме. Жили в палатках, находящихя в сотне метров от взлетной полосы. Учились на летчиков с большим желанием, в уверенности, что при случае нападения на нашу Родину врагов, будем сражаться с ними достойно, как это делали наши земляки летчики Герои Советского Союза Григорий Кравченко и Сергей Грицевец, о подвигах которых тогда много писали и рассказывали на политучебке. Лишь изредка, когда организовывалось какое-нибудь культурное мероприятие, выезжали в город.

Правительственное сообщение о начале войны и застало

их в кинотеатре “Прогресс”, где смотрели кинофильм. Страшная весть заставила немедленно выехать на аэродром. А вскоре досрочно стали сдавать выпускные экзамены. После присвоения им звания пилотов пятого класса, ребят отправляли в учебные военные заведения Челябинска и Оренбурга. Сергей Яковлевич Чечулин попал в знаменитую Качинскую военно-авиационную истребительную школу. Там продолжил изучение самолетов – английских истребителей, на которых предстояло воевать с врагом. Но однажды курсантов подняли по тревоге, сменили курсантское обмундирование на армейское и отправили для формирования 14-й истребительной противотанковой бригады, которая готовилась к отправке на фронт.

Жили от боя и до боя, – вспоминает Сергей Яковлевич. – Привезли нас к захваченному немцами Воронежу. В километре от переднего края замаскировались в посадке. Вырыли для орудия огневую позицию. Взяли под прицел дом, где, по данным разведчиков, находился вражеский пулемет, надо было его уничтожить. На исходе ночи я и наводчик выбрались из укрытия и ударили по строению прямой наводкой. Не успели укрыться, как раздались ответные выстрелы немцев.

Мы с наводчиком уцелели. Погиб мальчишка – бывший детдомовец Коля, который увязался за нами. Он стал нашей первой потерей.

Первого января 1943 года начали наступление на Воронеж. Шли двумя группировками – справа и слева. Прорвались к центральным улицам. А потом еще дальше. За день продвинулись на пятнадцать километров. Какой был праздник! Ночью подошли к деревне Россось. Расположились на отдых в хате, но передышка оказалась недолгой. Немцы открыли стрельбу. Я был ранен. Очнулся. Первое, что бросилось в глаза – мои рукавицы, до краев заполненные снегом и кровью. Нас, раненых, отправили в госпиталь.

Подлечившись, попросился на передовую. Стал искать свой полк. Нашел, как говорится, в самом пекле, около Белгорода – накануне битвы на Курской дуге.

Шестого июля 1943 года наша 8-я истребительная противотанковая бригада стала отражать атаки гитлеровцев. Казалось: смешались небо и земля. Стреляли так, что раскален-

ный ствол орудия обжигал руки. Днем и ночью не выходили из боев.

Сергей Яковлевич рассказывал, как остановили немцев, стремившихся соединиться с другими гитлеровскими частями, около деревни Прохоровка, как особо затяжные бои проходили около Днепра. Над рекой постоянно висели вражеские самолеты, не давая им переправиться на указанный им плацдарм. Он, находящийся на правом берегу Днепра, имел важное стратегическое значение. Являлся своеобразным трамплином для наступления наших войск. Поэтому и сосредоточили гитлеровцы на правом берегу реки большое количество танков и артиллерии, готовясь к мощному контрудару.

Сюда бригада, в которой находился Чечулин, вышла одной из первых и форсировала Днепр. За подвиги, совершенные в боях у Днепра, многие воины получили высокие награды. Сергей Яковлевич – орден Красной Звезды, а командир батареи Василий Терентьевич Корнеев – звание Героя Советского Союза. К сожалению, Корнеев погиб на Бородаевском плацдарме.

– К деревне Бородаевка, которая находилась в полутора километрах от Днепра, нас направляли, чтобы мы встретили и уничтожили колонну немецких танков. Прибыли туда ночью. Оборудовали окопы рядом с полем. В потемках показалось, что на нем скошена пшеница. Утром увидели, что посеяны озимые.

Танки показались на рассвете, двигались прямо на нас. Был дан приказ: подпустить их на 600 метров и стрелять. Как только мы открыли огонь, немцы стали стрелять по копнам, видимо, подумали, что стрельба ведется оттуда. Когда убедились, что в копнах никого нет, снаряды полетели в нашу сторону.

Несколько танков мы тогда подбили, остальные повернули обратно. Мне в том бою осколок угодил в лицо. Ребята удивились, как удалось уцелеть, шутили, что родился в рубашке.

Вечером за мной в медсанбат приехали Василий Корнеев и командир орудия Ярошенко. При возвращении на батарею попали под бомбежку. Меня, находящегося вместе с ними, откопали наши бойцы полуживым из воронки. Корнеева и Ярошенко похоронили на берегу Днепра. Так на войне жизнь и смерть ходят рядышком, – сказал Сергей Яковлевич.

Известие о капитуляции Германии застало Чечулина в ста километрах от Праги. Но для него 9 мая мирная жизнь не наступила. Еще несколько дней большая немецкая группировка здесь продолжала яростное сопротивление. И в бригаде, в которой воевал Сергей Яковлевич, погибали бойцы. Лишь тринадцатого мая прекратились бои. Наших солдат определили на расквартирование в город Зруг, неподалеку от столицы. Там и состоялся митинг, посвященный Великой Победе.

Позднее Чечулин еще несколько лет вел борьбу на Украине с бандеровцами.

Домой, в село Первое Сычево Белозерского района, возвратился как раз накануне первого января 1947 года. Предстал перед родней отважный артиллерист с наградами на груди. На его гимнастерке сверкали – медаль “За отвагу”, орден Красной Звезды и знак “Отличный артиллерист”. А потом еще был долгий рассказ о пройденных фронтовых дорогах. Сергею Яковлевичу предложили служить в правоохранительных органах. Он дал согласие. Поступил учиться заочно в Омскую высшую школу милиции. Работал опером, старшим опером уголовного розыска города Кургана, заместителем начальника отделения по оперативной работе и начальником отделения. Пришлось исполнять и другие ответственные руководящие должности. Не раз получал благодарности за труд. Награжден медалями “За безупречную службу” первой и второй степени.

Надежда РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

ПО ПРИКАЗУ СЕРДЦА

Ему было только девятнадцать, когда в поселок Северный Кетовского района долетела горестная весть: фашистская Германия вероломно, без объявления войны, напала на нашу Родину. Многие мужчины, впрочем, и женщины тоже, любой ценой стремились тогда попасть на фронт. Вот как вспоминает о тех днях ветеран органов внутренних дел Алексей Константинович Каргаполов:

– Шел август 1941 года. Началась страда. Я на комбайне “Коммунар” молотил рожь на поле между Круталями и Шмаково, что сейчас лежат на трассе Курган – Куртамыш. День был жаркий. Подъехал водовоз с бочкой. Я остановил агрегат, чтобы набрать холодненькой водицы в лагушку для питья, а тракторист долил воду в радиатор.

И тут с нами поравнялся обоз. Ехала команда мобилизованных на войну мужиков. Среди них были и мои товарищи – механизаторы Шмаковской МТС.

Разве утерпит настоящий хлебороб, чтобы не подойти, если знакомый ему человек хлеб молотит. Подошли ребята ко мне поздороваться, поздравить с началом страды. Часть из них были явно навеселе. Шутили, острили. Слово за слово... Кто-то из них взял да и предложил:

– Поехали, Леха, с нами на войну. Ты ведь у нас ворошиловский стрелок!

– У него бронь. Ему некогда, – откликнулся второй.

– Вот и хорошо, что с бронью, да еще ворошиловский стрелок. От такого немцы на фронте шарахнутся – не догонишь. Поехали. Или слабо?

– Да нет, не слабо. Сейчас вот штурвальному накажу, чтоб молотить продолжал, и поедем.

Через пяток минут я уже сидел на телеге. Ехали в Курган. Парни угостили меня бражкой. Появилась какая-то уверенность, что все будет хорошо.

Районный военкомат в ту пору находился в Кургане на улице Урицкого. Приехали. Мужиков начали вызывать пофамильно, распределять по группам. Когда всех вызвали, очередь дошла и до меня.

– А ты кто такой? Откуда взялся? – спрашивают.

– Каргаполов я, Алексей, комбайнер из Шмаковской МТС. На войну хочу.

Нашли мои документы. А там записано, что “забронирован”. Вызвали к военкому.

– Почему здесь?! – строго спросил он. – У вас бронь, вы должны хлеб убирать, а не здесь околачиваться. Почему оставили рабочее место?! Кто разрешил?! Я сейчас вызову милиционера и отдадим вас под суд за самовольный уход с трудового фронта. Вы дезертир!

Я струхнул. Тогда не только за самовольный уход с работы судили, но даже за опоздание.

– Так я же на фронт хочу, товарищ комиссар...

– Мало ли кто куда захочет. Тебе поручено хлеб молотить. И ты должен быть на хлебном поле, страдовать. Хлеб нужен фронту. Понял?

И тут я увидел жену моего дяди Виталия Каргаполова, сам он работал в уголовном розыске городской милиции, а она – в военкомате.

– Ты что здесь делаешь, Алексей? – спросила она.

– Добровольно хочу на фронт.

– Вон что выдумал. Я вот матери нажалуюсь, она тебе фронт покажет!

Начались переговоры между моим дядей из угрозыска и военкоматом. Закончилось все тем, что меня записали в команду, а вместо меня “забронировали” семейного комбайнера из нашей же МТС.

Лейтенант Плотников построил команду и пешим строем повел нас на Увал, где шло формирование 32-го запасного лыжного полка. На сердце у меня отлегло.

Думаю, небезынтересно сегодня знать, как проходило это формирование. Спали мы кто в палатках, а большинство прямо на земле. Были в гражданской одежде. Начался курс молодого красноармейца: строевая и боевая подготовка, изучение уставов, а затем работы до темноты на рытье землянок, походы на станции Камчиха и Утяк за досками и горбылем... Носили их на собственных плечах, на руках. Выматывались до чертиков. После отбоя только прилег, уже спишь. Едва вроде глаза сомкнул – снова подъем, занятия. Все мечтали: быстрее бы на фронт.

В ноябре уехал на войну первый батальон. Счастливчиков сводили в баню, переодели в военную форму. Люди сразу изменились внешне: подобрались, подтянулись... Рассказываю об этом для того, чтобы сегодняшнее поколение лучше представляло, через какие трудности и невзгоды мы шли, чтобы отстоять свою Родину.

За осень построили землянок-казарм 20 штук. В каждой на трехъярусных нарах размещалось по 250 человек. И клуб у нас был такой же, подземный. Меня, как местного, да еще и механизатора, частенько посылали в соседние деревни к знакомым бригадирам тракторных бригад, чтобы ребята “отделили” хоть немного керосина для освещения наших подземных жилищ.

Мне служба давалась легче, чем многим ребятам. Я действительно был хорошим стрелком и спортсменом.

На фронт мы уехали в начале января 1942 года. После разгрома немцев под Москвой начались наступательные бои Красной Армии. Лыжным батальонам в них придавалась особая роль. Их рассматривали как высокоманевренные боевые единицы. Боевую экипировку и вооружение мы получили в Ярославской области. Наш 149-й лыжный батальон был зачислен в состав Калининского фронта, нас погрузили в эшелон и отправили к месту назначения.

Уже проехали Калинин. Настроение у всех было мрачное. И не оттого, что фронт скоро, а от разрухи, что причинили селениям фашисты. По пути нашего следования – кругом раз-

валины, сгоревшие дотла села, только трубы печей среди закопченных снегов. Закипали ярость и ненависть к захватчикам.

Среди ночи поезд остановился на станции Кувшиново. Выгружались быстро в полной темноте. А затем ускоренным маршем – на позиции севернее города Ржева. Батальону была поставлена задача – выбить гитлеровцев из деревни Мансурово. Она раскинулась вокруг озера. Атаку начали без артподготовки. С лесной опушки лыжники развернутой цепью начали наступление. Броска, как замышлялось, не получилось. Снег оказался глубоким, рыхлым. Немцы обнаружили нас и с чердаков, из укрытий начали плотный автоматный и пулеметный огонь. Мы понесли значительные потери и отступили.

Я вынес тогда из-под огня двух раненых земляков: Валентина Никитина, с которым до войны учились на курсах комбайнеров в Кургане, и Григория Михалева – из Кропаней. Много было убитых.

Настроение после этого у всех нас – подавленное, горькое. Конечно, многого во время подготовки к бою командиры наши не учли: разведки глубокой не сделали, огневые точки немцев не выявили, не подавили. А может быть, и времени у них на это не было. Приказ дали, и выполняй, как хочешь. Теперь, вспоминая те дни, думаешь: какими “зелеными” мы были. Ведь кроме смелости на фронте еще нужно многое знать и уметь, чтобы уцелеть, победить.

Через две недели в составе разведгруппы я ушел за линию фронта, чтобы разведать оборону противника, нанести на карту важные огневые точки, опорные пункты немцев. С задачей мы справились. А кроме этого уничтожили еще группу гитлеровцев, пьянствовавших в лесном доме: окружили их и забросали гранатами. Обошлось для нас это без потерь.

Перед возвращением из-за линии фронта решили передохнуть, обогреться в одной тихонькой деревеньке. Провели наблюдение, а затем вошли. Встретили нас радушно, но, как часто бывает на войне, неожиданно сюда приехали на автомашине немцы, человек двадцать пять. Выхода не было. Мы их атаковали. Но один фашист заскочил в конюшню, открыл огонь и ранил меня. Товарищи его прикончили, а меня забрали с собой: где вели, где несли. Через линию фронта пере-

брались удачно.

Четыре месяца пробыл в госпитале. Был зачислен в команду выздоравливающих. А оттуда направлен на курсы артиллеристов. Подготовку ужали, как только могли. Потому что немцы летом 1942 года начали мощное наступление на южном направлении, рвались к Дону и Волге.

После учебы получил звание сержанта и был зачислен командиром орудия в 135-й отдельный истребительный противотанковый дивизион Сталинградского фронта. Вооружены мы были 45-миллиметровыми пушками. Солдаты метко окрестили их “Прощай, Родина” - потому, что с этими пушками истребители танков находятся в первых рядах наступления и обороны. Почти всегда на прямой наводке. Если немецкий танк вел прицельный огонь по пушкарям на поражение с дистанции 1200 метров, то у наших пушек поражающая сила была в два раза меньше, а губительный огонь против танков метров с 300 – 400. Поэтому приходилось маскироваться, выжидать, чтобы выстрелить наверняка, а гитлеровцы били по нам с дальних дистанций. Стрелять они умели.

В сентябре 1942 года мы подходили к Волге, на переправу в Сталинград. Было очень страшно: горела Волга, горел город, вернее, то, что от него осталось, – руины.

Немецкая авиация беспрерывно бомбила, рвались снаряды и мины – столбы фонтанов на реке то поднимались, то опускались. В это время подошла баржа с тяжелоранеными, эвакуированными женщинами и детьми. Раненые стонали, плакали дети. Это был настоящий ад. Мы помогали людям выгрузиться. Спешили. Потом погрузились сами. За это время несколько раз над Волгой завязывались воздушные бои. У немцев было большое преимущество в самолетах.

Когда до противоположного берега оставалось метров 40 – 60, разорвались два снаряда, и баржа стала тонуть. Кто мог – выплыл, а многие тонули. Я переправлялся командиром орудия в составе 135-го отдельного истребительного противотанкового дивизиона. От нашего дивизиона направили два орудия, мое орудие утонуло, и из семи человек выплыли только трое.

Нас встретил моряк в форме капитан-лейтенанта и поинтересовался, из какой мы части. Услышав мой ответ, сказал:

– Старший сержант, ваши орудия переданы нам, в распоряжение 92-й морской бригады.

Я ответил, что наше орудие – в Волге. Капитан приказал собрать всех солдат и направил нас на защиту элеватора. Нас там было человек 40 – 50, и за две недели сентября мы уничтожили 18 танков, а пехоты – и не сосчитать. Тяжелые были бои. На сталинградской земле круглосуточно стрелял каждый дом. Даже глубоко под землей ощущалось, как от боли она шевелилась, сжималась и стонала. Немцы любой ценой хотели взять элеватор, так как это высокое здание им нужно было для наблюдательного пункта. С его высоты местность просматривалась на четыре – пять километров. В день мы отбивали по пять – семь атак. Но гитлеровцы снова и снова накатывались на нас волной, с еще большей яростью. По элеватору били артиллерия, минометы, били в упор танки.

Здесь было трудно со всем: с оружием и боеприпасами, с питанием и водой. Нещадные обстрелы, нещадная жара, гарь от горевшей нефти на Волге и от миллионов выстрелов и взрывов снарядов и бомб.

Немцы много раз предлагали нам сдаться, забрасывали листовками, уговаривали через радиустановки. Не помню случая, чтобы кто-то “клюнул” на эту агитацию. Наоборот, каждый раз эти увещевания заканчивались интенсивным огнем с нашей стороны, новыми ударами по врагу. На подступах к элеватору густо валялись трупы немецких солдат.

Когда немцы не смогли взять элеватор штурмом, его более двух часов бомбили. Перекрытия были разбиты, лопался бетон, горел хлеб, в этом аду нечем было дышать: пыль и дым забивали легкие, очень хотелось пить, спать.

Только за 23 сентября мы отбили три атаки. Больше держаться уже не могли, многие были убиты, еще больше раненых, кончились боеприпасы. На следующий день мы получили приказ: оставить элеватор. В тот же день меня контузило, я как будто попал в другой мир: не грохотали пушки, стало тихо-тихо. Товарищи отправили меня в медсанбат.

Целый месяц пролежался, после этого немного заикался. Мне сообщили, что мой дивизион за это время пополнился пушками (орудиями), стоял около большой деревни Рассошки. Меня снова отправили туда командиром орудия.

В начале зимы возле деревни Большие Рассошки нам пришлось отбиваться от большого количества танков. Получилось так, что при выборе огневых позиций моя пушка оказалась на 30 метров впереди пехоты на очень хорошей огневой позиции и с блиндажом. Командиры других орудий попали в более худшее положение. На рассвете показались немецкие танки. Мы насчитали 21 боевую машину, и через полчаса эти танки разбили одиннадцать наших орудий. Уцелевшие солдаты приползли на мою боевую позицию, у нас осталась одна пушка, 12 противотанковых ружей и 50 гранат и бутылок с горючей смесью. Через некоторое время танки снова пошли на нас, за ними цепью автоматчики. Мы приняли атаку. Немецкие танки стали обходить нас справа и слева. Пехоту мы отсекали огнем, и она залегла. Начала отстреливаться. В это время подошли наши танки и бросились в атаку, немцы спешно стали отступать. Еще 11 танков пылали на поле боя, и не одна сотня пехоты осталась лежать в сталинградской степи. В этом бою мое орудие подбило два танка, но и само было разбито. Немцы отступили в село Городище.

Второй раз я попал в Сталинград с севера, в районе тракторного завода. Города, конечно, уже не было – одни груды кирпича и железа. И тракторный завод мы также не отдали врагу.

У бойцов-сталинградцев в ходе боев выковалась такая воля к победе, что никому ничего не надо было приказывать, мы самостоятельно действовали так, что никакому врагу было не удержаться в развалинах города. Мы уже стояли насмерть не по приказу командования, а по приказу собственного сердца. И за Волгу бы никогда не отступили. В этом я совершенно убежден.

А 4 февраля 43-го года на площади Павших борцов состоялся митинг в честь нашей победы под Сталинградом...

Командующий 3-й гвардейской армией генерал Дмитрий Данилович Лелюшенко уже после войны вспоминал: “У каждого из нас был свой Мамаев курган. Неважно, где воевал или ранен был солдат – на улицах города или в степи за городом. Важно, что он защищал Сталинград”.

Победа под Сталинградом была очень большим шагом к победе над фашизмом, к миру. Мир был нужен не только ста-

линградцам, а всем народам Европы, всей Земли. И не случайно первая возрожденная из руин улица Сталинграда названа улицей Мира. Небольшая – всего четыре квартала, тихая и уютная, она очень соответствует своему названию. Все здесь зовет к миру, дружбе, общению и взаимному пониманию. С этой улицы начиналось возрождение города, получившего впоследствии достойное звание “Посланец мира”.

В последующие годы войны Алексей Константинович Каргаполов принимал участие в боевых действиях Брянского, Ленинградского и второго Прибалтийского фронтов, еще дважды он был ранен. В родное Зауралье вернулся в конце 1945 года. Начиналась мирная жизнь, но Каргаполов вновь был как на фронте – на переднем крае борьбы с преступностью. Вначале начинал службу старшим оперуполномоченным уголовного розыска, а после окончания Омской школы милиции в 1948 году был назначен на должность начальника учетного стола второго городского отдела милиции города Кургана. За свою долгую милицейскую жизнь был старшим инспектором боевой подготовки отдела службы УВД Курганской области, возглавлял отделение уголовного розыска, был заместителем начальника городского отдела милиции. Имеет много боевых и трудовых наград, массу почетных грамот, ценных подарков, благодарностей.

Вот что еще рассказал Алексей Константинович:

– Боевые дороги водили меня после Сталинграда по многим фронтам, еще так много пришлось испытать и пережить, перенести лишения и утраты. Но путь к Победе я всегда меряю от волжских берегов, считаю себя сталинградцем.

Судьба подарила мне счастье защищать Сталинград, выжить и победить коварнейшего врага, а многие годы спустя побывать на тех огневых местах, увидеть возрожденный из руин красавец-город. И я как личный рапорт бывшего воина-защитника твердыни на Волге привез и сдал в Сталинградский музей 67 почетных грамот и благодарностей за мой достойный труд в послевоенные годы. Уверен: также трудились после войны мои товарищи по боям и походам.

Не раз после войны я бывал в этом городе. Запомнилось празднование 35-й годовщины разгрома гитлеровцев под Сталинградом. Февраль 1978 года. Тогда собралось около тыся-

чи однополчан. Мы возложили венки на Мамаевом кургане, побывали в музее боевой славы, ездили на Солдатское поле, встречались с трудящимися города. Самой большой радостью тогда стала для меня встреча с командиром нашего взвода лейтенантом Студневым, наводчиком моего орудия Сашей Соловьевым, подносчиком снарядов Володей Протодьяконовым, другими ребятами из нашего дивизиона. Выпили по сто граммов гвардейских, всю ночь проговорили, вспоминая о том времени, рассказывая о теперешней своей жизни.

А в 1982 году я ездил в Сталинград один. Обошел те места, где воевал: элеватор, тракторный завод. Побывал на Аллее павших борцов, где четвертого февраля 1943 года среди дымящихся руин проходил митинг победителей.

Моя последняя встреча со Сталинградом была в апреле 1985 года, когда ездил туда с поездом “Фронтвик Зауралья” по случаю 40-летия Победы. Уже меньше моих однополчан было на той встрече: годы!.. Да, проходят годы, но не уйдут из памяти события тех страшных дней, страшных и прекрасных – потому что прекрасны были в своем мужестве наши солдаты.

записал Геннадий УСТЮЖАНИН

* * *

*В семнадцать лет я не гулял по паркам,
В семнадцать лет на танцах не кружил,
В семнадцать лет сигарочным огарком
Я больше, чем любовью, дорожил.*

*В семнадцать лет с измызганным обмотком
Я шел, и бил мне в спину котелок.
И песня измерялась не в куплетах,
А в километрах пройденных дорог.*

Евгений ВИНОКУРОВ

РУССКИЙ ХАРАКТЕР

В управлении охраны общественного порядка хранится “Книга почета”. Далеко не каждое имя отличившегося сотрудника записывается на ее страницы. Как-то перелистывая книгу, обратил внимание на одну из фотографий. Из-под широко раздвинутых бровей на меня смотрели большие спокойные глаза. Над высоким открытым лбом гладко зачесаны прямые густые волосы. На груди – значок “Отличник милиции”. Подпись под снимком: “Капитан милиции Евдокимов Иван Александрович, заместитель начальника Шумихинского районного отдела милиции”.

23 мая 1965 года, в час ночи, в отдел милиции поступило сообщение о краже лошадей в одном из хозяйств. Капитан Евдокимов с оперативной группой выехали по вызову. Исследуя оставленные правонарушителями следы, выяснили, в каком направлении они угнали коней. Поехали по следам. Вскоре увидели группу цыган с лошадьми. Похитители оказали вооруженное сопротивление. Один из цыган выстрелил из ружья. Заряд пробил обшивку автомобиля в нескольких сантиметрах от Евдокимова. Но не испугал сотрудника милиции, бывшего фронтовика, повидавшего на войне всякого. Смелый, находчивый, способный предугадать замыслы противника, Иван Александрович с товарищами обезвредили группу воров.

...В небольшом светлом кабинете Шумихинского РОВД из-

за стола навстречу мне поднялся высокий широкоплечий мужчина в форме майора милиции. Тот же, как и на фотографии, открытый взгляд, такие же черные волосы, только на висках засеребрились едва заметной сединой, мелкой сеточкой от глаз разбежались наметившиеся морщины. Крылатую бровь рассекает небольшой рубец – фронтовая отметина. «Да, нелегка ты, милицейская служба», – подумал про себя, отвечая на крепкое рукопожатие Ивана Александровича.

Но обстоятельно поговорить никак не удавалось: многочисленные посетители то и дело входили в кабинет Евдокимова, и он с извиняющейся улыбкой прерывал нашу беседу. Я видел, как спокойно и деловито Иван Александрович отдавал распоряжения подчиненным, внимательно выслушивал просьбы и жалобы посетителей.

День близился к вечеру. Я немного отвлекся и посмотрел в окно. Неподалеку железная дорога, и через открытую форточку врываются гудки электропоездов, дробный перестук вагонных колес.

– В детстве я мечтал стать машинистом, – тоже посмотрев в окно и, видимо, угадав мои мысли, проговорил Иван Александрович. – Хотелось водить поезда. Да-да, машинистом. И, наверное, стал бы им, но война помешала.

Восемнадцатилетним парнишкой ушел Иван Евдокимов на фронт. Трех сыновей проводила тогда его мать защищать Родину от врага. От старшего осталась лишь “похоронка” – погиб смертью храбрых. Иван чудом остался жив. Пулеметная очередь угодила в живот и руку.

После лечения в госпитале врачи вынесли вердикт: “Годеен к нестроевой”. Вернулся Иван в родную Шумиху. Поначалу определили его инспектором детской комнаты. Часто бывал в школах, беседовал с родителями. Пожалуй, не счесть, сколько ребят встали на правильный путь, благодаря своему добродушному наставнику. Умел молодой инспектор обращаться с детьми, и те вначале робко и неуверенно, но все-таки тянулись к своему воспитателю. Нет, я не ошибся, назвав Евдокимова воспитателем. Не только оружием закона и власти боролся он с детской преступностью, но и душой, по-человечески, тонко и мудро разбирался в судьбах детей, характерах, искал все возможные пути для их исправления. После службы спешил

сам в вечернюю школу: надо было получить среднее образование.

Шло время. Беспокойного инспектора перевели на службу в уголовный розыск. Так, в 1954 году в отделе появился новый старший оперуполномоченный Иван Александрович Евдокимов. Новое дело показалось ему хотя и сложным, но интересным. Он сразу понял, что без помощи общественников в уголовном розыске не обойтись. А потому упор делал на общение с самыми разнообразными людьми. И результат не замедлил сказаться. Иван Александрович стал лучшим оперативником отдела. Даже сейчас, занимая должность заместителя начальника райотдела, Евдокимов часто выезжает в села, беседует с людьми, выступает перед молодежью на собраниях в школах.

Один из “китов”, на котором строится основная работа милиции, – профилактика преступлений. Иван Александрович никогда не забывал о ней. Нередко он приглашал к себе неблагонадежных, так называемых “потенциальных преступников” и беседовал с ними с глазу на глаз. Кому-то помогал действием, кому-то – просто добрым словом, напутствием.

За достойную службу в органах охраны общественного порядка Иван Александрович Евдокимов не раз награжден медалями “За безупречную службу”, “За отличную службу по охране общественного порядка”.

Рабочий день заместителя начальника райотдела милиции насыщен до предела. Но благодаря своей настойчивости и упорству везде успевает Евдокимов. Он – постоянный участник коллективных вылазок за город, культпоходов в кино, вечеров отдыха.

У Ивана Александровича – немалая семья. Четверо детей вырастили они с женой, Александрой Николаевной. Тоня и Зоя, Николай и Сергей – все под стать отцу, рослые, красивые, трудолюбивые, успевают всюду. Им есть с кого брать пример.

Михаил ТРУЩЕНКОВ

Газета “На боевом посту”, 1968 год

КОМАНДИР ЭСКАДРОНА

Василий Федорович Курицин даже не подозревал, что в трудную для Родины годину сможет стать боевым офицером. Родился он в 1912 году в деревне Осеєво Шадринского района. Отец его был знатным на всю округу каменщиком. В начале прошлого века не было в их деревне ни одного дома, в котором бы не стояла печка, сложенная руками Федора Курицина. В 15 лет и Василий освоил отцовскую профессию, вместе с ним клал печи. Мастерски клал.

В ноябре 1934 года Василия призвали в Красную Армию. Служил в 46-м пограничном отряде в городе Ашхабаде. Военскую науку освоил в совершенстве, хоть и нелегка была. Тем более, что горы Таджикистана – это тебе не родные поля и перелески. Здесь за каждым бугорком может неприятель прятаться. Да частенько так и бывало, а потому немало нарушителей границы довелось задерживать Василию Курицину вместе с товарищами за годы службы.

После демобилизации молодого пограничника, имеющего благодарности от командования, охотно взяли на службу в органы НКВД. В 1938 году получил свое первое повышение – переведен начальником охраны участка Окуневской ИТК. А затем в 1940 году вернулся он в родной Шадринск, где и продолжал жить и служить в милиции.

С первых дней войны Василий Федорович Курицин обратился с просьбой – отправить его на фронт. Наконец, 14 сен-

тября 1941 года солдатская теплушка увезла его из родных мест на долгие пять лет. Служить Василий попал в 9-й запасной кавалерийский полк. Держаться в седле ему было не привыкать: как-никак в деревне вырос, еще пацанами гоняли с друзьями лошадей в ночное, скакали так, что пузырями надувались на спинах ситцевые рубашонки. Здесь же, в кавалерии, потребовалось освоить целую науку действий в боевой обстановке как уничтожить врага.

В декабре 1941 года Курицина назначили командиром сабельного взвода. А в феврале 1942 года первые схватки с врагом на Центральном фронте, при этом он показал себя достойным конником и командиром. Уже в октябре Василий Курицин был назначен командиром эскадрона 11-го Гвардейского кавалерийского корпуса Белова. “Эскадрон гусар летучих” под командованием Курицина наводил ужас на фашистов, сеял панику. В жестоком бою в декабре 1942 года Василий Федорович был ранен. От лечения в госпитале отказался. А вскоре его направили на курсы Высшей офицерской Краснознаменной кавалерийской школы в город Москву. В ноябре 1943 года лейтенант Курицин был направлен на Белорусский фронт, опять-таки в должности командира эскадрона.

За отличные боевые действия, исключительную находчивость и отвагу Василий Федорович Курицин имеет пять благодарностей Верховного Главнокомандующего. Награжден: двумя орденами Красного Знамени, орденами Александра Невского, Богдана Хмельницкого, Суворова третьей степени, медалями “За освобождение Варшавы”, “За взятие Берлина”.

А сколько сел и городов довелось освобождать и брать с боями Василию Курицину на своем Вороном? Вот лишь некоторые: Седлец и Минск, Луков и Сохачев, Скерневице и Лович, Лодзь и Кутно, Томашов и Аргенау, Быдгош и Бервальде, Фалькенбург и Драмбург, Лабес и Регенвальд... А в поверженном Берлине расписался на стене рейхстага: “В.Ф.Курицин из Шадринска”.

Он участник парадов Победы – вначале в Берлине, затем в Москве.

В 1946 году Василий Курицин вернулся на старое место службы в город Шадринск. И здесь проявил себя достойно.

Юрий ГАВРИЛОВ

НАША ЮНОСТЬ ОПАЛЕНА ВОЙНОЙ

С этих слов начал беседу ветеран вневедомственной охраны Роман Степанович Сафранков. А было ему в далеком 1941-м неполных 20 лет.

– На службу в Красную Армию я ушел в 1939 году, рядовым в 58-й Корпусной артиллерийский полк. В начале войны стал шофером этого же полка. Мы отступали. Часто натыкались на немецкие авиадесанты, вступали в бой и снова пробирались на восток по лесам, без фронта и тыла, без соседей и поддержки, без приказов сверху. Под Полоцком даже пришлось отражать «психические» атаки, когда фашисты, пьяные, в открытую, во весь рост, шли на наши позиции.

С такими боями мы дошли до Калининской области, осталось считанное количество пушек, а снарядов – по одному на ствол, чтобы только взорвать орудие. Особенно «доставала» нас вражеская авиация. Сначала слышался все нарастающий гул. Потом небо словно оживало. Откуда-то из-за горизонта вылетали «юнкеры». С жутким воем они неслись над землей. И никуда от этой гибели не спрячешься.

Помню, как выходили из окружения. Накануне попрощались с боевыми товарищами, обещали друг другу: кто останется в живых – сообщит родным. Уже знали, что навстречу нам шла 10-я армия. Прорыву предшествовала короткая артподготовка. Перед нами стояла задача: поддерживать передовой отряд прорыва. Тут опять немцы пустили в ход авиацию: земля

под нами будто ходуном заходила. Вдруг я почувствовал режущую боль в ногах. Подумал с досадой: “Ранен!” и... потерял сознание. Меня вынесли товарищи при прорыве.

На этом война для меня по существу закончилась. В Горьком, в госпитале, удалили осколок авиабомбы. Но «подхватил» брюшной тиф. Долечивался в Шадринске, уже в 43-м году.

Из Курганского военкомата, куда пришел Сафранков после возвращения с фронта, его направили водителем на один из местных заводов, делающих снаряды для фронта. Шоферская специальность в те годы была страшно дефицитной, поэтому недостатка в работе не было. С раннего утра до позднего вечера крутил Роман Степанович баранку своей “полупортки”...

– Спустя какое-то время меня вызвали к директору, – вспоминает фронтовик. – Тут же военные сидят. Один говорит: «Товарищ Сафранков, мы вас забираем, в смысле берем на работу в органы внутренних дел. Нам нужны люди закаленные, прошедшие фронт». Так я вновь надел шинель, только уже не солдатскую, а милицейскую. Работал в городском БХСС, затем командиром отделения по охране банков...

Лишь в 1980 году, в 62-летнем возрасте, вышел Роман Степанович на пенсию. Тяжело стало старшине милиции успевать за молодыми ребятами, которых в те годы в органах внутренних дел было уже абсолютное большинство.

– Конечно, очень жаль, что на мою солдатскую долю не досталось ни освобожденных городов, ни победных салютов, – говорит Сафранков. – Я – окруженец 41-го года, о котором долгое время не имели права рассказывать правду. И все же уверен – наша главная Победа закладывалась именно там, на подступах к Москве, когда мы – битые и латаные – заставили гитлеровцев остановиться, когда сорвали план «молниеносной войны»...

Да, необычайно трудно и тяжело возвращаться в прошлое. Но мы это делаем всегда. Ведь прошлое остается с нами. Вот уже 60 лет оно стучится в наши сердца – убеленного войной ветерана и молодого солдата правопорядка, таков закон связи поколений, времен связующая нить.

Юрий КОЛЬЦОВ

газета «На боевом посту»

ШУШАРИНЫ НА ВОЙНЕ... И ДОМА

Большая семья Шушариных проводила на войну четверых мужчин. Первым ушел старший сын Александр – еще в 1940 году его призвали в ряды Красной Армии. Служил в Кремлевской дивизии, когда началась война, написал заявление с просьбой отправить его на фронт. После окончания Люберецкой школы офицеров лейтенант Александр Шушарин был на фронте. Домой пришло несколько писем и – сообщение, что Александр Арсентьевич Шушарин пропал без вести...

В первые дни войны ушел на фронт Арсентий Шушарин – глава семейства. Зимой сорок второго на него пришла похоронка. Порыдала хозяйка дома по мужу, потом оттерла насухо покрасневшие глаза и строго приказала испуганно смотревшим на нее ребятишкам: “Ревя не ревя, а жить как-то надо... Давайте-ка, сынки, за сеном пойдём, корову кормить надо”.

А летом пришло письмо от отца. Мать не знала, реветь ей или радоваться, отправила младшего сына в поле, где работал сын Петр: пусть, мол, срочно бежит домой. Петр повертел письмо в руках, сверил дату его написания с датой похоронки: по всему вышло, что отец живой! Всю войну прошел Арсентий Шушарин. Был четырежды ранен, домой вернулся в августе 1945-го.

В декабре 1942 года пришел черед и Петра. Семнадцати-

летнего парня отправили на учебу в школу снайперов, в город Челябинск. Его военные дороги начались под Уманью, в батарею 76-миллиметровых пушек 8-го стрелкового полка 3-й воздушно-десантной стрелковой дивизии.

– Через полгода службы, – вспоминает Петр Арсентьевич, – нашей 3-й воздушно-десантной стрелковой дивизии было присвоено звание Гвардейской. Нам вручили нагрудные значки, и мы гордо стали именовать себя – Гвардией.

После выздоровления был направлен командиром отделения роты охраны на 2-й Украинский фронт. Через два месяца снова был ранен, на этот раз тяжело. В феврале 1945 года медкомиссией был признан годным к нестроевой. И назначили Шушарина командиром отделения роты пулеметного батальона 370-го запасного стрелкового полка. Служил здесь до октября 1945 года.

После демобилизации Петр Арсентьевич Шушарин работал на военной кафедре Курганского сельскохозяйственного института. Получил в вечерней школе среднее образование, поступил заочно в Курганский педагогический институт, который также успешно окончил.

В августе 1952 года пришел на службу в органы внутренних дел. Почти тридцать лет прослужил он в системе ИТУ: был инспектором, старшим инспектором, начальником спецчасти. В звании майора внутренней службы в 1982 году вышел в отставку.

Надо сказать, что за эти долгие тридцать лет Петр Арсентьевич показывал себя так, что за весь период службы у него в личном деле одни только поощрения. Добросовестный, порядочный, умеющий держать данное слово, принципиальный, честный – только самые добрые эпитеты могут дать Петру Арсентьевичу те, кому довелось служить вместе с ним.

Как ему живется сейчас?

– Да ничего, – смеется Шушарин, – полпенсии вон только на лекарства уходят. А здоровье... Два инфаркта, стенокардия да еще тридцать семь болячек, – шутит он на прощание.

Но старая гвардия не сдается, так ведь, Петр Арсентьевич?

Василий САЛМАНОВ

ПО ДОРОГЕ НА БЕРЛИН

Пожалуй, в милицейских подразделениях УВД Курганской области трудно отыскать человека, который не слышал бы о председателе Совета ветеранов аппарата УВД Григории Михайловиче Фомине. Полковник милиции в отставке, участник Великой Отечественной войны, Григорий Михайлович частый и желанный гость в коллективах и школах, в учебном центре УВД. На этих встречах речь, конечно же, идет о боевой молодости ветерана, о трудных фронтовых дорогах, которыми пришлось прошагать этому человеку.

Предлагаем вашему вниманию рассказ Григория Михайловича о незабываемых днях войны:

– Война началась воскресным днем 22 июня 1941 года. Мне в ту пору было 17 лет. Жил с родителями, сестрами и братом в селе Островное Мишкинского района. Наш дом стоял напротив сельского Совета. Днем 22 июня жители села собрались к единственному радиорепродуктору – большой черной тарелке, висевшей на столбе у сельсовета: ждали важного правительственного сообщения. То, что мы услышали, потрясло: на огромном протяжении немецкие войска перешли границу Советского Союза и ведут наступление. Страна в опасности. Объявлена мобилизация.

Уже на следующий день поехали наши мужчины в военкомат с твердой верой, что уж с их-то помощью война закончит-

ся быстро. В числе их был и мой отец...

Как и все мои сверстники, я написал заявление в военкомат с просьбой взять на фронт добровольцем. Но еще долгий год пришлось учиться в школе. До занятий мы прибегали к огромной карте, висящей в коридоре, и разглядывали красные флажки, все ближе и ближе передвигающиеся к Уралу, — наши отступали... В село одна за другой приходили “похоронки”.

На следующий день после сдачи школьных экзаменов нас — восемь одноклассников, призвали в армию. Прибыли мы в Тюмень, в военно-пехотное училище.

Война у каждого фронтовика сделала незабываемые зарубки в сердце и памяти. Они — о друзьях и о боях. Их много. Обо всем не расскажешь.

Первый мой бой забыть невозможно. Было это в июле 1943-го на Северном Донце. До этого — почти три месяца изнуряющих тренировок. Миномет — орудие тяжелое, сил и выносливости немало требует. К тому же — чтобы подготовить его к бою, нужно окоп в считанные минуты вырыть. Тонны земли перебросать. И вот он, бой. Вначале — два часа артподготовки. Я зарядил более ста мин. Ствол миномета раскалился... Грохот, гарь. Ад да и только. Потом на какое-то время наступила тишина. И тут же немцы ударили по нашим позициям. Я, честно говоря, испугался. Бросился на землю... А командир расчета грозно: “Куда? Не было команды — в окоп!” Да еще и по шее дал.

Целый месяц шли тяжелые бои. Июль, жара. Немцы предпринимали по четыре-пять атак в день, бомбили почти беспрестанно. Кругом валялись трупы погибших людей, лошадей. Кровь была всюду густками, а в ливни растворялась в воде и слоем покрывала землю... Наконец началось наступление. Немцев погнало.

Помню в начале марта 1944 года, прорвав оборону немцев на реке Ингулец, во взаимодействии с кавалерийским корпусом генерала Плиева, части нашего соединения с боями двигались в направлении городов Явкино, Новая Одесса. Дороги, по которым двигалась артиллерия, повозки, люди, представляли собой непролазное месиво грязи. Но, несмотря ни на что, все двигались на запад. Перед нами была река Ингул.

Батальон капитана Степаненко с ходу форсировал эту преграду и занял на правом берегу реки поселок Кашперовку.

Мы с командиром отделения разведки Борисом Яковлевым, связистом Горелкиным получили задачу быть вместе с комбатом и исполнять все его приказы, ожидая подхода главных сил соединения.

Немцы не предпринимали активных действий. Но на второй день с утра “Юнкерсы” один за другим с воем пикировали и бомбили наши позиции. Потом в атаку пошла пехота. Но каждый раз их атаки захлебывались. Огонь нашей батареи и других артиллерийских подразделений из-за Ингула помогали сдерживать натиск немцев. Однако к концу дня они нас потеснили.

Мы заняли оборону в овраге, находившемся сразу же за поселком. Но немцы предпринимает снова атаку. Идут цепью, стреляя на ходу. И когда до наших позиций осталось 15-20 метров, командир батальона скомандовал: “В атаку!”.

С возгласом: “За Родину! За Сталина!” все, кто находился в овраге, бросились вперед. Завязался страшный рукопашный бой. Немцы не ожидали такого натиска и начали отступать. Командир батальона, как заговоренный, был неуязвим, он личным примером вдохновлял солдат. В этом бою я получил пулевое ранение в шею.

Мы вновь заняли северную часть Кашперовки. С наступлением сумерек немцы прекратили атаки. Наши подразделения основных сил начали переправляться на западный берег реки Ингул. Был наведен понтонный мост. Масса войск двинулись на запад, на освобождение Одессы.

Помню, с каким душевным ликованием мы переходили границу гитлеровской Германии 30 января 1945 года. Наша часть наступала в направлении на Кюстрин. Вошли в первое немецкое селение. Ни души! Все побросали жители и ушли с войсками. В стойлах добротных кирпичных построек ревут не поеные и не доеные коровы. Были у нас во взводе бойцы, что умели доить коров. Они по-хозяйски взялись за дело.

Подобная картина встретила нас и в другом селе. Правда, одну пожилую женщину мы обнаружили в домике. Остановились на ночлег, приготовили ужин, пригласили отужинать и хозяйку. Она была просто изумлена. Долго смотрела на наше-

го командира Ивана Ивановича Арбацкого, а потом, немножко осмелев, стала щупать у него волосы чуть выше лба: искала рога: так представляла нас немецкому народу геббельсовская пропаганда.

Навсегда остались в памяти бои на Кюстринском плацдарме, за Одером. До Берлина оставалось 69 километров. Об этом все знали, так как на перекрестках дорог, на обычных столбах было написано “До Берлина 69 км. Дойдем до Берлина!” Позднее появились плакаты, на которых улыбочивый солдат надевал сапоги, а внизу призыв “Дойдем до Берлина!”. И в этом мы не сомневались, хотя шли тяжелые бои.

15 апреля 1945 года вечером появились листовки, в которых говорилось о начале Берлинской операции, о последнем рывке, о том, что враг будет разбит в его логове – Берлине. Все в сердце как-то сжалось. Появилось чувство радости, что все скоро будет кончено, наступит мир. Появилось и другое чувство – чувство настороженности, опасности. Но каждый верил, что все обойдется.

Всю ночь с 15 на 16 апреля через наши огневые позиции к переднему краю двигались автоприцепы с зачехленными орудиями. И только позднее, когда началась артподготовка, мы узнали, что это были мощные прожекторы. Все, что было на плацдарме, как бы затаилось, ощетинилось стволами орудий разных калибров. Мы с командиром батареи капитаном Арбацким были на наблюдательном пункте. Связисты постоянно проверяли связь. Сон не шел. Какая-то тревога заполнила все тело. И ждали.

В 3 часа утра небо озарилось всполохами. Это началась артиллерийская подготовка. Тысячи орудий, минометов “Андрюш” и “Катюш” обрушили всю огневую мощь по переднему краю врага. Включены были мощные прожекторы, которые ослепили немцев. В течение 20 минут на переднем крае и в глубине обороны противника бушевал огненный смерч. Все утонуло в черном дыму.

Впереди нашего НП поднялась пехота, она устремилась за огненным валом в траншеи противника. Началось наступление. С ходу была взята первая траншея, в рукопашной схватке уничтожены сопротивляющиеся немцы во второй траншее. Но немцы очухались, пришли в себя, ощетинились. По наступ-

пающим нашим частям били из орудий и минометов. Столбы взрывов говорили, что артиллерия их еще жива.

В упорном бою был взят опорный пункт немцев в Заксандорфе. Отделению разведчиков батареи было приказано задача: двигаться за пехотой, держать связь с командиром стрелкового батальона и по его требованию корректировать огонь батареи. К вечеру мы вышли к Зееловским высотам.

У их подножия скопились все: пехота, танки, самоходные орудия, наблюдатели-артиллеристы. С ходу Зееловские высоты взять не удалось. Все началось на следующий день. Но и этот день не принес успеха. Немцы упорно сопротивлялись.

Разведчики вечером притащили пленного. На допросе он заявил, что высоты нам не взять. Действительно, это был “крепкий орешек”. Высоты круто, градусов под тридцать пять, поднимались среди болотистой местности. И под таким крутым углом нужно было взбираться метров 200-250. Но гитлеровец уповал не на это. Он сказал, что вместе с немцами здесь засели власовцы, а им терять нечего, они будут драться до последнего патрона.

Это особенно разъярило наших бойцов. Утром 18 апреля после артиллерийской подготовки начался плотный и стремительный штурм.

Бойцы нашего полка с красными флагами карабкались по крутым укрепленным склонам. Если кто-либо из таких знаменосцев погибал, флаг сразу же подхватывали другие руки. Отступать перед предателями Родины никто не хотел, психологически просто не мог. Сколько мужества, героизма было проявлено моими однополчанами! Сопротивление врага было сломлено, дорога на Берлин открыта! Все пошло, поехало!

В Берлин, его юго-восточную часть, мы вошли 24 апреля 1945 года, поздно вечером. Батарея остановилась во дворе какого-то медицинского учреждения. Немцев не было. Командира батареи вызвали в штаб, была поставлена задача наступать в направлении имперской канцелярии и рейхстага, огнем поддерживать стрелковые подразделения.

Немцы сделали все, чтобы отстоять свою цитадель. На перекрестках улиц завалы, бронеколпаки и другие железобетонные сооружения, подготовленные для ведения огня. Первые этажи многоэтажных зданий тоже оборудованы для про-

тиводействия наступающим подразделениям.

Тактика боевых действий наших пехотных подразделений в Берлине сводилась к тому, что действовали не всем подразделением, а группами по 5–10 человек, которые наносили быстрые, внезапные удары по фашистам, выбивая их из зданий.

В основном действовали орудия сорокапятки, 76- и 85-миллиметровые орудия и танки, которые выдвигались на прямую наводку, но иногда командиры батальонов, полка давали команду дать “огонька” по скоплениям немцев во дворах, на площадях и в зданиях. Мы с НП передавали это на батарею, и батарея старалась бить точно по означенной цели. Бои шли днем и ночью.

К 30 апреля мы вышли на исходные позиции – к центру Берлина. Батарея оборудовала свои огневые позиции в зоологическом саду, это примерно около 1200–1500 метров от имперской канцелярии и рейхстага.

Впереди, метрах в 300 от батареи, находилось круглое, диаметром 18-20 метров, здание, высотой примерно в два этажа. Это был бункер. Особой опасности он не представлял, но и передвигаться тоже не давал. Из бойниц этого бункера немцы вели огонь из крупнокалиберного пулемета, зенитных установок.

Было принято решение взять этот бункер. Батарея 152-миллиметровых пушек, которая окопалась в этом же саду, дали команду пробить брешь в этом здании, а группе полковой разведки, усиленной за счет лишнего состава батареи, как только обозначился пролом, ворваться в бункер и уничтожить немцев. В составе этой группы из нашей батареи были и мы с Борисом Яковлевым. Всего в группе было 20 человек.

Командир группы поставил задачу как действовать. После того, как образовался пролом, первая группа, после атаки гранатами, бросилась в него, вслед за ней ворвались и мы. Немцы не оказали сопротивления. Они были оглушены во время стрельбы по стенам этого бункера. Это было 1 мая.

А вечером массово немцы начали сдаваться. В окнах зданий, на балконах были выброшены белые флаги.

На следующий день командир разведотделения Борис Яковлев предложил нам сходить к Бранденбургским воротам.

Примерно часов в 12 дня мы двинулись. Минут через 30 мы уже наблюдали, как наши солдаты лезли вверх, на ворота, и оттуда кричали все, что придет в голову. До рейхстага было метров пятьсот, и мы двинулись туда. Площадь была заполнена солдатами. Кто-то танцует, кто-то кричит, что он поставил точку в войне. Мы же подошли к тем, кто рисовал на стенах рейхстага. Стены все исцарапаны, исписаны, изранены осколками. Места чистого нет. Но мы нашли узкую ленточку и нацарапали первые буквы своих фамилий, имен и отчеств.

Надо было возвращаться, мы быстро пошли в свое расположение. Во второй половине дня 2 мая батарея оставила свои позиции и двинулась к новому месту сосредоточения, уже за пределами Берлина. Вдруг, из окна многоэтажного здания, раздался выстрел из фаустпатрона. Снаряд попал в машину, где была походная кухня. Повар, рядовой Дмитриев, который прошел с боями от Сталинграда до Берлина, был ранен семнадцатью осколками в живот и умер на руках батарейцев. Я и сейчас помню, как он плакал от боли и обиды, что дошел до Берлина, а домой вернуться – не суждено.

Так для меня закончилась война, которая длилась целых четыре года. Это только сказать! А пройти через этот ад?!

Кстати, о бункерах. Говорили, что были построены вокруг рейхстага и Имперской канцелярии. Представляли собой железобетонные сооружения в 5 этажей, три из которых – под землей, приспособленные для проживания в изоляции в течение года. Бункеры были оборудованы собственным освещением, набором продуктов, питьевой водой – всем необходимым для жизни. Немцы хотели отсидеться, но ничего не вышло. И ни у кого и никогда не получится. Возмездие наступит.

Григорий Михайлович в 1957 году, в связи с сокращением Вооруженных Сил, был уволен в запас. Работал в партийных и советских органах Мишкинского района. В марте 1969 года обкомом КПСС направлен на работу в органы внутренних дел города Кургана. Григорий Михайлович был вначале старшим инструктором отдела политико-воспитательной работы, затем секретарем парткома УВД. Его и сегодня знают и достойно чтут сослуживцы.

записал Геннадий УСТЮЖАНИН

С ДОСТОИНСТВОМ И ЧЕСТЬЮ

Тот страшный день 22 июня 1941 года Александр Чесноков запомнил на всю жизнь. Их, колхозников села Житниково, собрали у конторы колхоза, чтобы прослушать важное правительственное сообщение. Когда на притихшую деревенскую улицу упали чеканные слова: “Сегодня в четыре часа утра вероломно, без объявления войны германские войска напали на нашу страну...”. Уходящих на войну до околицы провожали всем селом. Рыдали женщины, а мужья обещали разгромить врага и вернуться домой к уборке урожая.

А потом в селе получили первые “похоронки”. И снова горе и слезы.

Пришел черед идти на войну и девятнадцатилетнему Александру. Он уезжал из отцовского дома 15 октября 1941 года. Думал, что ненадолго, но вернуться пришлось лишь в январе 1947-го. Его солдатские пути-дороги начались с Увала, где был сформирован 32-й запасной лыжный полк. Прошел здесь подготовку в учебной роте, получил звание младшего сержанта.

А через три месяца Чесноков уже воевал в составе 245-го отдельного лыжного батальона Северо-Западного фронта. Воины-лыжники всегда были там, где требовалась стремительная атака, не дающая возможности противнику подтянуть большие силы, хорошо подготовиться к ее отражению. Молниеносность и стремительность, плюс боевая выучка – вот основные составляющие успехов лыжных ударных батальонов.

В марте 1942-го младший сержант Чесноков был ранен в грудь и правое плечо, лечился в госпитале Челябинска. Родные приехали повидаться. За те пять месяцев, что не виделись, с Александром произошли разительные перемены. Это был уже закаленный в боях солдат, познавший горечь утраты боевых друзей, видевший огонь и смерть.

А в ноябре 1942 года из Челябинска младший сержант Чесноков был направлен в 4-й Гвардейский Сталинградский моторкорпус, в 13-ю мотобригаду. В ее составе Александр Степанович участвовал в разгроме немецких войск под Сталинградом, в освобождении Северного Кавказа и Донбасса.

В конце октября 1943-го снова был ранен, лечился в нескольких госпиталях три месяца. А потом... Чеснокову дали отпуск на целых 45 суток, для поправки здоровья. Ходил Александр по родным житниковским улочкам, встречался с односельчанами, горевал о тех, кто уже никогда не вернется с полей сражений, на кого в село пришли извещения с горькими словами: "Погиб смертью храбрых..."

И снова Александр Степанович возвратился на войну и дошел до Победы. Демобилизовался Чесноков в январе 1947 года. Работал в селе Житниково, потом в Кургане. В 1949 году был принят в органы внутренних дел, где достойно служил людям более 25 лет.

Вот такая жизненная дорога у Александра Степановича Чеснокова – трудная, но прекрасная. Он с честью выдержал все испытания и остался добрым, чутким и внимательным, работоспособным и беззаветно преданным делу фронтовиком.

Юрий ГАВРИЛОВ

У ЖИЗНИ НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ

С первых дней самостоятельной жизни Павел Кожухов тянулся к знаниям, к решению очень важных государственных дел. Боевой, энергичный, задорный, он был всегда среди подростков, и те признавали его добрым товарищем и вожакom, стремились к нему.

В девятнадцать лет он уже был коммунистом и назначен заместителем секретаря Барнаульского горкома ВЛКСМ. Ему всюду хотелось успеть, все, как говорится, потрогать собственными руками. Через год он поступил в Иркутский институт советского государства и права, а вечерами работал токарем на паровозоремонтном заводе.

В 1937 году партия направила Кожухова инструктором по пропаганде в Западно-Сибирский крайком ВЛКСМ. Павел Николаевич увлеченно взялся за дело, часто выступал перед молодежью, умел разъяснять и убеждать. Вскоре его назначили преподавателем на областные партийные курсы, а затем инструктором в Новосибирский обком ВКП(б). Он брался за дела с желанием, ни от чего не отказывался. Его не смущали трудности – он научился их преодолевать, а недостающие знания пополнять, постоянно работая над собой самостоятельно.

С первых дней Великой Отечественной войны Павел Николаевич снова там, где трудно. Был направлен секретарем партийного бюро в 190-й запасной полк Северо-Западного

фронта, затем определен старшим инструктором политотдела 23-й стрелковой дивизии Северо-Западного фронта, позднее его назначают военным комиссаром. Армии нужны были люди идейно убежденные, политически грамотные, способные воодушевить солдат и поднять их в решительную минуту на врага. Одним из таких людей и был Павел Николаевич Кожухов. Все годы войны он руководил политотделами различных воинских подразделений Северо-Западного, а затем Второго Украинского фронтов.

В начале лета 1945 года дивизия, в которой служил Павел Николаевич, из Германии в срочном порядке была переброшена на Дальний Восток, в Приморский край и принимала участие в завершении разгрома Квантунской армии Японии.

Отремела война. Требовалось восстанавливать разрушенное ею народное хозяйство, перестроить промышленность, четыре года работавшую на вооружение, на гражданский лад. Требовались люди слова и дела, настоящие патриоты Отечества. И снова звучит команда: «Коммунисты, вперед!» И коммунист Кожухов, избранный первым секретарем Октябрьского райкома партии города Новосибирска, мобилизует людей на ударный труд во имя Родины. Его политические и организаторские способности были замечены. Кожухова направили на учебу в Высшую партийную школу при ЦК КПСС. Окончив ее, Павел Николаевич получил назначение в Курганскую область. Здесь его избрали вторым секретарем горкома партии. На этом посту он проявил себя умелым и зрелым организатором и был выдвинут на работу заведующим отделом административных и торгово-финансовых органов обкома партии. И на этом посту оказывал конкретную, практическую помощь многим руководителям этих органов в решении различных вопросов, проявлял настойчивость и принципиальность в интересах дела.

Конец 50-х и начало 60-х годов советское правительство стало уделять больше внимания работе органов внутренних дел. Потребовалось укрепить ряды сотрудников милиции добросовестными, честными людьми, умелыми организаторами. Вводится текст Присяги, управлениям внутренних дел вручаются Красные знамена.

В марте 1958 года Павел Николаевич Кожухов, по направ-

лению обкома КПСС, был назначен заместителем начальника управления внутренних дел Курганской области. С первых дней новой службы показал себя умелым руководителем и воспитателем, способным повести за собой большой коллектив сотрудников. Быстро вошел в курс многосложной работы и вскоре был назначен начальником управления.

Большое внимание Павел Николаевич всегда уделял подбору и воспитанию кадров. При нем была скомплектована группа политработников, которая осуществляла контроль за соблюдением законности и служебной дисциплины. Эти вопросы все чаще стали обсуждаться на заседаниях коллегий и служебных совещаниях. Принятые меры позволили значительно укрепить органы внутренних дел, активизировать деятельность по раскрытию преступлений, значительно сократить случаи нарушения законности.

Активизировалась деятельность народных дружин, внештатных сотрудников милиции. Общие усилия, направленные на борьбу с преступностью и нарушениями общественного порядка, помогли укрепить правопорядок в области и увеличить процент раскрываемых преступлений. Улучшение в работе милиции подняло авторитет сотрудников органов внутренних дел у населения. Укрепились связи милиции с трудовыми коллективами, принимались совместные меры по сохранности социалистической собственности. Да и сами трудовые коллективы помогали в работе ОВД, направляя в ряды сотрудников милиции наиболее авторитетных своих работников.

За успехи в работе органов внутренних дел области Павел Николаевич Кожухов Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 ноября 1967 года был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

В марте 1971 года, в возрасте 60 лет, Павел Николаевич по состоянию здоровья ушел в отставку. Но не прервал связи с коллективом, постоянно встречался с молодыми сотрудниками, проводил большую работу по воспитанию истинных патриотов.

20 ноября 1993 года Павел Николаевич Кожухов ушел из жизни. Проводить в последний путь ветерана пришли сотни людей и товарищей по службе, которые долгое время трудились под его руководством, учились жизни.

За активную жизненную позицию, большой вклад в прибли-

жении Победы, развитие экономики страны Павел Николаевич Кожухов награжден четырьмя орденами Отечественной войны, медалями “За оборону Ленинграда”, “За взятие Вены”, “За взятие Будапешта”, “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг», «За победу над Японией», «За освоение целинных земель”, “За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина”.

Павел Николаевич всю свою жизнь был там, где было особенно трудно, обладал особым даром организатора и идейного вдохновителя. Его слушали люди, за ним шли. Про таких, как он, поэт Борис Слуцкий написал точные и трепетные строки:

*Я говорил от имени России,
Ее уполномочен правотой,
Чтоб излагать с достойной полнотой
Ее приказов формулы простые.
Я был политработником. Три года –
Сорок второй и два еще потом.
Политработа – трудная работа.
Работали ее таким путем:
Стою перед шеренгами неплотными,
Рассеянными час назад в бою,
Перед голодными, перед холодными,
Голодный и холодный. Так! Стою.
Им хлеб не выдан, им патрон недодан.
Который день поспать им не дают.
И я напоминаю им про Родину.
Молчат. Поют. И в новый бой идут.*

Юрий ГАВРИЛОВ

МАЛЬЧИШКОЙ УШЕЛ ВОЕВАТЬ

У самого синего в мире моря родился Олег Петрович Каманский. Первые десять лет жизни пролетели счастливо: рядом мама и отец, друзья-мальчишки, чудные крымские сады, плодами которых питались все лето сорванцы...

Но в июне 41-го все резко изменилось. Поредели крымские села и города – мужчины ушли на фронт, кто-то сумел эвакуироваться за Урал. Но гитлеровцы наступали все дальше. Вот уже и Крым был сдан врагу. Зазвучала в родной Васильевке чужая речь – отрывистая, хлесткая.

Отец мальчишки Петр Каманский был назначен политруком истребительного партизанского отряда, действовавшего в Крыму. Вместе с ним ушли в партизаны жена Алевтина и сын Олег. Не щи да кашу варить определил Петр жену. Вместе с 12-летним Олегом стала она “глазами и ушами” отряда. Бродили под видом нищих по каменистым крымским дорогам и селениям мать и сын Каманские, собирали сведения о противнике, которые потом передавали за линию фронта.

Нашлись предатели. И немцам донесли, кто руководит истребительным отрядом, кто помогает партизанам в их борьбе. За голову Петра Каманского фашистами было объявлено вознаграждение в 30 тысяч марок. Всюду рыскали ищейки-полицейские, которые старались угодить новым хозяевам.

Даже в это время, когда велика была опасность, что их кто-то опознает, мать и сын Каманские постоянно выходили на

разведку. Их любили и уважали партизаны, жители сел, в которых они бывали, помогали собирать сведения о фашистах.

И все же 14 января 1944 года фашисты арестовали Алевтину Яковлевну и Олега. Их привезли в Васильевку, стали добиваться, чтобы рассказали, где скрывается истребительный отряд. На глазах у матери издевались над сыном и наоборот. Почти три месяца ежедневных побоев в застенках гестапо. Еле шевеля распухшими от побоев, запекшимися от крови губами, они упрямо твердили, что ничего не знают о партизанах...

Что пережил в это время Петр Каманский – не знает никто.

После страшных пыток Алевтина Яковлевна была расстреляна. Олегу – удалось сбежать. Пробрался он в отряд к отцу, который уже и не чаял встретиться.

В мае 1944 года Красная Армия освободила Крым. Но Петр Каманский погиб при освобождении родного края.

За участие в партизанских делах Олег Каманский в 12 лет был награжден медалью “За боевые заслуги”. А центральную улицу села Васильевка называли именем его матери Алевтины Каманской...

После освобождения родных мест, как ни рвался мальчишка на фронт вместе с войсками, его направили учиться в железнодорожное училище. Окончив его, работал в Донбассе помощником машиниста. Потом служил в армии, с 1963 года по направлению Советского райкома партии города Челябинска Олег Петрович перешел на службу в органы внутренних дел на транспорте. Спустя восемь лет Олег Петрович Каманский возглавил линейный отдел милиции станции Курган.

Сумел создать крепкий коллектив, способный выполнять поставленные задачи только на “отлично”. Не жалея себя, Олег Петрович все силы отдавал работе, был в курсе любого дела, которым занимались его подчиненные.

В 1976 году по состоянию здоровья он был вынужден уйти на пенсию, а в 1994 году его не стало...

Всю свою сознательную жизнь Олег Петрович Каманский боролся за справедливость, за счастье и благополучие людей, за торжество и порядок в родном доме. И люди помнят об этом.

Юрий ГАВРИЛОВ

ВСЕМ СМЕРТЯМ НАЗЛО...

Накануне войны семья Михаила Гавриловича Сосновского переехала из села Утятского Притобольного района, где родился и вырос Миша, в Челябинск. Окончив школу, Михаил пошел работать электрообмотчиком на цинковом заводе, затем стал бригадиром строительного-монтажного управления Челябинского электродного завода.

Выданная горвоенкоматом «бронь» надежно охраняла парня от войны. Но разве мог он, как и тысячи его сверстников, отсиживаться в тылу? И Сосновский подал заявление – добровольцем отправить его на фронт. В мае 1942 года его направили на учебу в артиллерийское училище №1. В августе 1943 года младший лейтенант Сосновский был уже командиром огневого взвода в 78-м гвардейском отдельном истребительно-противотанковом дивизионе 7-й армии Второго Украинского фронта. В составе этого соединения участвовал в освобождении Украины, Молдавии, Румынии, разгроме Яссо-Кишиневской группировки немцев.

– Свой боевой путь начал в Днепропетровской области, в городе Пятихатки. В первую же ночь попал под бомбежку, – рассказывает Михаил Гаврилович. – Отсюда начали наступать в сторону Кировограда. Отразили несколько мощных танковых атак противника.

В одном из боев в моем взводе был контужен наводчик пушки. Встал на его место. Немецкий танк идет прямо на по-

зицию. Подпустил его метров на 100-120, выстрелил, перебил гусеницу. Танк развернуло, он начал поворачивать башню. Вторым выстрелом удалось башню заклинить. Но в ходе боя я не заметил, как прорвавшийся с фланга танк идет прямо на мое орудие. Услышав крик ребят, повернул голову, а танк – вот он! Я едва успел спрыгнуть в ровик наводчика. Танк подмял пушку и развернулся на ней. Я был засыпан землей. Когда танк сошел с пушки, ребята забросали его гранатами и бутылками с горючей смесью. Затем оттащили раздавленную пушку и откопали меня. Вот такое получилось боевое «крещение».

С боями мы дошли до Кировограда. Встретились там с партизанской армией прославленного Ковпака. Затем форсировали Южный Буг. На плотях, под обстрелом переправили пушки на другой берег. Недалеко от берега рядом с нашим плотом разорвалась мина. Плот накренился, и наша пушка оказалась на дне. Но мы ее все-таки вытащили.

Позже пришлось форсировать реки Днестр, Прут... Вошли на территорию Румынии, участвовали в окружении Яссо-Кишиневского плацдарма немцев.

В июне 1944 года был тяжело ранен в голову. Санитары, которые после боя собирали погибших и раненых, сочли меня убитым. Несколько часов пролежал в одной куче с погибшими. Когда могила была готова, погибших стали опускать в нее. И тут медсестра полка случайно заметила, как шевельнулись пальцы у «трупа». Когда внимательно осмотрели, оказалось: действительно, жив! Потерял много крови, находится в бессознательном состоянии.

Было очень тяжелое ранение в голову. На густых волосах кровь запеклась в виде шапочки, и от этого кровопотеря прекратилась в то время, пока еще ждал своей очереди на «захоронение». Так я оказался в госпитале города Тульчин Винницкой области. А домой, на Урал, полетело горестное письмо от бойцов взвода, которыми командовал: «Погиб смертью храбрых, похоронен в братской могиле...»

Получив письмо, мама долго плакала, но продолжала ждать. Ее материнское ожидание спасло жизнь всем трем сыновьям, которые ушли на фронт и вернулись обратно ранеными, но живыми. Мама постоянно твердила: «Миша жив, не

погиб... Он ранен, ему плохо, но он живой!”

Так было и на самом деле. Восемнадцать дней Михаил Гаврилович не приходил в сознание. А когда, наконец, пришел в себя, то долгое время ничего не видел, не слышал, не мог говорить. Левая половина туловища была полностью парализована. По излечении, конечно, был признан инвалидом. Так, на костылях, и вернулся домой – туда, где не верили в его смерть, где продолжали ждать.

Едва окреп, пошел работать электриком на Челябинский хлебозавод, затем в артель инвалидов “20 лет Октября” ретушером портретного цеха. Лечение продолжил. Там же, в Челябинске, судьба столкнула его с пожилой женщиной-врачом. Она-то и строго наказала Михаилу: “Никого не слушай, пусть тебе все запрещают делать, а ты все равно тренируй свое тело. Для тебя движение – это жизнь”. До сих пор благодарен ей Михаил Гаврилович за добрый совет, ведь благодаря ему Сосновский смог победить тяжелую болезнь. Стал Михаил заниматься спортом, обливаться холодной водой. Потихоньку парализованные рука и нога стали шевелиться, смог ходить без костылей.

В 1948 году переехал с дочкой в Курган, начал работать рентгенлаборантом в Курганском областном противотуберкулезном диспансере. А в январе 1955-го перешел в поликлинику медицинского отдела УВД, где работал рентгенлаборантом до 10 мая 1995 года – до ухода на пенсию – больше сорока лет.

Самые добрые воспоминания остались о Сосновском в этом коллективе. У него были поистине золотые руки, он мог отремонтировать буквально любой медицинский прибор, и если в каком-то кабинете случалась поломка, бежали, не дожидаясь мастера, за Михаилом Гавриловичем. И он всегда приходил на помощь.

... Раз в году, в День Победы, надевает Михаил Гаврилович Сосновский парадный костюм. На его лацканах поблескивают ордена Отечественной войны I степени, Красной Звезды, многие медали. Всем смертям назло живет на Земле вот уже девятый десяток лет этот человек – тот, которого едва-едва не похоронили в братской могиле под Яссами.

Григорий ФОМИН

ВОЕВАЛ В ВОЗДУХЕ И НА ЗЕМЛЕ

Военная карьера для Ивана Федоровича Кремлева началась задолго до 1941 года. Как все мальчишки 30-х годов, впервые увидевшие в синем небе самолеты, он грезил сесть за штурвал такой «птицы». Поэтому после окончания в 1931 году Шадринского педагогического техникума он поступил в Оренбургскую военную школу летчиков. Быстро промелькнули годы учебы, и в 1937 году молодой выпускник школы летчиков начал службу в 49-м истребительном полку Ленинградского военного округа.

В конце 1939 года началась война с белофиннами, и летчик Кремлев принимал участие в боевых действиях. Неоднократно выполнял задания командования по фоторазведке укреплений противника. Неоднократно его обстреливали, но он провел прицельную фотосъемку, на которой запечатлены были все укрепсооружения. За выполнение этого задания летчик Кремлев был награжден орденом Красной Звезды.

Подобные задания ему приходилось выполнять не один раз. Однажды такой вылет ему едва не стоил жизни. В марте 1940 года было дано задание установить местонахождение зенитной батареи белофиннов, которая причиняла немало хлопот нашей авиации. Изучая местность на низкой высоте он почувствовал резкую боль в правом боку и увидел развороченное взрывом правое крыло самолета. Хлынувшая из раны кровь быстро начала заполнять летный комбинезон. Уйдя

из-под обстрела, Иван Федорович резко развернул самолет в сторону родного аэродрома. Как посадил самолет, он не помнит. Очнулся уже в санчасти. После выздоровления вновь продолжил службу в своем 49-м истребительном полку. За четыре месяца боевых действий Иван Федорович Кремлев сделал около ста боевых вылетов.

Известие о начале Великой Отечественной войны летчиков 49-го истребительного застало в городе Двинске, где в то время находился полк. Почти сразу же начались бои с немецкой авиацией. Вскоре изрядно поредевший полк был переброшен в тыл для пополнения.

А Иван Федорович Кремлев, как опытный воздушный боец, был направлен старшим преподавателем в школу летчиков №8 в город Кинель-Черкассы Куйбышевской области, где учил молодых летчиков боевому мастерству.

Он хорошо помнит их: безусых, длинноногих, задорных мальчишек, прибывающих на обучение в школу. Несколько месяцев подготовки – и каждого из них ждали боевые вылеты, жаркие схватки с врагом. Не сосчитать, скольких парней научили преподаватели школы тактике и стратегии ведения боя с неприятелем, учили выживать и побеждать в той нелегкой священной войне.

В ноябре 1946 года закончилась для Кремлева воинская служба. Началась другая – по защите законности и правопорядка. До 1951 года служил он в должности следователя управления КГБ по Курганской области. Затем был начальником отдела дознания УВД Курганской области. Показал себя добросовестным, принципиальным сотрудником и замечательным руководителем, организатором. На его счету успешное расследование многочисленных сложных и громких преступлений.

Парадный мундир Ивана Федоровича украшали ордена Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны первой степени, медали “За боевые заслуги”.

В 1967 году подполковник милиции Кремлев вышел в отставку по болезни. Но долгое время Иван Федорович был желанным гостем в коллективе, встречался с сотрудниками и слушателями учебного центра, рассказывал о своей службе, о трудных военных годах, передавал свой ценнейший опыт.

Юрий ГАВРИЛОВ

ПОСЛАНЕЦ ПАРТИЗАНСКОГО КРАЯ

Добрую половину своей жизни Федор Иванович Крылов провел на Смоленщине. Здесь в 1905 году он родился, здесь прошли его детство и юность. Трудное это было время. В 1915 году в возрасте десяти лет Федора мобилизовали в царскую армию на рытье окопов, но вскоре он попал в плен к немцам, и его угнали в Германию. 16-летним подростком вернулся из плена и сразу активно стал участвовать в становлении и развитии родного края. Вот вехи его трудовой биографии: секретарь волостного комитета комсомола, секретарь сельской партийной ячейки, инструктор и член бюро уездного комитета комсомола, заместитель директора машинно-транспортной станции по политчасти, секретарь областного комитета партии по пропаганде.

Когда фашисты пришли в 1941 году на родную землю, обком ВКП(б) направил Крылова в штаб партизанского движения в качестве руководителя группы по пропаганде, а затем начальником отдела по информации.

Он был одним из организаторов партизанского подполья в южных и западных районах Смоленской области. Активно вел политмассовую работу среди партизан и населения области, захваченной врагом. Федор Иванович постоянно находился в самых горячих и опасных местах вражеского тыла, работал в штабах партизанских отрядов и бригад, был непосредственно связан с партизанским полком имени Сергея Лазо, с 5-й

Зоргинской партизанской бригадой. На “большую землю” он возвращался только по вызовам для отчетов и для получения новых заданий. Затем снова самолет доставлял его в тыл врага, и он снова доносил правду о войне до партизан и населения, укрепляя их дух, вселяя надежду на скорую победу над врагом.

Он постоянно изучал формы и методы фашистской пропаганды и умело вел контрпропаганду. После соединения партизан с действующей армией Федор Иванович поддерживал связь с бывшими партизанами, встречался с ними. Вел большую работу по сбору материалов о смоленском подполье.

Как бы ни было трудно, Крылов всю жизнь учил других и учился сам. С отличием окончил первую Московскую высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу, учился в аграрном институте красной профессуры, получил диплом с отличием об окончании Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б).

В 1944 году Центральный Комитет партии направил его на работу в Курганский обком ВКП(б) в качестве секретаря обкома. Федор Иванович сразу же активно включился в бурную жизнь зауральских трудовых коллективов. Область только что была создана, на территории работало немало эвакуированных из центральной части России заводов. Фронту нужны были снаряды, мины, оружие, хлеб, чтобы добить фашистов в их логове. Рассиживаться в рабочем кабинете новому секретарю было некогда. Пришлось мотаться из коллектива в коллектив, из района в район, нельзя было расслабляться. Спали в те годы лишь по 4-5 часов в сутки.

В успешном завершении войны есть большой вклад и тружеников тыла. “Все для фронта, все для Победы!” – это был не рядовой лозунг, это был смысл жизни всех коллективов и каждого человека в отдельности.

После войны немало сил было положено для возрождения на новом, более высоком уровне оборонной промышленности, жилищного строительства, параллельно велось освоение целинных и залежных земель. Молодежь рвалась на трудовой фронт, и нужно было правильно направлять ее усилия и получать необходимую отдачу. Федор Иванович, как комиссар, был всегда на острие этих трудовых атак.

После смерти Сталина попали под амнистию и вышли на

свободу сотни закоренелых преступников, которые, быстро освоившись в новой обстановке, резко ухудшили криминогенную обстановку в стране. Милиции нужны были новые, опытные кадры. И Центральный Комитет КПСС принял решение о кадровом укреплении органов внутренних дел, о наведении порядка в стране.

В феврале 1956 года по решению Курганского обкома партии Федор Иванович Крылов был назначен начальником Управления внутренних дел по Курганской области. С присущей ему энергией принялся Крылов за новое, доселе неведомое ему дело. Однако все чаще и чаще беспокоят его полученные в войну раны, начало сдавать сердце. Это и принудило Федора Ивановича в 1959 году выйти в отставку по состоянию здоровья. Недолго пробыл он на пенсии, в 1962 году полковник органов внутренних дел Крылов скончался.

Вся жизнь без остатка была отдана своему народу, своей многострадальной Родине. Вместе они боролись с врагом, вместе переживали просчеты и поражения, и торжество Великой Победы. Федор Иванович Крылов был верным сыном своего Отечества и безгранично преданный делу человек.

Юрий ГАВРИЛОВ

* * *

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО

21 ноября 1943 года

Несколько партизанских отрядов, действующих в Полесской области, за три дня с 8 по 11 ноября взорвали 7 немецких воинских эшелонов. В результате крушений уничтожено 5 паровозов и свыше 40 вагонов с военной техникой и материалами. Убито и ранено до 150 гитлеровцев, охранявших эти эшелоны.

Отряд полесских партизан, действующий на одном участке шоссейной магистрали, подорвал на минах 3 танка и 25 немецких автомашин. Совершая непрерывные нападения на немцев из засад, советские патриоты нанесли противнику большие потери в живой силе.

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ВАКУЛИЧ

Константин Михайлович Вакулич родился за тысячи километров от Зауралья – в Белоруссии, в 1917 году.

Находясь на службе в частях Красной Армии, в 1939 году принимал участие в освобождении от панского владычества Западной Белоруссии. Вернувшись, поступил на работу в органы внутренних дел. После учебы на курсах подготовки милицеейских работников в Минске был направлен участковым инспектором в город Пинск, позднее – в Кострому. Начинаящий участковый зарекомендовал себя – раскрывал преступления, пользовался уважением у населения.

С началом Великой Отечественной войны служебные обязанности участкового Вакулича резко переменялись. В составе милицеейских отрядов участвовал в боях с захватчиками. Части с боями отступали в Ленинградском направлении. Осенью 1941-го кольцо вокруг города Ленина сомкнулось...

Константин Михайлович был направлен для работы в блокадный Ленинград. Нелегкая это была служба. Ежедневные налеты вражеской авиации требовали от милиционероов особой бдительности. Город горел. В сентябре от бомбежки сгорели Бадаевские склады, на которых хранились продукты питания. Еще в начале сентября норма выдачи хлеба на человека составляла 300 граммов, после пожара складов норма уменьшена до 200 граммов...

Город готовился к тому, чтобы на улицах отражать атаки

фашистов. Строились заграждения, баррикады.

В ноябре в городе не стало электричества, замолкла телефонная связь, радио. Норма хлеба на служащего к этому времени составляла 125 граммов. Но Константин Михайлович Вакулич, несмотря ни на что, продолжал добросовестно исполнять свои обязанности. Приходилось ему охранять сгоревшие Бадаевские склады, так как население от голода стремилось туда в надежде наскрести горелой земли, в которой, по слухам, встречается мука. От этого в городе появилась дизентерия, лекарств не хватало, люди, и без того обессиленные голодом, умирали.

900 дней блокады находился на своем посту Константин Михайлович Вакулич. Еле переставляя от голода ноги, он все равно выполнял свою работу так, как это должен был делать сотрудник милиции. И когда в январе 1943 года кольцо блокады было наконец-то разорвано и в город начало поступать продовольствие, силы Константина Михайловича оказались на исходе.

Больного, изможденного эвакуировали его в Курган. Но едва окреп стойкий Вакулич, как тут же вышел на работу – был вначале милиционером, участковым инспектором, потом старшим оперуполномоченным уголовного розыска.

Здесь, в уголовном розыске, нашел он главное дело своей жизни. Про оперативников порой говорят: “Опер от бога”. Эти слова с полным правом можно отнести и к Константину Михайловичу Вакуличу. За десятилетия работы в уголовном розыске он раскрыл огромное количество самых различных преступлений, имевших большой общественный резонанс. За что был награжден – орденом Ленина. Есть у Константина Михайловича Вакулича и награды боевые – орден Отечественной войны 2-й степени, медали “За оборону Ленинграда”, “За боевые заслуги”.

А скольких начинающих оперов обучил он самой главной в милиции профессии – сотрудника уголовного розыска. Он всегда гордился тем, что работал в УР. Как теперь его ученики гордятся тем, что их наставником в деле сыска был сам Вакулич.

Таким запомнили его в милиции: добрым, спокойным, умным собеседником, любящим хорошую шутку-прибаутку, в трудную минуту всегда спешащим на помощь товарищу. Его жизнь – это пример беззаветного служения любимому делу, любимой Отчизне.

Надежда РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

В БОЯХ У ВОЛЖСКОЙ ТВЕРДЫНИ

Николай Михайлович Камшилов, после окончания семи классов курганской школы № 14, выбрал для себя самую мирную профессию – быть учителем, сеять в детские души “разумное, доброе, вечное”. И в 1940 году поступил учиться в Курганское педагогическое училище. Грозное лето 1941-го перечеркнуло все надежды. Курганское училище расформировали, и Камшилов продолжил обучение в Куртамышском педучилище.

– В январе сорок второго мы, комсомольцы, собрали собрание и постановили: идем на фронт добровольцами. И буквально через несколько дней нас отправили в 32-й лыжный полк, который формировался на Увале.

Правда, Камшилову не довелось служить в этом полку. Уже в марте он был направлен на учебу в город Тюмень, в военно-пехотное училище. Учился в пулеметной роте на командира стрелкового взвода. Учиться предстояло полгода, но обстановка на фронте была настолько тяжелой, что после пяти месяцев учебы курсантов отправили в Златоуст, где формировалась 97-я отдельная стрелковая бригада, в состав которой и вошли курсанты из Тюмени. В сентябре 1942-го бригаду срочно перебросили под Сталинград.

– Немцы ожесточенно бомбили город и окрестности. Все вокруг горело, – рассказывает Николай Михайлович. – На правый берег нас перевозили моряки на баржах: приказали нам

раздеться, оставили одни лишь кальсоны. Это на случай, если бомба угодит в баржу, так чтобы легче было выплыть. В общем, хоть голый, но чтоб перебрался. Но пронесло, прыгать в воду не пришлось, хотя кругом Волга кипела от взрывов.

Переправились, пришли в Бекетовку, а оттуда – на передовую. Оборону заняли у высоты 145,5, которая носила название Лысая гора, окопались.

Немцы постоянно “угощали” нас не только бомбами и снарядами, но и издевательскими листовками: “Рус, готовь полотенце и мыло, будем в Волге купать!” А еще для острастки сбрасывали с самолетов бочки с дырками. Летит такая бочка – шум, вой, не у каждого нервы выдержат.

Наступило 28 октября – день нашего первого боя. Накануне мы почти все написали заявления: “Прошу принять меня в партию, а если не вернусь – считать коммунистом”.

И вот наша контратака: впереди моряки-добровольцы с Дальнего Востока, а мы из своих “максимов” поддерживаем их огнем... Отшвырнули наступавших фрицев.

В обороне царил один для всех закон: “Ни шагу назад. За Волгой для нас земли нет. Победа или смерти!”. Так держали мы оборону до 19 ноября 1942 года. В тот день, в 7 часов 30 минут утра, Красная Армия перешла в контрнаступление. Первыми ударили “катюши”, а за ними остальные батареи. Больше часа бушевал артиллерийский смерч страшной силы, сокрушая оборону противника... Вот с тех пор день 19 ноября и стал Днем ракетных войск и артиллерии называться.

В декабре, кажется, числа двадцатого, я с расчетом пулемета “максим” был в боевом охранении. Немцы нас обнаружили и открыли минометный огонь. Нас было трое. В живых остался я один, правда, меня ранило в левое плечо и оглушило. Когда очнулся и пришел к командиру роты, там медсестра вынула осколок и велела идти в медсанчасть. Но мы тогда считали позором даже с ранением уходить с передовой, я отказался. Выручил командир роты, оставив при себе связным, а перевязки медсестра сделала. Так до конца декабря и пробыл я связным.

Мне в ту пору часто приходилось бывать в траншеях, оставленных отступающими немцами. А у них буквально бушевала эпидемия брюшного тифа. Вот я и подцепил его. Лечил-

ся до февраля 1943-го. А после мне для поправки дали отпуск на 30 суток. Побывал дома в Шкодино.

Там, конечно, радость была неопишуемая, когда я появился. Все село в гостях перебивало. Каждый стремился узнать, не встретил ли где на фронтах земляков: чьего-то мужа, сына, брата... Мама смотрела и все никак поверить не могла, что я рядом с ней, что живой, что уже не прежний мальчишка, а взрослый, повидавший немало на войне мужчина.

После отпуска направили меня в Чебаркуль, где формировался полк артиллерийской дивизии резерва Главного командования. Мне присвоили звание сержанта и назначили командиром отделения взвода разведки дивизиона.

И снова – на фронт: Смоленск, Полоцк, Шауляй. Под Шауляем был тяжело ранен в ногу. И начались скитания по госпиталям – Паневежис, Витебск, Вычуга. В последних числах декабря 1944 года война для меня закончилась – выписали из госпиталя инвалидом второй группы. После этого еще два года ходил на костылях.

Война близилась к концу, когда Камшилов вернулся в Курган. Горсобес направил молодого инвалида на курсы бухгалтеров, затем Николай Михайлович окончил техникум, институт.

Более двадцати лет Николай Михайлович служил в органах внутренних дел. Сначала в ИТК-1, потом его перевели в отдел исправительных трудовых учреждений, где и работал до выхода на пенсию.

Подполковник внутренней службы Николай Михайлович Камшилов награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями “За отвагу”, “За оборону Сталинграда”, “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.”. Он часто встречается с молодежью, рассказывает о боевом пути, который ему довелось пройти в далекой, трудной, но прекрасной юности.

Василий САЛМАНОВ

В ПУЛЕМЕТНОЙ РОТЕ

Незадолго до войны Сибгагт Насруллаевич Каримов окончил Маргеланский педагогический техникум и решил учиться дальше, поступил в Ферганский педагогический институт. Но его планы перечеркнула война. Студента Каримова в начале 1942 года призвали в армию и направили во Фрунзенское общевоинское военное училище.

– Из нас готовили командиров пулеметных взводов, – рассказывает Каримов. – Досрочно присвоили лейтенантские звания, погрузили в эшелон товарного поезда и отправили на Сталинградский фронт.

Август 1942 года Сибгагт Каримов встретил в должности командира пулеметного взвода в 886-м стрелковом полку 298-й стрелковой дивизии, которая входила в состав 4-й танковой армии.

– Был самый разгар ожесточенных боев за Сталинград, – вспоминает Сибгагт Насруллаевич. – Противник значительно превосходил нас в численности, в танках, авиации. Прибывшие из резерва 62-я, 64-я и наша 4-я танковая армии прямо с ходу вступили в бой.

Мы держали оборону северо-западнее Сталинграда. Нашу пулеметную роту часто перебрасывали с одного участка на другой, где ожидалось наступление врага или своих войск. Конечно, все было: отступление под натиском превосходящего нас противника и ответные атаки наших войск. Важные уча-

стки, позиции, высоты то и дело переходили из рук в руки.

Как-то на нашем участке фронта несколько дней случилось затишье. Немцы лишь изредка постреливали из пулеметов, минометов. Мы догадывались: готовят наступление. В штаб полка вызвали командиров на совет. Туда пошли наш старшина роты и я, чтобы договориться о получении новых пулеметов, боеприпасов. Командиры после инструктажа сразу же вернулись в часть, а мы со старшиной возвращались уже вечером, когда стемнело. Двигались сторожко по своей тропинке. И вдруг впереди заметили человека с большой сумкой на спине. В руках он держал какую-то связку, похожую на гранаты. Осторожно приблизившись, видим – немец. Сбили его с ног, связали руки, забрали оружие и привели к командиру роты.

Оказалось, немец с товарищем ходили за продуктами. Возвращаясь в темноте, потеряли тропинку и друг друга. В вещмешке у пленного действительно были продукты и баклажки с вином. Немец рассказал, что перед рассветом начнется наступление. Для этого их роту снабдили гранатами, минами и боеприпасами. Вот такой “язычок” попался, разговорчивый...

Пленного доставили в штаб дивизии. Вскоре оттуда пришел приказ. «Время до утра использовать для подготовки – подтянуть резервы, расставить на позиции пулеметы, минометы, другое вооружение. В случае атаки – появившихся немцев подпустить на близкое расстояние, встретить перекрестным огнем из всех видов оружия и самим – атаковать, овладеть высотой.

Этот план с помощью соседнего полка нам удалось осуществить! С высоты немцев выгнали и закрепились сами для дальнейшего наступления.

А в ноябре 1942 года во время наступления я был тяжело ранен в ноги. Шесть месяцев лечился в Саратове. Домой вернулся в апреле 1943 года инвалидом.

Сибатат Насруллаевич работал военруком в средней школе. В феврале 1946 года был направлен на службу в органы КГБ, где служил восемь лет, потом перешел на службу в милицию, а в 1956 году – в подразделение исправительно-трудовой системы УВД Курганской области. 22 года прослужил он в этом подразделении, был на различных должностях оперативного начальствующего состава. Последнее место его служ-

бы – начальник оперативной части ИТК-1, которому отдал 15 лет жизни.

Каримов пользовался в коллективе заслуженным уважением. Это был принципиальный, требовательный, исполнительный сотрудник. Он всегда мог выслушать подчиненного, помочь ему в решении проблем, умел каждый свой приказ отдать так, что не требовалось его повторять дважды.

В отставку Каримов вышел в 1987 году. Но он по-прежнему приходит по первому зову на любые встречи.

На его парадном мундире два ордена Отечественной войны 1-й степени, орден “Знак Почета”, медали “За отвагу”, “За оборону Сталинграда”, “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.”, “За безупречную службу” всех трех степеней.

Вот такой он – бывший фронтовик.

Юрий ГАВРИЛОВ

* * *

*А было под Волховом синим –
В крови поднимался рассвет,
Завязшие танки в трясины
И черные ленты ракет.
Болота, болота, болота,
За каждую кочку бои,
И молча в отчаянных ротах –
Друзья умирают мои.
Ползут по кровавому следу,
По черному снегу полки,
Лишь веруя сердцем в победу
Рассудку уже вопреки...*

Сергей ОРЛОВ

УМЕЛ БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ

Мне так и не удалось увидеть Алексея Алексеевича Кокшарова, майора внутренней службы в отставке, – удивительного, беспокойного человека, который родился в марте 1915 года и был очевидцем многих исторических событий. Утром договорились с ним о встрече по поводу подготовки журналистского материала, а за несколько часов до этого момента его не стало. Что он хотел сказать, когда попросил дочь Любовь достать китель с наградами – это навсегда останется тайной.

Мы разговаривали с Любовью Алексеевной об отце. Она рассказывала тепло и сердечно, и мне показалось, что этот человек ушел из мира сего так тихо и мудро, словно желтый лист неспешно облетел с осеннего дерева в неведомую вечность, принося до последнего дня своего пользу людям. Так я еще раз осознала простые слова – служение Отечеству. И заплакала навзрыд оттого, что так неожиданно, в упор столкнулась с трагедией, в которой ничего нельзя исправить. Кроме одного – написать о нем.

...Жизнь с детства не баловала Алексея Алексеевича. Еще до своего рождения остался без отца, который погиб на первой мировой войне в 1914 году. С ранних лет повседневный, кропотливый труд и нужда сопутствовали Алеше. Во времена революции, гражданской войны, послевоенной разрухи матери Алексея было не легко прокормить детей. Старалась, как

могла, но все равно в доме не хватало хлеба и теплых вещей. Ребятишки по очереди носили единственные валенки. Каждый раз радовались, кому они достанутся, чтобы поиграть в снежки, сбежать в гости к друзьям. Дети умели радоваться малому, потому что в ту пору трудно жилось всем.

ОН РОС ДОБРЫМ И РАБОТЯЩИМ

Так, с ранних лет пройдя через испытания, он вырос добрым и работящим. Окончил шесть классов. Поступил учиться в горное ФЗУ, где получил специальность слесаря-электрика. После этого несколько лет проработал на шахте. А в 1936 году его призвали на службу в Красную Армию.

Молодого новобранца Алексея Кокшарова тогда отправили в полковую школу, находящуюся в Ленинграде. После завершения учебы – в воинскую часть.

Служба Алексею нравилась. Мечтал стать кадровым военным. Старательно готовил себя к этому: занимался спортом, отрабатывал приемы штыкового боя, прыгал с парашютом. Хотел перевестись в десантные войска. В те времена это было мечтой многих его сверстников. Но осуществиться планам помешала война с Финляндией. Она началась в 1939 году. Красной Армии был дан приказ: прорвать линию Маннергейма, которая по тем временам считалась неприступной.

В сильные морозы, с большими потерями воины Красной Армии выполнили приказ: прорвали линию обороны финнов. За участие в этих боях Алексей Алексеевич Кокшаров был награжден орденом Красного Знамени и получил отпуск. Поехал погостить к другу в Петергоф. И... встретил там свою любовь. Нине Алексей тоже понравился. Поэтому, когда у него закончился отпуск, она поехала вместе с ним к новому месту его службы.

НЕЛЕГКИЕ ИСПЫТАНИЯ

Их мирная жизнь продолжалась недолго. Грянула Великая Отечественная война. Семьи военных срочно эвакуировали. Алексей отправил Нину к родственникам в Курган, а сам на Ленинградском фронте командовал взводом, потом – баталь-

оном стрелковой дивизии. Фашисты яростно наступали. Хотели как можно скорее захватить город - колыбель революции – так тогда называли Ленинград. Им казалось, что покорится он – так и капитулирует вся Русь.

Вместе со штабом восьмой армии дивизия, в которой служил Алексей Кокшаров, попала в окружение. На исходе были боеприпасы и питание, но солдаты не падали духом, верили, что прорвутся к своим.

Помощь подоспела вовремя. Вышли из окружения – и снова в бой. Времени для передышки не оказалось, потому что не бывает отдыха на войне. Однажды осколок пробил Кокшарову шинель на спине. В другой раз – срезал клочок волос на голове. В третий – ударил в ногу. Ранение оказалось серьезным. Нogu спасли, залечили рану, но в боевой строй капитан Алексей Кокшаров уже не вернулся. Медицинской комиссией был признан инвалидом второй группы и отправлен в запас.

Приехал к Нине в Курган. Пошел работать в органы внутренних дел, где Кокшарова назначили начальником снабжения колонии №1. Забот было много. В первые послевоенные годы областной центр был похож на большую стройку – возводились заводы, административные здания, первые пятиэтажные жилые дома. И от начальника снабжения зависело не только постоянное обеспечение осужденных продуктами питания и одеждой, но и работой. При участии Алексея Алексеевича велось строительство здания управления внутренних дел области. Причем, по плану. Вовремя поставлялись стройматериалы. Изыскивались на это денежные средства. Здание оказалось добротным и красивым, как и другие дома в областном центре, которые были построены при участии Алексея Алексеевича Кокшарова.

Об Алексее Алексеевиче вспоминают как об удивительном, целеустремленном, трудолюбивом горожанине многие курганцы.

– Его неумный характер, солдатская стойкость и напористость помогали раньше решать немало задач, – рассказывает Василий Алексеевич Салманов. – Кокшаров, придя с фронта, работал там, где требовалось навести порядок. Был принципиальным, ответственным, умным, интересным человеком. Разговаривать с ним о жизни всегда было удовольствием.

НАХОДИЛ СЧАСТЬЕ В ОБЩЕНИИ

Наверное, с той поры привык думать о судьбах других людей, был наставником по службе и жизни, замечательным пропагандистом. Несмотря на преклонный возраст – восемьдесят девять лет – помнил все знаменательные даты, фамилии сослуживцев, мог ярко рассказать о событиях, которые происходили несколько десятков лет назад.

Кокшаров был надежным человеком во всем. Очень любил жизнь, как все счастливые люди, несмотря ни на какие испытания, которые она ему уготовливала. День за днем, узнавая что-то новое о его судьбе, поняла, что жить светло, радостно и открыто – это тоже талант. Он любил общаться с людьми, несмотря на то, что последние годы своей жизни тяжело болел. Был изолирован от общества своей слепотой, но такая в нем наблюдалась жажда общения! Хотел обо всем узнать, сам многое рассказать... Складывалось впечатление, что не мог выговориться полностью. Ветераны войны и труда гордились, что он такой целеустремленный, памятный, жизнерадостный...

Беспокоили Алексея Алексеевича старые раны, утратилось зрение, но он не сломался морально. Стремился быть полезным детям и внукам. Не прерывал контактов с советом ветеранов управления внутренних дел. Гордился тем, что он коммунист, платил партийные взносы до последних дней, – рассказал о нем Василий Алексеевич Салманов.

А я поняла: чтобы так жить – надо уметь быть счастливым человеком. Это высший дар, который пронести через всю жизнь способен не каждый.

Надежда РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

В БОЙ – СО ВЗВОДОМ ШТРАФНИКОВ

Начало войны застало Мишу Тропина в городе Белостоке, в Белоруссии, где он учился в девятом классе. Родился мальчик далеко отсюда, в небольшом селе Тропино Далматовского района Курганской области. Его отец, Андрей Тропин, был кадровым военным. Такова уж жизнь военного, что семье часто приходилось переезжать с одного места службы на другое. Михаил даже не помнил, сколько раз за свои 16 лет приходилось ему менять адреса, школы, искать новых друзей...

Огненное дыхание войны, обжигая все на своем пути, стремительно приближалось к Белостоку. Семьи военных срочно стали эвакуировать. Наскоро попрощавшись с семьей, Андрей Тропин ушел в бой, а его семье предстоял долгий и нелегкий путь за Урал, в город Шадринск. Здесь Михаил устроился работать токарем на заводе.

В августе 1942 года был призван в армию. Новобранца направили в Златоуст, в пулеметное училище. В апреле 1943 года, после окончания училища, младшему лейтенанту Тропину поручили командовать взводом штрафников в 140-й отдельной роте. Это были осужденные, которые за свои преступления были приговорены на сроки от пяти лет лишения свободы и более, но изъявили желание добровольно сменить "места не столь отдаленные" на военные окопы, понимая, что снятие судимости наступит только после боев в составе

штрафных рот и батальонов.

Мужеством, решительностью и стойкостью этих людей можно было только восхищаться. Не верилось, что эти вчерашние заключенные так дерутся за свободу и честь своей земли, своего государства, обошедшегося с ними со всей суровостью. А часто и с жестокостью. Никакие отборные части гитлеровцев не могли сломить упорство и волю этих героев, их стремление к победе.

Взвод штрафников, которым командовал Тропин, нес большие потери. Только за четыре месяца боев, что провел в этой роте младший лейтенант, личный состав обновлялся три раза.

В таком пекле был и Михаил Андреевич, но в августе 1943 года сам оказался ранен и отправлен в медсанбат.

После госпиталя – снова на фронт. В октябре 1943 года под Смоленском получил тяжелое ранение. Вновь – госпиталь, теперь уже три месяца лечился в Загорске. И опять пути-дороги фронтовые. Теперь под Оршу. Отсюда был направлен на курсы усовершенствования офицерского состава в Москву. Это было в марте 1944 года.

Когда в августе того же года двадцатилетний Михаил Тропин получил звание старшего лейтенанта, то был командирован в состав 3-го Белорусского фронта. Шли бои на территории Литвы. Тропина назначили командовать ротой.

На границе Восточной Пруссии был ранен в третий раз. Три месяца лечился, был направлен под Кенигсберг командиром пулеметной роты.

В апреле 1945 года – был ранен в четвертый раз. День Победы встретил в госпитале. Это известие раненые воины, все в бинтах, встретили на “ура!”. Кто-то от радости пел, кто-то плакал, кто-то кричал: “Мама, я живой!”

В ноябре 1946 года Михаил Андреевич демобилизовался из армии и приехал в Шадринск. На груди вчерашнего воина поблескивали ордена Красной Звезды и Отечественной войны 1-й степени, медали “За боевые заслуги”, “За взятие Кенигсберга”, «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.».

Ему предложили службу в милиции – участковым уполномоченным в городе Катайске. Потом служил старшим оперуполномоченным, старшим сыщиком уголовного розыска в

Шадринском городском отделе, старшим уполномоченным уголовного розыска Белозерского районного отдела, следователем УОП по Куртамышскому району...

В апреле 1971 года Михаил Андреевич Тропин назначен начальником отдела вневедомственной охраны УВД Курганской области. В этой должности он прослужил одиннадцать лет. Общий стаж службы в органах внутренних дел у Тroupина составляет более 35 лет.

В связи с болезнью Михаил Андреевич ушел в отставку в звании полковника милиции. Но долгое время еще работал в отделе вневедомственной охраны в должности юрисконсульта, вел большую правовую работу. Кстати сказать, и в мирные будни труд Михаила Андреевича был высоко оценен: приказом министра МВД он награжден знаком "Отличник милиции".

Примечательно и то, что по стопам отца пошли и сыновья: старший сын – полковник милиции Андрей Михайлович – возглавляет отдел организации лицензионно-разрешительной работы и контроля за частной детективной и охранной деятельностью УВД Курганской области; Сергей Михайлович, – подполковник милиции, заместитель начальника отдела вневедомственной охраны при УВД Курганской области. Достойную смену воспитал себе фронтовик Тропин.

Юрий ГАВРИЛОВ

СПОРТ ПОМОГАЛ НА ВОЙНЕ И ПОСЛЕ

Мой отец погиб в первую империалистическую войну, – рассказывает Николай Александрович Тиманов, ветеран Великой Отечественной войны, ветеран правоохранительных органов. – Детей в семье было много, и мне пришлось рано помогать матери. Получил начальное образование и пошел работать в колхоз. Потом был учеником в наборном цехе типографии “Красный Курган”.

В 1936 году призвали в армию. Окончил полковую школу младших командиров и служил в Монголии. После демобилизации поступил на службу в органы внутренних дел Бурятии. Охранял преступников, а потом перевели на охрану пленных немцев в лагерях. В 1942 году нам поручили строительство железной дороги до Сталинграда. Время было тяжелое, приходилось участвовать в поиске диверсантов, ликвидации фашистских десантов, забрасываемых к нам в тыл. Затем был направлен в город Воркуту. Здесь нам поручили ликвидацию большой банды, которая скрывалась в лесах и совершала диверсии на дорогах. В одной из операций меня тяжело контузило.

После войны продолжал служить в органах внутренних дел. Не раз приходилось встречаться с преступниками один на один. Но хорошая физическая подготовка, знание приемов рукопашного боя не раз помогали и выручали в военное и в мирное время в самых сложных ситуациях.

Награжден орденом Красного Знамени, медалями.

– Спорт для меня всегда был необходимым занятием в жизни, – говорит Николай Александрович. – В 30-е годы увлекался стрельбой из малокалиберной винтовки. Участвовал во многих соревнованиях. Получил знак “Ворошиловский стрелок”. Позднее увлекался самбо, каратэ, лыжами, легкой атлетикой. Участвовал в соревнованиях, неоднократно получал призы. В 1982 году, уже давно находясь на пенсии, в соревнованиях по легкой атлетике занял первое место, получил приз – хрустальную вазу. В 1985 году – призовое место в лыжных соревнованиях. В 1988 году во Всесоюзных лыжных соревнованиях ветеранов на дистанции 10 километров получил бронзовую медаль. Это далеко не все мои победы.

Хочу сказать молодым: занимайтесь спортом, тренируйте свое тело и дух. Тогда не будут страшны никакие трудности.

Такой он – Тиманов Николай Александрович. Не косая сажень в плечах, невысокого роста, сухощавый, всегда подтянутый, энергичный, никогда не жалующийся на трудности, любящий спорт, природу, увлекающийся рыбалкой и охотой.

Он не умел делать дело кое-как, всегда в него вкладывал душу. В 70-е годы, находясь на пенсии, решил соткать ковер, на котором была бы отражена родная природа: лес, звери, птицы. Узор рисовал сам, благо и этим бог не обидел. Смас-терил пальцы, и через несколько месяцев ковер был готов. Затем второй ковер, не менее прекрасный. Узнали об этом работники культуры, посмотрели на ковры и стали приглашать на выставки в художественный музей города.

Над своим образованием он тоже работал сам. В 1955 году окончил 8 классов вечерней школы, в 1987 году – центральную школу ГУЛАГа в МВД СССР. Читал книги, рисовал, посещал лекции, он постоянно жил в мире событий области, города и страны.

Юрий ГАВРИЛОВ

ГОРБУНОВЫ

Супруги Горбуновы – Иван Кондратьевич и Валентина Самуиловна живут интересной жизнью, так как сделали счастливый выбор – житейский и профессиональный. Много лет они прослужили в управлении внутренних дел области. По стопам родителей пошел и сын – Владимир Иванович.

Полковник внутренней службы Иван Кондратьевич Горбунов в органах внутренних дел прослужил тридцать лет. 30 января 1950 года пригласили его на службу сотрудники отдела кадров милиции: присмотрелись к нему, когда он приходил к жене, работавшей тогда в спецчасти УВД. Сумели разглядеть и по достоинству оценить в нем завидное постоянство, внимание к окружающим людям, трудолюбие и способность неординарно решать проблемы. Он согласился, и стал оперуполномоченным уголовного розыска, имел к этому времени жизненный и боевой опыт, полученный на фронте.

До сих пор он отчетливо помнит день, когда объявили о начале войны. Весть была невероятно оглушительной и никак не соотносилась с течением времени. В тот день в райцентре Половинное проходила спартакиада. Горбунов отличился на беговой дорожке. Стремительно пробежал дистанцию. Был невероятно счастлив, радовался и за успехи своих знакомых, рассчитывая на веселый праздник, но его прервало приглашение на митинг. А там – объявили о нападении на советскую Родину немецких фашистов.

Спартакиада завершилась раньше запланированного. На-спех вручили призы и грамоты.

Команда спортсменов во главе с Горбуновым ехала в родное село Пищальное, с победой, но без торжества. И дома об их успехах даже не вспоминали. Известие о начале войны пересилило все.

Призыв в армию начался на следующий день. Мужчины уходили на войну. Иван Кондратьевич из Пищального уезжал позже – восьмого сентября 1941 года. Перед отъездом пошел проститься с любимой девушкой, попросил Валентину, чтобы она его ждала. Он обязательно вернется.

Пятерых новобранцев провожало все село. Они попали на учебу в школу авиационных механиков. Закончить ее не удалось. Через два месяца в одну из ночей подняли по тревоге, погрузили в вагоны.

– В товарняках доехали до Звенигорода, – вспоминает Иван Кондратьевич. – Определили в наземные войска.

Находясь на Центральном фронте, защищал Москву. В одном из боев был тяжело ранен. Пролежал в госпитале около пяти месяцев. Дали нестроевую, но домой непустили. Направили в 118-й запасной стрелковый полк. Там снова стал командиром отделения, обучал новобранцев. Потом снова уехал на фронт с молодым пополнением.

Иван Кондратьевич за участие в боях награжден орденом Красной Звезды. День Победы встретил в Польше, в ста километрах от Варшавы.

После демобилизации вернулся в село Половинное. Фронтвику, бывшему спортсмену, поручили возглавить районный Совет физкультуры. А ждавшая его подруга Валентина Самуиловна работала тогда в отделе кадров УВД области. Вскоре сыграли свадьбу. Пожили вместе в райцентре, а через некоторое время решили переехать в Курган. «Жена снова возвратилась в спецчасть УВД. Там и мне предложили службу. Таким образом определился и мой жизненный путь», – вспоминает Иван Кондратьевич Горбунов.

Молодому оперуполномоченному уголовного розыска повезло, попал он к опытному сыщику и тонкой души человеку, Владимиру Ивановичу Луцкому. Тот научил основному – оперативному раскрытию преступлений, работе с общественнос-

тью, сбору нужных сведений, неутомимости в деле.

В этом Ивану Кондратьевичу скоро удалось убедиться. В начале шестидесятых годов летом в деревне Белый Яр произошла кража: была взломана дверь у промтоварного магазина и, по словам продавца, похищено два мешка товара. При первоначальном осмотре места происшествия казалось, что преступники не оставили никаких значимых следов. Но улики пришлось искать недолго. Неподалеку от торговой точки, в кустах, сотрудники милиции обнаружили часть ворованного. Это обнадежило, ведь за ним непременно когда-нибудь придут грабители.

Была устроена засада. Несколько дней вели наблюдение Иван Кондратьевич Горбунов с коллегами. Воры появились через неделю. Тогда милиционеры их окружили и арестовали.

После трех лет работы оперуполномоченного Горбунова направили учиться в столицу – в высшую школу МВД. После ее окончания назначили заместителем начальника уголовного розыска Управления внутренних дел области.

Раскрываемость преступлений в ту пору была высокая: 95 процентов. В 1958 году в Шадринске летом около реки был обнаружен труп девятнадцатилетней девушки с ножевыми ранениями. Вместе с группой коллег Иван Кондратьевич выехал на место происшествия.

– Вспокоен был весь город. О случившемся убийстве говорили на улицах, в магазинах, – рассказывает Иван Кондратьевич. – Но что можно узнать из подобных разговоров? Поэтому стали разбираться, где девушка находилась накануне вечером. Выяснили, что ездила в гости к подруге. Вернее, к знакомой. Разыскали ее. Та, разговаривая, объяснила, что проводила девушку на остановку, она уехала домой на автобусе – на окраину города, в район той самой реки, где, по всей вероятности, и случилась трагедия.

Из-за чего? Через некоторое время это удалось установить. Местные жители подсказали, что, по их мнению, очень подозрительно ведет себя один молодой человек. Узнали его имя, фамилию, решили допросить, но в Шадринске его не нашли. Он скрылся. Продолжили поиски. И обнаружили его в лесохозе. Уехал туда на работу. Его привезли в отдел милиции, допросили. Парень сознался, что действительно познакомился с

той девушкой вечером в автобусе. Стал приставать к ней. Она не ответила взаимностью. И тогда, озверев от отказа и от выпитого до этого спиртного, он достал нож...

– Преступника арестовали. Судили, приговорили к двадцати годам лишения свободы, – вспоминает Иван Кондратьевич.

Другое тяжкое преступление произошло в ту пору в Кургане. В Северном поселке, около складов, находящихся неподалеку от железной дороги, был убит участковый инспектор. Удар, видимо, определивший исход событий, был нанесен тупым предметом в голову. Оружие у инспектора отсутствовало.

Группой из шести человек стали искать преступников, выяснять мотивы содеянного. Всегда о многом рассказывает место происшествия. Поэтому попытались узнать о том, зачем к складам пришел участковый, кто из его знакомых мог здесь находиться. Так узнали, что ему в работе постоянно помогала общественность. И тут трудились двое его помощников. Один из них ранее привлекался к уголовной ответственности. По подозрению в убийстве и задержали этих молодых людей. Допросили. Тот, что не судим, признался, что они с другом убили сотрудника милиции. До этого не раз оказывали помощь участковому инспектору в раскрытии происшествий. Их внимание на этот раз привлек его служебный пистолет. Решили его заполнить. Для этого и пошли на убийство.

В тот день ничего не подозревающий милиционер пришел на встречу со своими информаторами, не ведая, что место встречи станет местом его гибели.

Иван Кондратьевич – хозяин гостеприимный, угостил ароматным чаем, рассказал о своих родителях и семье. Он считает себя счастливым человеком. Счастлив от того, что с женой воспитали сына, который тоже в прошлом много лет работал в милиции, что сделала верный выбор в жизни внучка Галина, что подрастает правнук Артем.

У Ивана Кондратьевича на праздничном кителе блистают ордена Красной Звезды и Отечественной войны второй степени, многие медали. Он еще и замечательно играет на баяне, когда за праздничным столом собираются родственники. Особенно любит: “Жди солдата”, “Катюша”, “Старый клен” и многие вальсы. Вот и при нашей встрече и беседе он взял в

руки баян, и слышалась мелодия знакомого вальса. Сначала тихая и робкая, как шелест листвы в майском саду, а потом все более звонкая, волнующая и такая родная.

Баян стал семейной реликвией, как и многие фотографии в семейных альбомах. На них в основном – коллеги его и жены. Валентина Самуиловна, проработав в спецчасти, потом стала начальником областного адресного бюро, позднее – старшим инспектором спецчасти ЛТП-1. Оттуда и ушла на заслуженный отдых. Ее труд тоже не раз отмечался почетными грамотами и благодарностями.

Сын Владимир Иванович начинал службу в линейном отделе милиции. Был сопровождающим самолетов рейса Курган–Сочи. Потом трудился в ИТУ, старшим инспектором ЛТП-1. Затем начальником ЛТП-2. В звании подполковника внутренней службы ушел на заслуженный отдых. Позднее работал на разных административных должностях в Курганском аэропорту. А в настоящее время занимается в Курганском госуниверситете материально-техническим обеспечением.

Такова династия Горбуновых. Их жизнь – замечательный пример для других. Для тех, кто желает быть счастливым.

Надежда РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

СЕМЬ РАНЕНИЙ В ОДНОМ БОЮ

К началу войны 20-летний Николай Привезенцев имел уже почти четырехлетний трудовой стаж. Семья была немаленькая, младших братьев и сестер надо было кормить и обувать, чтобы тоже смогли получить образование. Поэтому, закончив восемь классов Петуховской средней школы, устроился Николай лаборантом в местное “Заготзерно”. Зная об его увлечении спортом, хороших знаниях военного дела, которым интересовался еще со школьных лет, Привезенцева вскоре пригласили работать военруком в школу, потом в техникум механизации и электрификации сельского хозяйства.

В январе 1942 года его призвали в ряды Красной Армии. Воевал пулеметчиком 165-й стрелковой дивизии, а затем командовал взводом.

В одном из боев в июне 1943 года Николай Васильевич был ранен. Почти четыре месяца пробыл в госпитале.

Как опытного командира, не раз побывавшего в трудных ситуациях, его направили на Волховский фронт.

Только один пример из тех далеких боев о многом может рассказать читателю. Взвод лейтенанта Привезенцева в дзоте охранял подступы к Ленинграду. Фашисты напирали. Бойцы Привезенцева проявляли образцы мужества. Фронтовая газета рассказала об этом бое: “Бойцы во главе с лейтенантом Привезенцевым встретили гитлеровцев дружным огнем. Маленький гарнизон дзота противостоял трем десяткам огол-

тельных бандитов. Одна атака следовала за другой, и каждая из них разбивалась о стойкость советских богатырей. Были тяжелые минуты, когда вражеские солдаты подбирались почти вплотную к взводу, тогда бойцы пускали в ход гранаты, и гитлеровцы снова отступали. Лейтенант Привезенцев, несмотря на семь ранений, полученных в этом бою, вдохновлял бойцов своим хладнокровием и мужеством”.

Таких боев и таких атак во фронтовой жизни Николая Васильевича Привезенцева было немало.

В свое родное, далекое Петухово вернулся Николай в феврале 1946-го. Снова, как и до войны, начал трудиться военником в техникуме. Почти два года обучал студентов военному делу, которое постигал на практике, во время нелегких боев. Затаив дыхание, слушали мальчишки фронтовые рассказы Привезенцева. Авторитетом он для всех был непререкаемым.

Всегда подтянутый, строгий, собранный фронтовик привлек к себе внимание. И два года спустя его пригласили работать в милицию. Так в мае 1948 года в Петуховском ОВД появился новый участковый уполномоченный.

С присущей ему упорностью принялся Николай Васильевич основательно штудировать специальную литературу, законы, служебные инструкции. По вечерам обучался в средней школе, потом прошел курсы переподготовки. Целеустремленность вкупе с приобретенными знаниями вскоре позволили ему стать старшим участковым уполномоченным.

Вот выдержки из служебной характеристики Привезенцева: “По службе дисциплинирован и исполнитель, проявляет интерес к оперативно-следственной работе, выступает перед населением с беседами. Находчив, решителен, способен доводить начатое дело до конца. Вызывает уважение у населения района и сослуживцев”. Эти положительные качества способствовали тому, что Николая Васильевича перевели оперуполномоченным БХСС, а затем назначили старшим опером.

За годы работы в милиции ему довелось раскрыть немало очень сложных преступлений. Не случайно в его послужном списке очень часто встречаются такие формулировки: “за хорошие показатели в работе”, “за умелое раскрытие уголовного преступления”, “за добросовестную и безупречную службу”...

Годы бегут, и их не остановишь. В мае 1975 года Николай Васильевич Привезенцев по возрасту ушел в отставку. Но не забыли его в родном отделе внутренних дел. Еще много лет в самых сложных и запутанных ситуациях обращались к нему за помощью молодые сотрудники, и не было случая, чтобы он кому-то отказал, а вовремя данный им совет, пожелание всегда оказывались нужными при раскрытии преступления. Не раз рассказывал он молодым сотрудникам о боях на фронте и борьбе с преступностью в мирное время. Он всегда был среди народа, окружен молодыми сотрудниками. И хотя время обильно посеребрило волосы, но выправка старого солдата была видна издали.

Таким он и остался в нашей памяти – настоящий коммунист и стойкий солдат правопорядка.

Василий ПРОПАЛОВ

НА БЕЗЫМЯННОЙ ВЫСОТЕ

*Рвались снаряды, пушки били,
Гудел осколков черный рой,
И дни и ночи бомбы выли
Над безымянной высотой.*

*Шел смертный бой с врагом когда-то
На безымянной высоте.
Здесь под березами солдаты
Навек остались в темноте.*

*Покой бойцов хранят березы,
Им песни соловьи поют.
А на холме могильном розы
До самой осени цветут.*

Иван ШАЛЯПИН

ПЕРЕПРАВУ УДЕРЖИВАЛИ ТРОЕ СУТОК

Родился Алексей Федотович Меркурьев 3 октября 1923 года в деревне Лиственное Кетовского района. Он был десятым ребенком в крестьянской семье. Конечно, столько детей прокормить было нелегко. И в 1930 году отец перевез семью в Курган, где начал работать на железной дороге.

Алексей в 1940 году окончил десятилетку и поступил в школу летчиков при учебной эскадрилье в Кургане. В сентябре 1941 года ее окончил и был направлен в Качинскую военную школу летчиков-истребителей. Время на фронтах было просто отчаянное. Красная Армия с тяжелыми боями отступала, теряя в огромном количестве бойцов и технику. Прибывшим в Качи курсантам оказалось не на чем было летать, постигать основы летного дела – самолетов в школе уже не было. Меркурьев и часть других курсантов направили в город Энгельс, в артиллерийское училище.

А в октябре 1942 года младший лейтенант Меркурьев прибыл в артдивизион 26-го танкового корпуса. И в его составе участвовал в боях по окружению немецкой группировки под Сталинградом.

– Наша часть наступала с Северо-Запада, освободила Се-
рафимовичи, Перелазовский, Калач-на-Дону, – вспоминал
Алексей Федотович. – Здесь были тяжелейшие, просто отча-
янные бои. Переправа через Дон удерживалась нами трое
суток. Мы выстояли. И это определило дальнейшую судьбу

всей операции по окружению. Нашему комбригу было присвоено звание Героя Советского Союза. Далее продолжая бои, мы соединились с южной группой войск. Я в этих боях командовал взводом управления, обеспечивал связь – телефонную и радио. Кроме того, взвод взаимодействовал с отделением разведки и управлял огнем по разведанным целям.

За участие в сталинградских боях нашему корпусу присвоили гвардейское звание и титул “Донской”. Многие тогда удостоились правительственных наград. Я был награжден орденом Красной Звезды. Далее корпус участвовал в сражении на Курской дуге, освобождал город Орел. За эти бои был удостоен второго ордена Красной Звезды. С боями дошел до Днепрпетровска.

Дальше пришлось воевать на 1-м и 2-м Белорусских фронтах. Вначале был командиром взвода, после назначили командиром батареи. Дважды был контужен.

Алексею Федотовичу повезло. С начала и до конца своей службы он воевал в одной части – первой отдельной гвардейской мотострелковой Калининградской, дважды Краснознаменной, орденов Суворова и Кутузова бригаде 1-го гвардейского Донского танкового ордена Ленина, Краснознаменного, ордена Суворова корпуса. За мужество и отвагу в боях Меркурьев имеет семь благодарностей от Верховного Главнокомандующего Иосифа Виссарионовича Сталина, награжден орденами Отечественной войны первой и второй степени, медалями “За оборону Сталинграда”, “За освобождение Варшавы”, “За взятие Кенигсберга”, «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг».

После войны был секретарем в военном трибунале войск МВД Курганской области, затем Челябинской области. Ушел на пенсию по состоянию здоровья.

Григорий ФОМИН

ЭТО БЫЛО НА ДНЕПРЕ

Василий Алексеевич Белобородов, ветеран Великой Отечественной войны, наиболее памятным эпизодом боевой юности считает захват небольшого плацдарма на правом берегу Днепра. Вот как рассказывает об этом фронтовик:

– После боев на Орловско-Курской дуге наши войска перешли в наступление, вышли к Днепру. Немцы всю шумели о том, что русским не удастся преодолеть Днепровский оборонительный вал. Днепр – действительно, серьезное препятствие. Правый берег, на котором закрепились немцы, был крутым и высоким, левый же, наш, – положим. Немцы хорошо просматривали нашу сторону и вели артиллерийский обстрел тех мест, где могли сосредоточиться войска.

Нам – разведчикам была поставлена задача – перебраться на правый берег, выявить огневые точки противника, а также определить места, где можно высадить десант. Был сформирован отряд в количестве 30 человек – из автоматчиков и разведчиков. Подготовили плоты, лодки для переправы.

И вот ночью мы стали бесшумно переправляться. Достигли правого берега. Тихо поползли вверх по склону. С рассветом различили, что впереди, метрах в 150, проходит траншея. По цепочке была передана команда: приготовиться к атаке. И через несколько мгновений с криками “ура!” мы стремительно ворвались в траншею. Для немцев это было так неожиданно, что они в панике бежали. Мы заняли их окопы и блиндажи,

приспособили к обороне оставленное ими оружие. В этот же день началась переправа основных сил на занятый нами плацдарм. За эту операцию вся наша разведгруппа была награждена медалями “За отвагу”.

Василий Алексеевич Белобородов родился в 1920 году в селе Скопино Белозерского района. С сентября 1940 года служил в Красной Армии. В декабре 1941 года был направлен на Западный фронт, командиром отделения в 106-й полк НКВД. Принимал участие в боях, в январе 1942 года под городом Обаянь получил ранение. Через три месяца лечения в Махачкалинском госпитале был направлен в 16-ю отдельную стрелковую бригаду командиром отделения, а в мае 1943 года переведен в 71-й стрелковый полк 30-й стрелковой дивизии 1-й Гвардейской армии 1-го Украинского фронта. Служил командиром отделения, затем за свои отличные организаторские способности и талант быть лидером в трудных ситуациях назначен комсоргом, а позднее – парторгом стрелкового батальона.

В октябре 1944 года снова был ранен. Лечение было длительным, лишь в мае 1945 года выехал он к новому месту службы – в город Оренбург, в 409-й полк НКВД, где был определен начальником клуба полка, откуда и демобилизовался. А вскоре поступил на службу в органы внутренних дел. Сначала был оперуполномоченным, затем старшим оперуполномоченным отдела уголовного розыска УВД области. За 16 лет службы Белобородов занимал должности заместителя начальника 1-го отделения милиции города Кургана, начальника Кособродского отделения милиции, старшего инспектора отдела вневедомственной охраны УВД. В январе 1961 года вышел на пенсию по выслуге лет.

Но на этом трудовая деятельность Василия Алексеевича не прекратилась. Более 20 лет работал он на Курганском машиностроительном заводе. А как работал, лучше всего об этом свидетельствует мирная награда за труд – орден “Знак Почета”. Недаром говорится: “Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд...” И трудовая награда Белобородова мирно соседствует с наградами боевыми: орденами Отечественной войны I и II степеней, Красной Звезды, медалями “За отвагу”, “За боевые заслуги”.

Наталья БАРСУКОВА

В БОЮ ПОД БРОДАМИ

Анатолий Пестерев уходил на войну в августе 1942 года из родной деревеньки Осиновки, что в Кетовском районе.

– В ноябре 1942 года я окончил сержантскую школу в городе Ялуторовске, – вспоминает Анатолий Артемьевич. – На фронт попал в августе 1943 года под Курск – командиром минометного отделения 896-го стрелкового полка 211-й стрелковой дивизии.

После успешного выполнения одного из боевых заданий меня в ноябре 1943 года направили на курсы младших лейтенантов. Окончив их, я командовал минометным взводом. Участвовал в освобождении Киева, Польши. Награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны первой и второй степеней, медалями.

Особенно запомнились мне тяжелые бои под Бродами на Львовщине по уничтожению крупной группировки противника. В одном из боев случилось так, что стрелковая рота оказалась без командира, а я остался здесь единственным офицером. Немцы яростно контратаковали нас, пытаясь вырваться из окружения. Пришлось командование ротой взять на себя. Попытки фашистов прорваться на этом участке дивизии были отбиты.

За проявленную инициативу и умелую организацию боя стрелковой роты Анатолий Артемьевич Пестерев был награжден

ден орденом Красного Знамени, который был вручен героическому офицеру только в 1992 году, через 47 лет после Указа о награде. Вот как долго награда искала героя. А заместитель командира батальона Герой Советского Союза Иван Никифорович Чернов написал о подвиге нашего земляка в армейской газете.

Война для Пестерева закончилась 1 апреля 1945 года. В этот день он был тяжело ранен и выбыл из части на лечение в госпиталь.

После лечения приехал в Курган. Нужно было начинать мирную жизнь. Знаний молодому офицеру явно не хватало, и он был направлен на учебу в областную совпартшколу. А в июле 1950 года Анатолий Артемьевич начал учиться в Иркутской школе милиции, после окончания которой работал вначале оперуполномоченным, затем старшим оперуполномоченным отдела уголовного розыска УВД Курганской области. Вот только фронтовые раны не дали до конца проявить себя в любимом деле. В августе 1956 года по состоянию здоровья Пестерев ушел со службы из органов милиции.

Григорий ФОМИН

* * *

*А мы такую книгу прочитали...
Не нам о недочитанных жалеть.
В огне багровом потонули дали
И в памяти остались пламенеть.
Кто говорит о песнях недопетых?
Мы жизнь свою
Как песню пронесли...
Пусть нам теперь завидуют поэты:
Мы все сложили в жизни, что могли,
Как самое великое творенье,
Пойдет в века, переживет века
Информбюро скупое сообщенье
О путь-дороге нашего полка.*

Сергей ОРЛОВ

УХОДИТ В НОЧЬ ДЕСАНТНЫЙ БАТАЛЬОН

Александр Иванович Худяков родился в 1925 году в деревне Котлыково Юргамышского района. В январе 1943-го был призван в ряды Красной Армии и направлен в Урюпинское военно-пехотное училище. В июне курсантами укомплектовали 15-ю воздушно-десантную бригаду. Успел совершить пять прыжков с парашютом с аэростата и самолета. В сентябре 1944-го бригаду перебросили в Белоруссию. Здесь она была переформирована в два десантных полка – 349-й и 345-й. Они вели бои в Венгрии, освободили города Секешфехервар, Бор, Папа и другие. В одном из боев в районе реки Раба Худяков был ранен.

Награжден орденом Отечественной войны 1 степени, медалями “За отвагу”, “За боевые заслуги”, “За взятие Вены”.

Вот как рассказывает Александр Иванович об одном из эпизодов войны:

«Это было в Венгрии. Наш батальон освободил несколько населенных пунктов вблизи города с необычным названием Папа. Сам город освобождала другая часть. Мы расположились на его окраине. По команде построились в цепь. Дело шло к вечеру. Южные сумерки быстро перешли в темную ночь – настолько темную, что ничего не было видно. Ориентировались по звукам выстрелов и разговорам. Да еще справа, помню, ярко пылали два подожженных танка. Бесперывно слышались разрывы мин, не прекращался пулеметный обстрел.

Мы продвигались вперед по-пластунски.

Ночь. Пылает танк подбитый.

От него светло, как днем.

Враг, густою мглой укрытый,

Полк прижал к земле огнем.

Вот в ответ, свистя над нами,

Наш снаряд пропел, другой...

И взметнулось в небо пламя

Над фашистской огневой.

Мы поднялись в атаку. Гитлеровцы встретили нас огнем. В пламени взрыва я увидел нашего командира взвода и с ним двух солдат. Одного из них, Воронина, знал раньше. Командир взвода и солдат-десантник при атаке погибли, а Воронину пламенем опалило лицо.

Неожиданно под собой я нащупал двойной немецкий телефонный провод. Ага... Телефонная связь. Думаю, надо уничтожить этот провод, чтобы прервать связь между теми немцами, которые находились у нас в тылу, и теми, кто сейчас обстреливал наш батальон. Разорвал один провод. В это время меня ранило в бедро осколками мины. Превозмогая боль, принялся за второй провод. И вдруг на меня кто-то навалился сзади. А темнота – хоть глаз выколи. По голосу узнал помощника начальника штаба батальона Колбенина. Назвал себя, он меня тоже хорошо знал. Раскручивать второй провод он мне запретил, а приказал ползти к санпосту, который находился сзади. По дороге ко мне присоединились другие раненые. На санпункт нас приползло уже около десятка.

Позднее от радиста нашего батальона Захарова, который находился при комбате, я узнал, что Колбенин по тому второму проводу, который я не успел уничтожить, с помощью бойцов обнаружил и захватил в плен двух немецких солдат-телефонистов. Позднее меня за действия в ночном бою наградили медалью “За отвагу”.

По возвращении на родину в Юргамыш Александр Иванович Худяков в феврале 1951 года райкомом партии был направлен служить в органы внутренних дел. Был оперуполномоченным Курганского управления милиции. В милиции в различных должностях Александр Иванович служил до ноября 1958 года.

Григорий ФОМИН

В ТРУДОВОЙ КОЛОНИИ НКВД

Зоя Александровна Ефимова в годы войны была направлена в школу детской трудовой воспитательной колонии. В справке, сохранившейся у Зои Александровны, отмечено:

“Дана настоящая Зое Александровне Ефимовой в том, что она действительно работала в Шадринской детской трудовой воспитательной колонии НКВД Курганской области в должности учителя с 13 июня 1944 по 13 августа 1945 года. Уволена по семейным обстоятельствам. Приказ начальника №48 от 12 августа 1945 года.

*Начальник Шадринской ДТВК
младший лейтенант А.Пришвицына”.*

Зоя Александровна Ефимова (а ей, ветерану педагогического труда, исполнилось 85 лет) вспоминает...

– Дети меня, 24-летнюю молодую учительницу, вначале восприняли в штыки. Запомнились слова хулиганской песни, которую ребята пели: “... Ты возьми меня с собой в изорванной юбке...”. Ребята не только пели, они еще и действовали – хулиганили, крали. Но я их тоже песней купила: “Позабыт-позаброшен”. Запою, они притихнут, слушают. Отношение ко мне изменилось, ребят словно подменили.

Детей собирали в колонию отовсюду – с вокзала, кочегарок, чердаков. И были только мальчики в колонии, разного возраста, со своими привычками, характерами. А подход к ним я все же нашла. Старалась на уроках с ними рисовать, научить их чте-

нию вначале сказок, затем стихов, учила математике, русскому языку, лепить что-то из глины, но и, главное, их чем-то увлечь.

Помню, первый раз на урок пришла, а в классе все парты перевернуты, чернильницы по сторонам валяются. Пришлось обратиться к “авторитету” – жожаку Фаре за помощью. И моментом все парты оказались на месте. И уроки в начальных классах наладились.

Колония располагалась в старом здании школы №15 (по улице Первомайской). Столовая – рядом на территории бывшего мясокомбината, на заднем дворе. Если куда-то дети выходили, то обязательно с надзирателями.

Было и такое, что ходила с классом (а это человек 30) на природу. Дети желали только со мной – “с Зоей”, как они говорили. Остаться с ними одной было, конечно, большим риском. Помню, однажды вышли через Хлызово на мост и пошли влево. Ребята мне пообещали не разбегаться и вернуться в колонию тем же составом. Но делали они все же, что хотели – тащили из домов миски, что-нибудь еще. Даже собаку притащили. А в лесу приказали мне сидеть, а сами накопили где-то картошки мороженой, развели костер. Было это весной. Из колонии в кухне взяли соль и, посолив лепешки, которые они настряпали прямо на постеленных на землю новых полупальто, испекли их на костре. На обратной дороге у моста ждали нас две грузовые машины. Никто не сбежал. Этот день для меня был как крещение.

Ходили мы с ребятами и в поход дальний – в Кызылбай. По дороге жители встречали детей настороженно, боялись за себя, за хозяйство. Ребят в Кызылбай не пустили, поэтому ночевали в лесу. И все же колонисты побывали в Кызылбае. Ночью их хватились, они сидели на деревьях и пугали нас, воспитателей и надзирателей, разными голосами, а под утро все вернулись.

... На одном из совещаний учителей и воспитателей колонии майор Козырев спросил нас: “Почему нарушений много?” Я не побоялась, объяснила ему, что мужчин сюда надо, а они увиливают от трудной работы с колонистами.

В августе колонию расформировали. Некоторых из тех ребят и сейчас помню: озорники были, но смышленные и добрые. За работу в колонии получила медаль “За доблестный труд в Великой Отечественной войне”.

записала Надежда МАКАРОВА

СОЛДАТ – ВСЕГДА СОЛДАТ

Матвеев Михаил Михайлович родился 2 ноября 1913 года в поселке Бреды Челябинской области. Призван в Красную Армию в августе 1943 года. Старшина, командир взвода. Воевал в составе 48-й отдельной кабельно-шестовой роты. Награжден орденами Славы III степени, Красной Звезды, Отечественной войны II степени, медалями «За отвагу», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.». После войны служил участковым в селе Уксянское. Живет в селе Уксянское.

Часть большого и старинного села Уксянское, расположенная на высоком правом берегу одноименной речушки, называется “Мыс”. На пологом косогоре березовый лес, в котором с весны до осени царит такое грибное раздолье, что в урожайные годы буквально ступить некуда. Между рекой и лесом односторонок – цепочка домов. В одном из них проживает семья Матвеевых. Хозяин дома – человек необычной судьбы, сполна хвативший лиха на двух войнах: с белофиннами и фашистами и потом еще отслуживший более двух десятков лет в органах внутренних дел на самом беспокойном и хлопотном посту участкового уполномоченного. И, кроме того, Михаилу Михайловичу Матвееву 2 ноября 2003 года исполни-

лось 90 лет.

Ровно три года, с ноября 1935-го по ноябрь 1938-го, нес срочную службу в 32-м погранотряде войск НКВД Северо-Кавказского военного округа. В совершенстве освоил все тонкости телеграфной и телефонной связи, был не просто классным специалистом, а настоящим мастером. Михаила Михайловича неоднократно приглашали остаться на сверхсрочную, но он неизменно отказывался по очень важной причине. В далеком Зауралье его ждала любимая девушка, ненаглядная Пелагея Гавриловна.

Однако дома он побыл недолго. На советско-финской границе сосредоточивались войска, которые испытывали к нашей Родине далеко не дружеские чувства, дело дошло даже до провокационных обстрелов нашей территории. Для ликвидации военного плацдарма на Карельском перешейке, где была возведена мощная полоса укреплений, названная “линией Маннергейма”, требовались не безусые юнцы, а опытные солдаты и офицеры. Одним словом, довольно скоро, в добровольно-принудительном порядке наш земляк вновь был одет в военную форму и отправлен к суровому Баренцеву морю. Налаживал линии связи, неоднократно попадал под обстрелы, но непосредственно в атаки не ходил. То время больше запомнилось для него жесточайшими морозами, от которых потери были, пожалуй, не меньше, чем от пуль и снарядов врага.

В марте 1940 года в Москве был подписан мирный договор, и Михаила Матвеевича отпустили домой. Но и на этот раз он задержался ненадолго. Успел только жениться на Пелагее, и опять дальняя дорога на Первый Белорусский фронт. Командиром взвода 48-й отдельной кабельно-шестовой роты.

Чудом сохранился листок карты, датированный 1941 годом, со схемой линий связи и пометкой: “Чертил старший сержант Матвеев”. Здесь в числе населенных пунктов – Теренино, Прокшино, Гребенкино, Рябинки, указано и Крюково, то самое, о котором сложена песня: “У поселка Крюково погибает взвод...” Сколько их, деревень, поселков, городов, было на боевом пути воина-связиста?! Ведь наш земляк дошел до Берлина!

Его ратный труд был отмечен орденами Красной Звезды,

Славы III степени, Отечественной войны II степени, медалями “За отвагу” “За боевые заслуги”, “За освобождение Варшавы”, “За взятие Берлина” и другими. К концу войны он отвечал за обеспечение бесперебойной связи командира с командирами дивизий, корпусов, бригад. В сохранившемся военном билете проставлена дата демобилизации старшины Матвеева – 25 сентября 1945 года.

Наконец-то для Михаила Михайловича началась мирная, но далеко не спокойная жизнь. Так как он был членом КПСС, по возвращении с войны был направлен Уксянским райкомом в милицию на должность участкового уполномоченного, где и проработал более двух десятков лет. Награжден медалями “За безупречную службу” всех степеней.

А вместе с Пелагеей Гавриловной они в дружбе и согласии живут уже 64-й год. Вырастили двух сыновей, есть внуки и правнуки. И хотя годы берут свое, и здоровье все чаще пошаливает, супруги Матвеевы полны оптимизма, веры в то, что те трудности, которые они испытывают вместе с односельчанами, явление временное и что в будущем, за которое отданы лучшие годы их жизни, все будет хорошо.

Михаил БОЛОТОВ

СЫНУ

*Все можно в жизни поменять, все можно:
На кенаря – коня, на посох – дом.
Все можно потерять неосторожно –
Рассудок, время и друзей притом.
Все можно позабыть: нужду и горе,
И клевету, и первую любовь.
Все можно дать взаймы на срок – и вскоре
И хлеб и деньги возвратятся вновь.
Хочу в тебе найти единовеца,
Чтоб к внукам шла связующая нить:
Отечество,
Как собственное сердце,
Нельзя забыть, дать в долг иль заменить!*

Сергей ПОДЕЛКОВ

ОТ ВОЛХОВСКИХ БОЛОТ ДО КРАСАВИЦЫ ВЕНЫ

Наш третий курс Курганского медицинского училища, где застала меня война, – вспоминает Богачев Борис Александрович, – был ускоренного выпуска – фронту требовались медработники. Правда, со сдачей последнего экзамена с медициной у меня все было покончено: после призыва я попал в Златоустовское пулеметное училище. Через шесть месяцев обучения нацепили нам на петлицы по ромбику, означавшему, что отныне мы гордо именуемся младшими лейтенантами, и отправили на Волховский фронт. Стал я командиром пулеметного взвода, имеющим в подчинении три пулеметных расчета.

В январе 1943 года под Ленинградом шли тяжелые бои. Наступали немцы, финны, викингские норвежцы – добровольцы из фашистской партии Норвегии. Короткие, как выстрелы, крики на разных языках сливались с гулом машин и автоматными очередями. А потом – со стонами раненых. И в этом аду требовалось не только уцелеть, но и победить. Измученная атаками и голодом (выдавалось два сухаря и двести граммов горохового концентрата на день) из последних сил рванулась вперед пехота. А за ней и мы, пулеметчики. И под небывалое ликование произошло соединение Волховского фронта с Ленинградским. Войска встали по ту и другую сторону обширной полосы, по которой стала прокладываться грунтовая и железная дороги, ставшие артерией жизни для блокадного Ленинграда. По ним в город стало поступать продовольствие,

оттуда – раненые, больные люди.

В начале апреля 1943 года, когда отбивали контратаку финнов, я был ранен. Меня увезли в госпиталь, расположенный в городе Бологое. Так закончился мой первый этап боевых действий. Всего же за войну были три ранения и контузия. Я ведь служил в пехоте, а там офицеры находились на передовой вместе с солдатами, потому что ранило нас так же часто, как и рядовых...

В госпитале лечился полтора месяца. После этого был направлен в часть, расположенную в городе Волчанске. Там находилась 48-я гвардейская стрелковая дивизия Степного фронта. Он являлся резервным. Готовился для контрнаступления. И в последних числах июня 1943 года был выдвинут на передний край – исторической Курской битвы.

В ночь на шестое июля началось наступление. Через два дня и наш полк вступил в бой. Заняли вторую линию обороны – крепкую, с противопехотными, противотанковыми и проволочными заграждениями, минным полем. И оттуда вели стрельбу. Впервые увидел немецких “тигров”. А через некоторое время произошла еще одна встреча, которая запомнилась на всю жизнь. Я со своим пулеметным взводом продвигался за пехотой. С винтовками и вещмешками за плечами солдаты шли стремительно. Гораздо быстрее, чем пулеметчики. И в какой-то момент мы заметно отстали. Нас после боя осталось гораздо меньше: нелегко было тащить тяжелые пулеметы. Шли по дороге и вдруг заметили, что за нами идет колонна солдат в немецкой форме. Вначале подумали, что какая-то немецкая часть не успела вовремя сбежать из этих мест. Быстро собрали два пулемета и поставили их на катки. Те, что шли в колонне, заметили нас и стали разворачиваться в цепь, готовиться к наступлению. Помню, меня удивило то, что солдаты при продвижении вперед кричали “ура!”. Оказалось, что это были власовцы.

Открыли по ним огонь из двух пулеметов. Затем еще из одного. Власовцы залегли. Послал к своим связных. Попросил подкрепления. Комбат отправил на помощь роту бойцов. Так впервые пришлось драться в бою с теми, кто предал Родину.

Особенно тяжелые бои развернулись за станцию Мерефа. Немцы оказали здесь яростное сопротивление, так как через нее выводили свои войска. Уличные бои длились трое суток. Такие же кровопролитные они потом оказались и в деревне Поповка,

которую поочередно занимали то немецкие, то наши войска.

В ночь на двадцать пятое сентября в районе деревни Новый Орлик вышли к Днепру. Нас, пулеметчиков, было четыре расчета. Где-то тридцать человек. Реку форсировали на плотках из связанных бревен, закрепленных на бочках из-под бензина, которые подготовили нам саперы. На плот размещалось по два расчета. Переправлялись ночью. До деревни Бородаевка добрались благополучно.

Затем освободили от немцев хутора Малый и Большой Одинец. Во время боя 7 октября 1943 года был ранен. До вечера командовал ротой, потому что остался только единственным офицером. Потом бойцы переправили через Днепр – в госпиталь.

В конце января 1944 года был направлен из госпиталя командиром пулеметного взвода в 47-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Вскоре назначили командиром взвода разведки. Пошел его принимать – мужики один другого здоровее, в разведку других не берут. Стою перед ними – невысокий, худенький, гимнастерка от шеи на два пальца отстает... Ребята на меня с жалостью смотрят: прислали, мол, на нашу голову юнца. А когда шинель снял, награды мои увидели, нашивки за ранения – подобрели.

В первый же поиск вместе с ними пошел. На Украине уничтожали Никопольскую группировку, и командование дало задание взять “языка”. А хорошим “языком” бывает связист – он многое слышит. Взяли мы его просто: зачистили немецкий кабель, обмотали вокруг финки, воткнули ее в землю. Все, у немцев связи нет, порыв на линии. Выслали связистов. Видим в темноте: идут, согнувшись, два фрица, один катушку тянет, кабель прокладывает. А у меня во взводе мордвин был, сержант, у него кулачищи как кувалды. Он прыгнул, фриц и пикнуть не успел...

А потом мы получили приказ: переправиться на другой берег. Подошли тихонько к реке. Ночь только-только наступила. Залегли. Слышим немецкую речь. А у нас молдаванин хорошо по-немецки знал, переводит: “Быстрее надо переправляться. Русские на хвосте”. Не знаю, кто подал мысль воспользоваться переправой фрицев. Река в ширину метров сто. Натянули мы плащ-палатки, спустились к воде. Три понтона как для нас стоят. Разместились. А молдаванин по-немецки гром-

ко подгоняет нас: “Шнель, шнель!” Пока переправлялись, он еще с немцами-соседями перебросился парой фраз. Договорились, что будем ждать, когда наши атаку начнут. Залегли в трех хатах на чердаках, у нас было два пулемета.

А деревня, Ковалевка называется, кишит немцами. Крики, суматоха, обозы. Еле рассвета дождались. Тут наши ударили. И мы с чердаков пальбу открыли, “ура” кричим. Среди немцев страшная паника началась, побежали, бросая оружие. Подошли пехота, казаки – взяли Ковалевку. Наш взвод наградили, меня представили к ордену Красной Звезды. Только не успели вручить – ранило под Одессой. Лишь в 1964 году получил награду.

Через месяц лечения снова на фронт – в 49-ю дивизию знаменитого генерала Филиппа Маргелова. Вместе с ним в ту пору находилась на передовой и его жена – ведущий хирург дивизии. А также два сына, один из которых в настоящее время является сенатором.

Во время войны генерал Маргелов бывал суров, даже жесток, но справедлив. Его любили солдаты и считали за честь служить под его командованием.

В этой дивизии и прослужил до Победы. Форсировал Днестр, освобождал и Кишинев.

После Кишинева дивизия направилась в Румынию. Вместе с другими воинскими подразделениями нанесла решающий удар румынским войскам. Они стали сдаваться целыми полками вместе со знаменами. Произошли изменения в составе руководства страной, которая после этого объявила войну Германии. Поэтому по Румынии передвигались быстро, без атак.

Тяжелые бои завязались на границе Венгрии. Оказали сопротивление немцы и венгерская армия. На территорию Югославии вошли только в октябре 1944-го. Освободили несколько городов. Но в Белград не попали. Нас перебросили в Венгрию. Длительное время участвовали в уличных боях за Будапешт. Там получил еще одно ранение: взрывной волной выбросило из окна дома на камни. Десять дней пролечился в медсанбате. И снова на передовую. Чувствуя поражение, немцы стали выводить штабы из венгерских городов. Как-то, остановившись в степи на привале неподалеку от железной дороги, услышали - идет поезд. Бросили в состав несколько гранат, уничтожили гитлеровцев.

В Вену вошли днем, с Запада. Город поразил своей красо-

той. Он сохранил неповторимый архитектурный облик. Поражал своей красотой старинный собор, построенный в готическом стиле. Долго любовались другими достопримечательностями. Даже побывали на экскурсии в знаменитом Венском лесу.

Наш полк после взятия Вены стал именоваться Венским.

Затем наша дивизия была брошена в австрийские Альпы, где немцы оказали невероятное сопротивление. Они намеревались сдаться не нам, а американцам. Мы предпринимали все, чтобы не допустить этого. Поэтому седьмого – восьмого мая в горах продолжались ожесточенные бои. Помню, как учебный батальон, где готовили сержантов, сумел пробраться поближе к фашистам и окружил их. Мою роту отправили на поддержку этого батальона. Чувствуя, что к американцам уже не прорваться, немцы сдались. Выстроили автомашины по классам. Солдат и офицеров – в колонны для отправки на пункты сбора военнопленных. Они были угрюмы.

С верой в победу мы тогда двинулись дальше. С восьмого на девятое мая, когда следовали колонной, прозвучал сигнал об остановке и сборе офицеров. Здесь мы и узнали об окончании войны. И такая началась стрельба в воздух! Ни в одном бою, наверное, столько боеприпасов не расходовали... Сколько было радости и слез!

Демобилизовался в двадцать лет. Имел два ордена Красной Звезды, два ордена Отечественной войны, многие медали. Мне предложили пойти на службу в милицию в городе Кургане. Вначале помощником оперуполномоченного ОУР УВД Курганской области. Согласился. В 1947 году поступил учиться заочно в Омскую школу милиции. Вскоре стал оперуполномоченным, потом – старшим оперуполномоченным ОУР УВД, был заместителем начальника городского отдела милиции по оперативной работе.

Окончил Московскую высшую школу МВД. Приказом министра отмечен за отличную учебу. После окончания школы служил начальником Курганского горотдела милиции. Руководил Советским райотделом внутренних дел. Позднее – отделом вневедомственной охраны Октябрьского района Кургана. И в звании подполковника милиции ушел в отставку по состоянию здоровья. Однако продолжал трудиться – преподавал в одной из курганских школ начальную военную подготовку.

записала Надежда РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

НЕ ИСКАЛ ЛЕГКИХ ПУТЕЙ

Анатолий Алексеевич Зверев родился 25 апреля 1922 года. Так что к началу Великой Отечественной в выборе профессии Анатолий определился. После окончания Курганского педучилища успел поработать учителем в школе и больше года послужить в Красной Армии. Вскоре молодого перспективного красноармейца, имеющего среднее специальное образование, направили на курсы политсостава в город Владивосток. Там и застала его война. Вот как вспоминает он день 22 июня 1941 года:

– Идем мы, курсанты, строим из столовой, а у столба с репродуктором толпа стоит – слушают выступление Молотова о вероломном нападении фашистской Германии на нашу Родину. Мы со строевого шага сбились, остановились без команды, да и сам командир, похоже, забыл про нас. А из репродуктора уже: “Враг будет разбит, победа будет за нами...”

В августе 1941 года Зверева направили комсоргом батальона в 110-й укрепрайон 25-й армии, который дислоцировался на границе с Маньчжурией.

– У нас был приказ: огонь открывать в исключительных случаях, лишь когда японцы перейдут границу. Провоцировали они нас постоянно: выкрикивали какие-то обидные слова, показывали неприличные жесты. А мы? Терпим-терпим, да и завернем по-русски, с соответствующим жестом. Но и самое

крепкое русское слово – не выстрел, так что приказа никто не нарушал, – улыбается Анатолий Алексеевич.

Военные годы для Зверева прошли в частях, охраняющих дальневосточную границу СССР. Был комсоргом, заместителем политрука роты, политруком, парторгом дивизиона. С началом войны с Японией 202-й стрелковый полк, где служил Зверев, получил задачу десантироваться в район порта Сенсин в Северной Корее.

– Бойцов погрузили на корабли, которые отправились в сторону Кореи. В пути нас решили подкормить и выдали по банке консервов. И что вы думаете? Когда стал рассматривать эту банку, прочитал надпись: “Курганский мясокомбинат”. Вы не поверите: я заплакал. Пять лет не был дома, – вспоминал Анатолий Алексеевич. – На рассвете приблизились к порту Сенсин. Вышли на берег, ужаснулись – кругом были трупы матросов. Как оказалось, наши моряки попали в засаду. И такая в нас ярость закипела, что кинулись мы с ходу в наступление. С боями дошли до 38-й параллели – там встретились с американцами. Там и закончилась война. За участие в боях с японцами награжден орденом Отечественной войны второй степени, медалями “За боевые заслуги”. “За победу над Японией”. Еще некоторое время служил на Дальнем Востоке.

– В 1947 году я заболел и вынужден был вместе с семьей переехать в Курган. Проработал три года на заводе. Потом вызвали в органы госбезопасности и предложили должность оперуполномоченного. После двух лет службы был назначен начальником милиции в Мокроусово.

В 1954 году в Кургане создавался второй отдел милиции. Он находился там, где сейчас элеватор. И меня перевели в Курган заместителем начальника нового отдела. Прошло два года, и новый перевод – начальником Целинного районного отдела милиции. Вновь вернули в Курган в управление, начальником отдела службы – руководство участковыми. Потом назначили начальником Шадринского городского отдела, к которому было присоединено еще пять сельских районов.

Немало тогда совершалось преступлений. Организовал сотрудников, подобрали помощников из населения, заработали народные дружины. И... раскрываемость у нас составляла тогда 98 процентов. Нас стали хвалить.

Из Москвы приехали сотрудники с проверкой: не укрываются ли преступления? Ничего не могут найти. Как-то шли по городу и увидели – трубка телефонная оборвана. Ага! А заявление где? Не верят нам, что не заявлял никто, звонят директору завода, отвечающего за ту территорию. Лишь после его подтверждения проверяющие успокоились, что все в порядке.

Работа наладилась. И тут двух моих заместителей, Рукавишников и Кремлева, выдвинули на повышение. А потом и начальника уголовного розыска. Остался один. Все снова начал.

На пенсии с 1970 года. Мы с женой как-то подсчитали: вместе с армией и службой в органах милиции переехали 29 раз. Только в нашей области какой путь: Курган – Мокроусово – Курган – Целинное – Курган – Шадринск – Курган...

Из скромности Анатолий Алексеевич ничего не сказал о том, как высоко ценили его труд, сколько благодарностей и почетных грамот за добросовестную работу он имеет. Есть у него и редкая в нашей области награда – нагрудный знак “Заслуженный работник МВД”. За всю историю зауральской милиции подобный Знак вручался лишь 16 действующим сотрудникам органов внутренних дел. Среди них и Анатолий Алексеевич Зверев.

На вопрос, что хотел бы пожелать ветеран молодежи, начинающей свою службу в милиции, Анатолий Алексеевич сказал:

– Не надо никогда падать духом. Служба наша – не из легких. Раз поступили в милицию – службу эту надо знать и любить, добиваться цели, таких результатов, чтобы люди жили спокойно и достойно воспитывали молодое поколение.

записал Григорий ФОМИН

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, ЖИЗНЬ!

О карьере военного Иван Едренников не помышлял никогда. Родился и вырос он в подмосковном Орехово-Зуево, учился в Москве, там же, в столице, исправно посещал изостудию при Дворце пионеров имени Крупской. Руководил ею некто Мюллер. Однажды ребятишки, пришедшие на занятия, услышали горькую новость: Мюллер – враг народа, арестован, изостудии больше не существует. А Иван очень увлекся живописью, мечтал поступить в знаменитое Строгановское училище. Когда обратился в приемную комиссию, преподаватели заинтересовались его работами и стали выяснять, у кого он учился рисованию. Стоило ему лишь назвать фамилию учителя – “врага народа”, как двери в Строгановку закрылись для него навсегда.

Трудовую деятельность Иван начинал в 1939 году в спортивном обществе “Рот-фронт” в должности инструктора физкультуры. Чуть позже поступил он учиться в Пуховическое высшее общекорпусное военно-пехотное училище, что находилось в Архангельске.

В июне 1941 года все училище вдруг спешно перевезли в город Великий Устюг Вологодской области, якобы для сдачи выпускных экзаменов. Едренникову достался билет с вопросом “Тактика ведения боя в населенном пункте”. 22 июня Иван руководит этим “боем”, проходившим возле одной из вологодских деревушек. Когда пропотевшие, запыленные курсанты

“ворвались” в деревню, старик, шедший им навстречу, вдруг изумленно произнес:

– Надо же, война-то уже и до нас добралась!..

– Да что ты, дедушка, это не война, это учения у нас идут...

– А по радио сегодня Молотов объявил, что на нас напали немцы!..

Так для Ивана закончилась беззаботная пора юности и начались фронтовые будни комбата. 20-летний парень стал командовать людьми, некоторые из них ему в отцы годились. Для солидности обзавелся усами, а затем и бородой. Его так и называли между собой солдаты – “Борода”.

Основное место службы – Ленинградский военный округ, участником прорыва блокады этого города был и Едренников. В 1943 году, когда Иван Иванович, уже как командир полка, получил задание взять Шлиссельбург. При штурме его в четвертый раз ранило. Ранение оказалось очень тяжелым. Почти две недели он был без сознания. Все дальше и дальше от линии фронта увозили повозки и санитарные поезда командира. Наконец он очнулся в Курганском госпитале. Не думал тогда, что этот небольшой зауральский городок станет для него родным навсегда.

Окончательно оправиться от ран не удалось, и Иван начал работать в Кургане. Был заместителем начальника управления государственных трудовых ресурсов, а вскоре его избрали секретарем обкома ВЛКСМ, ведающим военным отделом. Спустя четыре года, после решения ЦК ВЛКСМ об укреплении органов МВД, Едренникова как кадрового офицера назначили начальником отдела кадров исправительно-трудовых колоний. Хотя отдел подчинялся областному УВД, но был самостоятельным – имел свой баланс, свою смету, свои финансы, хозо, штаб, отделы охраны, розыска, медчасть.

Конечно, в те годы была сложная оперативная обстановка. Руками осужденных выстроено немало городских объектов: здания обкома партии, УВД, ТЭЦ, жилые дома в центре Кургана... В иные дни на стройки выходили в город до трех тысяч заключенных. Случались и побеги. Однажды на строительстве Курганской ТЭЦ заключенные связали шофера самосвала, выбросили его из кабины, сами легли в кузов. Один из них, переодевшись в снятую с водителя одежду, сел за руль

и выехал с территории. Правда – через день все побегушники были доставлены обратно.

В основном своем составе заключенные шли, как тогда говорили, “по указу два-два”: судимость могли получить за малейшую провинность. За колоски, которые мать собирала в поле после уборки урожая, чтобы хоть как-то прокормить своих голодных детей, давали два года. Столько же – за пятиминутное опоздание на работу... Иван Иванович в связи с этим вспоминал такой случай:

– Приезжаю как-то в Зырянку, где была сельскохозяйственная колония. Заключенные там разводили скот, выращивали овощи. В основном там были женщины, а на тяжелых работах задействованы бесконвойные мужчины. Приехал я, прохожу с начальником колонии майором Глухих по помещениям. Вдруг вижу: девчонка-осужденная сидит, плачет. Заинтересовался, что ж могла совершить столь юная особа. Рассказала та, что на воле она заканчивала десятый класс и подрабатывала кондуктором. Мать – уборщица в школе, отец погиб на фронте. Подружка, увидев ее в автобусе, попросила одолжить до вечера 20 рублей, которых ей не хватало, чтобы купить туфли. А вечером не появилась. Когда контролеры начали проверять выручку и обнаружили недостачу, на вопрос, где деньги, девчушка честно сказала: “Нюрке дала...” За это и оказалась в колонии.

Жалко стало мне несмысленную. Пошел с ее документами к прокурору по надзору за местами заключения, потом – к первому секретарю обкома партии. Разобрались, сняли с девчонки судимость. Я – на мотоцикл и за ней в Зырянку: так, мол, и так, можешь отправляться домой. А девушка в ответ: “Нет, что вы! Меня обратно сюда заберут, да за побег еще и срок добавят. И мать домой не пустит, скажет – сбежала...” Я сам привез ее к матери, объяснил, что девочку освободили. До той и то не сразу такая радость дошла...

Вообще, судьба подарила Едренникову невероятное количество самых разных встреч. Наиболее памятные, пожалуй, встречи в военное лихолетье – с Вальтером Ульбрихтом, молодым, никому тогда не известным немцем, воевавшим на стороне СССР. Спустя годы он возглавил правительство ГДР, но не забыл своего фронтового собрата и пригласил его как-то в

Германию, на празднование Дня Победы.

Встречался с известным советским поэтом Степаном Щипачевым, который несколько дней и ночей провел на передовой, в блиндаже командира полка Едренникова. С ним еще раз произошла встреча многие годы спустя. На всю жизнь запомнил он и встречи с легендарным маршалом Георгием Константиновичем Жуковым.

В Курганской области, пожалуй, не отыскать человека, который собственными глазами видел Лаврентия Берия. Интереснейшую историю этой встречи поведал Иван Иванович:

– В начале 50-х годов силами заключенных строилось здание обкома партии. И вот как-то первый секретарь обкома Григорий Аполлинарьевич Денисов решил лично обозреть строящийся объект. И отправился туда в одиночку. Часовой на вышке, как и положено, окликнул: “Стой! Кто идет?” Но Денисов невозмутимо прошествовал дальше. Тогда часовой, опять же согласно инструкции, приказал: “Ложись, а то стреляю!” Денисов и эти слова игнорировал. Тогда часовой выстрелил. Пришлось первому секретарю обкома шлепнуться на землю. Когда ситуация прояснилась и Денисов вернулся в кабинет, он позвонил нам в отдел. Я долго объяснял ему, что часовой поступил в соответствии с нормативными актами. Секретарь понял свою ошибку, и инцидент, казалось, был исчерпан.

Ан-нет – ночью вместе с заместителем Григорием Васильевичем Ежовым срочно вызвали в отдел.

– Нас с Ежовым буквально затолкали в самолет и отправили в Москву. Утром мы сидели в кабинете Берия и отвечали на его вопрос: почему в Кургане отстреливают партийных руководителей? Выслушав наши объяснения, Берия произнес: “Вы плохо научили своих подчиненных стрелять...” Нам объявили решение министра: служебное несоответствие, а потому – разжалование в должности. Сидим мы с Ежовым в приемной и уныло интересуемся у ординарца: на какие шиши нам теперь до дому добираться, отправили-то нас из Кургана без копейки денег? Ординарец посоветовал: “Напишите рапорта на имя Лаврентия Павловича”. Мы и написали: “Просим выдать на дорогу по 200 рублей, обязуемся восстановить эти деньги через наш финотдел”.

С рапортом в кабинет Берия пришлось снова отправиться

мне. С замиранием сердца протянул министру листки. Тот медленно прочитал и язвительно произнес: «Вы что, считаете наше министерство настолько бедным?» И наложил на рапорта визу: «Выдать по 500 рублей безвозвратно.»

В Кургане Денисов, когда узнал о нашем наказании, позвонил Маленкову, родственником которого он являлся, и заступился за нас. Позднее пришел приказ: все наказания отменить. Так я и остался на службе.

И снова потекли чередой трудовые будни. В 60-м году неожиданно дало знать о себе сердце – инфаркт. Едренников был не согласен с диагнозом, после лечения продолжал играть в футбол, который самозабвенно любил. Старшее поколение курганских болельщиков до сих пор еще помнит лучшего городского вратаря Ивана Едренникова, который, казалось бы, в самых безвыходных ситуациях выручал свою команду, красиво прерывая атаки противника. Результат не замедлил сказаться – второй, обширный инфаркт. Так в 40 лет по решению ВТЭК Едренников был признан инвалидом второй группы и вынужден был оставить службу.

Первое время, конечно, берег себя, строго выполнял все назначения врачей. Постепенно жизнь брала свое, увлекся бегом, достиг хороших результатов, был даже победителем десятикилометрового кросса, ежегодно проводившегося газетой «Правда» в Москве. Ну и, конечно, трудился в различных организациях. Не сидел бывший фронтовик без дела. А когда боль чересчур сильно напоминала о себе, глушил ее не столько лекарствами, сколько работой – в те годы талант Едренникова-художника проявился в полной мере. Чуть что – брал в руки кисть и писал. В основном пейзажи, к ним как-то более тяготеет его натура.

Сейчас на счету художника несколько десятков картин. Был участником выставок. В честь 40-летия прорыва блокады Ленинграда Совет ветеранов Ленинградского фронта организовал выставку художников-любителей 128-й дивизии, в составе которой служил Иван Иванович. Едренников представил на нее 12 своих фронтовых картин. Все они были проданы на общую сумму более чем один миллион двести тысяч рублей. Всю сумму Иван Иванович перечислил в фонд детей Чернобыля.

Квартира Ивана Ивановича напоминает маленький филиал Художественного музея – настолько наполнена она работами хозяина. Впрочем, и детей своих одарил Едренников талантом – старшие сын и дочь тоже художники-любители.

Все чаще дают о себе знать тяжелые фронтовые ранения, особенно сейчас, на девятом десятке лет. Да и перенесенный инсульт оказал влияние на физическое состояние ветерана. Но по-прежнему бодр духом Едренников, также любит он жизнь и радуется ее счастливым мгновениям, тем более что рядом – близкие люди: жена, дети. Они его любят и уважают. Не забывают и друзья, бывшие коллеги. Что еще нужно человеку для счастья?

Людмила ПЫЛЬНЕВА

О ДОЛГЕ

*Пыль поднималась, слой за слоем
В степи, где окопался полк...
Нет, не речей, не многословья
Он требует – солдатский долг.
...Была надежда на гранату –
Уже без лишних слов и поз
Туда, навстречу “фердинанду”,
Мой друг со связкою пополз.
И взрыв! И за могучей встряской
Машина черная зажглась...
А мой товарищ по-крестьянски
Неторопливо щурил глаз.
И солнце за пшеничным полем
Садилось, красное, в леса...
И не сказал он: “Долг исполнен!” –
Он просто вытер пот с лица.*

Михаил НАЙДИЧ

ПОД СЧАСТЛИВОЙ ЗВЕЗДОЙ

Борис Александрович Булыгин – коренной курганец. Здесь он родился, вырос, отсюда в 1940 году призван на службу в Красную Армию.

В декабре 1941 года пришлось Борису Александровичу участвовать в труднейших боях под Москвой. Фашистские офицеры уже рассматривали красавец-город в бинокли, мечтая, как пройдут победным маршем по улицам главного города Советского Союза.

Но наши войска стояли насмерть. Каждый боец понимал, что отдать столицу фашистам невозможно. И если мы устоим на этих рубежах, дадим немцам достойный отпор, значит, одолеем врага. Должность Булыгина – связист, он всегда находился там, где наиболее опасно, несмотря на бомбежки, обстрелы, атаки... Во время одного из боев Борис Александрович был ранен.

Из госпиталя его направили на учебу в Рязанское пулеметное училище. Но в ноябре 1942 года курсанты училища были срочно отправлены под Сталинград.

Вот что рассказывал Булыгин о своем участии в Сталинградской битве:

– Все курсанты в спешном порядке были погружены в вагоны. Куда нас отправляют, не знал никто. Конечно, каждый понимал, что впереди фронт, но страха не было. Мы были ко всему готовы.

11 ноября в составе особого учебного батальона 41-й гвардейской стрелковой дивизии мы прибыли на Донской фронт. Наш батальон вел наступательные бои в направлении станции Клетская. В звании старшего сержанта я был командиром станкового пулемета “Максим”. Конечно, потери мы несли огромные – и людей теряли, и технику.

После нескольких атак батальон поредел наполовину, поэтому нас отправили на пополнение. После краткосрочной передышки подразделение отправили на Воронежский фронт, под город Калач. В то время фронтом командовал генерал Рокоссовский.

Нашему батальону противостояли части 8-й итальянской армии. Итальянцы – не немцы, они не оказывали большого сопротивления, часто сдавались в плен, и потому батальон быстро продвигался вперед. В конце декабря 1942 года с боями заняли местечко Конезавод имени Буденного. Здесь и встретили новый, 1943 год. Было небольшое затишье, итальянцы, видно, тоже хотели немного поспрадовать. А у нас были фронтные сто граммов, солдатская каша, черный хлеб... Праздник – есть праздник, тем более любимый всеми Новый год. Как и полагается, загадывали желание, которое у всех было одно: дожить до Победы и вернуться домой.

А днем 1 января был получен приказ – наступать. Выходных дней на фронте не бывает. Батальон быстро снялся с переднего края. Но немецкие летчики словно ждали этого момента. В безоблачном зимнем небе появились 15 фашистских “мессеров” и начали поливать нас огнем. Появились раненые, убитые. И я был ранен. Так во второй раз оказался в госпитале.

После выздоровления прошел офицерские курсы, получил звание лейтенанта. Участвовал в боях на Курской дуге. Потом воевал командиром пулеметной роты в составе 1-го, а затем 2-го Украинских фронтов. Освобождал Киев, участвовал в Яссо-Кишиневской операции, воевал в Венгрии, Румынии, Австрии.

Снова был ранен в январе 1945 года. После выздоровления направили служить в Прикарпатский военный округ. Работы было через край, ведь известно, что Прикарпатье – место действия Степана Бандеры, приходилось участвовать в опе-

рациях по задержанию бандитов. Лишь в 1946 году вернулся домой.

В органы внутренних дел Борис Александрович пришел в 1949 году – на должность командира взвода в ИТК-4. В системе исправительно-трудовых учреждений он проработал более пятнадцати лет. На пенсию вышел в звании майора внутренней службы. Уже находясь на пенсии, работал лектором, много лет являлся ответственным секретарем областного совета “Динамо”.

Среди боевых наград Бориса Александровича – ордена Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени, медали “За оборону Москвы”, “За взятие Будапешта” и другие.

Долгую жизнь даровала счастливая звезда Борису Булыгину. И прожил он ее достойно, честно, как и полагается бывшему фронтовику – офицеру.

Василий САЛМАНОВ

РУБЕЖ

*На самом трудном рубеже
К земле приникнешь –
Нет роднее,
Горит... Но думаешь в душе:
“Под Севастополем труднее”.
А позже –
Волжский плес в огне,
Прут снова танки. Ошалели.
И кто-то вспомнил обо мне:
“Под Сталинградом тяжелее”.
И помогало устоять
Всем новичкам в атаках новых
Уменье Родину обнять
И отыскать правофланговых!*

Михаил НАЙДИЧ

СЛУЖБА – ЕСТЬ СЛУЖБА

Петр Григорьевич Осипов на фронт ушел добровольцем в январе 1942-го. После окончания курсов радиотелеграфистов ему присвоили звание старшего сержанта и назначили командиром отделения в арtpолк 8-й противотанковой истребительной бригады.

Рассказывает Петр Григорьевич Осипов:

– В мае 1942 года нашу 8-ю противотанковую истребительную бригаду отправили на Воронежский фронт. В пути нас несколько раз бомбили, некоторые бойцы погибли, не доехав до фронта. При выгрузке личный состав нашей первой батареи был обстрелян с воздуха. Самолет буквально гонялся за нами, поливая пулеметными очередями. Спасаясь, мы бегали вокруг домов... К счастью, появились наши самолеты, в воздухе завязался бой, и из нас никто не пострадал. Таким было мое боевое крещение.

Западная часть Воронежа была занята немцами. Мы стояли с восточной стороны в обороне. Прибывали новые пополнения и боевая техника. Появились известные теперь всему миру “катюши”, которых немцы сильно боялись. Еще бы не бояться: снаряды-мины летели один за другим, падали в цель в шахматном порядке, рвались и оставляли после себя черное поле, как после вспашки.

Запомнился такой случай. После обстрела нашей батареи противником была нарушена связь с наблюдательным пунк-

том. Провода во многих местах были перебиты. А в это время позвонил командир артполка (с полком связь была) и приказал открыть огонь по немцам, которые пытались вклиниться в нашу оборону. Что делать, как наладить связь и передать команду? Провод нужен был только в изоляции. Мы на одной из машин нашли оголенный медный провод, но и ему обрадовались. Протянули на поврежденных участках – не по земле, а закрепив, как только было возможно: за траву, изгородь, колося пшеницы... И связь была восстановлена, боевая задача – выполнена. Командир первой батареи Петров объявил мне благодарность за находчивость, а политрук Попов организовал выпуск “боевого листка” по этому поводу.

Наши части готовились к наступлению. Меня назначили в отдел контрразведки при штабе 60-й армии. В составе отдела я участвовал в разминировании Воронежа. Немцы уже оставили город, но сильно его заминировали со всех сторон. Чтобы нашим войскам идти в наступление, нужно было разминировать подходы к Воронежу и сам город. Нелегкая это была задача. Мины разных калибров были установлены всюду – в снегу, на дорогах, в печах домов, в подвалах... В своих землянках-штабах немцы оставили заминированные вещи: часы, губные гармошки.

Зима, холод. Прибывающие в город войска расселяли в помещения, и вдруг через какое-то время отчетливо раздавались звуки часового механизма... Люди едва успевали покинуть их, а оставшиеся пустыми дома взлетали в воздух. В печах немцы оставляли вместо дров толовые шашки. Замерзшие солдаты, чтобы согреться, разжигали огонь в печках и... гибли.

Приходилось вести работу по разминированию днем и ночью.

Дальше воевал на Курской дуге. Освобождал Киев, Тернополь, Львов, Краков. Участвовал в боевых операциях на территории Германии, Чехословакии. После войны служил в составе группы советских войск в Германии.

В январе 1953 года в звании старшего лейтенанта был уволен в запас. В Кургане был рекомендован для службы в хозяйственный отдел УВД Курганской области. Служил примерно на разных постах вплоть до начальника хозяйственного

отдела УВД области.

Со 2 февраля 1980 года майор внутренней службы Петр Григорьевич Осипов вышел в отставку. Многочисленны его боевые и трудовые награды. На парадном кителе ветерана два ордена Отечественной войны, две медали “За боевые заслуги”, “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.”, “Жукова”, знак “За отличную службу в МВД”.

Такие боевые офицеры, как Петр Григорьевич Осипов, и на фронте, и в мирные дни были образцом службы для молодых сотрудников. На них стремились быть похожими, а их героическому прошлому – откровенно завидовали.

Юрий ГАВРИЛОВ

* * *

*Я на войне под гул раскатов
Еще безусым, молодым,
Пройдя нелегкий путь солдата,
Стал преждевременно седым.
Кого винить мне в том, Россия.
Когда пылала ты в огне?
Да разве мог по долгу сына
Я оставаться в стороне
От слез твоих, тревог, рассветов,
В себя впитавших кровь и дым,
А после прикрываться где-то
Высоким именем твоим!
И горд я тем, что там, где было
С избытком горя и смертей,
Россия, ты не усомнилась
В сыновней верности моей.*

Леонид ШКАВРО

БОЙЦОВСКИЙ ХАРАКТЕР

У истоков уголовного розыска области находился человек, талантливый во всех отношениях – Владимир Иванович Луцкий. За неполные два года, в течение которых он возглавлял отдел, сумел оставить о себе самые добрые воспоминания. Многие ветераны органов внутренних дел Зауралья до сих пор вспоминают капитана милиции Владимира Ивановича Луцкого – умного, отзывчивого, требовательного, самозабвенно преданного своему делу офицера.

....Как и все молодые парни, с самого начала войны Володя Луцкий рвался на фронт. В 1942 году с отличием окончил среднюю школу и стал курсантом Свердловского военно-пехотного училища, однако скоро его комиссовали с формулировкой “к строевой службе не годен”. Подвело здоровье Владимира Ивановича. Вернувшись в Курган, он поступил на службу в органы внутренних дел участковым уполномоченным в только что созданное УНКВД Курганской области. Было ему в ту пору всего 18 лет.

Уже через год Луцкий был назначен оперуполномоченным уголовного розыска УНКВД. Боевого, энергичного, не по годам смекалистого, его просто не могли не заметить. Через два года он уже был старшим опером, в 1948 году – начальником отделения, затем заместителем начальника отдела, а в 1952 году – начальником отдела уголовного розыска УНКВД Курганской области. Ни раньше, ни в последующие годы никто не

назначался на столь высокую и ответственную должность в 28 лет.

Желание навести порядок в молодой области, вовремя помочь людям, найти и обезвредить опасных преступников заставило его почти сутками быть на службе.

Его молодость, желание во что бы то ни стало достичь поставленной цели помогали очень быстро вживаться в любое дело и раскрывать очень сложные, запутанные преступления. Ему часто приходилось самому принимать участие в задержании особо опасных, вооруженных преступников. В него не раз стреляли, а одно ранение чуть не закончилось полной потерей зрения.

Долго такого напряжения даже молодой организм выдержать не мог. В 1953 году произошло несколько сердечных приступов, и медицинская комиссия безжалостно вынесла приговор: «инвалид первой группы». Это был жестокий удар. Мысли и желания его были здесь, в УНКВД, двери которого для него закрылись навсегда.

Феномен Владимира Луцкого – человека, по большому счету, далекого от оперативной работы, не имеющего к тому же специального образования, можно отнести к его природному таланту понимать и «вживаться» в любое дело, за которое он брался. С тем же успехом, как нам кажется, Владимир Иванович Луцкий мог бы достичь успехов на любом поприще, но он выбрал для себя не самую легкую долю – борьбу с преступностью и оставил после себя добрую память.

Стоит добавить, что в сентябре 1954 года Луцкий был награжден медалью «За боевые заслуги».

Состояние его здоровья после выхода в отставку было настолько тяжелым, что он практически был прикован к постели. Но Владимир Иванович не захотел мириться с болью, со своей беспомощностью и нашел для себя новое дело, которому отдался без остатка. Между приступами болезни Владимир Луцкий пишет очерки, рассказы, повесть, где под вымышленными географическими названиями легко можно узнать любимый автором город, близлежащие населенные пункты, а в героях повествования – коллег и друзей, сотрудников областного уголовного розыска.

Литературный труд Луцкого был оценен по достоинству. Его

повесть “Горбунцы” была напечатана в 1957 году в журнале «Советская милиция» (№№6,7). В сопроводительном письме главному редактору Владимир Иванович описал причину, из-за которой взялся за перо: «Всевозможных «историй» я расследовал много, и мне хочется показать истинное лицо преступника, сложность работы милиции, необходимость сделать борьбу с преступностью всенародным делом».

5 мая 1958 года приказом Министра внутренних дел СССР Луцкому Владимиру Ивановичу была вручена Почетная грамота “За активное участие в работе журнала “Советская милиция”. Воодушевленный таким прекрасным отзывом о его творчестве, Владимир Иванович подготовил к печати еще две своих повести: “Бродяга бежал” и “Ядовитый цветок”. Очень много времени отнимали переписка с редакцией, согласования, рецензии, корректура, а его (времени) Владимиру Ивановичу как раз и не хватало. В декабре 1958 года его не стало...

Рассказ о замечательном, талантливом, незаурядном человеке, коим был Владимир Луцкий, был бы не полон, если бы мы не вспомнили о его дочери Людмиле Владимировне Луцкой. Волею судьбы она, как и ее отец, связала свою жизнь с милицией. Заместитель начальника учебного центра УВД Курганской области полковник милиции Людмила Владимировна Луцкая, получив очередное специальное звание, сказала, что носить полковничьи погоны заслужил ее отец.

Глеб ЕГОРОВ

ОДНАЖДЫ В РАЗВЕДКЕ

В неполных девятнадцать лет судьба забросила Михаила Кочегина из родной деревеньки Новоспасовое Куртамышского района в огненный Сталинград. В составе отдельной саперной роты 93-й стрелковой бригады в октябре 1942 года он прибыл на Сталинградский фронт для пополнения 64-й армии, которой командовал наш земляк генерал Михаил Степанович Шумилов.

– 90 дней я, рядовой сапер, находился на Сталинградском фронте, – вспоминал Михаил Кузьмич. – Наша часть держала оборону на южном направлении Сталинграда. Однажды мне было приказано вместе с группой разведчиков ночью пробраться на передовую позицию немцев и захватить “языка”. Днем командир разведгруппы вел наблюдение за передним краем противника, изучал пути отхода. Ночью же, а она выдалась очень темной, мы, видимо, отклонились от намеченного маршрута и вышли на минное поле.

Я шел вслед за командиром и заметил противопехотные мины, остановил идущую за мной группу и подал сигнал командиру. Тот вернулся, но мину не заметил и взрывом был тяжело ранен. Я получил ранение в ногу, попал в госпиталь.

Вскоре был направлен на учебу в Горьковское танковое училище. Окончив его, в должности командира Т-34 в составе 35-й танковой бригады участвовал в боях на 2-м Прибалтийском фронте. После тяжелого ранения три месяца находился

в госпитале города Твери, после излечения, был откомандирован для дальнейшего прохождения службы в органах МВД. Это было в январе 1945 года

В управлении внутренних дел области майор милиции Михаил Кузьмич Кочегин прослужил 33 года на различных должностях. Уволен в запас с должности старшего инспектора отдела кадров УВД. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени, медалями “За боевые заслуги”, “За оборону Сталинграда”, “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.” и другими.

Добрую память оставил о себе Михаил Кузьмич Кочегин. Он всегда был там, где трудно, никогда не жалел сил для выполнения любого задания. В период службы в органах МВД окончил Владимирскую школу МВД СССР. Михаил Кузьмич личным примером научил многих, как надо жить и работать, чтобы с честью носить звание сотрудника органов внутренних дел. Он пользовался огромным авторитетом среди сотрудников милиции и широкой общественности.

Юрий ГАВРИЛОВ

БОГАТЫРИ

*Они просты собой, но тоже
Герои с доброю душой,
Хотя почти ничем не схожи
С былинным Муромцем Ильей!
Но сила их всегда посмеет
Поспорить с крепостью брони...
Да что броня! Она слабее,
Ее-то плавилы они.*

Леонид ШКАВРО

ВСЮ ЖИЗНЬ НА ПЕРЕДОВОЙ

Иначе и не скажешь об этом удивительном человеке – Василии Егоровиче Васильеве. Он прошел войну, а после демобилизации отдал более 30 лет жизни борьбе с преступностью.

Василий Егорович родился 27 августа 1926 года в небольшой деревеньке Патраки Кетовского района. С детства Вася тянулся к знаниям, хорошо учился в школе. Для него было настоящим праздником поступление в курганский сельскохозяйственный техникум. Он мечтал растить хлеб, приносить своими знаниями пользу родной земле, на которой родился и вырос.

Василий Егорович успел окончить лишь два курса техникума, когда его, 17-летнего паренька, призвали в ряды Красной Армии. Шел 1943 год. Фронт нуждался в пополнении.

Сначала был учебный батальон, потом фронт и 415-я Пинско-Мозырская дивизия. Васильев стал наводчиком 82-миллиметрового миномета, вскоре принял боевое крещение. Участвовал в ожесточенных боях. Провоевал до 18 ноября 1944 года, когда солдатская удача отвернулась от молодого бойца. Он не может ничего рассказать про тот бой, память словно наложила какой-то запрет на этот эпизод, оставив лишь яркую вспышку света и невыносимую боль в затылке. Со слепым осколочным ранением затылочной кости Васильев попал в госпиталь, где хирургам в течение суток пришлось бо-

роться за жизнь зауральского паренька. Спустя несколько месяцев, еще не совсем окрепшего после ранения Василия вернули в строй. И вновь передовая, бои за освобождение города Риги, упорнейшие и кровопролитнейшие бои за немецкую «суперцитадель» – Кенигсберг. Последний бросок по Балтийскому побережью к осажденному городу Пилау.

25 апреля 1945 года часть, где воевал Васильев, отвели в Кенигсберг. Ветеран сейчас вспоминает, сколько же было нетерпения у солдат, которые, зная, что могут погибнуть, буквально рвались в последний бой – битву за Берлин. Но судьба и командование распорядились иначе. Василию вместе со своими боевыми товарищами не пришлось в ней сразиться.

Война закончилась, а зауральскому солдату Васильеву еще не исполнилось и 19 лет. Василий возвратился домой в родное Зауралье, его гимнастерку украшали медаль «За отвагу» и орден Отечественной войны.

Василий Егорович выбрал для своей жизни вечную «передовую» – пришел служить в УВД Курганского облисполкома на должность оперуполномоченного уголовного розыска.

В 1953-54 годах учился в Таллиннской школе милиции, потом вновь вернулся на службу в Курган. Работать приходилось в то время по 14 часов в сутки, но уголовный розыск есть уголовный розыск, и поэтому часто бывший солдат не возвращался домой по нескольку дней. А его ждали жена и дети, которые, конечно же, понимали, что так надо, да что там надо, просто не мог Василий Егорович оставить незаконченным какое-нибудь розыскное дело, но все равно скучали и опасались, чтобы с мужем и отцом чего-нибудь не случилось.

Вплоть до 1986 года, почти 35 лет, Васильев служил в органах внутренних дел, пройдя путь, от простого опера до начальника отделения уголовного розыска УВД Курганской области. Но потом его настигло эхо войны – боевые ранения сказались на здоровье ветерана Великой Отечественной войны, и он был вынужден уйти в отставку.

Прошли годы, подросли внуки, теперь мечтающие пойти по стопам деда, который в их глазах олицетворял честность, порядочность, трудолюбие и неизменную любовь к жизни и гармонии в ней.

Евгений УСАЧЕВ

В НЕБЕ НАД БУДАПЕШТОМ

Осень 1944 года застала Петра Безрукова под Будапештом. Позади сотни километров военных дорог, пройденных в составе Второго Украинского фронта. Впрочем, “пройденных” – сказано неверно, ведь Безруков в войну был стрелком-радистом на боевом самолете. Эскадрилью бомбардировщиков, в том числе и “Ил” Петра Безрукова, перебросили для поддержания наступления наземных частей, штурмовавших столицу Венгрии. Город был взят в кольцо, шли жестокие бои, фашисты не щадили никого и ничего вокруг. Прекрасные архитектурные сооружения, которыми славился город, были почти полностью разрушены, но и эти руины враг не собирался сдавать без боя. Оборона оставалась пока еще сильной. Вся надежда по успешному взятию города возлагалась на авиацию.

...Два вылета прошли нормально. Наши самолеты возвратились без потерь. И снова, нагрузившись бомбами, одна за другой машины поднимались в воздух. Готовилось наступление, и надо было во что бы то ни стало подавить оборону противника.

Отбомбились успешно. Петр видел, как “илы” выстраиваются в звенья и разворачиваются домой. Но его пилот, капитан Самохвалов, не торопился. Самолет быстро шел на снижение. Безруков понял замысел командира: хочет провести штурмовку окопов противника, благо снарядов полный комп-

лект, не везти же их назад. Петр в очередной раз прицелился и выпустил несколько пулеметных очередей. И тут самолет круто взмыл вверх: из-за облаков подобралась “мессершмидты”, но капитан заметил их вовремя и успел уйти под прикрытием наших истребителей. Завязался воздушный бой.

Петр увидел, что один из “мессеров” заходит к ним в “хвост”. Безруков стрелял беспрерывно, однако фашист не отставал. Тут Петр почувствовал толчок в грудь, сгоряча не понял, что это такое и продолжал стрелять.

Самолет начал терять высоту. Безруков, так и не выпустив из рук гашетку пулемета, потерял сознание. Уже потом, в медсанбате, ему рассказали, что их горящий “Ил” приземлился на нейтральной полосе. А вскоре его и летчика вытащили санитары.

За этот бой стрелка-радиста Петра Безрукова наградили орденом Красной Звезды. Петр после лечения мечтал вернуться в свою часть, но... Списали медики воздушного стрелка на землю.

Весть о победе над фашистской Германией догнала его уже под Курганом, на пути домой. Безруков поступил на службу в милицию. Отличник милиции, старший сержант Петр Безруков стал кавалером медалей “За безупречную службу”.

Михаил ПРИБЫЛЬСКИЙ

КИНОХРОНИКА ЖИЗНИ КУЗЬМЫ САФРОНОВА

Капитану милиции в отставке Кузьме Савельевичу Сафронову – автору более 400 документальных короткометражных фильмов о деятельности милиции – восемьдесят лет. Но он бодр, молод душой и остается интереснейшим собеседником. Главные ценности в жизни у него – работа и семья. К любой из них всегда относится творчески, что и дает ему вдохновение и успех. Считает себя счастливым человеком.

Кузьма Савельевич ушел на фронт 25 августа 1941 года. Служил на Северном флоте, недалеко от Мурманска, где базировалось подразделение истребителей под командованием дважды Героя Советского Союза Бориса Феоктистовича Сафонова. Был шофером автороты аэродромного обслуживания 30-й авиабригады Северного флота. Бригада принимала участие в боевых операциях Карельского фронта.

Возвратился домой 11 апреля 1947 года. В то время в Кургане было большое наводнение. Вода доходила до железнодорожного моста. С почти затопленного курганского вокзала он сразу уехал в село Сухмень Лопатинского района, где его мать Василиса Петровна и родня заждались. А через две недели он уже работал шофером Сухменской машинно-тракторной станции.

В 1956 году райкомом партии Сафронов был направлен служить в районный отдел внутренних дел. А год спустя – на учебу в Рижскую школу милиции. А после был участковым

инспектором в селе Введенское Кетовского района.

Все трогательные воспоминания связаны у Кузьмы Савельевича с деревней. В сельской местности прожил более сорока лет. Остались в памяти воспоминания, как в детстве радовался приобретенной белой заячьей шапке и подарку дяди – балалайке, которая стала семейной реликвией. Под нее давным-давно любила плясать его жена. Именно с игры на той балалайке он еще сильнее пристрастился к музыке. Поэтому на первую зарплату – деньги, полученные от реализации сливок, купил звенигородскую гитару. С ней бывал на молодежных вечерах. Танцевал вальс-бостон, лихо плясал чечетку. За лето исплясывал по три пары ботинок.

– Не болели бы ноги, то и сейчас сплясал бы на все восемьдесят, – сказал он. А помолчав, поведал, что таким жизнерадостным человеком слыл и его отец Савелий Кузьмич – первый председатель Привольненского сельского Совета, бывшего Лопатинского, ныне Половинского района. Он с детства приучил к порядочности, честности, вниманию к людям, бескорыстной помощи. Поэтому, на какой бы работе ни трудился Кузьма Савельевич, его всегда отличали эти черты характера. Многие обязанности постигал в совершенстве. На работе ему объявлялись только благодарности. А в 1957 году получил еще медаль “За спасение утопающих”.

Третьего ноября во время обеденного перерыва шел из дома в райотдел. И вдруг услышал пронзительный крик. Он доносился с озера. Побежал туда и вскоре увидел на берегу толпу людей. В ледяной воде – девочку лет четырнадцати, которая, выбиваясь из сил, держалась за кромку льда. Кузьма Савельевич выдернул две жерди из плетня огорода и бросился на помощь утопающей. Продвигался вначале быстро, но, не дойдя до девочки где-то метров десять, сам провалился в воду.

– Она мгновенно обожгла. Попытался выбраться на ледяную поверхность, но не смог. Так и пошел дальше по дну озера, ломая локтями лед. Подошел к школьнице, взял ее на руки и стал возвращаться старым следом. Когда оказался неподалеку от берега, односельчане помогли выбраться из воды. Доску с веревкой столкнули в озеро. Я за нее ухватился. Так и вытянули на сушу, – вспоминает Кузьма Савельевич Сафро-

нов. – Потом женщины увели в избу. Начали натирать водкой, чтобы не простыл. Принесли сухую одежду. Чудом не заболел...

БЕСЦЕННЫЙ ОПЫТ

Деревенская взаимовыручка, надежная, бескорыстная поддержка помогали выжить людям его поколения. Это был свой, ни с чем несравнимый российский вариант выживания. Распознав его, Сафронов применил на практике. Оттого позднее и в работе участкового уполномоченного ему не находилось равных. Не случайно на базе Введенского участка в ту пору проходил семинар участковых инспекторов. Обобщался и анализировался поистине ценный опыт, ведь за восемь лет деятельности Сафронова число правонарушений здесь сократилось почти в шесть раз. Ни одно из них не оставалось нераскрытым. В этом ему помогли односельчане. Благодаря общим усилиям, в селе удалось навести порядок. До этого Введенское часто будоражили различные тревожные сообщения. Едва Кузьма Савельевич приехал сюда, как обворовали ларек.

– Похитители утащили фотоаппарат, лотерейные билеты и несколько бутылок водки. Осмотрел место происшествия и попросил покараулить оставшееся спиртное мужа местного бухгалтера, надеясь на то, что он сохранит до моего прихода переданную ему на хранение продукцию. Но тот не устоял перед соблазном и устроил недостачу. И угодил за решетку вместе с другими грабителями этой торговой точки, – рассказал Сафронов.

В первый год работы Кузьмы Савельевича в селе совершилось 54 преступления. Месяцами он не знал ни сна, ни отдыха. И осознал, что одному никак не справиться ни с раскрытием правонарушений, ни с их профилактикой. Поэтому на сессии сельского Совета предложил с нарушителями бороться сообща. Односельчане его в этом поддержали. Так во Введенском появились дружинники и общественные уполномоченные. Они не только патрулировали по улицам, но и выполняли другие поручения Сафронова, касающиеся предотвращения преступлений. Таким образом, организовался своеобразный райотдел на общественных началах.

В 1966 году, когда деревни и села Кетовского района стали бороться за звание «Населенный пункт образцового общественного порядка», по инициативе Кузьмы Савельевича, здесь создано дополнительно еще несколько дружин, которые подчинялись только штабу. Помимо патрулирования на дорогах они контролировали и выполнение школьниками распорядка дня, пьяных людей определяли в медвытрезвитель.

Помогала перевоспитывать любителей спиртного Кузьме Савельевичу и кинокамера «Ока-16», которую выдали ему по его просьбе после одного из районных совещаний. И она стала самым метким оружием. Как только замечал Сафронов тех, кто изрядно захмелел и ведет себя недостойно, снимал их на пленку. После подготовки сюжета договаривался с кинемехаником и показывал в клубе свое кино перед очередным художественным фильмом. Сельчане смотрели на себя со стороны, как они живут. Складывалась киноистория села.

Иные кадры ошеломляли. Для нарушителей порядка кинокамера оказалась страшнее пистолета. Увидев ее в руках Сафронова, они убегали, если, конечно, могли, бывало, прятались. То есть предпринимали все, чтобы не попасть в кадр. Покою им не было ни днем, ни в сумерки - Кузьма Савельевич мог с успехом вести как дневные, так и ночные съемки, снимать черно-белые и цветные ленты. Кинокамера действовала без поломок. Домашняя «лаборатория», где монтировались документальные короткометражные фильмы, тоже не знала технических перерывов. Технология отлаживалась упрощенная, но надежная. Вода для проявки очередной киноленты поступала по резиновым шлангам из двух поливальных бочек. Необходимые растворы для проявки Сафронов тоже готовил сам. После завершения творческой работы зрители узнавали новых «героев» фильмов.

В дальнейшем снимки отдельных сюжетов про сельчан, имеющих пристрастие к спиртному, привели к созданию документального короткометражного фильма «Тени сами не исчезают» о взаимодействии правоохранительных органов и общественности в борьбе с пьянством. За актуальность и неординарное освещение темы фильм оказался удостоен диплома облсовпрофа первой степени, в 1979 году он отмечен на Всесоюзном конкурсе любительских фильмов.

Кузьма Савельевич Сафронов стал кинооператором телевизионных журналов «Еж» и «Моя милиция». Уже в первые годы его творчества на областном телевидении было показано более двухсот различных сюжетов. За активное участие в подготовке передач Кузьма Савельевич награждался дипломом областного комитета по телевидению и радиовещанию.

Во время творческих поездок в другие города он знакомился с кинорежиссерами-профессионалами. Некоторые, увидев сюжеты одаренного любителя, завидовали ему. Для них оставалось загадкой, как участковый уполномоченный из глубинки на допотопной кинокамере совершает чудеса – выхватывает такие моменты из жизни, которые они мечтали отснять долгие годы. Они смотрели на него и не могли понять, как героиня фильма «Сибирский цирюльник», загадочную русскую душу, способную так сопереживать.

В своих сюжетах Кузьма Савельевич Сафронов словно проживал жизнь своих героев. Показывал присущие только им поступки, черты характера. При многочисленном количестве короткометражных фильмов не найдется двух одинаковых композиций.

Жизнь в разных временах, ситуациях отчетливо просматривается и в фильмах. Не раз отмечался на различных конкурсах документальный фильм «Последний бой», который Кузьма Савельевич Сафронов подготовил в соавторстве с Александром Дудко, о героизме курганского милиционера Валерия Собанина.

То, что каждая встреча с вооруженным преступником может быть последней, Кузьма Савельевич испытал не раз. Ведь в должности участкового уполномоченного проработал около десяти лет. Однажды оказалось поистине трудно изъять заряженное ружье у психически больного человека, который бежал с ним по селу и в любой момент мог совершить преступление.

В другой раз ему представился еще один непростой случай – обезоружить убийцу, чтобы он во время эмоционального срыва не принес еще кому-нибудь горя. Об убийстве Сафронову тогда сообщили вечером. Поссорились двое молодых людей, и один другого ударил гвоздем. Угодил в сердце. Происшествие взбудоражило сельчан. Они столпились около усадьбы убийцы в непредсказуемом яростном ожидании, на-

меревались увидеть человека – преступника. Тот боялся людей. Занавесил окно в доме одеялом, закрыл на ключ дверь и не выпускал из рук топор. Кузьма Савельевич попытался войти, но тот категорически отказался впускать его в комнату. Дверь пришлось открыть ломом. Когда она отворилась, убийца продолжал стоять с топором. Сафронов предложил собираться преступнику в райотдел, чтобы избежать столкновения с родственниками погибшего. Через некоторое время, осознав ситуацию, тот согласился.

– Потом я нашел улику – злополучный гвоздь. Нервное напряжение оказалось настолько сильным, что когда пришел домой и выпил стакан водки, не почувствовал никакого эффекта, – сказал Кузьма Савельевич.

И продолжил разговор о том, что снимать фильмы – ничуть психологически не проще, чем раскрывать преступления. До сих пор отчетливо помнит одну поездку в село Глядянское. Туда в семидесятые годы через несколько десятилетий после войны неожиданно пришло поздравление с праздником человеку, который считался погибшим. Родственники и радовались, и недоумевали. Для того, чтобы узнать правду о родном человеке, не вернувшемся с фронта, обратились в правоохранительные органы. Они направили запросы гражданину – отправителю поздравления и в часть. Оказалось, что отправитель поздравительной открытки, служивший раньше вместе с нашим земляком, не знал об его участии. Нежданно выяснились обстоятельства гибели зауральяца.

– В то время он находился в партизанском отряде и был послан в разведку. Переодевшись в немецкую форму, отправился в район расположения противника. Немцы его поймали, разоблачили и расстреляли. Похоронили. Партизаны вначале решили, что разведчик – предатель. Лишь позднее выяслилась истина, – объяснил Кузьма Савельевич.

Вместе с представителем паспортного стола областного центра приезжал Сафронов в село Глядянское, чтобы сообщить родным подробности гибели партизана. Сюжеты для фильма, как он вспоминает, снимал сквозь слезы.

Неравнодушно он относится и к любой другой теме. Поэтому его творческие работы находили понимание. Отмечались как на областном, так и на всесоюзном уровне. Это касается

как документального короткометражного фильма «Что лучше охоты» об охране родной природы, так и киноленты «В интересах детей», рассказывающей о лишении родительских прав. С ней он ездил и на конкурс в Тулу. Завоевал первое место. И вернулся домой со знаменитым тульским самоваром. С тех пор около него в праздники собирается вся семья – супруга, сын и дочь, внуки и правнуки. С женой Анной Даниловной в 2000 году справили золотую свадьбу. Счастливые семейные годы вспоминать приятно, как и трудовые. За свой многолетний труд Кузьма Савельевич награжден знаком «Отличник милиции», медалями всех трех степеней «За безупречную службу», многочисленными грамотами.

Пристрастие к милицейской службе передалась через поколение – внукам. Евгений Лобанов сейчас работает в уголовном розыске ТОМ-3. Роман Сафронов после окончания высшей школы милиции уехал следователем в Пермь. Может быть, сохранят эти традиции в будущем и кто-нибудь из пятерых правнуков. Кузьма Савельевич надеется, что его дело будет продолжено.

Надежда РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

В БОЯХ ЗА БЕРЛИН

Михаил Иванович Фомин родом из Шадринска. Восемнадцатилетним юношей был призван в армию. После окончания 1-го Ленинградского военного училища, которое в годы войны располагалось в городе Березники Свердловской области, направлен на 3-й Украинский фронт командиром минометного взвода. В ожесточенных боях за город Николаев был тяжело ранен. После выздоровления – снова фронт. Тот же – 3-й Украинский. Снова был командиром минометного взвода второго танкового корпуса 12-й бригады. И вновь ранение, на этот раз тяжелое. В августе 1944 года направлен на первый Белорусский фронт. Участвовал в боях за освобождение Варшавы и взятие Берлина.

Наверное, тем из фронтовиков, кому довелось дойти до Берлина и участвовать в заключительных боях с фашистами, наиболее памятливы мгновения именно этих боев. Вот и Михаил Иванович, на просьбу рассказать о самом памятном событии войны, поведал о последних сражениях в логове врага.

– В последние месяцы войны мне довелось воевать на первом Белорусском фронте в составе 11-го танкового Радомско-Берлинского Краснознаменного орденов Суворова и Кутузова корпуса. Принимал участие в битве за овладение Зееловскими высотами, что в 75 километрах от Берлина. Высоты были очень сильно укреплены на всем протяжении до Берлина. Немцы считали их ключом к своей столице.

Я в то время был командиром полковых 120-миллиметровых минометов. Мы оборудовали наблюдательный пункт на высоте. Но вскоре вынуждены были его оставить – пришел взвод саперов во главе с подполковником, который указал нам место на карте, куда мы должны перебраться, а здесь ему был дан приказ оборудовать наблюдательный пункт для командующего фронтом маршала Георгия Константиновича Жукова. Мы выполнили его распоряжение.

После разведки боем ночью началось наступление. Противник вел очень сильный и плотный огонь из всех видов оружия. По цепи была дана команда: “Назад не оглядываться!”

В этом бою был взят в плен немецкий офицер, обер-лейтенант. Я был очевидцем допроса его Георгием Константиновичем Жуковым. Маршал сказал немцу, что сопротивление бесполезно, через два дня советские войска будут в Берлине. Спокойно так сказал. Немец заносчиво ответил: “Не видать вам Берлина, как своих ушей!”

Пленного увели. Но бои за высоты были действительно очень жестокие и кровавые.

После штурма Зееловских высот советские войска вошли в Берлин. Враг отчаянно дрался за каждый клочок улицы, каждый дом. Но остановить боевой и сердечный порыв солдат было невозможно. Все понимали – со взятием Берлина конец войне.

В дальнейшем наш корпус участвовал в штурме рейхстага. Когда над этой цитаделью фашизма взметнулось красное знамя, для каждого участника штурма это метавшееся по ветру красное полотнище стало своеобразным маяком, указывающим путь к Победе. И мы упрямо шли вперед, где из-за каждого камешка, каждого поворота ждала солдата смерть. Но каждый верил, что если уж дошли до Берлина и над рейхстагом флаг Победы, то впереди нас ждет долгая и счастливая жизнь. До Победы оставались считанные дни...

В апреле 1947 года Михаил Иванович вернулся в Шадринск, стал работать военруком Шадринского финансового техникума.

С мая 1950 года служил в органах исправительно-трудовых учреждений УВД Курганской области на различных должностях культурно-воспитательной работы.

За боевые дела Михаил Иванович награжден: орденами Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды, медалями “За освобождение Варшавы”, “За взятие Берлина”, “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.”.

Все получилось так, как мечтали наши воины, проходя по плюющим смертоносным свинцом улицам Берлина: тому, кто дошел до Берлина, уготована долгая и счастливая жизнь. Такая, как у Михаила Ивановича Фомина.

Василий САЛМАНОВ

ТИШИНА

*Снова в буйном расцвете весна,
Утро песней звенит соловьиной.
В этот час отаремела война,
Стяг Победы зардел над Берлином.*

*А какая стоит тишина!
Здесь вчера лишь война догорала.
Напилась нашей крови сполна,
А потом навсегда замолчала.*

*Не забудутся будни войны
И с врагами жестокие схватки.
Где вы, милой Отчизны сыны?
Ждут вас матери, дети, солдаты...*

*Чтобы мир утвердить на земле,
Чтоб жила, расцветая, планета,
Вы остались лежать в тишине,
Заплатив своей жизнью за это.*

*Над Европой стоит тишина.
Вы представьте ее на мгновенье!
Сорок пятого года весна —
Словно нового мира рожденье.*

Иван ШАЛЯПИН

А ЧЕМ ИЗМЕРИТЬ БОЛЬ НАРОДА?

Петр Егорович Черкасов родился в 1923 году в деревне Шепотково Кетовского района. На фронте с августа 1942 года. Был ранен, контужен. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени, медалями “За отвагу”, “За оборону Сталинграда”, “За взятие Кенигсберга”. “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.”, имеет четыре Благодарности от Верховного Главнокомандующего И.В.Сталина.

После войны работал в органах МВД. Награжден медалями “За безупречную службу” 1-й, 2-й, 3-й степени.

Служба моя началась в марте 1942 года в составе 32-го лыжного полка на Увале. Казалось, дом рядом, а не ускочишь, дисциплина была жесткая, военная. Учился на минометчика. Обстановка на фронте была тяжелой, и в начале августа в составе маршевой роты я был отправлен на Сталинградский фронт. Зачислили меня в ампулометный взвод 895-го стрелкового полка 62-й армии. Мы должны были уничтожать, а точнее, жечь фашистские танки. Боевое крещение было настоящим. При переправе через Волгу нашу баржу разнесло прямым попаданием снаряда, кто уцелел, добирались до правого берега вплавь. Там я был зачислен в стрелковую роту, которая была срочно брошена в район завода “Баррика-

ды” и Сталинградского тракторного завода.

С ходу мы вступили в уличные бои с гитлеровцами. Немцы здесь ввели свежие силы и при поддержке танков отчаянно атаковали, но безуспешно. На защиту заводов, кроме регулярных частей, встали рабочие дружины, а командование фронтом то и дело направляло сюда резервы для пополнения. Бои были настолько ожесточенными, что описать их просто невозможно. Уже к концу первого дня от роты осталось нас около взвода. А вечером и ночью фашистские самолеты бросали то и дело на нас бомбы разных калибров. Дрожала и шевелилась, как живая, земля. Днем это делать немецким летчикам было сложно, так как между нашими позициями и гитлеровцами были считанные десятки метров. А отдельные группы солдат с той и другой стороны отбивались в окруженных зданиях, а порой и в одном доме только на разных этажах. Здесь главным оружием были автоматы и гранаты. Кругом были развалины, а едкая кирпичная и известковая пыль круглые сутки висела в воздухе. Было трудно дышать. Не хватало воды и продовольствия. Даже ночью грохот и пальба не стихали. Сна в нормальном понимании не существовало. И это выматывало больше всего. Выживали за счет величайшего нервного напряжения.

В первых числах октября меня сильно контузило. Товарищи вынесли и умудрились отправить за Волгу. Был направлен в эвакуогоспиталь, а через месяц зачислен в 42-ю саперную маршевую роту, которая шла на формирование в тыл. В Челябинске прошло переформирование части, и меня направили в артиллерийский полк. Стояли в лагерях, зима, тридцатиградусные морозы, а обмундирование – шинели да сапоги. И надумал кто-то проводить тактические учения полком, приближенные по своей сложности к фронтовым. В результате многие бойцы пообморозились. У меня после отморожения отняли большие пальцы на обеих ногах. Три месяца провалялся в госпитале.

На фронт угодил только в июне 1943 года, на Брянское направление, в составе истребительного противотанкового полка 76-миллиметровых пушек. Особенно трудно нам далось освобождение города Почепа. У деревни Старины понабили мы немецких танков и пехоты, и они нас крепко поколошмати-

ли. Мы деревеньку эту три раза брали и три раза оставляли после напора гитлеровских танков и мотопехоты. Но все-таки одолели мы, хоть и осталось в живых только четверть личного состава. За эти кровавые бои я и был удостоен первой награды - медали "За отвагу".

Освобождая города Жлобин и Бобруйск, "искупался" в реке Друть при ее форсировании. Но оборону гитлеровцев прорвали и нанесли им большой урон. За эти бои личный состав нашего полка был удостоен Благодарности Верховного Главнокомандующего Иосифа Виссарионовича Сталина. Что бы сегодня ни говорили об этом человеке, но вниманием таким к войскам мы дорожили. Благодарности эти и письма у многих фронтовиков и сейчас хранятся. И это правильно. Сражались мы за Отечество, а это как отметина за мужество и доблесть, страничка истории личного участия.

В августе 1944-го был тяжело ранен и контужен. Только в декабре вернулся в свой полк. И что удивительно, вернулся как в родную семью, хотя личный состав уже наполовину сменился. При форсировании реки Нарев меня снова ранило, но позиции я не покинул, удачно отбивал контратаки немцев, что позволило обеспечить переправу и расширить плацдарм. Был награжден орденом Красной Звезды.

За весну 1945 года пришлось дважды побывать в госпиталях. Немцы еще огрызались здорово, но и мы настроились на Победу. Вдохновение какое-то жило в войсках. Участвовал во многих боях, мечтал дойти до Берлина. Но под Пилау опять сильно контузило. День Победы встретить пришлось в полевом госпитале.

Думаю теперь – сколько пришлось народу нашему пережить за войну, если на мою скромную жизнь столько горестей, болестей и увечий выпало? И неужели новые поколения внуков и правнуков наших об этом позабудут? Нет, такого не должно стать!

записал Геннадий УСТЮЖАНИН

ТРИ БОЕВЫХ ПОХОДА ЗА СПИНОЙ

Я уже немало живу на свете, – с этих слов Николай Иванович Очеретин начал рассказ о себе. – Родился 25 декабря 1916 года. В 30-е годы учился в железнодорожном ФЗУ. Потом работал в локомотивном депо станции Курган слесарем.

В августе 1937 года был призван в Красную Армию в 82-й полк, который находился в городе Красноуфимске Свердловской области. Полк входил в состав Уральского военного округа. Через два года службы был уволен в запас. Вернулся в родное депо.

Когда развернулись военные действия с Финляндией, меня снова призвали в армию. Был командиром отделения в составе особого погранотряда. Дислоцировались мы сначала в городе Мурманске, а затем в военном порту Петсамо. После заключения договора об окончании военных действий с Финляндией наш отряд был расформирован. Снова демобилизация. Возвратился в Курган, опять пришел в депо.

Началась Великая Отечественная война с фашистской Германией. Написал заявление с просьбой отправить на фронт. В августе 1941 года был направлен в 367-ю стрелковую дивизию, которая находилась в Шадринске, и зачислен помощником командира взвода разведки 140-й отдельной разведывательной роты.

Через три месяца наша дивизия вошла в состав Карельс-

кого фронта. Шли ожесточенные бои в районе Медвежьегорска. Дни и ночи смешались. Дивизия понесла большие потери. В феврале 1942 года была выведена в тыл для пополнения. Наша 140-я отдельная разведывательная рота была передана в состав 37-й стрелковой дивизии.

Снова ожесточенные бои. В марте 1942 года я был тяжело ранен. Лечился в госпиталях Архангельска, Перми, долечивался уже в госпитале на станции Мураши Кировской области. Признан инвалидом и уволен из Красной Армии.

Вернулся домой. Работал в инструментальном цехе завода № 603, мастером. В 1943 году по решению горкома партии был направлен на работу в НКВД города Кургана в качестве оперуполномоченного. В 1948 году переведен в органы МГБ Литовской ССР, где служил оперуполномоченным до марта 1951-го. Затем был переведен в управление Министерства Госбезопасности города Челябинска, а в 1954 году – в УВД в качестве оперуполномоченного. В 1967 году из органов уволен на пенсию по возрасту.

Но отдыхать не стал, устроился на работу, вначале смотрителем НГЧ Курганского отделения Южно-Уральской железной дороги, а через два года переведен на работу в горкомхоз города Кургана, где работал до 1976 года начальником бюро по обмену квартир.

Николай Иванович Очеретин награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями “За боевые заслуги”, “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.”, Жукова.

записал Юрий ГАВРИЛОВ

ПЛЕЧОМ К ПЛЕЧУ

С первых дней войны Зауралье жило напряженной жизнью, давая фронту все необходимое, в том числе и подготовленные кадры – бойцов и командиров. Круглосуточно работали заводы, трудились колхозники на полях. В таком же ритме несла службу и милиция.

Надо было обеспечить безопасность людей и непрерывно поступающего оборудования заводов. Спали всего по несколько часов в сутки. Лозунг “Все для фронта, все для Победы!” – был актуальнейшим и для милиции.

С началом войны криминогенная обстановка в городах и селах Зауралья, как и во всей стране, заметно осложнилась. Трусы, подлецы и мерзавцы всех мастей пополнили ряды уголовников. В 1942 году преступность в стране возросла на 22 процента. Наибольший рост произошел за счет тяжких преступлений: убийств, разбоев, грабежей и краж. Люди не знали, где затаился враг, а он был рядом, порой маскируясь под личиной добропорядочного гражданина.

Это подтверждают и примеры из жизни бывшего заместителя начальника отдела уголовного розыска города Кургана Иванова Федора Алексеевича. Сотрудники уголовного розыска, возглавляемые Ивановым, только за один месяц раскрыли ряд преступных групп: 6 июля 1944 года арестовали группу воров в составе Леонова, Сафронова, Мальцева; 18 июля задержали квартирных воров Шушарева и Попова; 19 июля аре-

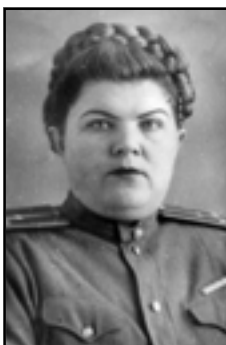
ствовали Шабуцкого и Матвеева, которые систематически грабили квартиры горожан; 23 июля обезвредили группу воров и грабителей, в которую входили ранее судимые Губанов и Козлов.

Почти каждый день задерживали преступников, а они появлялись снова и снова. За годы военных лет Федор Алексеевич раскрыл не одну сотню всевозможных преступлений, задержал немало преступников, которые совершили тяжкие преступления и убийства. Прячась в лесах, подбирая себе подобных, многие преступные группы буквально терроризировали население. Так банда, во главе с Яшкой Большаковым, действовала в Куртамышском районе. Молодой участковый уполномоченный Горбунов Александр Самсонович неоднократно пытался пресечь преступника, но в одиночку у него это не получалось. Вскоре к нему прибыла подмога. Принятыми мерами с бандитами было покончено. И подобные ситуации случались во многих районах.

Война значительно осложнила положение милиции. Лучшие работники добровольцами ушли на фронт. На смену им пришли пенсионеры, инвалиды и женщины. Партия и правительство призывали всех честных и порядочных людей, кто мог с оружием в руках охранять по военному суровый, но очень необходимый правопорядок.

Степанова

Александрова

Зырянова

В грозном 1941 году значительно пополнили ряды милиции женщины и девушки, пришла работать в отдел кадров УВД Степанова Любовь Ивановна и 30 лет, как говорят от звонка

до звонка, исполняла различные обязанности в нелегкой службе органов внутренних дел.

Александрова Анна Александровна начала работать в НКВД с июля 1942 года. Она бралась за любую работу: исполняла обязанности секретаря, старшего оперуполномоченного, заместителя начальника отделения. Позднее, как более опытного сотрудника, ее назначили начальником отдела. И так, тоже почти 30 лет, не снимая погон, она служила делу, с которым порой не справлялись и мужчины.

Зыкова

Азарова

Косачева

В декабре 1942 года была принята на работу в ГАИ города Кургана Зырянова Наталья Мефодьевна. В этом же году пришла работать в паспортный стол Зыкова Таисья Абрамовна. Чуть позднее влились в состав отдела внутренних дел Половинского района Горбунова Валентина Самуиловна, затем Азарова Августа Матвеевна.

Мальцева

Яковлева

Жернакова

По рекомендации комсомольских и партийных организаций на службу в милицию пришли Косачева Нина Николаевна, Мальцева Анна Ефимовна, Яковлева Анастасия Семеновна, Быкова Лидия Прокопьевна, Володина Елена Павловна и многие другие.

Кожевникова

Володина

Боброва

Заменили мужей, ушедших на фронт, Жернакова Анна Ивановна в Катайском районном отделе милиции, Кожевникова Анна Дмитриевна в Шумихинском РОВД.

Много их, боевых, задорных девчонок, влилось в ряды милиции. Не хватало необходимого обмундирования, питались кое-как, однако девчата не унывали. Они видели – все так живут, вся страна переживала одни и те же трудности. А они – люди в погонах должны были показать, как все эти беды победить.

Клавдия Александровна Каргаполова в милицию пришла за год до начала войны. За это время она успела набраться определенного опыта, что позволяло ей морально поддерживать девчат и нередко быть старшей при патрулировании улиц в ночное время. Днем исполняли возложенные на них обязанности, а ночью вылавливали дезертиров, мародеров и преступников.

Военные годы для города Кургана были переломными. В феврале 1943 года была образована Курганская область, а 11 февраля 1943 года Приказом НКВД СССР за № 00268 было создано Управление НКВД по Курганской области. Менялась структура административного деления области, а вместе с ней

расстановка районных отделений НКВД и штаты. С созданием Управления НКВД области больше внимания стало уделяться конкретной работе на местах, отбору сотрудников, желающих работать в органах внутренних дел.

...Как и все молодые парни, Луцкий Владимир Иванович рвался на фронт. В 1942 году он отличником окончил среднюю школу, стал курсантом Свердловского военно-пехотного училища, однако очень скоро его комиссовали с формулировкой “к строевой службе не годен”. Вернувшись в Курган, он поступил на службу в органы внутренних дел, в только что созданное УНКВД Курганской области.

Был назначен участковым уполномоченным, но уже через год он переведен на оперативную работу, оперуполномоченным уголовного розыска УНКВД. Через два стал старшим оперуполномоченным, а в 1948 году – начальником отделения, затем заместителем начальника отдела, а в 1952 году – начальником отдела уголовного розыска УНКВД Курганской области. До него никто не назначался на столь высокую и ответственную должность в 28 лет. Желание навести порядок в молодой области, вовремя найти и обезвредить преступников, заставляло его почти сутками не уходить со службы.

Начали прибывать раненые фронтовики. Из них и отбирали склонных к службе в милиции.

В 1943 году, после снятия блокады Ленинграда, больного, истощенного Константина Михайловича Вакулича привезли на поправку в Курган. С первых дней жизни в областном центре он пришел на службу в милицию, вначале участковым уполномоченным, а затем оперуполномоченным в уголовный розыск, раскрыл не одну сотню сложных, запутанных и опасных преступлений, за что неоднократно награждался, был удостоен ордена Ленина.

Чем-то похожая судьба сложилась и у Александра Феофановича Обабова. После тяжелого ранения под Ленинградом в 1943 году почти полгода он провалялся на больничной койке, а по прибытии в Курган сразу же пришел работать в милицию, вначале в качестве милиционера в особый взвод, а затем пожелал работать инспектором дорнадзора ГАИ Октябрьского ОВД. 30 лет отдал Александр Феофанович службе в милиции. В его личном деле почти одинаковые записи: на-

гражден, поощрен за добросовестное отношение к работе, за проявленную инициативу и находчивость, за проявленную бдительность... Все водители областного центра знали его требовательность, высокую принципиальность, честность и неподкупность. В 1971 году, за высокие показатели в работе, добросовестное исполнение служебных обязанностей Указом Президиума Верховного Совета СССР он награжден орденом “Знак Почета”. Это был настоящий патриот органов внутренних дел и своей области.

После второго ранения был демобилизован и приехал в Курган в 1943 году Павлов Иван Павлович. После небольшого отдыха он зачислен в штат УКГБ оперуполномоченным и почти 30 лет отдал работе в этом ведомстве и милиции.

После окончания Свердловской школы начальствующего состава милиции с 1942 по 1945 годы работал в Ленинграде Харитонов Яков Степанович. И только после снятия блокады, наведения необходимого порядка он был откомандирован в г.Курган, где работал в следствии на различных должностях. В марте 1972 года он вышел в отставку. 31 год своей жизни он посвятил укреплению правопорядка в своей стране, в областном центре Зауралья. За годы войны и службы в милиции наград и поощрений у Харитонова было много, они были разные, но все они говорили о смелости, мужестве, исключительной честности и высоком трудолюбии этого человека.

На них – израненных фронтовиках, смелых и ответственных женщинах, безусых мальчишках, не годных к строевой службе, – держался правопорядок в военные годы. И они выстояли, справились с этой нелегкой задачей.

После дежурств возвращались эти люди в свои кабинеты или убогие жилища и засыпали, скинув с себя сапоги, порой даже не раздеваясь. Питание было скудное, но восстановить потраченные на работе силы помогала молодость. В короткое время передышек звучал смех, шутки. Унылых людей в рядах милиции не было, все верили: “Победа будет за нами!”. И она пришла, светлая и радостная. От счастья люди в те минуты плакали, целовали даже незнакомых прохожих, как родных и близких, смеялись, поздравляя друг друга. Это действительно была радость со слезами на глазах.

Юрий ГАВРИЛОВ

СХВАТКА С ДЕЗЕРТИРАМИ

Шла весна сорок третьего года. Назначая девятнадцатилетнего Александра Горбунова на должность участкового уполномоченного Первомайской МТС, начальник Куртамышского райотдела милиции напутствовал его словами:

– Помни, что сохранность продовольствия сегодня – задача, можно сказать, стратегическая. Нельзя позволить вырастить его всякого рода отщепенцам.

На новом участке поначалу все, казалось, было спокойно. Но нынешнее затишье, как это часто бывает, оказалось обманчивым.

В один из теплых, солнечных дней, что стояли в ту пору, в деревню Ярки приехал секретарь райкома партии Подливалов с тревожным сообщением: по некоторым данным в окрестностях Ярков в лесах действует преступная группа, занимающаяся поборами с местного населения. По слухам, верховодит в ней дезертир с военного производства Яшка Большаков. С ним же видели дезертировавшего из армии Ивана Яковлева с братом – уголовником Денисом, бежавшего из мест заключения Александра Карелина и дезертира с военного завода Филиппа Лоскутникова.

У себя дома, то есть в Ярках, дезертиры-грабители пока не объявлялись. Поэтому для сбора более точной информации Горбунов отправился в ближайшую деревню – Толстопятово (Приречная).

Как-то под вечер в правление прибежала плачущая женщина. Блузка на ней разорвана и измазана грязью, в руках женщина держала мужскую фуражку. Она сбивчиво начала рассказывать участковому, как на поле, где она работала, объявился за картошкой хромой Дениска Яковлев. Она пыталась задержать вору, но тот напал на нее и избил. Вот почему она здесь.

В Ярки срочно поехали Горбунов и председатель колхоза в надежде опередить злоумышленника. Так и вышло. Подоспели к дому раньше его. Прошло немного времени. Глядь – Яковлев идет прямехонько к ним. Преступника задержали, оформили протокол об изъятии ворованной картошки. Забрав его с собой, поехали обратно в правление. Допоздна засиделся тогда Горбунов, оформляя уголовное дело. В те времена следователей в милиции еще не было, и всю бумажную процедуру приходилось делать самому. Для охраны же преступника был вызван сельский исполнитель. Существовала такая должность, на которую назначали по очереди местных жителей. Только под утро, часа в четыре, уставший милиционер пошел домой.

Не успел глаза закрыть участковый – стук в дверь. На пороге растерянный исполнитель.

– Что случилось? – спросил Горбунов.

– Убег охраняемый! Попросился до ветру – и был таков...

Наскоро одевшись, Горбунов вскочил на коня. В деревнях хозяйки встают затемно. У них-то и узнал участковый, в какую сторону двинулся беглец. Подъехав к указанному дому, спрыгнул с коня. Стоявший неподалеку мужик жестом указал ему в сторону заросшего высоченной коноплей огорода. Горбунов побежал по чуть заметной тропке в заросли. Навстречу грянули выстрелы. “Засада”, – мелькнуло в сознании. Стрелял в участкового не один человек.

Вытащив из кобуры наган, Горбунов выстрелил в ответ. Из зарослей конопли выскочили пятеро бандитов и бросились бежать по степи в сторону леса. Горбунов – за ними. Стрелял он, стреляли в него. Краем глаза Горбунов увидел бежавшего к нему на помощь военрука Шамякина с винтовкой. Тут-то и зацепила участкового шальная пуля, угодившая в руку, сжимавшую наган. Оружие отбросило в сторону, из раны хлынула

кровь. Горбунов тут же подхватил оружие левой рукой. Вскоре к нему подоспел Шамякин. Дальше преследовать бандитов не стали. Военрук помог участковому перевязать простреленную руку и добраться до больницы.

От врача сразу – в сельсовет. Горбунов позвонил начальнику райотдела с сообщением о случившемся. Вечером этого же дня в деревню приехала оперативная группа. И уже ночью задержали навестившего свой дом Лоскутникова. Начались поиски остальных.

Бандиты, между тем, начали действовать с особой наглостью. В деревне Калинка угнали у председателя колхоза жеребца вместе с повозкой. Подъехав к зернотоку и наставив ружье на сторожа, нагребли воз зерна и – в лес. В деревне Крызаново подчистую разграбили курятник. Стали разбойничать на дорогах. Если раньше все же побаивались людского толка, своих почти не трогали, то теперь стали грабить уже всех без разбору. У одного из ярковцев, заподозренных бандитами в связи с милицией, из курятника забрали всех кур и на дверях вывели мелом: “Вот тебе – первое наказание за твой язык. Не дай бог, если к нам в руки попадешься!”

Дошло до того, что люди начали бояться выходить из дому, ездить на работу в дальние поля. Много раз нападала милиция на след банды, но в последний момент ей удавалось ускользнуть. Как потом выяснилось, предупреждала о грозящей опасности одна из женщин, поддерживающая связь с бандитами. Цель ее была проста – других пусть грабят, зато меня не тронут.

Одному участковому здесь было не справиться. И вскоре в деревнях Толстопятово и Ярки, под видом уполномоченных по заготовке зерна, появились два сотрудника уголовного розыска, присланные из района. Как-то ночью у сожительницы был задержан Дениска-хромой. А еще через несколько дней на квартире у матери Карелина арестовали и остальных. Бандиты, по своему обыкновению, нагрянули в Ярки ночью. Дом тут же был окружен вооруженной милицией, прибывшей на помощь из райцентра. В арсенале сотрудников имелись на этот раз не только пистолеты и винтовки, но даже автомат. Написали записку: “Сдавайтесь! В случае отказа будем кидать гранаты”. Силы были слишком неравные, и деваться банди-

там было некуда. Услышали ответ: “Выходим”. Предварительно выбросив в дверь оружие, как им было приказано, бандиты начали выходить с поднятыми над головой руками.

Судил их военный трибунал по суровым законам военного времени. Главаря Большакова и стрелявшего в Горбунова Ивана Яковлева суд приговорил к расстрелу, остальных – к десяти годам лишения свободы. Лоскутников же, попавший в руки милиции раньше всех и не участвовавший в жестоких налетах, был отправлен обратно в трудармию, как называли в то время военные заводы.

Немного спустя, Александр Самсонович Горбунов был назначен оперуполномоченным уголовного розыска в Куртамыш. И дальнейшая служба в органах внутренних дел Александра Самсоновича Горбунова была связана с уголовным розыском.

Елена МЕЛЬНИКОВА

В НАЧАЛЕ ВОЙНЫ

*Да, горькой бедой стало то воскресенье —
В кровавую битву втянули страну.
Ну что же, товарищ: терпенье, терпенье...
Коль Родина скажет, пойдем на войну.*

*Отчизна родная огнем полыхала,
От грома орудий стонали поля,
Тяжелых потерь понесли мы немало —
Солдатскою кровью умылась земля.*

*Судьба оказалась для нас невеселой,
Был ход отступленья тяжел и жесток —
В дыму и пожарах оставлены села,
В слезах уходили полки на восток.*

*Но время пришло — мы врага окружили,
Начался на Волге фашистов разгром.
Да, мы устояли и зло сокрушили...
В Великой войне наступил перелом.*

Иван ШАЛЯПИН

ПЕРВЫЙ КРИМИНАЛИСТ

Бобреха приехала! – именно таким возгласом во всех райотделах милиции некогда встречали Антонину Яковлевну Боброву, стоявшую у истоков современного экспертно-криминалистического управления. Ее знали всюду. А результаты проведенных ею экспертиз ни у кого не вызывали сомнений. За 33 года службы Боброва не совершила ни одной ошибки.

А ЗАВТРА БЫЛА ВОЙНА

Десятилетку Тоня закончила в сорок первом. 21 июня их выпускной класс в последний раз собрался в школе. До сих пор в альбоме Бобровой бережно хранится фотография из их последнего мирного дня: милые девочки с косами, беззаботно-радостные мальчишки. Веселились всю ночь, как могли. А утром была война...

Тоня, самая старшая из шести детей Оконечниковых, начала работать в Уксянском бюро ЗАГС. И именно здесь, в Уксянке, произошла встреча, круто изменившая жизнь девушки. В Челябинское управление милиции из Москвы в начале 42-го прибыли на отдых сотрудники уголовного розыска. Отдых в те годы – понятие относительное, и потому москвичи отправлялись в глубокий тыл не столько на кратковременную пере-

дышку, сколько помогать в работе коллегам из глубинки. Надо ли объяснять, как выросла преступность в годы войны? Москвичи, появившиеся в Уксянке, на вызовы частенько брали с собой и Тоню. Благо, что девчонка всегда была рядом, а при случае могла исполнить функции понятых.

Смотрела Тоня, как работают приезжие опера, и сама решила научиться этому. От москвичей и узнала о том, что в столице есть специальная школа НКВД СССР, которая готовит экспертов для работы в уголовном розыске. В мае 1942 года Антонина отправилась по направлению управления милиции в Москву, а через год вернулась в Курган дипломированным специалистом.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ЭКСПЕРТ

Она до сих пор еще изредка вспоминает тот раннеосенний день 1943 года, когда с подножки московского поезда легко соскочила невысокая девушка в милицейской шинели и кирзовых сапогах. Курганская область тогда только-только начала образовываться, и областное управление милиции, естественно, тоже.

В октябре старший эксперт научно-технической группы Антонина Оконечникова приступила к работе. Впрочем, вся группа состояла из одного-единственного сотрудника. Выдали Тоне фотоаппарат и три кассеты к нему – а больше из экспертного оборудования в управлении и не было ничего.

Больше месяца Антонина жила и работала в одном месте – своем кабинете. Вечерами расстилала единственную шинель, под голову толкала форменную шапку, скидывала с ног порядком надоевшие за день кирзачи и с наслаждением сворачивалась калачиком на столе. Потом удалось устроиться с четырьмя другими женщинами на неотапливаемой террасе в доме на углу улиц Комсомольской и Климова. Спали не раздеваясь – холодно. Утром проснутся – умыться нечем: вода в ведре в лед превратилась...

На работу Антонина бежала с удовольствием. Коллектив уголовного розыска был мужским – молодые парни, не годные к службе на передовой, раненые фронтовики... Тоне легко было с ними общаться. К ней относились как к равному

товарищу. Впрочем, она и сама не требовала к себе другого отношения. До самых последних дней своей службы Антонина Яковлевна придерживалась такого правила: раз она является офицером милиции и получает равную с мужчинами зарплату, то и скидок в работе ей, как женщине, не полагается.

Немало пришлось молодому эксперту поехать по соседним областным центрам – коллеги делились тем немногим оборудованием, что имелось у них. Вначале Антонина только проводила осмотры места происшествия, фотографировала, изымала следы, оставленные преступниками. А сложные экспертизы, из-за отсутствия необходимого оборудования, фототаблиц, производились в Москве.

«ЖДАЛИ СЫЩИКА, А ТУТ КАКАЯ-ТО ДЕВКА...»

Постепенно Антонина Яковлевна стала осваивать на месте все виды экспертиз: криминалистическую, биологическую, химическую, графическую... Пришел к ней и авторитет, и слава квалифицированного специалиста.

Долгое время была она одним-единственным экспертом на всю Курганскую область. Ох, и помоталась же девушка по зауральским бескрайним дорогам! В любое время суток, услышав слова приказа, в любую непогоду отправлялась она в путь.

Начинала службу в худенькой одежонке, из дома помощи никакой: отца с начала войны забрали в трудармию, у матери на руках пятеро ребятишек. Спасибо, люди добрые нашлись: кто валенки старые отдал, кто полушубок из невыдубленной толком овчины. Бывший в ту пору начальником УР М.И. Ткачев глянул на девчонку, укоризненно покачал головой: «Молода еще, тебе жить да жить, беречь себя надо...» И принес Тоне теплые белые кальсоны. Вот в таком наряде - колом стоявшем полушубке, серых валенках, а поверх них - белых кальсонах, и явилась Антонина на свое первое выездное происшествие в Куртамыш. Почитай, все село собралось поглазеть на сыщика из области. Приехала, а бабы плюются: “Ждали большого начальника, а тут какая-то девка в поганой шубе...”.

По Кургану и близлежащим селам на происшествия опергруппа выезжала на единственной в управлении старенькой

полуторке. Забросят в кузов соломы и едут все вместе – опера, Антонина, проводник с собакой. У теплого собачьего бока и согревались в морозы. Приедут на место преступления, а фотоаппарат из-за стужи работать не хочет. Засунет его Антонина за пазуху и своим теплом согревает. Потом, пока фотографирует да следы изымает, и руки порядком отморозит.

До дальних сел добираться приходилось как попало: где на попутках, где пешком. И ночевала нередко тоже там, где ночь застанет: в стогу сена в поле, в сельсовете, у доброй сельчанки ... Холодно, голодно в те годы жили все. Помнит Боброва скромную военную пайку хлеба: бывало, получит враз за три дня, пока идет до дому, потихоньку отламывает да сосет, как карамельку. Не успеет оглянуться, а хлеба-то ни крошки не останется. Так три дня и бьется голодом. В милицейскую столовую на обеды постоянно не успевала – то вызовы, то поездки. Потом уже добрая повариха стала ей обеды до вечера оставлять: миску баланды, где ломтик картошки за кусочком капусты гоняется, рулет из чего-то зеленого... Не одна Тоня тогда голодала: всем отделом уголовного розыска жмых ели, а то, скинувшись с получки, покупали на базаре брюкву, ею лакомились.

Ярко помнит Антонина Яковлевна долгожданный день Победы. Собрал всех в управлении начальник УВД Кунгурцев, объявил, что война закончилась, и заплакал. То-то здесь началось! Кто смеялся, кто тоже плакал, все обнимались, громко говорили. Даже на улицах незнакомые люди обнимались, целовались, кричали: “Победа!”

После войны жизнь начала налаживаться. И транспорт стал появляться, и оборудование. Да и в полку экспертов прибыло. Еще в конце войны Антонине на обучение дали Петра Ефимова. Человек он был пожилой, без образования. Антонина научила его всему, что знала сама. Потом постепенно приходили эксперты: Анатолий Куватов, Николай Рыгин, Сергей Мельников, химик Генриетта Болотник... Образовалось научно-техническое отделение, которое возглавляла Боброва. Потом уже и до отдела доросли. Возглавлял его сначала Василий Артемович Гаптарь, потом Игорь Сигизмундович Каро. Вначале все эксперты были специалистами по любым видам экспертиз. Гораздо позже начали специализироваться по тем

видам экспертиз, которые выполняли: графическая, баллистическая, криминалистическая...

ЛИЧНОЕ СЧАСТЬЕ

А в 47-м здесь же, в уголовном розыске, нашла Антонина Яковлевна и свое личное счастье. Вернулся с фронта молодой оперативник Георгий Бобров, долгое время соседствовали в одном кабинете, приглядывались друг к другу. Наконец решился Георгий и сделал предложение приглянувшейся девушке.

В небольшой комнатушке подвального помещения, где Антонина уже успела получить жилье, прошла веселая свадьба. Поначалу молодые хотели обойтись без гостей, но бывший в ту пору начальником УР Алексей Алексеевич Колесников воспротивился. И организовали свадьбу вскладчину: кто свеклу притащил, кто рыбу, кто огурцов... Наготовили браги, соорудили угощение. Тоне нарядное платье одолжила соседка, Георгий и на собственной свадьбе форму не снял. Пели, шутили, смеялись.

И начали молодые долгую счастливую жизнь. Из приданого у невесты только ковер на стену из половика был да перина из соломы, у жениха и того меньше – подушка маленькая. Да не в богатстве счастье – в любви да взаимном уважении. А уж этого семье Бобровых было не занимать: 42 года прожили душа в душу, в мире да согласии.

Георгий Иванович тоже всю жизнь в милиции прослужил, на различных должностях. В отставку ушел в звании капитана. Вот тут опередила его жена – у нее на кителе уже майорские звездочки блестели.

Дочь Бобровых Людмила, ее муж, их сын также служили и служат в правоохранительных органах. Такая вот семейная династия получилась.

СТАРОСТЬ ЕЕ ДОМА НЕ ЗАСТАНЕТ

Интересных случаев в милицейской жизни Бобровой было, конечно же, немало. Вот лишь несколько из них.

Как-то в Кургане отстал от поезда молодой армянин. Ни денег

у него, ни документов, по-русски ни слова не знает. Долгое время он по городу слонялся, ел, что добудет, в основном траву жевал. В один из дней в уголовный розыск сообщили, что его убили, а труп нашли на берегу глубокого оврага вдоль улицы Савельева. По дну оврага протекал неширокий ручей. Опергруппа во главе с Владимиром Луцким отправилась на место происшествия. Первой, как и положено, отправилась Боброва, дабы найти оставленные злоумышленниками следы. Перешагнула ручей и стала взбираться на крутой берег, на самом краю которого и лежал убитый. Первым делом Антонина взяла труп за колени, чтобы определить примерное время смерти. Только тронула, а армянин вдруг резко уселся и уставился на нее непонимающими глазами. Боброва от неожиданности так и скатилась обратно в яму. Смотрит вверх, а Луцкий с ребятами на берегу от смеха слова вымолвить не могут: у армянина-то голодный обморок был.

Вот еще один: на месте нынешней филармонии некогда церковь была. Но храм в те годы, естественно, не работал, в нем устроили магазин. Ночью воры, разобрав потолок, украли деньги и продукты. На происшествие выехали опять-таки во главе с Луцким. Антонина уже ждала ребенка, но поблажек в связи с интересным положением никаких не имела. Вместе с Луцким забралась на крышу, выполнила необходимую работу, а обратно слезть не может: живот мешает. Пришлось операм дружно снимать эксперта с высоты.

Много еще интересного рассказала Антонина Яковлевна. На какие страшные убийства пришлось ей выезжать, как в засаде с сыщиками не раз сидела... Как застряла их машина в половодье посреди разлившейся речки Замарайки. Мужчины разделись до трусов и вброд на берег. А ей что делать? Посидела-посидела, да и. кинулась в ледяную воду в одежде.

Она всегда была отчаянной. Если уж спортом занималась – то так, чтобы первой быть. Была чемпионкой области по пулевой стрельбе. В сборной команде УВД на всех соревнованиях выступала, немало побед на своем счету имеет.

И сейчас ее, как говорится, старость дома не застанет. Она член совета ветеранов УВД, занимается общественной работой, навещает заболевших коллег, находящихся на пенсии.

Людмила ПЫЛЬНЕВА

ДЕЛО ВСЕЙ ЖИЗНИ

В грозный 1919 год, когда молодая Советская власть только начала распрямлять плечи, в России появилась новая гражданка – Клавдия Александровна Каргаполова. Надо сказать, что это событие не больно-то обрадовало многочисленную семью. Жили Каргаполовы бедно, а дети были мал-мала меньше. Но семья была дружной, детишки сызмальства приучены друг другу во всем помогать. Старшие нянчились с младшими, помогали им осваивать грамоту, а свою одежку, из которой уже выросли, передавали по наследству.

Настал черед пойти в школу и младшенькой, Клаве. Училась девочка хорошо, ее манил к себе мир книг, мир новых открытий. Успешно окончив семь классов средней школы, девушка поступила в ветеринарно-зоотехнический техникум, после окончания которого ее жизнь резко поменялась. Готовила себя к работе с любимыми животными, а пришлось поступить на службу в НКВД. 10 апреля 1940 года в Курганском городском отделе милиции появился новый учетчик ВУС (военно-учетных столов) – молодая, внимательная, исполнительная Клавдия Каргаполова.

Смелая, энергичная и веселая по характеру, Клава быстро стала в коллективе незаменимым человеком. Она внимательно изучила все нормативные документы, инструкции, которыми следовало руководствоваться в работе, и стала на собственной практике применять их. Это помогло ей в короткий срок

познать все нюансы своей и милицейской работы.

...В воскресенье, 22 июня 1941 года, у Клавды был законный выходной. Стояла отличная погода. Было в меру жарко, цвели цветы, после обильных дождей изумрудно зеленели травы, ветерок гнал по небу легкие облака. Всю ночь веселилась молодежь, в школе был выпускной вечер, и потому за окнами Клавдиной квартиры до утра слышался звонкий смех, разговоры, песни. Но девушка не сердилась, что выпускники мешали спать, наоборот, завидовала их беспечности, большому выбору жизненного пути, что встал сейчас перед каждым из них.

Все шло, как обычно. И вдруг по радио передали: “В двенадцать часов будет передано важное правительственное сообщение”. Казалось, весь город, вся страна в ожидании приники к радиоприемникам.

И вот в Кургане – 14-00. “Работают все радиостанции Советского Союза...” Клавдия слушала, боясь пошевелиться: “Сегодня в четыре часа утра без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну...”

Было на редкость тихо, от Тобола веяло прохладой, в синеве неба красиво парили птицы. Но люди уже не замечали всей этой красоты. Мирная жизнь для всех закончилась с этим сообщением.

Многие сотрудники милиции в первые дни войны ушли на фронт. И многое из их сложных дел легло на женские плечи. Днем женщины исполняли свои непосредственные обязанности, а ночью выходили патрулировать улицы города, охранять покой граждан, вылавливать дезертиров, мародеров и преступников, которых в то время появилось немало. Спали по три-четыре часа в сутки, но никто не паниковал, никто не жаловался на трудности. Женщины знали, что день окончания войны придет обязательно, и как могли, приближали эту Победу.

В мае 45-го отгремели победные залпы салюта. Стали возвращаться в отделы милиции фронтовики. Но дел и для женщин в милиции не убавилось. Нужно было всех возвращающихся с фронта принять, выписать паспорта, прописать, помочь устроиться на работу... Это было бурное и хлопотное время, эшелоны шли за эшелонами, люди приезжали из разных мест. Кто-то потерялся в годы войны. Нужно было помочь

воссоединиться семьям, найти друг друга, кого-то утешить, кого-то ободрить. И у Клавдии Александровны для всех находилось доброе слово участия, ободряющая улыбка, время для того, чтобы выслушать и помочь каждому.

Ее высочайшее трудолюбие и настойчивость позволили добиться звания “Лучший по профессии”. Вскоре ее наградили знаком “Отличник милиции”, перевели вначале помощником начальника ВУС, а затем начальником. Вскоре назначили начальником паспортного отделения Октябрьского отдела внутренних дел, где беспрерывно она работала почти двадцать лет.

В личном деле Каргаполовой почти ежегодно появлялись очень похожие друг на друга записи: “за высокие показатели в службе”, “за добросовестное исполнение служебного долга”, “за честный и безупречный труд”... Ее фамилия неоднократно заносилась на областную Доску Почета, Клавдия Александровна награждалась Почетными грамотами, ценными подарками, ей объявлялись благодарности.

Ее опыт, высокие профессиональные знания позволяли ей шефствовать над молодыми сотрудниками, осуществлять контроль за работой участковых инспекторов по поддержанию паспортного режима в областном центре, читать лекции для населения.

Сорок лет Клавдия Александровна верой и правдой служила в милиции, и никто никогда не слышал от этой женщины жалоб на усталость или трудности в работе. Она умела настроить себя и коллектив сотрудников на деловой лад, на совместное преодоление возникающих проблем.

За достойную службу в органах внутренних дел Клавдия Александровна Каргаполова награждена медалями “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.”, “За боевые заслуги”, “50 лет советской милиции”, “За безупречную службу” всех трех степеней.

Для сотрудников Октябрьского отдела внутренних дел того времени Клавдия Александровна была своеобразным факелом, который освещал дорогу другим и обогревал в пути. Ее любили, уважали, знакомством и дружбой с ней гордились. Ее жизнь – пример для молодого поколения сотрудников, образец беззаветного служения своему Отечеству и делу, которое тебе поручили.

Юрий ГАВРИЛОВ

ДЯДЯ САША – ПОСТОВОЙ

В начале семидесятых годов невозможно было отыскать в Кургане такого водителя, который не знал бы дядю Сашу – инспектора дорожного надзора старшину милиции Обабкова. Тридцать лет Александр Феофанович нес милицейскую службу, из них только в ГАИ прослужил около четверти века. Поистине всенародной любовью пользовался Александр Феофанович Обабков. Меня уверили, что, если бы в то время кто-то отправил письмо с адресом: «город Курган, инспектору ГАИ дяде Саше» – оно обязательно попало бы в руки Обабкова. Что примечательно, этот фронтовик, человек с богатым жизненным опытом мог найти подход к любому нарушителю, всегда сохранял спокойствие и принимал верное решение.

Да, что там Курган, дядю Сашу знала, любила и побаивалась шоферская братия окружающих Зауралье областей и Казахстана. На его замечания возражать даже не пытались: на собственном опыте, либо из рассказов других знали, как непримирим бывает Обабков к нарушителям дорожных правил. Как утверждал сам Александр Феофанович, за смену ему приходилось задерживать от восьми до четырнадцати водителей в «подпитии». Он и сам не может объяснить, как удавалось ему распознавать, что за рулем автомобиля шофер под хмельком. Наверное, какое-то своеобразное профессиональное чутье, присущее только ему. Зная о таких способностях сотрудника ГАИ, все, погрешившие хмельком водители, уви-

дев на дороге мотоцикл дяди Саши, спешили окольными путями объехать инспектора подальше, пусть даже намотав многие лишние километры.

Такая необычная популярность – результат ежедневного добросовестного труда сотрудника ГАИ. Хотя, если разобраться, только ли обязанности инспектора дорожного надзора выполнял Александр Феофанович? Мимо его бдительного ока не проходило ни одно нарушение общественного порядка. За время службы Обабкову не раз доводилось предотвращать кражи с самых различных предприятий города именно благодаря своей внимательности, умению замечать все вокруг.

Пенсионерка Колпакова, жительница поселка Рябково, рассказывает: “Строгий, но справедливый был дядя Саша. И всегда-то он на посту: днем ли, ночью ли, в выходные, праздники... Его мотоцикл уже по звуку двигателя различали многие жители поселка. Я ему особо благодарна: было время, мой 15-летний сын отбился совсем от рук, с компанией нехорошей связался. И как-то вечером смотрю, Обабков в коляске своего “Урала” моего Валерку везет. Оказалось, тот со своими великовозрастными дружками, подвыпив, вышли на проезжую часть дороги и стали машины останавливать. До сих пор не знаю, как поступил Обабков с другими парнями, а моего оболтуса домой привез, строгое внушение ему сделал. И ведь могло оно Валерке на себя по-другому посмотреть!”

Самое, наверное, главное качество Обабкова – его удивительная человечность. В каждом провинившемся, в первую очередь, видел он не нарушителя, а человека – со своими проблемами, заботами. В те годы очень строгое правило существовало – ни в коем случае водителю нельзя пользоваться государственным транспортом в личных целях. Не дай Бог, как говорилось, “левый” рейс сделать. Тут уж грозному старшине в руки давались большие полномочия – это если стоять на букве закона. Но если шофер объяснял инспектору по-человечески, разреши, мол, очень надо, Обабков соглашался: вези...

А сколько курьезов довелось пережить дяде Саше! Иногда до смешного доходило. Вот, например, что вспомнилось ему:

– Составил я как-то протокол на руководителя крупной организации. Тот отправился с жалобой в обком партии: незакон-

но оштрафовали. Оттуда позвонили: на каком основании наложен штраф? Быстренько отыщите то постановление, по которому действовал инспектор Обабков. Отыскали. Ничего противозаконного я не совершил, если не одна деталь: документ-то, оказывается, Лаврентий Берия еще подписывал, а он уж, как враг народа, несколько лет назад расстрелян...

Рабочий день инспектора дорнадзора не ограничивался отведенными часами смены. Находился на посту столько, сколько было необходимо, пока не заканчивал все дела. Основной участок, за порядок на дорогах которого отвечал Обабков, – это поселки Северный и Рябково. Здесь ему была знакома каждая выбоинка на дороге. На своем мотоцикле исколесил Александр Феофанович все улицы окраин Кургана, знал, на которой из них водители частенько нарушают правила движения, а потому дежурил в разных, наиболее опасных местах.

– К каждому водителю подхожу с улыбочкой, с шуткой, анекдот подходящий расскажу. А сам тем временем машину внимательно огляжу, все неполадки беру на заметку, потом с шофером начинаю разговор о состоянии вверенного ему автотранспорта. За первое нарушение, как правило, ограничивался внушением, мог простить и второе, а уж третье... Шоферов почти всех в лицо знал, также знал, какому предприятию какая машина принадлежит. Бывали такие случаи: пьяный водитель сумел удрать от меня, тогда ведь ни раций, ни хорошо налаженной связи в милиции не существовало. Приезжаю после смены домой, всю ночь толком не сплю, ворочаюсь. Утром чуть свет завожу “Урал” – и к проходной того предприятия, чей шофер накануне от меня скрылся. Стою, жду: идет голубчик. За версту видно, что с большого похмелья. Увидев меня, в содеянном признается, наказание принимает как должное.

Поводов для проявления находчивости и мужества на такой работе бывает предостаточно. Они покруче, чем сюжеты любых боевиков, если сравнить транспортное и оружейное обеспечение инспектора и иного нарушителя. Но тут и спасает... смекалка.

Однажды, почти перед самым уходом на пенсию, старшина Обабков, как обычно, дежурил на дороге. Среди всех вы-

делил человека, неуверенно управляющего мотоциклом «Восход» с тюменскими номерами. Инспектор подал знак, чтобы он остановился, но мотоцикл проследовал мимо. Осознав, что перед ним угонщик, Обабков начал преследование. Основной накал погони развернулся на Шадринском тракте. Мотоциклист ни на какие сигналы старшины не реагировал. Тогда Обабков на ходу применил испытанный метод – стал прижимать нарушителя коляской своего «Урала» к обочине дороги. Так и прижимал до тех пор, пока не столкнул его в болото.

Водители, проезжающие мимо, помогли Александру Феофановичу «выловить» нарушителя из илистой ловушки и доставить в дежурную часть. «Рыбка» оказалась крупной: на угнанном мотоцикле с места преступления скрывался убийца.

За время работы в Госавтоинспекции старшине Обабкову не раз приходилось задерживать особо опасных преступников. За такие вот «будни» в течение 30 лет и участие в Великой Отечественной войне он награжден 13 правительственными наградами, среди них орден «Знак Почета», две медали «За отвагу», «За безупречную службу в милиции» трех степеней. В личном деле старшины – более 80 благодарностей.

Наверное, отличительной чертой людей военного поколения было их умение самоотверженно трудиться, даже в ущерб личному времени. А в милицейской профессии такое качество ценится вдвойне не только в те далекие годы, но и в наши дни.

На службу в милицию Обабков пришел в 1943 году, после тяжелого ранения под Ленинградом. Такая уж доля выпала мужчинам 30-40-х – не снимать с плеч солдатские шинели. Впервые военную форму Александр Феофанович надел в 1936 году. Довелось ему быть участником боевых действий на Халхин-Голе, пройти огонь финской и повоевать в Великую Отечественную, много лет, в любую погоду, колесить по дорогам на милицейском мотоцикле, оказываться в нужное время в нужном месте, быть подтянутым, полным жизненной энергии. На вопрос, как же удавалось ему всегда быть, что говорится, в отличной форме, отвечал:

– всю жизнь занимался спортом, шутя ворочал двухпудовые гири. Никогда не пил и не курил. Много работал физически, даже и после выхода на пенсию. И не из-за денег. Просто

не могу без дела сидеть.

По праздничным датам надевал Александр Феофанович свой костюм, и тогда каждый его шаг сопровождался мелодичным звоном – грудь Обабкова украшали ордена и медали за боевые дела и службу в мирные дни по охране безопасности дорожного движения.

Надежда РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

* * *

*Я узнал свою державу —
Всю проехал, исходил.
Честь ее берег и славу,
Не жалея своих сил.*

*В кадровой служил три года
И четыре на войне,
И не трусил я в походах,
Возмужал в боях вполне.*

*Был огнями опален я,
Покорялись реки мне,
Был окопом закален я —
Все случилось на войне.*

*Вши меня нещадно ели,
Я в ночи морозной дрог,
А в свинцовые метели
Выручал меня окоп.*

*Но не зря, земля родная,
За тебя я пролил кровь.
Нет того дороже края,
Где живет моя любовь!*

Иван ШАЛЯПИН

“ЖЕЛЕЗНЫЙ” КАЗАРИН

Листая личное дело майора Казарина Серафима Яковлевича с надписью НКВД «Совершенно секретно», буд-то познакомишься с человеком. Характеристики, благодарности, продвижения по службе и в званиях. Но вот что интересно: не увидела в его послужном списке ни высоких званий, ни особо солидных должностей. Видно, в каждом коллективе есть люди, которые остались в памяти благодаря своим делам, а не званиям и регалиям.

До 1940 года крестьянский парень успел поработать шофером-автомехаником. Потом в Свердловске окончил авто-техникум. Его влекло к машинам, и ничего удивительного в ту пору в этом не было – это были годы первых тракторов, автомобилей, самолетов.

За год до войны был назначен госавтоинспектором Курганского отдела милиции, через несколько месяцев переведен госавтоинспектором Варгашинского районного отдела, оттуда и ушел на фронт.

Тяжелая контузия вывела его из строя. В 1942 году он уже снова в Кургане, служит старшим госавтоинспектором.

На все про все был один. Но дел не пугался. Он был словно рыба в воде, выезжал на дорожные происшествия, обследовал и отправлял на фронт транспорт. Но было то, с чем инспектору Казарину сложно было справиться. Настоящим мученьем стало для него оформление документов. С техни-

кой был на «ты», а вот «бумагу» в центр составить для Серафима Яковлевича – непосильный труд.

Он ходил по автохозяйствам да примечал, кто как из их сотрудников образцово учет ведет. Вот и выглядел на автобазе 16-летнюю Наташу Зырянову. Девушка была предельно аккуратная, исполнительная.

Через много лет работы Наталья Мефодьевна сама стала легендой ГАИ.

О настойчивости и принципиальности Казарина ходили легенды. В одной из характеристик в личном деле читаю: «Инициатива товарища Казарина по борьбе с нарушителями автодисциплины не имела предела, им задержана масса нарушителей, а в результате этого Мишкинский район почти не имел аварий». Серафим Яковлевич был из тех людей, которые не приспособивались, не угодничали, просто честно делали свое дело. С такими принципами у него было много друзей и много врагов.

А он? Он «строил коммунизм», как мы нынче говорим, и обожал двух своих дочурок. До сих пор его дети сохранили трепетное отношение к отцу, к его делу. Бережнее, чем в любом музее, хранятся награды отца, среди которых и редкий Знак «За участие в боевых действиях на озере Хасан», ордена Красной Звезды, Отечественной войны и другие награды. В семье сохранились и очень личные воспоминания о службе и жизни отца.

В голодные годы сотрудников милиции поддерживали довольственными пайками. Однажды в дверь квартиры Казариных постучали, и мужчина передал богатый набор продуктов – головку сахара и круг сыра. Семья удивилась такому щедрому проднабору, в страхе никто даже не подходил к коробке, пока не приехал Серафим Яковлевич. Супруга Анна Матвеевна встретила мужа вопросом: «Тут тебе какой-то мужчина паек принес, посмотри как много». Серафим Яковлевич открыл коробку и все понял. «Как тот человек выглядел?» – Казарин всех водителей знал в лицо, не много их в ту пору было.

Жена описала мужчину, в котором инспектор узнал недавно задержанного пьяного за рулем. Серафим Яковлевич как раз должен был решить вопрос, оставить шоферу права или лишить. Вот водитель и захотел задобрить его щедрым подарком. Казарин вернул «посылочку», не разворачивая, а водителя наказал по полной программе.

В семье вспоминают, как отец переживал этот эпизод. Его мучил сам факт: ведь кто-то подумал, что Казарина можно купить, чем же он так себя зарекомендовал?

Но «железным» Казарин был только на работе. Со службы Серафим Яковлевич не сразу попадал домой. Во дворе его всегда окружала ребятня, а он, заранее зная привязанность к нему мальчишек, держал в кармане кусочки колотого сахара – главная сладость тех лет. Мальчишки, издали завидев коренастую фигуру в синем кителе, мчались к нему со всеми своими дворовыми новостями и проблемами. Переслушав их галдеж, Серафим Яковлевич шел ко взрослым. Начинались разговоры «за жизнь» с соседями. И для каждого Казарин находил и слово, и время, и добрый совет.

В 1943 году в Кургане образовался отдел по приему экзаменов и учету транспорта. Казарин и здесь наладил работу. Старые фотографии хранят память о тех годах. И видно, какое уважение вызывала новая служба. Как было поставлено дело! Вот экзаменатор в военной форме внимательно слушает водителя. А у того настоящий экзамен. Он что-то озабоченно показывает указкой на доске. Видно, что для обоих это серьезное дело. И опять Казарин был крайне принципиален. Экзамены принимал по знаниям, а не по дружбе. Кому-то это не нравилось, на него даже жалобы писали, устраивали неоднократные проверки, итог один – занимаемой должности соответствует, справляется достойно.

Службу закончил майор Казарин в должности заместителя начальника ГАИ области. Но и на пенсии Казарин не мог спокойно сидеть. Из ГАИ не выходил, знал в лицо и молодежь, и ветеранов. И помогал, кому советом, а за кого и перед начальством хлопотал, к слову Серафима Яковлевича прислушивались до самых последних его дней.

Первая благоустроенная улица появилась в Кургане только в 1947 году. Так неслыханно повезло улице Советской. В этом же году в молодом областном центре открылось регулярное автобусное движение. Здесь все только начиналось, но уже были в Госавтоинспекции люди, которыми область гордилась и будет гордиться всегда. В числе их и Серафим Яковлевич Казарин.

Вероника ВОЛКОВА

ПРЕМУДРОСТИ СТАРШИНЫ БУЛАТОВА

В один из летних дней 1968 года в здании Октябрьского РОВД, расположенном по улице Советской, появился человек в узбекской национальной одежде – тубетейке, чапане, повязанном вместо пояса пестрым платком. Стремительно, не оглядываясь, он шел по узкому освещенному коридору мимо распахнутых дверей кабинетов.

Инспектора уголовного розыска насторожились: что через миг предпримет незнакомец, неизвестно ради чего оказавшийся здесь?

Мгновения длились как вечность. Нужно было предпринять необходимые меры предосторожности: остановить пришельца, осмотреть, нет ли при нем оружия или каких-либо других опасных предметов. Выяснить личность. Но.... Личность вдруг выяснилась сама. «Узбеком» оказался не кто иной, как оперативник Виктор Павлович Булатов, который изменил свою внешность для того, чтобы задержать с поличным известного вора-карманника Кошелева.

– Я все равно тебя поймаю! – пообещал ему в ту пору Булатов во время их последней встречи в райотделе.

Вор-карманник был туда приглашен только потому, что продавцы видели его в магазине в день совершения карманной кражи. Никаких других улик против него не имелось. Поэтому, беседуя, Виктор Павлович призывал вора лишь к совести и просил вернуть плачущей пострадавшей ее кошелек. Объяс-

нял, как тягостна для женщины потеря сбережений. Неизвестно, что подействовало на Кошелева: просьба инспектора или плач потерпевшей, но он быстро отсчитал часть денег из тех, что имелись при нем на момент задержания, и вежливо распрощался. Булатов его не остановил. Он понимал, что хотя Кошелев возвратил потерпевшей украденное из жалости, но для милиции он остался недосягаемым. Возникшая ситуация – некая игра. Чем она азартнее, тем эффективнее хочется ее завершить. Мгновенно и неординарно.

Булатов к новой встрече с Кошелевым подготовился тщательно. У знакомого узбека одолжил одежду, у другого – фотографа – парик. В таком одеянии и пришел в райотдел, а потом и на одну из центральных курганских улиц. Одна остановка автобуса, другая, третья... и обнаружил-таки Кошелева при деле. Правда, и тот обратил внимание на человека в чапане. Узнал его, а потому держался подальше от потенциальных жертв – женщин, которые в те годы наиболее часто становились потерпевшими от ловких рук карманника.

ВСТРЕЧИ В СТАРОМ УНИВЕРМАГЕ

Особенно заманивал покупательниц так называемый старый универмаг на улице Куйбышева. Привлекал этот магазин и воров-карманников. Бывало, недолго потолкавшись в очереди, они хорошо обогащались.

Вторые были незнакомы первым. Зато их отчетливо различал в толпе Виктор Павлович Булатов. В Октябрьском райотделе, пожалуй, не было другого опера, который так часто раскрывал карманные кражи.

В старом универмаге действовали несколько карманников. «Словарь» (родители нарекли его Вячеславом) ходил с костылем – нога была покалечена с детства. На первый взгляд, безобидный парень. Но стоило ему оказаться рядом с дамской сумочкой, проявлял необыкновенную ловкость рук, молниеносно выхватывал заветный «шмель» с хрустящими бумажками, поспешно прятал его в карман пиджака и снова невинно поглядывал на окружающих. Булатову долго не удавалось взять его с полочным.

Иногда по улицам и магазинам «Словарь» прогуливался с

женой. Он, в отличие от других воров, имел семью и заботился об ее безбедном существовании. При этом часть «экспропрированных» денег, по существующим в их среде правилам, не забывал отдавать и в «общак», чтобы не иметь лишних проблем. Ходил он, случалось, по улице Гоголя, и деньги в местах его прогулок исчезали немалые.

Как-то в июле Виктор Павлович несколько часов, маскируясь, следовал за «Словарем» по противоположной стороне улицы. Надеялся, как говорится, поймать его за руку. «Словарь», вероятно, это чувствовал и устроил изнурительное путешествие. Казалось, он говорил: отчего ж не прогуляться с гражданином начальником... А после многочасовой ходьбы отправился в старый универмаг. И там доставил-таки Булатову удовольствие поймать его за руку, но только за эту часть тела как таковую.

Едва увидел Виктор Павлович, как рука карманника скользнула в сумку покупательницы, тотчас же накрыл ее своей ладонью. Обрадовался, что взял с полочным, но не тут-то было...

– Что ж ты меня так? – обиделся «Словарь». - Я всего-навсего споткнулся, и рука угодила в сумку.

Ни кошелька, ни других ценностей там не оказалось. Пришлось отпустить Славку с миром. Лишь через неделю Булатов задержал его в этом же универмаге. На этот раз подождал, пока тот не вытянет кошелек. На восемь лет угодил «Словарь» в места не столь отдаленные.

Вслед за ним Виктор Павлович вскоре отправил и другого вора. Правда, со второй попытки. Поймал вначале его с полочным. Доставил в райотдел, а наутро в камере Ильтякова не оказалось. Выяснилось, что к задержанному накануне «подселили» нескольких мужчин для оформления в лечебно-трудовой профилакторий. Повел их участковый, как было заведено, на исправительные работы – уборку урожая. Ильтяков и пристроился к ним, а после сбежал.

Через месяц засек его Булатов снова в старом универмаге: в день заводской полочки обучал своему ремеслу одного из мальчишек. Тут и задержал его оперативник. Суд приговорил карманника к лишению свободы на десять лет.

НЕ СЕКРЕТНОЕ ДОСЬЕ

На некоторое время прекратились кражи в старом универмаге. Многих воров-карманников (среди них были и женщины) разоблачил Булатов. Оставшиеся ринулись на промысел в другие города – Челябинск, Тюмень, Пермь. Рассказывали там местным воришкам об артистических способностях Булатова. Никто не мог предугадать: где, когда, в какой одежде появится этот инспектор уголовного розыска в очередной раз. Он, находясь на улице или в магазине, сразу же опознавал своих «подопечных» по одним и тем же движениям руки, по двум-трем произнесенным фразам. Некоторые иногородние, бывало, не вняв слухам о способностях оперативника, прибывали на «работу» в Курган и...

– Приехал как-то из Свердловской области некто Юрченко. И напрямиком – в старый универмаг. Там у прилавка подошел вплотную к покупательнице, стоящей в очереди. Залез к ней в карман и что-то в свой переложил. Тут я его и задержал. Оказалось, всего три рубля вытащил. Настойчиво просил отпустить. Обещал, что не появится больше в Кургане, – вспоминает Виктор Павлович. – Определил его в тюрьму на несколько лет. Говорят, что после освобождения Юрченко сюда не возвращался.

На воров-карманников, находящихся в местах лишения свободы, и на тех, что еще не задержаны, Булатов заводил своеобразное досье. В специальной картотеке имелись все необходимые данные с фотографиями. Фотоснимки раздавались и продавцам магазинов, которые замечали посещения торговых точек этими людьми. И раскрывались преступления. Агентура Булатова годами работала безупречно.

С привлечением общественности Виктор Павлович начал трудиться еще постовым, когда его направили на эту должность по партийной путевке. Тогда днем обучаясь на занятиях новой для него профессии, ночью выходил на улицы города не только для поддержания порядка, профилактики правонарушений, но и для раскрытия преступлений. С тех пор он начал применять свою методику работы, которая давала отличные результаты.

Коллеги Булатова вспоминают, что его фотография посто-

янно находилась на Доске почета. Чаще других сотрудников поощрялся премиями и Почетными грамотами.

Полностью перенять его опыт невозможно. В работе частенько доверялся интуиции, и она бывшего батальонного разведчика не подводила. В 1943 году семнадцатилетним он впервые пошел в разведку, вскоре и в бой – у озера Балатон. Потом учился воевать и выживать в запутанных незнакомых подвалах при освобождении Вены. Освобождал Будапешт. Награжден орденом Отечественной войны II степени и многочисленными медалями.

Такова его военная академия. Булатов и в мирное время ходил на службу как в разведку. Именно это помогло ему раскрыть серию магазинных краж в Челябинске и грабеж после задержания двух прилично одетых молодых людей на Курганском колхозном рынке.

Один за другим вспоминал Булатов эпизоды раскрытых преступлений. Рассказывал о людях, их дальнейших судьбах. Радовался за подопечных, вовремя осознавших свои ошибки. Иногда приходилось раскрывать именно ошибки, а не преступления. Так узнала о происшествии, которое несколько десятков лет назад заставило двух инспекторов уголовного розыска – Виктора Павловича Булатова и Александра Михайловича Кудрявцева, а также воспитателя Дома ребенка проехать тысячи километров по бывшему Советскому Союзу.

КАК ИСКАЛИ ДЕВОЧКУ

В 1970 году областной центр взбудоражила тревожная весть: из Дома ребенка исчезла восьмимесячная девочка накануне удочерения. Воспитатели терялись в догадках: кому могла потребоваться малышка? Для каких целей? Для продажи? В ту пору в стране имелись единичные случаи, когда малышей продавали в союзные республики. Поэтому не исключалась и такая версия.

Оставалось найти того, кто похитил. Этим и занялись работники милиции. Оказалось, что в числе нянечек и воспитателей с ребенком общалась и семнадцатилетняя горожанка, приходившая сюда водиться с малышами. Подозревать ее казалось бессмысленным. Зачем девчонке бремя, от которо-

го ее сверстницы отказываются еще в родильных домах?

– Все-таки решили навестить Ирину дома, – вспоминает Булатов. – Там узнали, что девушки тоже нет. Ее пьяная мать ничего не могла сообщить о местонахождении дочери. Так стали искать Ирину.

Случайно, через свидетелей, видевших девушку в поезде, выяснили, что Ирина с ребенком направилась куда-то в Среднюю Азию.

Булатов и Кудрявцев ближайшим рейсом самолета вылетели наугад в город Фрунзе. Поиски там оказались безуспешными. Опять же неудачу взяли билеты до Чимкента. Потом до небольшого населенного пункта Карасу, надеясь, что девушке проще устроиться на работу и найти жилье в маленьком поселении. Им повезло: выяснилось, что именно здесь Ирина трудится секретарем на хлебоприемном пункте, а ребенок находится в яслях. Беглянка постоянно заботится о нем.

Как установили оперативники, девушка уехала сюда с малышкой, узнав о предстоящем удочерении. Очень боялась потерять девочку. Разлука пугала так, что решилась на бегство с маленьким ребенком, чтобы посвятить крохе свою жизнь, дать то, что не получила сама от матери-алкоголички. Ирину не привлекли к уголовной ответственности. Похищение было расценено как благой порыв, и девочка возвращена в Дом ребенка. Похитительнице, не достигшей совершеннолетия, ее не могли оставить на воспитание.

– Как сложилась судьба маленькой «путешественницы» – неизвестно. А Ирина через какое-то время вышла замуж. Сегодня у нее взрослые дети, хорошая семья, – говорит Виктор Павлович. – Мечта ее сбылась. Своих малышей она воспитала в покое и уюте.

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СЛУЖБЫ

Многие герои из тех незабываемых историй стали совсем иными: прогуливаются по курганским улицам с внуками, собирают в лесах грибы, вспоминают с приятелями былую жизнь, ходят порыбачить.

Виктор Павлович тоже любит рыбалку. От его дома в Светлых Полянах до водоема в Колесниково – два километра. За-

частую ловит рыбу там. А еще на малой родине – в селе Большое Курейное Макушинского района, где водятся лещи, караси, окуни, карпы, судаки, чебаки. Обычно выезжает туда с другом, подполковником милиции в отставке Ильей Васильевичем Стефанцевым. Дружба у них давняя. Булатов под руководством подполковника служил еще постовым.

Бывший свой «контингент» Виктор Павлович до сих пор опознает – не только во время приезда в Курган, но и в поездках к однополчанам. Не так давно заметил одного маститого. По давней привычке захотелось поймать с поличным. Поэтому готов предложить свою помощь. Причем, не только в задержании воров-карманников, но и в обучении новичков – инспекторов уголовного розыска... Считает, что таким образом в Кургане можно снизить количество карманных краж. Воры-карманники стали более опытными, психологически подготовленными. Значит, в какой-то мере оперативник должен быть и сам артистом, психологом и разведчиком. А прежде всего - иметь хороший банк данных. Вернее, несекретное досье, которое имелось у Виктора Павловича Булатова.

Надежда РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

СЫЩИК... НЕ ИЗ РОМАНОВ

ЧАСЫ С ГРАВИРОВКОЙ

Стучат и стучат часы. Тик-так, тик-так, тик-так... Отсчитывают минуты, часы, годы... Последнее время что-то стали забегать: торопятся отсчитать положенное, черти. Тускло поблескивает гравировка. “Каргаполову В.И. от начальника управления и сотрудников ОУР”. Уже девять лет отсчитали они с того вечера, когда, взволнованный и размягший от всеобщего внимания, принес он их домой.

Девять лет... А кажется, еще вчера он спешил в очередную командировку, взяв с собой только беспокойное сердце и уверенность в победе.

“ВОТ ЕСЛИ БЫ ШЕЙНИН ...”

– Командировка заканчивается, а ни одна кража не раскрыта. 15 дней как псу под хвост, – размышлял Виталий Иннокентьевич, шагая кривыми улочками Куртамышша к райисполкому. – Явно неспроста вызывают сегодня, ругать будут.

Встретили действительно холодно. После недолгого разговора председатель райисполкома с ехидной усмешечкой заметил: “Конечно, дело трудное. Вот если бы здесь был Шейнин...”. Каргаполова как огнем обожгли эти слова. “Шейнин, видите ли, им понадобился. Как-нибудь и без него обойдем-

ся”, – думал он, закрывая дверь кабинета.

Положение в Куртамышском районе действительно было тяжелое. Шесть краж из магазинов и складов. Все – не раскрыты. И начальник управления поручил именно Каргаполову, а не кому-то другому, – верил, что справится.

На углу одной из улиц, по которой задумчиво шел Виталий Иннокентьевич, его вдруг окликнули. По другую сторону плетня стояла старушка в синем платочке и темным потрескавшимся пальцем манила к себе.

– Сынок, Ванька-то Пеньковский с женой только что домой прошли.

– ?!!

Задумчивость с Каргаполова как ветром сдуло.

«Быстрее, быстрее! Только бы успеть!» стучала беспокойная мысль.

Информацию о том, что в городе скрывается вор-рецидивист, Иван Пеньковский, он получил уже давно, но напасть на след не удавалось. Милиции помогали и жители города, но тщетно. Пеньковский появлялся и исчезал, а работникам уголовного розыска приходилось только регистрировать даты его появлений.

На этот раз скрыться он не успел. Его взяли почти без шума. При обыске внимание Виталия Иннокентьевича привлекли мешки. Обыкновенные мешки, в которых держат муку, зерно...

Совсем недавно неизвестный пытался совершить кражу из амбара с зерном. Амбар на высоких сваях. Изобретательный преступник провернул дыру в полу и только успевал подставлять мешки. За этим занятием и захватил его сторож. Вор скрылся, а последний мешок оказался в руках работников УР.

Вот поэтому-то и обратил Каргаполов особое внимание на мешки. Сказав хозяйке, что несколько мешков взято на обследование, работники уголовного розыска прихватили с собой два.

А на другой день Пеньковской предложили выбрать из трех мешков – свои.

– Все три мои, – заявила она.

– Как же три, а вот этот?

– И этот мой, вот эту заплатку я сама пришивала, – рассердилась женщина.

Так стало ясно, что кражу в амбаре совершил Иван Пеньковский. А при более тщательном обыске были найдены вещи, которые доказали, что все шесть краж совершил тоже он. Трудная, кропотливая была эта работа, но Виталий Иннокентьевич справился с ней отлично.

Каргаполова благодарили в райкоме, в райисполкоме, в управлении. А он только усмехался щелочками глаз: “Вот вам и Шейнин...”

ЗДРАВСТВУЙ, СЕМОЧКА!

– Виталий Иннокентьевич, говорят, ваш старый знакомый появился, – сказал начальник управления, вызвав Каргаполова к себе в кабинет.

– Знакомых у меня хоть отбавляй, который же из них? – улыбнулся Каргаполов.

– Семочка Агафонов.

– Да? – удивленно вскинул брови Виталий Иннокентьевич.

– Не знаю, пока не встречал.

– Так вот, эта встреча должна состояться. И как можно быстрее, – категорическим тоном заявил Ткачев. – Тем более, что им интересуется Петропавловский ОУР.

... Семочку Агафопова Виталий Иннокентьевич знал давно. Жил он у кинотеатра имени Ленинского Комсомола. С 14 лет воровал, был в разных воровских группах. Несколько раз судим за кражи. Потом получил большой срок и исчез. Прошло уже много лет. О Семочке совсем забыли. И вот...

«Он, конечно, вырос, изменился, узнать его будет нелегко», – размышлял Каргаполов, собираясь на задание. Надел старую фуфайку, шапку-ушанку и пошел в обход по всему городу. – «Авось да наткнусь где-нибудь».

Шагая по улице, он всматривался в редких прохожих. Вдруг идущий навстречу парень показался ему знакомым. “Семочка!” – как будто кто толкнул Каргаполова.

– Ваши документы? – подошел он к парню.

Тот вытащил из кармана брюк призывное свидетельство. Оно было на имя Очеренко. Сомнения быть не могло – это Агафонов. Ведь Очеренко Виталий Иннокентьевич хорошо знал в лицо. Он был старым другом Семочки.

– Что ж, все в порядке, можете идти, – говорил Каргаполов, а в голове кружились мысли: “Что делать? Отпустить? Вряд ли еще представится такой случай. Задержать?” Но его предупреждали, что у Семочки есть оружие.

Агафонов же тем временем все ускорял шаг.

– Семочка, застрелю! – крикнул Каргаполов.

Но тот рванулся к ближайшему забору. Здесь и настигла его пуля. Виталий Иннокентьевич ранил парня в ногу. Так закончилась встреча “старых знакомых”.

А вскоре из Петропавловска приехали за Агафоновым сотрудники милиции. Там он с воровской группой совершил несколько крупных грабежей и краж.

СЕГОДНЯ ДОЛЖНЫ УБИТЬ...

Война. Виталий Иннокентьевич, как и все честные люди, стремился быть на фронте, но ему отказали – здесь ты нужнее. Каргаполов работал в уголовном розыске уже много лет. Знал почти всех, когда-либо ранее судимых в лицо, поэтому был необычайно ценен для управления.

Знали об этом и воровские группы, и вот Каргаполову ими был вынесен приговор: убить. Об этом стало известно в управлении. Виталия Иннокентьевича вызвал к себе начальник, и не одного. Был у Каргаполова друг Моисей Павлович Попик. Хороший был друг. Много трудных и опасных дел раскрыли вместе, дорожили дружбой. Вот его-то и пригласил в кабинет начальник управления вместе с Каргаполовым.

– Твоему другу грозит опасность, – сказал он на прощание Моисею Павловичу после долгого разговора. – Думаю, ты его в обиду не дашь.

С тех пор, куда бы ни шел Виталий Иннокентьевич – на службу, со службы, на задание или просто с женой по хозяйственным делам – невядалеке за его спиной маячила фигура Моисея Павловича.

А однажды пришло новое известие: в эту ночь на дом Каргаполова будет нападение, намерены семью вырезать. Поздним вечером в ограде маленького домика, в его комнатах было тесно. Все друзья и родственники с оружием в руках встали на защиту Виталия Иннокентьевича. На налетчиков сдела-

ли засаду. Всю ночь не сомкнули глаз, напряженно вглядываясь в темноту.

Они не пришли. А вскоре, поняв, что орешек не по зубам, отказались и от мысли об убийстве.

ОЙ ВЫ, КОНИ!

В 1955 году в области участились случаи конокрадства. Коней воровали, уводили в Казахстан и там продавали, предъясняя доверчивым казахам бумагу с печатью.

В это же время в деревнях Межборное, Поляковке, Арсе-новке были совершены кражи из магазинов.

На поиски пропавших коней отправилась оперативная группа во главе с Каргаполовым. Уже в пути их догнало сообщение, что воруют из магазинов цыгане. Но кто они и где обосновались – неизвестно.

Нашли в Казахстане уже шесть украденных лошадей, когда наткнулись на цыган. Жили они вроде тихо, работали. Один из них был шофером. На вопрос милиционеров: не воруют ли они по старой памяти коней, черноусый, кучерявый цыган с серьгой в ухе рассмеялся: “Зачем кони – машина есть”.

Эти-то слова и заставили Каргаполова задуматься: “Машина... На ней можно далеко ездить. И данные сходятся”. Произвели обыск. Нашли украденные вещи. Потом смеялись: “Поистине цивилизованные цыгане: машину для воровства приспособили...”

“ПОКА Я ХОДИТЬ УМЕЮ...”

Ночные засады, рискованные дела, погони и схватки с матерыми преступниками... Казалось, что так и надо, иного пути нет, да и не хотел Каргаполов иного пути, не искал в жизни легких дорог. Но трудная боевая жизнь не прошла бесследно. Однажды в командировке (это было в 1948 году) отказала правая рука. Что делать? Бросить любимую, такую нужную людям работу? Нет, этого Виталий Иннокентьевич сделать не мог. Решил: “Научусь писать левой рукой”.

Нелегкая была задача. Когда первый раз написал донесение-отчет левой рукой, вызвал к себе начальник. Строго спро-

сил: “Что это, товарищ Каргаполов, курицы ходили по листу?” Каргаполов ответил по-военному: “Виноват. Исправлюсь”. Потом, узнав о несчастье Виталия Иннокентьевича, начальник удивлялся его стойкости, находчивости, попросил извинения за нелепый разгон.

И снова работа, снова в гущу событий, в гущу трудных дел. Но жизнь готовила еще один удар. Через восемь лет отказала и левая рука. И тогда Виталий Иннокентьевич стал учиться печатать на машинке.

Жена его вспоминает, как подолгу ночами сидел он и упорно стучал, стучал, стучал... Сначала одним пальцем, потом двумя. И вскоре опять был в строю старый боец.

“ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ”

Вот уже много лет майор милиции Виталий Иннокентьевич Каргаполов на пенсии. Вспоминает долгими вечерами дела давно минувших дней. Иногда достает он заветную шкатулку: здесь грамоты, награды. Тремя медалями, двумя орденами и нагрудным знаком “Заслуженный работник НКВД” был награжден этот прославленный ветеран.

В 1950 году его наградили орденом Красной Звезды, а в 1954-м – орденом Красного Знамени. Но самая дорогая награда для Виталия Иннокентьевича – медаль “За боевые заслуги”. Ее получил он в 1945 году. Ему и 18 его товарищам вручили эти медали первым в управлении.

Стучат часы долгими вечерами, поблескивают ордена и медали – славная память боевых минувших лет, вехи трудной, но счастливой его жизни...

Людмила ГЛУШЕНКО

Газета «На боевом посту» 1969 год.

НА САМЫХ ДАЛЬНИХ РУБЕЖАХ

Алексей Яковлевич Торцев родом из крестьянской семьи села Жарниково Каргапольского района.

Служить в армии начал в 1940 году. Окончил артиллерийское училище в городе Ворошилове и был направлен для прохождения службы в 75-й отдельный истребительно-противотанковый артиллерийский дивизион 105-й стрелковой дивизии 25-й Армии.

Несмотря на то, что главные события Великой Отечественной войны происходили за тысячи километров от Приморья, нашим войскам, стоявшим на восточной границе, спокойной жизни не было. За четыре года войны солдатскими руками переброшены тысячи кубометров каменистого грунта Приморья. Рыли окопы, ходы сообщения, устанавливали орудия.

Главный приказ, который был дан командованием дальневосточным войскам: огонь не открывать, как бы нагло ни провоцировали японцы. Наказание ослушнику грозило суровое: по законам военного времени – расстрел. А провокации случались почти ежедневно. Самым любимым делом у японцев было выводить на передовые позиции несколько танков на расстоянии выстрела от нашей границы и как будто начинали подготовку к бою. Выдержат или нет нервы у русских?

Трудно приходилось не только потому, что в любых ситуациях требовалось проявлять самообладание. Гораздо труднее было при мысли о том, что там, далеко на западе, идут

кровапролитные бои, а молодые здоровые ребята вынуждены сидеть тут. Многие писали рапорта с просьбой отправить их на фронт, даже целыми подразделениями строчили петиции командованию. Но ответ был для всех один: охрана восточных рубежей нашей Родины – дело не менее важное.

– В преддверии войны с Японией 105-й стрелковой дивизии была поставлена задача: к исходу дня 7 августа занять оборону на правом берегу реки Суйорун около хутора Дунино. Рано утром 8 августа началась артподготовка, которая продолжалась 40 минут. Велась она по переднему краю противника.

Под прикрытием артиллерии и авиации дивизия форсировала реку Суйорун, прорвала оборону Квантунской армии и обеспечила ввод главных сил 25-й Армии. Потом, развивая наступление, освободила город Харбин и с боями продолжала идти в направлении границы Кореи. Приходилось вести активные боевые действия против отдельных группировок противника, которые после разгрома основных сил Квантунской армии скрывались в сопках, лощинах.

Большую опасность для наших наступающих частей представляли доты, дзоты и другие инженерные сооружения, в которых противник оставлял “смертников”, прикованных цепями. Они вели прицельный огонь по наступающим подразделениям. За период боев нашей батареей было уничтожено более двух десятков таких опасных огневых точек.

13 августа 1945 года 105-я стрелковая дивизия вошла на территорию СССР в районе Посьет-Хасанского района.

С апреля 1957 года ведет отсчет служба Алексея Торцева в органах внутренних дел. Вначале был заместителем командира дивизиона по политчасти первого отдела милиции, потом – заместителем командира в/ч 6540 по политчасти. В октябре 1968 года уволен в запас. Но немного отдыхал бывший фронтовик. Уже в январе 1969 года стал председателем объединенного комитета профсоюза УВД области, бессменно был на этом посту более двенадцати лет.

Фронтной путь и служба в органах внутренних дел Алексея Яковлевича Торцева отмечены орденами Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени, “Знак Почета”, медали “За боевые заслуги”, “За победу над Японией”, Жукова...

Григорий ФОМИН

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ

*Гремит железо третьи сутки.
Вагоны ходят ходуном.
И вдруг смолкают смех и шутки:
- Друзья, Россия за окном!*

*Полей величие немое.
Река. Село на берегу...
Не здесь ли памятной зимою
Мы жили в пепельном снегу?*

*...Нам старшина поднес по чарке,
Бутыль пуста в его руке.
Поет гармонь трофейной марки
О Волге матушке-реке.*

*И поезд, скорость набирая,
Бросает дым на грудь земли.
И нет земле конца и края...
А мы ее пешком прошли!*

Сергей СМИРНОВ

* * *

*Растают горы в горизонте синем,
Исчезнет приграничный Хайратон.
Мы автоматы за спину закинем,
Мы возвратились. Пройден Рубикон.
И будет радость встречи долгожданной,
И слезы безутешных матерей.
И на всю жизнь дорога станет главной
Та, что прошла по юности моей.
И сердцу дорогими именами
Недаром обозначен этот путь,
Где нас искали пули за камнями,
Чтобы назад заставить повернуть.
Мы знали твердо – нет важней задачи:
Не дать врагам все затопить в крови.
Уходим мы, и друг афганский спрячет
Те снимки, где есть рядом шурави.
Перевернем истории страницу,
Затихнет вьюга тех горячих дней.
Кто был в Афганистане, пусть гордится,
Кто не был, брат, об этом не жалеи.*

Виктор КУЦЕНКО

В апреле 1978 года в Афганистане произошла революция. К власти пришли прогрессивно настроенные армейские офицеры, университетская и студенческая верхушка, мечтавшие использовать идеи равенства и социальной справедливости для быстрого преобразования страны в процветающее, демократическое государство.

Но даже замечательные идеи для практического воплощения требуют огромных знаний, определенного политического и практического опыта, повседневной целеустремленной и кропотливой работы, а главное – понимания и поддержки этих идей и задумок в широких народных массах.

Надо честно сказать, что сформированное революционное правительство Афганистана, его члены, считавшие себя горячими борцами за демократию и социальную справедливость, умели лишь произносить пламенные лозунги и призывы, не зная, как организовать и вести повседневную кропотливую разъяснительную работу среди населения, а тем более, подкреплять ее практическими делами. У них, надо прямо сказать, просто не было для этого опыта, а как выяснилось позднее, и особого желания заниматься этим. У многих главным было – получить министерское кресло, кабинет чиновника. И они получили. Получили и успокоились

Правительство демократической республики Афганистан обратилось в те годы за помощью к советскому правительству в организации и налаживании работы госаппарата в центре и на местах. И помощь была оказана. К сожалению, осуществить ее было не суждено при наличии в мире двух противоборствующих систем. Страны империалистического лагеря сделали все, чтобы не дать афганскому народу пойти по пути социальной справедливости. Афганистан вместо преобразований к лучшей жизни превратился в арену борьбы двух политических систем.

КОМАНДИРОВКИ НА ВОЙНУ

Казалось бы, в далекое прошлое ушли разрывы гранат и пулеметные очереди Великой Отечественной. Прошло несколько десятилетий мирной жизни. И мы забыли о том, как тяжело ждать мужчин с войны, как невыносимо больно бывает тогда, когда в дверь постучится беда – придет известие о гибели в бою мужа, сына, брата...

В восьмидесятых годах прошлого столетия из-под чьего-то легкого журналистского пера вырвалась фраза: “Воевавшие дети не воевавших отцов”, которая на многие годы стала поистине крылатой. Ею пользовались, когда речь шла о ребятах, побывавших на полях сражений в дружественном Афганистане. Теперь, по прошествии лет, с полным правом можно так перефразировать это выражение: “Воевавшие дети и внуки не воевавших отцов”. И это будет истиной, так как в проходящих сейчас боевых действиях в Чеченской Республике в основном принимают участие внуки тех, чья молодость прошла мирно, для которых выстрелы, и те холостые, звучали лишь во время службы в армии...

Серьезным испытанием советского народа была война в Афганистане. Незадолго до нового 1980 года наши войска пересекли государственную границу с Афганистаном. Вместе с ними были направлены в дружественную республику и сотрудники органов внутренних дел. Двадцать посланцев зауральской милиции были также откомандированы в район бо-

евых действий, как было сказано: “для оказания помощи правоохранительным органам Афганистана”. Среди них Каргаполов Александр Владимирович, Епанчинцев Николай Андреевич, Липатов Александр Викторович, Мальгин Сергей Владимирович, Сычев Владимир Владимирович, Александров Александр Александрович, Едренников Сергей Николаевич, Федотов Михаил Александрович, Просвирнин Николай Павлович, Рой Илья Иванович, Рукавишников Владимир Васильевич, Третьяков Григорий Денисович, Черепанов Валерий Александрович, Киров Георгий Федорович, Федоров Николай Владимирович, Мосин Александр Ерофеевич, Сухонос Сергей Александрович, Петрушкин Виктор Петрович, Родькин Евгений Викторович, Медведев Юрий Устинович.

На их долю выпали трудности и лишения, не уступающие по своей значимости и ответственности тем, с которыми пришлось столкнуться личному составу армейских подразделений. Участие в планировании и проведении боевых операций по ликвидации вооруженных банд потребовали от них не только глубоких специальных знаний, подлинного профессионализма, но и личной отваги, самоотверженности и доблести. Каждый из них свято хранил и преумножал честь и славу органов внутренних дел Курганской области.

Лишь в недавнем прошлом был снят гриф секретности с документов о специальном отряде МВД СССР под названием “Кобальт”, созданном в начале 80-х годов для оказания помощи МВД Демократической Республики Афганистан в организации и ведении разведывательных операций против бандформирований. Отряд “Кобальт” – это 23 небольшие мобильные группы разведчиков, разбросанные по всему Афганистану, деятельностью которых была оказана неоценимая помощь командованию всей операции. Они непосредственно участвовали в сборе и обработке разведанных, разрабатывали и помогали проводить операции по внедрению информаторов в бандформирования душманов, лагеря беженцев. Комплектовался отряд из оперативных работников уголовного розыска, имевших большой опыт и всестороннюю подготовку. Через “Кобальт” прошло более тысячи сотрудников, профессионалов своего дела.

Несколько групп этого отряда возглавили зауральцы: Рука-

вишников Владимир Васильевич, Сычев Владимир Владимирович, Киров Георгий Федорович. В состав каждой группы входило около 60 человек. Это были в основном оперативники и группа обеспечения. Отряды “Кобальт” устанавливали места дислокаций бандформирований, их состав пофамильно, какие операции они готовят, чем вооружены.

С 1984 по 1986 годы в качестве специалиста МВД оказывал помощь афганскому народу в формировании системы правоохранительных органов Родькин Евгений Викторович. За этот период ему не раз приходилось участвовать в боевых операциях. За проявленное мужество и самоотверженность он был награжден орденом “Красной Звезды”, афганским орденом “За храбрость” и медалью “Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа”.

Четыре года выполнял интернациональный долг в ДРА в качестве старшего советника МВД СССР Третьяков Григорий Денисович – заместитель начальника УВД Курганской области. Ему пришлось побывать в разных провинциях, помогая отлаживать работу МВД Демократической Республики Афганистан, не раз побывать в сложных переделках. За проделанную работу, смелые и мужественные поступки он был награжден орденами “Красного Знамени”, “Красной Звезды” и “Дружбы народов”, медалями «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа», «10 лет Саурской революции».

В течение года исполнял обязанности оперативного работника в отряде специального назначения Просвирнин Николай Павлович – начальник Мишкинского ОВД. За успехи в оперативно-розыскной деятельности Реввоенсовет ДРА наградил его медалями “За хорошую службу” и “Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа”.

Работал в республике Афганистан в должности заместителя начальника отряда “Кобальт” Киров Георгий Федорович. За боевые заслуги награжден орденом ДРА “Звезда”, и ему дважды были присвоены внеочередные звания “майор” и “подполковник милиции”.

В декабре 1982 года прибыл в Кабул в качестве советника Александр Ерофеевич Мосин. Здесь, в этом по-восточному шумном разнообразии, без знания местного языка, ему и предстояло работать. Он должен был сделать все, чтобы предотв-

ращать потери солдат ограниченного контингента наших людей, находившихся в Афганистане.

Мосину поручалось контролировать провинцию Бомиан и вести сбор информации об отрядах моджахедов, об их передвижении, о тайниках и схронах, где укрывались оружие и группы боевиков. На подступах к столице он обеспечивал работу постов безопасности. Для выполнения поставленной задачи ему выделили несколько районных отделов царандоя – местной милиции и переводчика-таджика, который хорошо знал местный язык и обычаи афганского народа.

Войсковых операций за период пребывания Мосина в Афганистане проводилось много. Так, например, в уезде Пагман изъяли большую партию оружия, гранатометов, автоматов, боеприпасов. В уезде Суруби – в жестоком бою ликвидировали бандгруппу, которая постоянно совершала налеты на ГЭС, построенную советскими специалистами. За участие в одной из таких операций Александр Ерофеевич был награжден орденом «Красной Звезды».

Однако надо заметить, что не все проходило гладко. Однажды, получив информацию о местонахождении бандгруппы и склада с оружием, Мосин вместе с местной милицией и частями афганской армии отправился в путь, чтобы проверить эту информацию. При въезде в ущелье моджахеды встретили колонну плотным огнем. Танкисты-афганцы поспешно развернулись и уехали с поля боя, оставив на растерзание участковых инспекторов царандоя.

Бой продолжался несколько часов. Погибли десять работников милиции, многие были ранены. Отбивая атаку за атакой, с боем, с большим трудом они вышли из окружения. Пришлось просить помощи у наших войск и совместными усилиями разрядить обстановку.

Вернулся домой Мосин из Афганистана в декабре 1984 года.

За прошедшие годы органы внутренних дел значительно пополнились за счет военнослужащих, прошедших службу в Афганистане. Это бывший воин-десантник Каргаполов Александр Владимирович, за смелость и мужество награжденный орденом «Красной Звезды» и медалью «За отвагу». На афганской земле получил боевое крещение и бывший старшина

автороты Головин Игорь Николаевич. В экстремальной ситуации, рискуя собственной жизнью, он взял на буксир горящую машину со снарядами и вывел ее из-под огня.

Немало подобных примеров героизма проявили курганцы на афганской земле. Около 120 участников тех далеких событий были награждены высокими государственными наградами за выполнение боевых задач и за отличие в правоохранительной деятельности, в том числе орденом “Красного Знамени” – 1 человек; “Красной Звезды” – 9 человек; орденом “За личное мужество” – 3; медалями “За боевые заслуги” – 23; “За отвагу” – 15; “Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа” – 63 человека.

С той поры, когда вернулись из Афганистана наши сотрудники и российские войска, прошло более 15 лет. Многие изменилось и в нашей стране и в Афганистане. Разрушены города и кишлаки, сотни и тысячи друзей России погибли, некоторым довелось до дна испить горькую чашу участи беженцев... Но многие жители Афганистана на всю жизнь запомнили добрые дела советских людей, в том числе и наших сотрудников.

...Последнее десятилетие XX века было отмечено распадом Советского Союза. Каждая республика старалась “проглотить” как можно больше суверенитета. Всем захотелось быть независимыми, самостоятельными, только от кого и от чего независимыми – никто не знал.

Вначале зашумело Приднестровье, затем взыграла горячая южная кровь ингушей, осетин, чеченцев, дагестанцев. “Доброжелатели” разного толка стали поставлять на Кавказ оружие, по тому же принципу: кто сколько сможет “проглотить”. И запылала пламенем сама матушка Россия. Нужны были силы, которые смогли бы потушить этот разгоревшийся костер.

Со всех уголков России были направлены на Кавказ отряды сотрудников милиции. Первая группа курганских милиционеров выехала на Кавказ, в Северную Осетию, в начале 1993 года. Потом вторая, третья, четвертая, и так – целых десять лет. Милиционеров перебрасывают из одного региона в другой, они днем и ночью несут вахту по охране правопорядка. Как миротворцы, защитники спокойствия мирных жителей, борются с откровенными бандитами и наемниками, самоотверженно и до конца выполняют свой служебный долг.

Полковник милиции Бортовский Андрей Казимирович дважды побывал в составе сводных отрядов работников милиции Курганской области в зоне чрезвычайного положения в Северной Осетии и Ингушетии, в феврале-марте 1995 года во главе подобного отряда милиции находился в служебной командировке в Чеченской республике, в Грозном. 27 февраля, во время боя с бандформированием, получил контузию, но с поля боя не ушел, продолжал командовать отрядом. В декабре 1995 – феврале 1996 года снова находился со сводным отрядом в Чечне. За короткое время сумел организовать восстановление и укрепление взорванного боевиками контрольно-пропускного пункта на трассе Червленая – Кизляр, вошел в тесный контакт с администрацией района, старейшинами и совместными силами милиции Щелковского РОВД и ОМОНа города Кургана сумел организовать несение службы по охране общественного порядка.

28 декабря 1995 года при нападении на блокпост боевиков умело организовал оборону поста, рискуя жизнью, поднялся на крышу и огнем автомата и подствольного гранатомета заставил нападавших отступить.

Оперуполномоченный специального отряда быстрого реагирования Бойков Олег Васильевич также неоднократно выезжал в служебные командировки в Чеченскую Республику. Летом 1995 года за образцовое исполнение служебных обязанностей, смелость и мужество, проявленные в боях с боевиками, ему было досрочно присвоено звание “старший лейтенант милиции”. Находясь во второй командировке, с февраля по март 1996 года, принимал активное участие в трех общевоинских и двенадцати специальных операциях, что позволило задержать более десятка боевиков, изъять большое количество оружия и боеприпасов.

В феврале 1996 года, когда отделение СОБРа оказывало поддержку подразделению внутренних войск при выходе из зоны обстрела, Олег Васильевич, умело используя складки местности, приблизился к пулемету противника и несколькими выстрелами из гранатомета уничтожил огневую точку бандитов. Несколько дней спустя при проведении операции попал под автоматный обстрел. Проявив мужество, выдержку и хладнокровие, он метким огнем из гранатомета уничтожил на-

падавших.

6 марта 1996 года Бойков в составе СОБРа оказывал помощь сотрудникам милиции блокпоста № 22, подвергшимся нападению превосходящих сил противника. На протяжении четырехчасового боя он метким огнем из автомата и гранатомета поражал живую силу противника и подавил две огневые точки. Во время одной наиболее критической ситуации Бойков, рискуя жизнью, под шквальным огнем противника вынес с поля боя двух раненых и укрыл их в безопасном месте. Получив контузию от близкого разрыва гранаты, он остался в строю и продолжал вести огонь по противнику до подхода подкрепления.

Судьба помотала по Кавказу и оперуполномоченного СОБР Мацкова Владимира Ивановича. Вначале была командировка в Северную Осетию, а затем – в Чечню. В составе подразделения СОБР принимал участие в двух общевоинских и десяти специальных операциях. С его помощью задержан десяток боевиков, изъято большое количество оружия и боеприпасов.

Располагая сведениями, что в одной из квартир скрываются боевики, ворвался туда, с помощью боевых приемов рукопашного боя обезвредил четырех вооруженных боевиков и доставил их в комендатуру. При проведении операции по разминированию жилых зданий в Октябрьском районе Грозного Мацков неоднократно вступал в схватку с боевиками и прицельным огнем автомата и гранатомета ликвидировал огневые точки, обеспечивая дальнейшее выполнение операции.

Он, как и Бойков, в марте 1996 года в составе подразделения СОБР участвовал в отбитии атаки на блокпост № 22 в городе Грозном. Умело меняя позиции, под огнем противника, он из автомата уничтожал наседавших боевиков и огневые точки.

Отчаянно сражался 6 марта 1996 года с боевиками и оперуполномоченный Курганского СОБР Елин Александр Иванович. Когда БТР, которым он управлял, попал под интенсивный обстрел, сумел, маневрируя, прикрыть своих товарищей броней, дал им возможность добежать до ближайшего дома и занять круговую оборону. Когда машина была подбита, он получил осколочные ранения, но выбрался из горящего БТР и

присоединился к друзьям. Бой продолжался более четырех часов. А когда его коллеги Евгений Викторович Родькин, Владимир Васильевич Звонарев и Константин Борисович Максимов погибли, под прикрытием темноты сумел пробраться к своим.

В это же время на блокпосту № 22 вел напряженный бой с бандформированием командир отделения СОБР Маслов Сергей Александрович. Заняв с отделением круговую оборону, он на протяжении нескольких часов отбивал атаку за атакой нападавших боевиков. Был ранен в ногу, но, несмотря на это, продолжал руководить отделением.

За десять лет пребывания сотрудников милиции Курганской области на Кавказе были всякие ситуации. Подобные примеры стойкости и мужества наши коллеги показывают почти каждый день. С 1 февраля 2003 года по 30 июля 2003 года находился в служебной командировке на территории Чеченской Республики Чистоусов Николай Михайлович – старший оперуполномоченный межрайонного отдела по раскрытию умышленных убийств при УВД Курганской области. За период командировки показал себя мужественным профессионалом, сотрудником, способным ориентироваться в сложной обстановке, наносить противнику ощутимые удары.

Так, например, в марте 2003 года при проведении оперативно-розыскных мероприятий он обнаружил и обезвредил на месте самодельное взрывное устройство. Месяц спустя, после подрыва боевиками автобуса в городе Грозном, на котором перевозили строителей, организовал преследование лиц, совершивших этот террористический акт. В ходе боя в результате решительных действий Николая Михайловича был задержан один из преступников.

Две недели спустя, при проведении оперативно-розыскных мероприятий в лесном массиве, недалеко от населенного пункта Семашки Ачхой-Мартановского района, группа, в которой был и Чистоусов, наткнулась на засаду. Бой длился более 40 минут, пять боевиков были убиты, обнаружены два тайника с оружием и боеприпасами, которые также были уничтожены.

За период служебной командировки Николай Михайлович принимал непосредственное участие в проведении девяти

специальных операций, в ходе которых было задержано четыре боевика, изъято 2100 единиц боеприпасов, задержано 11 автомобилей, находящихся в федеральном розыске.

За образцовое выполнение служебного долга, высокий профессионализм, мужество и отвагу, проявленные за период командировки на территории Чеченской республики, Чистосов Николай Михайлович представлен к награждению медалью “За заслуги перед Отечеством” II степени.

... В Чечне идет война. Там свои законы: либо ты, либо тебя – другого там не дано. Все зависит от качества твоей подготовленности, от хладнокровия и выдержки. А это не просто – оставаться спокойным, когда с криками “Аллах, акбар!” на тебя бегут не менее подготовленные вояки, яростные в бою и очень коварные в засадах. В этом не раз убеждались сотрудники милиции, побывавшие в служебных командировках на войне и испытывавшие все ее тяготы на собственном опыте.

В начале 1993 года для созданного приказом начальника УВД области отряда милиции особого назначения состоялась первая командировка в Северную Осетию – в село Чермен, откуда пошел осетино-ингушский конфликт. Затем эти командировки участились. Около 30 раз сотрудники ОМОН выезжали в “горячие точки” Северного Кавказа.

Многokrатно выезжали в подобные командировки заместитель командира взвода отряда милиции особого назначения прапорщик милиции Безруков Сергей Владимирович, боец отряда прапорщик милиции Андреев Евгений Викторович, командир отделения ОМОН старшина милиции Пименов Алексей Николаевич, начальник медицинской части отряда майор милиции Артименко Александр Яковлевич, инженер-сапер отряда лейтенант милиции Галендра Иван Викторович, инспектор-дежурный дежурной части отряда Бочков Андрей Владимирович, заместитель командира отряда, а с 2004 года – командир, майор милиции Асямолов Александр Александрович и другие.

Если раньше командировки были продолжительностью около трех месяцев, то в настоящее время – полгода. Шесть месяцев одна группа, шесть месяцев – другая, и так беспрерывно год за годом Зауралье лишено мощной поддержки в

борьбе с преступностью, какую оказывали сотрудники ОМОН, ежедневно выходя на патрулирование улиц. Кроме этого, каждый день пребывания на чеченской земле – это постоянное напряжение, бессонные ночи, риск потерять здоровье или вовсе лишиться жизни.

Так, к примеру, 10 августа 2000 года поступила информация о том, что на мосту через реку Аксай установлено взрывное устройство. На место выехали взрывотехники Дмитриев Сергей Александрович и Глебов Владислав Анатольевич во главе с заместителем командира Вячеславом Ятченко. Осматривая мост, сотрудники действительно обнаружили взрывное радиоуправляемое устройство. Уничтожать на месте – нельзя, взрывом будет разрушен мост. И тогда Вячеслав Владимирович Ятченко, как опытный инженер-сапер, в течение часа провел обезвреживание радиовзрывателя, а затем вынул и сам заряд из дорожного полотна.

24 февраля 2002 года группа бойцов отряда во главе с заместителем командира взвода Безруковым Сергеем Владимировичем проводила инженерную разведку по обнаружению взрывных устройств на маршруте движения автомобильной колонны группировки федеральных сил. В Ленинском районе города Грозного, на обочине дороги Безруков, находясь в авангарде группы, обнаружил хорошо замаскированное минное заграждение из трех взрывных устройств, которые им были ликвидированы.

19 января 2003 года при осмотре улицы Маяковского в Ленинском районе города Грозного командир отделения Пименов Алексей Николаевич обнаружил взрывное устройство, очень тщательно замаскированное и управляемое по проводам из укрытия. Принятыми мерами взрывное устройство ликвидировано.

Подобное взрывное устройство месяц спустя снова обнаружено в другой части улицы Маяковского в городе Грозном. Обнаружил его милиционер-боец отряда Трубехин Юрий Владимирович. В этот же день начальник медицинской части отряда милиции Артименко Александр Яковлевич, опять же на улице Маяковского, обнаружил еще одно взрывное устройство. Оба были обезврежены.

Сотрудники милиции почти каждый день ликвидируют по-

добные ловушки, а они снова и снова, как грибы, появляются на дорогах, в промышленных зонах, неся смерть и разрушения. Подобные взрывные устройства очень часто закладываются боевиками в автомобили, и здесь многое зависит от того, как оперативно и профессионально грамотно эта машина будет задержана и обезврежена.

Так, 22 февраля 2003 года, в канун Дня защитника Отечества, старший инспектор дежурной части отряда милиции Бочков Андрей Владимирович задержал на контрольно-пропускном пункте №11 Ленинского района города Грозного автомобиль “Жигули” белого цвета. После проверки документов выяснилось, что данная машина находится в розыске. При внимательном ее досмотре было обнаружено взрывное устройство с часовым механизмом. Несколько человеческих жизней были спасены.

Однако не всегда сотрудникам милиции удается своевременно обнаружить и ликвидировать эти взрывоопасные ловушки. Так, 12 мая 2002 года колонна автомашин отряда милиции особого назначения Курганской и Пензенской областей возвращалась в свое расположение с Южной базы по улице Кульбаса. Недалеко от пропускного пункта №35 автомобиль “Урал”, в котором находились бойцы Курганского ОМОН Зайцев Андрей Анатольевич, Евдокимов Вадим Сергеевич и другие сотрудники отряда, был подорван на радиоуправляемом фугасе. В результате взрыва автомобиль был полностью охвачен огнем. Младший сержант милиции Евдокимов потерял сознание, на нем загорелась одежда. Находящийся в кузове сержант милиции Зайцев не растерялся. Несмотря на полученные раны, вытащил друга из горящей машины, оказал ему необходимую помощь. Зайцев отстреливался и одновременно нес Евдокимова. После того, как у него кончились патроны, он взял магазин у Вадима и продолжал бой до прибытия подкрепления. За этот бой Зайцев награжден медалью «За отвагу», а Евдокимов медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

И точку в этой истории пока еще ставить рано. По маршруту Курган–Чечня вот уже десяток лет протекает служебная и личная жизнь сотрудников милиции. И каждый раз со слезами на глазах их провожают в долгие служебные командировки матери, жены, дети, чтобы потом не спать долгими ночами и

тревожно ждать вестей из далекой Чечни, вздрагивая и замирая от каждого телефонного звонка.

... Война в Чечне фактически никогда и никем не объявлялась. Даже не был принят Закон о чрезвычайном положении, словно там идет нормальная мирная жизнь. А на самом деле идет война с ее жестокими законами и невосполнимыми потерями. Если в первую чеченскую войну Россия потеряла убитыми 4103 бойца, то во вторую – уже около четырех с половиной тысяч, и эти потери продолжают по сей день.

Сотрудники милиции лучше других знают, что чувствует человек, когда трагически обрывается жизнь боевого товарища, который минуту назад шутил и смеялся, делился последней сигаретой.

Первой горькой для сотрудников милиции Зауралья стала гибель трех соборовцев 6 марта 1996 года. Лишь месяц спустя после гибели в Курганском аэропорту приземлился самолет, доставивший на родину груз-200 – тела погибших в бою Евгения Викторовича Родькина, Владимира Васильевича Звонарева и Константина Борисовича Максимова. Казалось, весь Курган в день похорон пришел проститься с отважными милиционерами... Боль от этой утраты не утихает в наших сердцах и поныне.

Это были настоящие парни – патриоты Отечества, верные своему служебному долгу и Присяге. Посмертно они награждены орденами Мужества. Родькин Евгений Викторович удостоен звания Героя Российской Федерации. Его именем названа школа № 75 в городе Кургане, где он учился, и улицы в Заозерном жилом массиве и селе Введенском. На доме, где жил Герой, установлена мемориальная доска. Знайте и помните!

За период боевых действий в Чечне курганская милиция потеряла одиннадцать сотрудников.

8 октября 2000 года, выполняя задание по сопровождению мобильного отряда МВД в город Грозный, машина, которой управлял прапорщик милиции Будаев Эдуард Георгиевич, попала под обстрел боевиков. Получив смертельное ранение в голову, Эдуард Георгиевич тем не менее сумел вывести автомашину из зоны обстрела, чем спас жизнь товарища. От полученного ранения скончался.

Погиб в бою в мае 2001 года милиционер роты патрульно-постовой службы милиции города Шадринска Тимашев Александр Александрович. Подорвались на радиоуправляемых фугасах старший конвой отдельной роты конвойной службы УВД Сапожников Сергей Геннадьевич, милиционер охранно-конвойной службы Мишкинского ОВД Ваганов Роман Иванович, прапорщик милиции, милиционер 2-й роты батальона патрульно-постовой службы милиции города Кургана Лисихин Владимир Анатольевич, сержант милиции Лебязьевского ОВД Феденев Александр Сергеевич, расстрелян вместе с группой сотрудников при возвращении в город Грозный из Щелковского РОВД майор милиции Тегаев Абдул Муцарович.

Дороги Чечни – это артерии жизни и смерти. Не случайно именно о них написал неизвестный автор:

*“Я убит под Бамутом,
А мой друг – в Ведено.
Как Иисусу воскреснуть,
Нам уже не дано.
Ты прости меня, мама,
Что себя не сберег,
Нас лежит очень много
У кавказских дорог”.*

За мужество и отвагу, проявленные сотрудниками органов внутренних дел Курганской области в боях с бандформированиями, 37 сотрудников награждены орденами Мужества, 10 из них – посмертно. Скорбят о погибших матери, родные, скорбим и мы.

...И все же человек всегда жив надеждой. Вот и мы верим и надеемся, что в нашем доме – Великой России наконец-то воцарится мир, перестанут гибнуть наши коллеги, а все усилия сотрудников органов внутренних дел будут направлены лишь на обеспечение законности и правопорядка.

Юрий ГАВРИЛОВ

РАЗВЕДЧИК ИЗ “КОБАЛЬТА”

Мало кто знает, даже послужившие в Афганистане, что наряду с советническим аппаратом Министерства Внутренних дел СССР в Демократической республике Афганистан с осени 1980 года действовало спецподразделение “Кобальт”. Оно было создано для оказания помощи “Царандою” (Министерству Внутренних дел этой страны) в организации и ведении разведывательных операций против бандформирований. В его составе были и наши земляки. Так одну из оперативных групп “Кобальта” в 1981 году возглавлял курганец, ныне полковник милиции в отставке – Владимир Васильевич Рукавишников.

Правда, надо сказать, что командировать в Афганистан Рукавишникова никто заранее не планировал. Он возглавлял тогда в УВД области отдел БХСС, но однажды, находясь в кабинете начальника отдела кадров, стал случайно свидетелем отказа работника УВД от поездки в воюющую страну. Владимир Васильевич, как человек неравнодушный, человек служебного долга неожиданно для беседующих, да и себя самого, заявил о готовности поехать в Афганистан. На него оформили в отделе кадров документы и отправили их в Москву.

Ответ из Министерства удивил Рукавишникова – ему было отказано от командировки, ввиду преклонного возраста. Владимиру Васильевичу было тогда 46 лет.

Он отправил личное письмо в Министерство, чтобы никто

не усомнился в его готовности поехать в Афганистан: а возраст и должность свидетельствуют о его опыте.

И вопрос был решен положительно. Там как раз шел “поштучный” подбор квалифицированных специалистов для подразделения “Кобальт”.

Вдумайтесь, само название говорит о необычайной прочности, стойкости и мужестве, которыми должны обладать его бойцы. А зауральцы Владимир Рукавишников, Владимир Сычев, Георгий Киров и Николай Просвирнин были утверждены в его состав. И вылетели в Кабул.

Спецподразделение “Кобальт” со штабом в Кабуле состояло из 23 небольших, мобильных групп разведчиков, действовавших на всей территории Афганистана. В их обязанности входило установление мест дислокации бандформирований, их состав, цели, задачи и политическая направленность, кто главарь банды, его сподвижники и покровители, обеспечивающие вооружением, продовольствием, где находятся склады и укрытия, какова система оповещения и сбора членов банды, основные районы и объекты их действий, каковы выходы к намеченным целям и пути возвращения домой.

Территория Афганистана была разделена на 9 основных зон действия. Владимир Васильевич был назначен командиром группы в девятую зону, которая располагалась в приграничье с СССР, Индией и Пакистаном. В нее входили провинции Кундуз, Тахар, Баглан и Бадахшан.

В группе Рукавишникова было 60 человек, хорошо вооруженных, оснащенных “УАЗиками” и бронетехникой, но с твердым указанием – без крайней необходимости в боевые действия с душманами не вступать – вести глубокую разведывательную и агентурную работу, знать: где, когда и что может произойти. Особо досконально изучить и нанести на карту дороги, горные перевалы и тропы, по которым можно передвигаться вьючным караванам и пешим порядком.

Организовать разведку, создать агентурную сеть в чужой стране. Не зная языка? Отлично знавший розыскную работу и человеческую психологию Рукавишников не растерялся и здесь. Конечно, какое человеческое чутье, какой опыт надо иметь, чтобы, беседуя через переводчика, суметь почувствовать по выражению глаз, лица, поведения, каков это человек,

можно ли ему доверять, надеяться на сотрудничество?

И ведь получилось. К концу командировки на оперативную карту были нанесены координаты около полусотни бандформирований с подробными характеристиками их состава, вооружения и целенаправленности, а также подготовлена группа проводников на случай проведения операций.

Высшую оценку деятельности группы Рукавишникова дал Маршал Советского Союза Сергей Леонидович Соколов – первый заместитель министра обороны, побывавший тогда в Афганистане. Карты-схемы, подготовленные сотрудниками “Кобальта”, во многом помогали армейским частям и подразделениям локализовать противника, успешно проводить колонны с грузами и личным составом, наносить удары по душманским группировкам. Так по этим данным была полностью разгромлена банда Хайдара, численностью около пятисот человек, а сам главарь – убит в бою.

И все-таки, несмотря на скрытность и тонкость действий, группе Рукавишникова не удалось избежать боевых столкновений с душманами. В ходе боев двое из его сотрудников были ранены.

Группа достойно выполнила поставленные задачи, передала преемникам налаженную сеть оповещения и сбора информации, и с чувством исполненного долга в полном составе вернулась в Союз.

Геннадий ПАВЛОВ

СОВЕТНИК ИЗ 14-ГО ВЕКА

В декабре 1982 года кабульский аэропорт встретил советника Александра Ерофеевича Мосина настороженно. Первое, что бросилось в глаза – человек с ружьем и пистолетом, которая потом растворилась только на шумной центральной улице Мейванд, где рядом с новенькими, поблескивающими на солнце «мерседесами» и потертыми джипами чинно следовали ослики то с людьми, то с какой-то поклажей, громыхали старинные колымаги – легко и независимо.

Мосин видел, что любовь к независимости то и дело проявлялась у «столичных» граждан. Что удивительно: за всю историю афганский народ никогда не находился под игом. Не преклонился даже перед многотысячной английской армией. Поэтому улица Мейванд и названа в честь победы в 1880 году у местечка с таким названием над английской бригадой лорда Берроуза. А еще раньше, в первой англо-афганской войне 1838–1842 годов афганцы уничтожили 16-тысячный отряд колонизаторов. В третью англо-афганскую войну, в 1919 году, 60-тысячная афганская армия оказала упорное сопротивление 340-тысячной английской. В августе 1919 года Англии пришлось признать суверенитет Афганистана. В этом же году эмир Аманулла-хан провозгласил политическую независимость страны. Правительство ввело трехцветный государственный флаг Афганистана (черная полоса – память о днях независимости от Англии, красная – кровь, пролитая в боях за осво-

бождение, зеленая – светлое будущее исламского народа).

Каким оно стало «светлым» – Александр Ерофеевич знал из российских газет. Читал о том, как в 1973 году был свергнут своим двоюродным братом Даудом правивший страной король Захир-шах. А в 1978 году, после убийства в Кабуле американского посла Даббса во время крупного волнения пехотной дивизии в Герате, Советский Союз понес первую утрату на афганской земле. Погибший военный советник майор Николай Бирюков открыл скорбный и очень длинный список потерь.

И ему, Мосину, как советнику, требовалось ограждать от беды находящихся здесь советских солдат. Поэтому, как только автобус подъехал к советскому представительству, для Александра Ерофеевича Мосина и его коллег началась жизнь уже не по мирному расписанию среди народа, живущего в XIV веке по афганскому календарю солнечной хиджры, в феодальном государстве, который все время внимал воле аллаха. Почитал его более искренне, чем всех существующих правителей.

Не случайно в Ташкенте будущие советники, до поездки сюда, наряду с изучением языка познавали Коран, нормы шариата – кодекс чести и достоинства мусульманина. Знание их потом помогало не только в общении с местными жителями, но и при проведении операций, ради уничтожения моджахедов, изъятия оружия и наркотиков, спокойствия граждан.

Александр Ерофеевичу по приезду в Афганистан было поручено оказывать помощь нескольким районным отделам царандоя, напоминающим наши территориальные отделы милиции, в налаживании борьбы с бандформированиями и по обеспечению безопасности населения и воинов советского контингента. Начал работу Александр Ерофеевич со сбора информации, позволяющей обеспечить более спокойную обстановку в столице и в провинции Бомиан. Кроме того, помогал наладить службу постов безопасности, которые выставлялись перед всеми въездами в город и административными зданиями. Через переводчика-таджика обучал царандоевцев, как верно ориентироваться в различных ситуациях.

– Афганцы за короткое время достигли определенных успехов. Для людей, которые, как говорится, родились торговцами и воинами, а значит, в какой-то мере, дипломатами, не существовало больших трудностей. Они быстро адаптирова-

лись в любой обстановке, цепко ухватывали нужную информацию. Могли добыть ее самым невероятным способом, – говорит Александр Ерофеевич. – Но вместе с тем были непредсказуемы, как древний знаменитый кабульский базар, где можно купить все – от гвоздя до автомата. Люди в нуристанках (войлочных колпаках) и чалмах тут наперебой расхваливали свой товар. Предлагали попробовать золотистые от избытка солнца фрукты и ароматный зеленый чай. Звонкие голоса торговцев были слышны далеко за пределами базара. Привлекали к торговым рядам своим особым магнетизмом. Но Мосин и его коллеги редко бывали здесь. Останавливало услышанное: пойдешь – убьют... Возможно, даже вежливые, на первый взгляд, торговцы.

Работа советников осложнялась тем, что они имели дело не с противником в открытом бою, а с моджахедами, которые находились среди мирного населения. Поэтому среди шума и базарной разногласицы действительно могло случиться все, что не раз и происходило. Поэтому встречи ради получения оперативных данных Мосин назначал в немногочисленных местах. Полученные сведения проверялись по всевозможным каналам. Если подтверждались, проводились оперативные действия.

ДЕНЬ, ИЗМЕНИВШИЙ ЖИЗНЬ

Наверное, Александр Ерофеевич Мосин не оказался бы никогда в воинствующей мусульманской стране, если бы в 1974 году не выдался день, стремительно изменивший всю его жизнь: работника районного отдела народного образования, закончившего биохимический факультет пединститута, вызвал к себе первый секретарь Варгашинского райкома партии и предложил стать замполитом в РОВД. Объяснил, что воспитательная работа ему, Мосину, знакома, оттого и новая должность будет интересной. Ведь направлять на истинный путь придется не подрастающее поколение, а в основном своих сверстников.

В самом деле, предложенная работа определила и его дальнейшую судьбу. Поступил учиться в московскую Академию МВД. Стал начальником Половинского РОВД. С этой должности и уехал в Афганистан.

Что примечательно: афганская столица, в плане застройки, не выглядела единым поселением. В городе, на вершине горы, сохранились остатки стены-крепости. По преданию, со

времен Александра Македонского.

– Приходилось проезжать около нее на автомашинах на большой скорости, так как могли обстрелять. Особенно опасно становилось в городе накануне и в дни праздников. Моджахеды то и дело напоминали о себе. Однажды перед домом, в котором тогда проживал советник из Кургана Геннадий Павлович Устюжанин, упала ракета. К счастью, не разорвалась...

Так как в Афганистане не было системы призыва на военную службу, то набор в армию осуществлялся методом облав, чаще всего на тех же базарах. Когда молодых людей принудительно забирали в армию, они смирялись со своей участью. Считали, что так распорядился аллах. Проходили курс молодого бойца. Принимали присягу и служили. Конечно, вначале новобранцев держали под караулом. Опасались, что вдруг кто-то сбежит. Да и во время спецопераций о маршрутах следования афганцам сообщали уже в пути, чтобы не допустить утечки информации. Кое-кто из них мог работать и на ту, и на другую сторону. То есть, и на правительство, и на моджахедов, – вспоминает Александр Ерофеевич.

Совместных боевых операций советских и афганских подразделений в 1982–1984 годах организовывалось немало. За участие в одной из них Александр Ерофеевич Мосин награжден орденом Красной Звезды.

Рассказал, как накануне ее проведения через доверенное лицо получил сведения о том, что в уезде Пагман Кабульской провинции находится много оружия – гранатометов, автоматов, боеприпасов. Сведения по разным каналам подтвердились. Операция по изъятию прошла успешно.

Во время таких походов, бывало, в тайниках находили много исламской литературы, листовок, записок, списков бандгрупп. Такие данные помогали верно ориентироваться в сложившейся обстановке.

Одной из задач подразделений царандоя было обеспечение безопасности линий электропередачи. Опоры этих линий часто подрывали моджахеды. Населенные пункты оставались без освещения.

В уезде Суруби, где находилась ГЭС, построенная ранее советскими специалистами, также проводились совместные советско-афганские боевые операции. Во время одной из них лик-

видировали бандгруппу, оказавшую жестокое сопротивление.

– Когда выезжали с проверкой, касающейся охраны ГЭС, останавливались во дворце сбежавшего шаха. Изысканное здание находилось в очень красивом месте около водохранилища и никак не соотносилось с военной обстановкой в стране. Оно охранялось царандоевцами и поэтому было не разрушено.

Дворец настраивал на мирный лад, как и гостеприимство местных жителей, которые радушно угощали нас фруктами, ароматным пловом и шашлыками, изготовленными по каким-то особым национальным рецептам. Гостеприимство в стране определено нормами шариата, мусульманской религией.

В памяти у Мосина до сих пор трагический эпизод – гибель части отряда царандоя.

– Тогда, получив информацию о местонахождении бандгруппы и склада с оружием, вместе с участковыми инспекторами царандоя и солдатами афганской армии мы отправились в путь, – продолжает разговор Мосин. – Поход оказался неудачным. При въезде в горный район танкисты-афганцы проявили медлительность. Заметив это, моджахеды открыли огонь. Афганские солдаты с техникой поспешно удалились, отказавшись вступить в бой. Я с царандоевцами оказался в окружении душманов.

Погибли десять участковых инспекторов. Имелись и раненые. С переводчиками и несколькими участковыми инспекторами с трудом вышли из окружения и начали собирать добровольцев, чтобы увезти из горной местности людей, получивших ранения. Связался с советскими частями. Попросил помощи. Они пришли на подмогу вовремя. Тех, кто был ранен, доставили в госпиталь.

Вернулся Александр Ерофеевич Мосин домой в декабре 1984 года, но и сейчас помнит эту страну, ее трудолюбивый и добрый народ.

Возвратившись на родину из Афганистана, Александр Ерофеевич снова стал начальником отдела внутренних дел Половинского района. Потом возглавил учебный центр УВД Курганской области, где получили отличные знания многие работники правоохранительных органов. В настоящее время полковник милиции в отставке Александр Ерофеевич Мосин продолжает заниматься профессиональной подготовкой специалистов частных охранных организаций.

Надежда РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

РАСКАЖУ О ТОВАРИЦЕ

Григорий Денисович Третьяков был дважды в длительных служебных командировках в республике Афганистан. Профессионал высокого класса, юрист с высшим образованием, надежный и смелый человек. Мне думается, характеристика эта будет неполной, если не рассказать о некоторых страницах из жизни полковника Третьякова, свидетелем которых был сам или знаю о них от товарищей его и моих. Самое удивительное в нашем товариществе то, что мы, курганцы, познакомились в Афганистане. Правда, я о нем был слышан до командировки в Кабул. Знал, что Третьяков являлся одной из первых «скрипок» в нашумевшей в те годы операции по раскрытию и ликвидации банды взломщиков сейфов, гастролировавшей в нашей и соседних областях. Слышал, что сослуживцы уважают его как опытного профессионала и очень порядочного человека.

Улетая в Афганистан, я получил несколько просьб от работников курганской милиции повидать там Григория Денисовича, передать ему теплые слова приветия и пожелания всяческих успехов. Для человека в чужой стране многое значит, что он не забыт в родном краю, что там его помнят и добром вспоминают. Когда освоился немного с обстановкой в Афганистане, работа свела меня с ведомством, где советником был Григорий Денисович. Полковник царандоя Карим Сарбоз на мой вопрос о Третьякове сказал, что знает его, больше того —

сопровождал на кабульский аэродром, когда тот получил назначение в провинцию Парван и должен был лететь в Баграм.

– В тот день нам не везло, – сетовал полковник. – Время уже приближалось к вечеру, а борта на Баграм не было. Приземлился АН-12, мы пошли к нему. Летчики сказали, что они летят на Баграм через полчаса, их самолет – «черный тюльпан», в нем сейчас шесть цинковых гробов с погибшими ребятами. Я напомнил мушаверу, что лететь с мертвыми – плохая примета у мусульман, лучше вернуться в казарму и улететь завтра. «Вернуться с полпути, – услышал в ответ, – для русских примета не лучше, чем лететь с погибшими в бою... Я полечу». И улетел.

В обычной обстановке я, может быть, и не придавал бы значения приметам и случаю, поведенному мне полковником царандоя. Но на войне...

Сразу вспомнил свой прилет в Кабул. Первую беседу с нами проводил товарищ Нур Ахмад Нур. Рассказывая о сложностях ситуации в стране и особенностях нашей работы, он призывал быть предельно собранными и осмотрительными во всем. На войне нет мелочей, осмотрительность здесь не техника безопасности – сама жизнь. И вдруг обратился к одному из наших товарищей:

– Вот вам, например, я думаю, не хотелось бы вернуться домой в цинковой коробке?

Товарища будто мукой посыпали, таким он стал бледным. После приема подходил к каждому из нас и спрашивал: «Почему Нур именно мне задал такой вопрос?» А вечером с истерикой его увезли в госпиталь. После такого вопроса да при круглосуточной стрельбе какие мысли не придут в растревоженный ум гражданского человека? У Григория Денисовича нервы всегда в кулаке, а на первом плане – работа. В провинции Парван товарищ Набарт рассказывал мне, что с приходом Третьякова советником местного царандоя многое изменилось к лучшему. Под руководством советника была создана система укрепленных постов вокруг города и важных объектов, проводились засады на караванных тропках, по которым доставлялось оружие и снаряжение для душманских банд. Ряд главарей бандформирований был вынужден в такой ситуации пойти на переговоры с народной властью. Третьяков ходил на

такие встречи к душманам и сам. В логово врага шел с четками в руках вместо оружия. И договаривался о замирении: разум и смелость – сильнее оружия. Смелость в особой чести на Востоке, где говорят: «Если ты встретился и миришься с противником, то твое рукопожатие должно быть твердым и крепким, а рука сухой». Здесь уважают сильных волей людей, умеющих побеждать и без стрельбы.

Четыре года работы «на лезвии бритвы» за спиной у Григория Денисовича. Десятки жизней наших парней, водивших машины по трассе Кабул-Хайратон, – спасла его трудная, до отчаянности рискованная работа.

Рассказывая о службе Григория Денисовича на посту советника царандоя, министр внутренних дел Афганистана тех лет Сеид Мухамед Гулябзой, беседуя со мной, охарактеризовал его с самой лучшей стороны как высококвалифицированного оперативного работника, бесстрашного и решительного человека. «И еще мне нравится в нем, – говорил министр, – что Третьяков в рот не берет спиртного. К таким людям у мусульман особое доверие и уважение».

Уважение афганцев к Григорию Денисовичу приходило вместе с его неотступной борьбой за справедливость с теми, кто ее нарушал. Не надо думать, что с нашей стороны все в этой стране было достойно и гладко, как в кино. К сожалению, встречались там и такие наши «посланцы», кто не дорожил ни своей совестью, ни честью страны. Как-то в Газни несколько наших военных для личной наживы «экспроприировали» у афганцев солидную сумму денег. В отчаянии люди пришли к мушаверу – пожалуйста, помоги найти справедливость. Дело было исключительно трудным, не без риска потерять собственную голову. Третьяков не дрогнул. Пришлось подключить к решению вопроса самые высокие инстанции, проявить настойчивость. И справедливость восторжествовала. Зато как уважительно после этого случая относились все в округе к русскому советнику!

Вести о добрых деяниях на Востоке разносятся быстрее ветра и проникают всюду, Вернись сегодня в Газни Третьяков, и он мог бы спокойно ходить по улицам города. Добрая молва, как заговоренного, убережет его от злой пули.

Еще мне очень нравится в характере Григория Денисовича его собранность, обязательность, умение не расслабляться в

работе над собой. Каждое утро зимой и летом в любую погоду я вижу его в шесть часов утра. Ежедневная физзарядка, бег до пота, лыжи зимой, плавание в Тоболе с ранней весны и до глубокой осени делают его крепким, стройным, моложавым.

Фотография на память

Третьяков вышел на заслуженный отдых, отдав службе в органах милиции более сорока лет. Но никто, глядя на Григория Денисовича, не скажет, что ему за шестьдесят. Сорок - сорок пять лет, так он выглядит сегодня. При проходах Третьякова на заслуженный отдых министр внутренних дел России Анатолий Куликов наградил этого героического человека именным оружием. Это первый случай за всю историю существования Курганской области.

Как-то недавно мы разговорились с Григорием Денисовичем о былых афганских делах и я спросил его: «Смогли бы вы поехать в Афганистан сегодня?»

Он, чуть подумав, ответил: «Да, смог, если у Отечества возникнет необходимость».

А пока Третьяков снова на службе. В одной из охранных фирм передает свой опыт борьбы с лихими людьми.

Геннадий УСТЮЖАНИН

СТАРШИНА ГАРИПОВ

В феврале 1989 года завершился вывод советских войск из Афганистана. А награды за бои с душманами продолжают находить своих героев. В числе тех, кто получил медаль “За отвагу” после возвращения домой, бывший воин-интернационалист, а ныне сотрудник Альменевского райотдела милиции Рамиль Гарипов.

Я записал его рассказ об операции, за которую он удостоился награды.

“Основной задачей десантно-стрелкового батальона, где я проходил службу, был контроль за шоссейной трассой Джалалабад – Кабул. Следует сказать, что подобные трассы были основными транспортными артериями Афганистана. По ним шли народнохозяйственные и другие грузы. Душманы часто стремились воспользоваться ими в своих целях. Здесь всегда было беспокойно.

Однажды в штаб батальона пришли представители афганской контрразведки. Они по своим каналам получили известие, что в ближайшее время по трассе должен пройти вражеский караван из Пакистана.

После завтрака нам объявили, что пойдем в засаду. Весь день был посвящен подготовке. Новички, бывшие во взводе, заметно волновались. Для многих же это был далеко не первый бой. “Старички” сохраняли внешнее спокойствие, хотя на душе было, конечно, тревожно.

Ночью, часа в два, наша группа ушла из заставы и расположилась в расщелинах гор. На этот раз караван ждуть себя долго не заставил. Появились 30 выючных животных в сопровождении охраны. По команде с разных позиций мы открыли огонь. Ошеломленные внезапностью удара, взятые в узкое кольцо, душманы не сразу смогли сориентироваться в обстановке. Началась паника. Но “духи” быстро пришли в себя и стали оказывать упорное сопротивление. Надо честно сказать, что организация подобных отрядов у них была хорошей, как и выучка моджахедов. И если бы не поддержка артиллеристов и бронетехники, то бой мог бы затянуться надолго. А так душманам пришлось бежать, бросив убитых, раненых, весь груз. Трофеи были солидные: безоткатные орудия, автоматическое оружие, мины, подрывная аппаратура, обмундирование – все необходимое для ведения длительной партизанской войны”.

Этот эпизод был у Рамиля далеко не единственным в его армейской биографии. Обстрелы, захваты караванов случались и в дальнейшем. Не всегда все проходило удачно, были и потери друзей, иногда довольно ощутимые.

Вернувшись из армии, Рамиль пошел работать преподавателем в Малышевскую среднюю школу. Постоянно ездил на февральские слеты воинов-афганцев в райцентр, старался жить активной общественной жизнью. В 1994 году переехал из Алакуля в Альменево. В настоящее время старшина Гарипов является командиром патрульно-постовой службы Альменевского РОВД. Имеет хорошие отзывы от руководства райотдела милиции и населения.

Анвар КИДРАСОВ

ПОЛЗКОМ, НОЧЬЮ

Службу в Афганистане я проходил 1985-1986 годах в составе инженерно-саперного подразделения. Наверное, уже одно это расскажет многое побывавшим в Афганистане, когда, наверное, около половины погибших и раненых там пострадали от мин. Каких там только мин не встречалось! И наши, и итальянские, и китайские ... Сапер, как и минер, ошибается только один раз. Может быть, поэтому я и сейчас помню, как провел первое разминирование. Дело было в Пандшере, нам было приказано очистить дорогу от мин для прохода в это ущелье бронетехники. Группу, вел на задание старший лейтенант Андрей Мячин. Он был года на 2-3 нас постарше. Мы его между собой называли "наш Мячик". Уважительно звали.

Но ни войти, ни вползти среди бела дня в ущелье мы не сумели: стреляли «духи шибко». А командир нас берег. По команде связался, заверив, что ночью легче пройти. Пройти, оно, конечно, легче, но разминирование ...? Но «Мячик» убедил командиров.

А ночи в Афгане черные, как сажа, особенно после провала солнца в горах. И мы поползли ... Все коленки у штанов и локти гимнастерок поизодрали. И руки, конечно, тоже. За нами пошли танки и БМП. К рассвету мы уже были в ущелье, и танки громыхнули из пушек по горам. Операция началась. За нее мы и были удостоены личных фотографий у боевого знамени части.

Медалью "За боевые заслуги" награжден за другое разминирование. А крещение огнем, как первая любовь, осталось на всю жизнь.

Алексей МАШЬЯНОВ,

сержант милиции г.Шумиха

АФГАНСКАЯ ЗАКАЛКА

Все дальше в историю уходит афганская война. Время лечит физические и душевные раны, отмечает наносное с высоты прожитого, кристаллизует все, чем жил и кем был в Афганистане.

Андрей Александрович Кашин родился и вырос в городе Катайске. В 1983 году был призван на службу в армию. Попал в воздушно-десантные войска. После подготовки в учебном центре ВДВ был направлен в Афганистан. За полтора года службы Андрею Кашину пришлось испытать многое: и рейды по горам и пустыням, и засады, и охрану автомобильных колонн, бои, потерю друзей, ранение.

Афганистан закалил парня физически и морально, научил премудростям боевой работы, сдул всю «шелуху», подготовил к жизненным трудностям. С орденом «Красной Звезды» и медалью «За отвагу» вернулся гвардии старший сержант Кашин в родной Катайск.

Надо было определяться в жизни. Андрей поступил и закончил Курганский государственный педагогический институт, поработал в школе преподавателем, но навыки, полученные на службе в Афганистане, привычка к порядку и дисциплине привели его в Катайский отдел внутренних дел на должность оперуполномоченного уголовного розыска. Бывалый воин выбрал один из самых трудных участков милицейской деятельности, потому что имел большой авторитет у населения, хорошо

знал обстановку в городе и районе. Андрей сумел быстро войти в курс всех дел. Работая среди несовершеннолетних, он проявил себя умелым психологом и педагогом. Все ребячьи авторитеты Катайска с уважением здороваются с «дядей Андреем», делятся своими проблемами и заботами.

У работника уголовного розыска всегда много дел, забот и хлопот, надо не утонуть в повседневности, набираться опыта, знать в совершенстве законы, лучший опыт оперативной и сыскной работы. Вот почему Кашин стал студентом-заочником Екатеринбургского юридического института МВД, где совершенствует свое профессиональное мастерство.

Закалка, полученная Андреем Александровичем Кашиным в Афганистане, и сегодня помогает ему в нелегкой милицейской работе.

Валерий САДЧИКОВ

НА ГОРНОМ ПЕРЕВАЛЕ

Служил я в отдельном разведбате, расквартированном в Кабуле. Хотя задания приходилось выполнять в разных местах Афганистана. Особенно памятным стал для меня первый десант в горы. С бронетранспортеров нас забрали вертолетчики и высадили высоко в горах. Надо было провести разведку. Предполагалось, что где-то в том районе у моджахедов находится база: не раз замечали здесь людей с навьюченными ишаками.

Уплыли вертолеты, а мы остались среди камней и утесов. Жутковато стало, честно скажу. Засветло хорошо рассмотрели окрестности. Определились, где надо будет обосновать посты наблюдения. Ночью стали подниматься на облюбованные вершины. Шли по трое. Осторожно. За плечами нелегкая поклажа. Я был вторым номером при пулемете. Надо было нести цинки с патронами, одежду и продукты. Ночью идти легче, прохладно. Зато каждый шорох настораживал, пугал. К рассвету вышли на место. Дежурили несколько дней и все-таки обнаружили склад моджахедов.

После его ликвидации нам предстояло выйти через перевал к своей бронегруппе и по пути разведать местность. Задача снова выдалась не из легких. Сложность местности, жара и безводие измотали нас так, что хоть садись и помирай. Первый номер пулеметного расчета ослабел.

Пришлось разделить его ношу между другими, не бросать же оружие и боезапас в горах. Без них ты просто смертник. А тут еще моджахеды выследили. Пришлось отстреливаться. Почувяв, что мы готовы дать отпор, душманы отстали.

Когда мы спустились с гор, то ощутили себя очень счастливыми. Главное – все вернулись с задания, никого не потеряли. Вот тут- то я по-настоящему впервые оценил физическую закалку, которую дали мне занятия физкультурой и спортом.

Виктор КУЧИН,
село Целинное

* * *

*Идут в атаку молча, стиснув зубы.
Призыва нет: “За Родину, вперед!”
Лишь матернут запекшиеся губы
С горы в упор хлестнувший пулемет.
Здесь все другое, не Москва за нами,
Не топчет враг родимые поля,
Пылит земля чужая под ногами
И все же дорогая, как своя.*

Виктор Куценко

ИСПЫТАН НА ПРОЧНОСТЬ

Народ был искренне удивлен. Надо же, Сергей Мальгин подал рапорт, чтобы послали в Афганистан, в страну, где война. Это было бы понятно, если у человека какие-то проблемы. Но у Сергея Владимировича никаких проблем не просвечивалось. Воспитывался в семье секретаря райкома партии, затем ставшего заместителем начальника управления внутренних дел области Владимира Ивановича Мальгина. Получил высшее образование, обзавелся семьей. Квартирой и материально обеспечен. Для многих этот поступок остался необъяснимым. И только близкие люди знали, что Сергей едет в эту страну, чтобы испытать самого себя на прочность, достоинство и выдержку.

Его отец, Владимир Иванович, закончив десять классов в 1941 году, ушел на фронт. Воевал в 34-м авиационном полку. Награжден орденом “Красной Звезды” и боевыми медалями. Домой пришел в 1950 году и сразу же включился в работу. Трудился с сердечным горением и огромной ответственностью. К боевым наградам добавились два ордена “Знак Почета”, медали “За трудовую доблесть” и “За освоение целинных земель”. Сыну было с кого брать пример в мужестве и трудолюбии.

Сегодня в музее областного управления внутренних дел есть стенд о том, как достойно служили зауральские милиционеры в Афганистане. В их числе и Сергей Мальгин. Об этом

свидетельствуют его награды: ордена “Красной Звезды” и “Дружбы народов”, медаль “От благодарного афганского народа”, Почетная грамота Правительства ДРА. Все это сформулировано одной строкой: “За мужество и героизм, проявленные при выполнении интернационального долга в республике Афганистан”.

В послужном списке офицера милиции Мальгина Сергея Владимировича подклеивали листы, чтобы занести все сведения о благодарностях и наградах. Это и денежные премии, и медали: “За доблесть в службе”, “За боевое содружество”, “За отвагу”, “За отличие в охране общественного порядка” и множество поощрений от руководства УВД Курганской области. Сергей Владимирович не однажды мужеством и добропорядочностью проявил себя в боевых действиях и служебных делах и доказал, что достойный продолжатель принципов своего отца.

Полковник Сергей Иванович Котов знаком с Сергеем Владимировичем Мальгиным с восьмидесятых годов, характеризуя его, говорит: “Всегда прост и дружелюбен в обращении. Но и строг одновременно. Себе никаких поблажек на службе не позволял и с подчиненных требовал неукоснительного исполнения возложенных на них обязанностей”.

Мне довелось побывать в командировке вместе с Сергеем Владимировичем в Чечне при сложных обстоятельствах, где он проявил себя и как умелый руководитель и находчивый, обстрелянный командир. Однажды в Чеченской республике мы ехали на УАЗ-452 через горы. Когда спустились на равнину, оказались в сплошном тумане. И тут смутно завиднелись какие-то фигуры, машины. Когда подъехали совсем близко, посчитали пять автомашин боевиков. Бородачи, видимо, приехали на очередную сходку.

Нас спасло то, что в этой местности автомобиль УАЗ-452 считается чем-то вроде такси, и то, что Мальгин приказал водителю ехать как можно медленнее. Нас было пятеро, все держали руки на спусковых крючках автоматов. Конечно, это была очень рискованная ситуация, но спокойствие Сергея Владимировича передалось всем, а омоновец Александр Асямов даже рукой бородачам помахал. Привет, мол. Те в ответ тоже поприветствовали нас.

Спасло курганцев еще и то, что до десяти часов утра никакого движения со стороны федералов не разрешалось. Так что бандиты приняли нашу машину за своих. Одежда-то на той войне у всех одинаковая и вооружение одно и то же”.

Полковник Петр Алексеевич Ильин в горячих точках с Мальгиным не был, но хорошо знает его по совместной службе. По его характеристике Сергей Владимирович достойный уважаемый строевой офицер. Во время его службы в батальоне патрульно-постовой службы достиг высоких показателей по наведению общественного порядка. Подчиненные всегда видели в командире эталон справедливости, чести и совести милиционера. Он никогда не унижал достоинство младших по званию и в то же время всегда оставался требовательным и справедливым.

Еще одну отличительную черту в характере Сергея Владимировича, подметил полковник Ильин, которая присуща только очень умным и волевым командирам. Мальгин в самой сложной ситуации всегда самостоятельно принимает решение, которое потом оказывается единственно правильным. За пятнадцать лет, находясь на руководящих должностях строевых подразделений милиции, Сергей Владимирович показал себя энергичным, добросовестным, умелым организатором и руководителем. Полковник Мальгин особенное внимание уделяет боевой подготовке сотрудников патрульно-постовой службы, и в первую очередь тем, кто отправляется в командировки в “горячие точки”.

За активную работу по охране общественного порядка, борьбу с преступностью, высокие показатели в оперативной служебной деятельности и в честь 200-летия МВД России полковник милиции Сергей Владимирович Мальгин награжден медалью “За доблесть в службе”.

Людмила Владимировна Луцкая, заместитель начальника учебного центра УВД области по кадрам, сказала о Сергее Владимировиче Мальгине, что это милиционер номер один! У него постоянное трепетное и всеобъемлющее отношение к службе, начиная с внешнего вида. Мундир всегда отутюжен, рубашка белоснежная. Он аккуратист. Все награды на груди размещены по уставу. Этот человек с уважением относится к милицмейской форме и считает, что внешний вид — это начало

порядка в службе, лицо сотрудника милиции.

По утверждению Людмилы Луцкой, Сергей Владимирович очень доброжелательный и надежный сотрудник и товарищ. Уж он никогда и ни о ком не скажет плохо. В каждом воспитаннике и подчиненном поддержит доброе начало. И в то же время очень требователен к слушателям Учебного центра. Не терпит расхлябанности и верхоглядства.

Мы знаем, что Сергей Владимирович замечательный семьянин. Он страшно переживал, когда болела его мама, бегал в поисках каких-то лекарств. А как был рад, когда родилась внучка! Как он взволнованно и терпеливо ждал, когда дочь с мужем привезут ребенка в гости. Как восхищенно рассказывал сослуживцам, какая это славная девочка.

Жизнь без неприятностей не бывает. Сергей Владимирович Мальгин, по откровениям коллег, переносит их стойко, как и надлежит офицеру в самом первоизданном, высоком смысле этого понятия.

Застава в горах

“КАБУЛ” - “ФЛАГМАН”, ИЛИ ПАРОЛИ И ПОЗЫВНЫЕ НЕ ЗАБЫВАЮТ

В узеньком, словно пенал, кабинете еле умещались три стола, два из которых стояли встык напротив. Услышав свою фамилию, заместитель начальника отдела воспитательной работы – начальник отделения организации воспитательной работы управления кадров УВД Курганской области Игорь Викторович Синицын поднялся, попросил напарника погулять пять минут и, предложив мне освободившееся место, сел, прямо глядя в глаза. Успела отметить, что он среднего роста, хорошо сложен, у него военная выправка, и форма на нем сидит очень хорошо.

Чтобы рассказать о хорошем человеке, надо его полюбить. Во всяком случае – проникнуться симпатией. И так, что я имею? Короткие фразы сотрудников: *«Он при подготовке совещания с участковыми открылся с новой стороны, обращение такое дельное написал»*. *«Когда к нам в отдел пришел, то навел строгий порядок в бумагах, так как у него системность работы – в крови»*; *«О, это образец подготовки и ведения всякой документации»*; *«Честно скажу, я бы с ним в разведку пошел, не раздумывая. В трудную минуту он может быстро мобилизоваться и принять правильное решение. Это проверено нами, кто был с ним в Чечне»*.

Однажды в УВД мое внимание поглотил фильм. Разрушенный город Грозный. Блокпосты с нашими ребятами, их суровый быт, перестрелки на улицах, сюжеты о зачистках в город-

ских районах. И вдруг среди людей на экране мелькнула знакомая фигура. Но сначала не поверила своим глазам. С какой-то высоты телекамера «осматривала» израненный город Грозный. Откуда-то звучали выстрелы. Оказалось, это была крыша здания полуразрушенной гостиницы, в которой размещался мобильный отряд МВД России в Чеченской республике. И вот Игорь Викторович Синицын на крыше этого дома дает интервью журналистам для программы Центрального телевидения. Ровная, уверенная речь в смысле «несем службу, как надо». Лишь фраза: «Ну особенно активное время боевиков с 20.00 до 2 часов ночи» – выдает, что на самом деле не так все безоблачно, как рассказывал в телекамеру майор.

– Я почему Грозный хорошо знаю? – говорит Игорь Викторович. – Дело в том, что тогда, в январе 95-го, учитывая неподготовленность к боевым действиям со стороны руководства силовых ведомств, командиры ОМОНов и СОБРов не имели карт Чечни и города Грозного, что в значительной степени осложнило проведение каких-либо спецмероприятий. Чего греха таить, руководство группировкой порой не знало, где и какие подразделения дислоцируются. «Терялись» целые отряды.

Когда положение стало критическим, генерал-лейтенантом Колесниковым, начальником главного управления уголовного розыска МВД России, в то время командующим силами МВД России в Грозном, Синицыну была поставлена трудновыполнимая задача: в четырехдневный срок представить данные о местонахождении, численности, имеющемся штатном вооружении, количестве погибших и раненых в подразделениях ОМОН, находящихся в Грозном. Дали БТР с механиком-водителем, двух спецназовцев для сопровождения. С раннего утра и до наступления сумерек капитан Синицын «утюжил» Грозный во всех направлениях. Что стоит за такими поездками в Грозном, любой, находившийся в то время там, скажет, что очень опасно – это ничего не сказать. Но как говорит Игорь Викторович, Грозный выучил не хуже, чем Курган, а самое главное – своевременно на стол командующего легла очень нужная и важная информация, которая позволила правильно использовать имеющиеся силы спецподразделений, не отдавать необдуманных до конца приказов.

Нежданно-негаданно в Чечне он встретил «довоенных» друзей. Александра Сладкова, который впоследствии сделал о чеченской войне не один фильм, ребят-сослуживцев из вертолетного полка, с которыми служил в группе Советских войск в Германии. В Грозном на аэродроме увидел на борту вертолета надпись «Стендаль». Это название городка, где стоял их 342-й отдельный батальон аэродромно-технического обеспечения вертолетного полка. «Неужели наши?» – изумился он и побежал к парням в знакомой летной форме. Сколько было восторгов и разговоров в торопливые, короткие минуты общения! Не жалел ли он о том, что уволился из армии? Сложно ли было адаптироваться в новой обстановке на гражданке? Нет. Ему, бывшему замкомандира технической роты вертолетного полка по воспитательной работе – полка, где отношение к делу, порядок и дисциплина обеспечивают безопасность полетов и жизнь людей, привыкшему к безукоризненному исполнению служебного долга, возвратившись на Родину, больно было видеть, что стало со страной и армией. Он уволился с действительной военной службы по собственному желанию в феврале 1993 года.

А до этого... Будучи призванным на действительную срочную службу, прошел «карантин» в одной из учебок в Туркмении, успешно освоил первоначальный курс ведения боевых действий в горно-пустынной местности, получил воинскую специальность «пулеметчик» и был направлен в Афганистан, в десантно-штурмовое подразделение, которое дислоцировалось под Джелалабадом. Что такое десантно-штурмовая группа в тогдашнем Афгане? Это подразделения, не вылезаящие из «боевых», это засады, изнуряющие подъемы в горы, одним словом, тяжелый солдатский труд, который Игорь познал сполна. Видел смерть сослуживцев, глотал соленый пот при подъемах в горах Гиндукуша с полным боекомплектом. По его утверждению, самое трудное в горах – это спуск вручную на плащ-палатке на равнину раненого. Рядового Синицына Афганистан закалил, дал хорошую мужскую школу и укрепил его желание стать офицером.

«Афганцам» в Туркестанском военном округе командование организовало сдачу вступительных экзаменов в любые военные вузы страны. Предлагали внеконкурсное поступле-

ние в Рязанское училище ВДВ, но Игорь решил взять-таки штурмом неприступную крепость Курганского высшего военного авиационного политического училища. Это отлично удалось. По окончании училища аттестационная характеристика предвещала блестящее будущее офицера.

Игорь в 95-м, еще будучи капитаном внутренней службы, неоднократно выезжал в составе оперативной группы в подразделения отрядов милиции особого назначения, выполнявших боевые задачи по разоружению бандформирований в Грозном. Площадь Дружбы народов, Ленинский центральный район, Проспект Победы – это места, где под обстрелы попадать приходилось не раз. В его должностные обязанности не входило, находясь в БТРе, исполнять обязанности наводчика-оператора и обезвреживать гранаты-ловушки, которые хитроумно пристроили коварные боевики. Тонкая нитка проволоки, которую не заметь Синицын при прохождении их группы в одном из зданий, где вели зачистку, – и взрыв при прикосновении к ней ногой впереди идущего был бы неминуем. Но – стоп! Острый взгляд Игоря Викторовича, и вот уже группа затаилась и отошла на несколько шагов назад, пока капитан осторожно загибал обратно «усики» взрывателя гранаты. В 1995 году таких было два случая, когда Синицын лично обезвредил две гранаты-ловушки «Ф-1».

После этой командировки первым из курганских сотрудников органов внутренних дел области Игорь был награжден орденом Мужества. За период службы в органах внутренних дел к 2000 году он уже имел десять поощрений, медаль «За безупречную службу» III степени, нагрудный знак «За отличную службу в МВД».

В период служебной командировки в Чеченскую республику в августе–ноябре 2000 года Игорь Викторович с учетом имеющегося опыта был назначен на должность начальника штаба Мобильного отряда МВД России в Чеченской республике. Лично принимал участие в разработке, а затем и проведении специальных операций по ликвидации бандформирований в Октябрьском, Ленинском, Старопромысловском, Заводском районах Грозного.

В сентябре в Грозный должен был прибыть министр внутренних дел В.С.Рушайло. Мобильному отряду был отдан при-

каз по боевому охранению участка дороги, приданного блокпосту № 105: развилка дорог населенных пунктов Ханкала и Аргун, во время предполагаемого следования по ней министра внутренних дел России. Через двадцать минут после того, как Игорь Викторович выбрал позицию и рассредоточил сотрудников, определив каждому свой сектор наблюдения и ведения огня, начался интенсивный обстрел боевиков из дачи, что укрылась в зелени на противоположной стороне дороги. Связавшись по радиосвязи с руководителем операции, Синецын приступил к выполнению полученного приказа – вступить в бой и уничтожить противника. Кинжальный огонь с нашей стороны сковал на время действия бандитов, они не могли уже вести прицельную стрельбу. И тогда Игорь Викторович с тремя подчиненными, петляя между разрушенными дачами, обошел группу боевиков и направил на них огонь из стрелкового оружия. Бандиты немедленно открыли жесточайший огонь в его сторону. Игорь, рискуя жизнью, перебежками занял более выгодную позицию и, максимально приблизившись, прицельным огнем из автомата и подствольного гранатомета уничтожил боевиков, а одного из них пленил. Вверенная ему группа выполнила задание без потерь личного состава. При подведении итогов спецоперации первым заместителем Командующего ограниченной группы войск от МВД России генерал-лейтенантом милиции Гетманом Николаем Ивановичем группа Синецына была отмечена за смелые и самоотверженные действия и представлена к награждению медалью «За отвагу».

Третья командировка Игоря Викторовича... Грозный, февраль–март 2001 года. У курганского сводного отряда милиции был позывной – «Флагман», узнаваемый и уважаемый всеми в эфире. Майор Синецын считает эту командировку одной из трудных и запоминающихся. Игорь к тому времени накопил довольно серьезный «чеченский» опыт, но со сводным отрядом, да еще в должности заместителя командира, ехал впервые. Конечно, волновался, но буквально уже в первые дни понял – толк будет. Отношения сложились как с руководством, так и с бойцами отряда. С благодарностью он вспоминает тех руководителей, кто был тогда с ним рядом: Мацкова Виктора, Шелепина Сергея Александровича, Анохина Андрея Ивано-

вича, бойцов отряда, особенно Рогачева Александра Германовича, мастера на все руки и опытного бойца. Нельзя не сказать, что отряд за три месяца имел только девять раненых. Игорь Викторович говорит, что это везение. Как и везением он называет известный многим «случай на Грозненском рынке».

Вместе с капитаном Сергеем Шелепиным они выехали в вышестоящий штаб для решения служебных вопросов. Погожий весенний день не предвещал беды. Их автомобиль вынужден был остановиться у рынка, пропуская войсковую колонну. Игорь знал, что рынки – места повышенного внимания боевиков, где погиб не один милиционер. Схема простая: выстрел – и уход в толпу, где легко затеряться. В машине, в замкнутом пространстве, еще более опасно. Вышли из автомобиля. Игорь боковым зрением заметил подъехавшую почти вплотную «восьмерку» с тонированными стеклами. И подошедшего к ней чеченского парня, который кратко переговорил с водителем и скрылся, чтобы через мгновение появиться буквально в нескольких шагах от Игоря и Сергея. Первый выстрел – в Игоря. Игорь падает за кузов машины, еще не понимая, убит или ранен. Тут же прогремел второй... и автоматная очередь. В мыслях простучало «Сергея...». Автомат при падении выпал из рук, оставалась граната, которую Игорь в мгновение извлек из «разгрузки». Машина бандитов, резко сорвавшись с места, с бешеной скоростью неслась на Игоря, но бандиты, увидев гранату в его руках, в последний момент дрогнули и отвернули. К счастью. После, сотни раз прокручивая эту ситуацию, Игорь Викторович ловил себя на мысли, что гранату бросить бы не смог, не имел права, так как пострадали бы мирные чеченцы, которые находились рядом. Сергей Шелепин, будучи раненым в шею, нашел в себе силы выпустить автоматную очередь в боевика. Боевик упал замертво. Уже двигаясь в сторону военного госпиталя 46-й бригады внутренних войск, Синицын по радиации услышал в эфире, как на весь Грозный прозвучал голос боевиков: «Это мы только что на рынке двух ваших ментов завалили». Обидно стало, и как-то вдруг произвольно резанула мысль: ведь завтра у жены день рождения...

Каждый год, 2 марта, Игорь Викторович вместе с Сергеем Шелепиным отмечают свой второй День рождения. Вдвоем,

без гостей.

В той командировке Сеницына судьба еще не раз испытывала на прочность. По результатам командировки Игорь Викторович награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

Казалось бы, не стоит уже ездить в эти командировки «на войну». Врачи говорят: не хорохорьтесь, пройдут годы и скажется афганская малярия и чеченская контузия. Но как только у руководства возникает вопрос: «Поедешь?», он спокойно отвечает: «Да, поеду.»

Игорь говорит, что это не ребячество, не уход от домашних проблем. Есть категория людей, скорее их меньшинство, которые, один раз побывав на войне, по труднообъяснимым причинам не боятся шагнуть туда снова.

Игорь Викторович всегда отзывается с благодарностью о сотрудниках спецподразделений УВД Курганской области Александре Зиновьеве, Игоре Бабкине, Александре Асямове, Вячеславе Ятченко, Сергее Варлакове, Владимире Горбунове и многих других, с которыми не раз приходилось встречаться «на войне» и совместно решать служебно-боевые задачи. С особым теплом Сеницын говорит о полковниках милиции в отставке В.Базанове и Андрее Бортовском: «Настоящие «спецы», у которых я многому научился, а общаясь с ними, приобрел бесценный боевой и жизненный опыт».

Игорь Викторович Сеницын убежден, что одно из приоритетных направлений деятельности УВД Курганской области – это работа с семьями погибших. Благодаря пониманию и личному участию начальника УВД генерал-майора милиции Сергея Степановича Федосова делается немало: это и приобретение квартир, и отправка детей погибших сотрудников на оздоровительный отдых за границу, и многое другое. Игорь Викторович в любой час дня и ночи назовет имена погибших в Чечне курганских милиционеров и даже имена их детей-сирот.

– Нам не стыдно смотреть в глаза вдовам и детям погибших парней, – говорит он.

На одной из фотографий, хранящихся в семье Сеницыных, мой герой запечатлен на пару с ... Иосифом Давидовичем Кобзоном.

– Где это? – спрашиваю.

– В Туркестанском военном округе, – пояснил Игорь Викторович, – Иосиф Кобзон выступал на встрече с военнослужащими, возвратившимися из Афганистана и награжденными орденами и медалями. Он тогда сказал, что в любое время в любой точке Советского Союза мы можем прийти к нему на концерт без билета, лишь сообщив у входа пароль. И тут же его назвал – «Кабул». Через полтора десятка лет Кобзон приехал в Курган с концертом. Я, конечно, мог купить билет, но не купил сознательно. На входе в Курганской областной филармонии я назвал этот пароль...

Знаете, пароли и позывные не забывают.

Нелли ГЕССЕ

* * *

*Из земли, изувеченной язвами мин,
Измoжденные, злые, как черти,
Ветераны боев возвращаются в мир
На правах победителей смерти.*

*И не скажут вам метрики, сколько нам лет:
Так случилось – на высях сожженных
Прикоснулись мы к вечному миру, где нет
Победителей и побежденных.*

*Вот поднялся наш лайнер, мы вышли в зенит,
Жизнь и смерть – мы разбинули грани!
Только тело на север, на север летит –
А душа остается в Афгане.*

*И, преследуя солнце, мы рвемся домой,
К нашим семьям, по нам тосковавшим, –
А над выжженной солнцем афганской землей
Наши души вселяются в павших.*

Александр КАРПЕНКО

ДАВАЙ ЗА ЖИЗНЬ !

Специальный отряд быстрого реагирования был создан в Кургане в начале 1993 года. Это подразделение криминальной милиции, а значит, изначально предназначено для проведения спецопераций – захвата вооруженных преступников, освобождения заложников, предотвращения террористических актов. В этом его отличие от ОМОНа, который входит в состав милиции общественной безопасности.

Все мы любим сокращения. И ребята, которые здесь служат, довольно быстро привыкли называть свое подразделение СОБРОм. Но с 26 октября 2002 года, согласно приказу, оно именуется отрядом милиции специального назначения. Спецназ. Что ж, будем привыкать.

Тогда, в 1993-м, в области проходил раздел сфер влияния между преступными группами. При резкой смене общественных ориентиров оживились уголовники, повлекли за собой молодежь. Порой было страшно выходить на улицу. Почти каждый день – перестрелки, похищения людей, вымогательство, рэкет. Засады, внезапные нападения, задержания – из этих эпизодов складывались дни, месяцы, годы.

Был, например, вот такой случай. Коммерсант средней руки строил в селе дом. К нему приехали “крутые” из Екатеринбурга:

– Ты нам должен пять тысяч баксов.

– За что? Почему?

– Потому что. И без вопросов. Приедем ровно через месяц, чтоб деньги были. Коммерсант обратился в управление по борьбе с организованной преступностью. Было принято решение устроить засаду.

Их было пятеро собровцев – Юрий Несговоров, Александр Полуянов, Сергей Карпов, Игорь Лукьянчиков и Игорь Игнатов. Незаметно приехали в село. Дом только строился. Ребята увидели стены, крышу и пустые оконные проемы. Коммерсант работы приостановил: ждал развязки.

Установили наблюдательный пункт, и началось ожидание. Первый день прошел впустую, второй тоже. У ребят был с собой сухой паек, а так хотелось горячей пищи! Но костер не разожжешь. Разговаривать тоже нельзя. Даже курить желательно поменьше. А погода – мерзкая, с мелким дождем и слякотью. В общем, настроение было соответствующим и загодя обратило его против отморозков, главных виновников неуюта. К вечеру третьего дня решили засаду снять. Вероятно, рэкетеры хотели всего лишь припугнуть. А если нет? Условились подождать еще пару часов.

И вдруг на сельской улице появились одна за другой три иномарки. Все затормозили возле строящегося дома. Вышли ребята в кожаных куртках, с золотыми цепочками. Ровным счетом двенадцать человек. Они-то еще не знали, что их ожидает. Спецназовцы вылетели из дома – кто сквозь оконные проемы, кто через двери. “Крутые” тут же оказались в этих мерзких лужах – ничего другого ребята в камуфляжах предложить им не могли. В следующие полчаса спецназовцы надели наручники на запястья непрошенных гостей, осмотрели багажники машин. Юрий Несговоров пересчитал добычу:

– Ребята, их же здесь одиннадцать!

– Ну?

– А должно – двенадцать!

Двое спецназовцев пошли осматривать усадьбу. И точно. В пристройке, в уголке притаился верзила. Его повели к общей группе. И в этот момент один из задержанных, сидевший в машине, выскочил из нее и бросился бежать по улице. Александр Полуянов прикинул: разрыв большой, можно и не догнать. А спрячется в лесу – ищи его там. Рука сама потянулась

к ключу зажигания, который, кстати, оказался в замке. Александр прыгнул на переднее сиденье, нажал педаль газа – и рванул с места. Шансов у беглеца уже не было. Саша поравнялся с ним, выпрыгнул из салона почти на ходу и на бегу толкнул в спину.

– Не хотел сидеть – лежи.

“Крутой” бухнулся лицом в грязь, после чего стал походить на негра. Впрочем, и спецназовцы после всех приключений выглядели не лучше. Глядя друг на друга, они не могли сдерживать улыбки. Подъехала следственно-оперативная группа и взяла “гостей” в оборот.

С 1999 по 2003 год курганский спецназ побывал в одиннадцати чеченских командировках. Брали Гудермес, стояли в Аргуне и Хатуне, участвовали в штурме Грозного.

Пригород чеченской столицы Алхин-кала считался вотчиной Арби Бараева. Был такой командир отряда боевиков. Тогда, в 2000 году он чувствовал себя не волком, а зайцем, бегущим от охотников через поля. Его искали, за ним охотились. У нашего спецназа была информация: Бараев где-то поблизости.

В один из дней, в десять утра начальник мобильного отряда передал по рации:

– Замечены “Жигули” 99-й модели. Стекла тонированы. Надо проверить.

Боевая группа спецназа стояла там, где кончаются улицы и начинается степь. Командир челябинского спецназа Петров посмотрел в бинокль:

– Да, вот они, недалеко.

Рядом с бронетранспортером стояла машина сопровождения “Волга”. Петров на ходу скомандовал “Вперед!”. За руль сел Юрий Анциферов, рядом с ним челябинец, на заднее сиденье – Олег Уфимцев. “Волга” удалилась от основных сил на километр и вдруг началась стрельба. Автоматные очереди хлестали почти непрерывно. А через пару минут обстрел прекратился. Курганские спецназовцы уже мчались на грузовом “Урале” выручать своих. “Волга” стояла с открытыми дверями. Невдалеке лежал труп боевика. Подальше – еще один. Все наши были ранены. Петров – в голову и руку, Уфимцев – в живот, Анциферов – в спину. Он и рассказал:

– Мы перекрыли “Жигулям” путь. Петров и Уфимцев от-

крыли дверцы, чтобы выскочить, а чеченцы полоснули по нам сквозь лобовое стекло. Мы их оружия не видели, стекла-то у них тонированные. Ну, ответили, постреляли. Жаль, “девятка” все-таки ушла... Раненым вкололи промедол, повезли в госпиталь. “Девятки” и след простыл.

Через неделю разведчики добыли информацию: из тех, кто уехал на злополучных “Жигулях”, двое скончались от ран. Бараева в машине не было. Он был убит позже, в 2001 году в ходе спецоперации.

Рассказывает командир отряда милиции специального назначения Владимир Монахов: – Мое детище – отряд спецназа “Мираж”, что в составе управления исполнения наказаний. Довелось создавать его в начале девяностых и стоять во главе до 2000 года. А затем меня перевели сюда. Но и прежде доводилось работать вместе с этими ребятами – крепкими и надежными.

В 1995 году пошатнулись дела в банке “Зауральский бизнес”. Он перестал возвращать вклады населению, а потом и вовсе пошли слухи о его грядущем банкротстве. Как-то мы с отрядом провели “показательные выступления”. Меня вызывает в сторону начальник управления исполнения наказаний Виктор Злодеев: “Какой-то старик поднял шум в банке “Зауральский бизнес”. Надо помочь. Разберетесь на месте”.

Ну, старик так старик. Я взял с собой одного бойца, приезжаю в главный офис на улице Куйбышева. А там – все подходы к зданию перекрыты милицией. Стоят пожарные машины. Люди в касках и с брандспойтами наизготовку стоят – и возле входа, и на втором этаже.

Произошло вот что. Мужчина перед обедом вошел в здание банка. В его сумке стояла канистра с бензином. Какое-то время посетитель скрывался в женском туалете, потом перебрался в мужской, который находился как раз напротив по коридору. Когда начался обед, мужчина взял стул и поставил его в коридоре между двумя туалетами. На пол налил лужу бензина и взял в руки спички. Теперь, по его разумению, можно было вести переговоры. И он крикнул:

– Управляющего банком ко мне! Иначе подожгу себя!

На переговоры вышел заместитель, и сторонник крайних мер взял его в заложники. Ситуация обострялась. В вестибюле бан-

ка я встретился с офицером спецназа Сергеем Масловым. Мы обменялись рукопожатием, предстояло работать вместе. Прокурор города Кургана Николай Селищев рассказал: “На уступки не идет. Ему сорок два года. Мужик крепкий, занимался гирями”.

– Вот тебе и старик!

Еще пару часов мы безрезультатно провели в здании. Ничего не изменилось, за исключением того, что все устали. Наш оппонент требовал вернуть ему вклад, иначе угрожал поджечь бензин. Мы с Масловым попросили у прокурора разрешения на применение спецсредств. Заняли позицию на старте. А сама операция заняла лишь несколько секунд.

Я бросил светошумовую гранату “Заря”. Она упала метрах в десяти от стула – именно так и было задумано. Раздался взрыв. Навесной потолок полетел вниз. Поднялась известковая пыль, посыпалась штукатурка. Мы с Сергеем бросились вперед. Бежали на ощупь. В этом переполохе он навалился на правую руку мужчины, я – на левую, нельзя было позволить зажечь спичку. Позже, на допросе, мужчина сказал: “А я вообще ничего не понял. Эти несколько секунд был в шоке”.

В 2002 году я услышал его фамилию еще раз. Тогда в Кургане произошло очередное ЧП: владелец грузовика облил его бензином, сел в кабину и поджег: опять против чего-то протестовал...”.

Сейчас времена более спокойные. Бойцы спецназа, командируемые в Чечню, чувствуют себя уверенно и понимают друг друга с полуслова – с полужеста. Будни отряда складываются из тренировок и дежурств. Впрочем, иногда предоставляется возможность поразмяться... Сыщики отдела милиции “Первомайский” установили личности двух молодых людей. Олег и Александр, оба – без определенных занятий, подозреваются в нападениях на таксистов и совершении трех убийств. И только оперативники вознамерились их задержать, как те исчезли. Видимо, почуяли неладное.

Сыщики гадали: далеко ли? Если ударились в бега – значит, надо объявлять всероссийский розыск. Но, может быть, парни спрятались где-то недалеко и надеются переждать? Неделя шла за неделей, и лето приближалось к концу. И вдруг один из подельников, Александр, пришел в отдел милиции и сдался: “Надоело прятаться”.

В ходе допросов сыщики поняли, что и Олег где-то недалеко. Дальнейшие поиски привели к конкретному адресу – одному из сел Юргамышского района.

Полтора десятка сотрудников райотдела выехали на задержание. Для страховки взяли с собой двух спецназовцев Дмитрия Хвостова и Романа Егорова. В село прибыли уже под вечер. Переговорили с местными жителями. Те, кто косил сено и собирал ягоды, подсказали, что в лесу есть землянка и буд-то живет в ней кто-то.

Милиционеры обратились за помощью к егерю. Он подошел к заданию профессионально, словно к охоте на лису. Распределил всех, словно загонщиков на охоте. Разница лишь в том, что уже стемнело, и на небе высыпали звезды.

К землянке подошли скрытно. Тихо приоткрыли дверь...

Внутри было пусто. В эту ночь Олег в ней не ночевал. А может, и не придет больше сюда?

На следующее утро сыщики попытались нащупать связи лесного жителя. Ведь не корой же он питается – есть у него в селе какой-нибудь знакомый. И точно. Сельчане, когда речь пошла о генеалогии, проявили осведомленность. Указали на дом. Спецназовцы вошли внутрь неожиданно, в полной экипировке. Не исключали, что Олег заявился в гости. Но его и здесь не было. Хозяина потрясло неожиданное появление людей в масках. Он понял: дело зашло слишком далеко. Спросили – рассказал:

– У меня есть трактор “Беларусь”. Я взял в лесу деляну. Нашел рабочих. Пилим дрова. Привожу в село, продаю. Олег перехватывает меня по дороге. Если что-то нужно, дает задание.

На следующий день в двенадцать часов из села вышел “Беларусь” с тележкой. За рулем был хозяин, а сзади сидели трое грузчиков. Сторонний наблюдатель не мог заметить, что под кучей тряпья впереди тележки прячется еще кто-то. Но именно здесь в засаде укрылись Дмитрий Хвостов и Роман Егоров.

В деляне грузили долго кузов двухметровыми бревнами. Впрочем, “люк” в передней части тележки был по-прежнему зарезервирован. В стареньком борту обнаружилась небольшая дыра, которая служила спецназовцам для обзора.

Стрелки часов приближались уже к четырем, когда трактор двинулся в обратный путь. Дорога вела по опушке березового колка, потом свернула в лес. И вдруг из чащи вышел молодой чело-

век с обрезом в правой руке. Он махнул рукой, и трактор резко затормозил, остановился, и перед тем как мотору заглохнуть, дернулся еще раз. В это мгновение человек продвинулся на каких-нибудь полтора метра и оказался как раз возле тележки.

Что произошло дальше, Олег, видимо, так и не понял. Откуда-то сверху на него свалились двое в форме спецназа. Он не успел – в буквальном смысле – и пальцем пошевелить.

Когда оправился от неожиданности, спросил, как будто сам себя:

– Откуда они взялись? Я же наблюдал за деляной – там никого посторонних не было...

В 2003 году в Курганском спецназе прошла смена поколений. Возраст бойцов первого набора подкатил к сорока, и они уступили место молодым. Но это вовсе не значит, что славные страницы недавней истории списаны в архив. О них есть кому рассказать. А что же мы пожелаем молодым? Чтоб боевой работы им выпадало поменьше и своей крови не довелось пролить...

Продолжаем рассказ об отряде милиции специального назначения, хотя многие в милиции по привычке до сих пор именуют его СОБРом. Это подразделение изначально предназначено для проведения спецопераций – захвата вооруженных преступников, освобождения заложников, предотвращения террористических актов. А потому интересных эпизодов в служебной деятельности спецназовцев предостаточно. О некоторых из них – в продолжении повествования.

ИГОРЬ ИГНАТОВ служит в отряде с первого дня. Пришел сразу после армии – не героика привлекла, а стремление найти опору в жизни. Сейчас он – начальник отделения, но прежде пришлось научиться многому и перенести порядочно.

Игорь рассказывает:

– Создавать отряд выпало Евгению Родькину – прекрасному человеку и товарищу. Когда он погиб в бою с чеченскими сепаратистами и ему посмертно было присвоено звание Героя России, мы полнее осознали его значение. Но и с самого начала понятно было, как много он сделал. В 1994 году командир стал уделять больше внимания огневой подготовке, работе с картой, тактике. Мы предчувствовали – что-то произойдет, еще более серьезное. И не ошиблись – началась первая боевая операция в Чечне. Офицеров, обстрелянных в бою,

тогда было только двое – Евгений Родькин и Олег Уфимцев. Они прошли через Афганистан. Остальным только предстояло получить боевое крещение.

Маршрут первой командировки: Москва–Моздок–Грозный–станция Червленная. Недалеко от населенного пункта в степи поставили палатки и приступили к работе. Разговаривали с местным населением, проверяли информацию, вели разведку, задерживали подозрительных личностей.

Вскоре нам стало известно, что в отделе милиции станции Наурской имеется много оружия – автоматы, пулеметы и прочее. А в то время существовал приказ по министерству внутренних дел Чеченской Республики: в распоряжении милиционеров должны быть только пистолеты Макарова. Приехали в Наурскую на бронетранспортере. Родькин вошел в райотдел. Представился. Сказал: “Ребята, предлагаю сдать оружие по хорошему”. Ему ответили дерзко, вызывающе: “Нет. Оно – наше, никому не отдадим”. Командир строго заметил: “Мне поставлена задача, и я ее выполняю. Посмотрите в окно”. А там стоял наш бронетранспортер и мы в полной боевой.

К этому времени у Евгения Викторовича уже отросла борода, выглядел он внушительно и даже чем-то был немного похож на чеченца. Милиционеры не стали обострять ситуацию, открыли оружейную комнату, откуда забрали только автоматы. Пулеметов там уже не было. Их успели растащить по домам.

Запомнился и такой эпизод. Отряд получил информацию о том, что у станции Степная боевики наладили переправу через Терек.

Организовали разведку. Все верно: натянули канат между двумя берегами и тягают лодки поперек течения, через водяные буруны. И по берегу ходят, не скрываясь. По тому, противоположному.

Мы незаметно подобралась, подвязали толовую шашку. Она взорвалась – трос оборвался. Открыли огонь из автоматов по лодкам. Нас было, наверное, около десяти человек. В ответ раздались очереди из пулеметов и автоматов. Людей на том берегу, оказалось больше раза в три. Очереди стригли ветви кустов, что над нами. Пули свистят на излете – и это особенно страшно и противно. Голову невозможно поднять.

И тогда Родькин встал в полный рост, подбадривает, отры-

вистыми фразами командует, кому куда стрелять. Мы оживились, начали огрызаться, отвечать очередями. Так прошло с полчаса. И тут, видимо, Евгений Викторович решил, что уже достаточно. Приказал отступить. Наши ребята возражают: “Да мы еще им дадим!” Но командир отряда чуть ли не вытолкнул нас с линии огня. В том бою было убито тринадцать чеченских боевиков. А с нашей стороны обошлось без потерь.

У станицы Старые Щедрины через реку протянулся нефтепровод. Труба диаметром около двух метров – по ней ходить можно. Местные жители и пользовались этим “местом”, чтоб перебраться через речку. Спецназовцы приехали проверить, а нет ли здесь боевиков. Так, для успокоения души.

На берегу реки расположилось стадо. Земля здесь вытоптана дочерна, однако пастух никуда не уводит коров. Почему? Хитрость, рассчитанная на дураков. Не пастух он вовсе, а наблюдатель. От боевиков. Спецназовцы его задержали на берегу, а в том самом месте, где подходит нефтепровод, устроили засаду. Благо, здесь густо разрослись кусты.

Прошло около часа. С той стороны по трубе идут двое. Без оружия. Едва пешеходы спрыгнули на землю, увидели нацеленные на них стволы автоматов:

– Кто такие? Предъявите документы!

Один из задержанных на чеченца смахивал лишь отдаленно. Кожа смуглая, прожаренная южным солнцем в сотне поколений, жиденькая бородка. Хотя и не все офицеры отряда были знакомы с афганскими боевиками – даже они по внешнему виду имели шанс определить национальность, хотя бы под впечатлением документальных фильмов

– Мы здешние! Мы свои! Из станицы! – закричал первый из пешеходов.

Афганец тоже что-то пробормотал. И протянул паспорт. Документ был новехонький. Словно выдали только вчера. А, может быть, действительно вчера? Где-нибудь в пещере у боевиков.

Наблюдатель произнес приглушенно:

– Ребята! По трубе еще трое идут!

Этих двоих положили на землю. Дождались, когда подойдет новая группа: – Стоять!

Один из троих быстро сунул руку под куртку, чем привлек к себе общее внимание. В этот момент афганец вскочил на ноги

и бросился бежать сквозь заросли тальника. Через несколько секунд он нарвался на нашу группу прикрытия. Беглеца встретили автоматной очередью. Он упал. Спецназовцы перевернули тело на спину: готов. Расстегнули куртку. Под ней скрылся элегантный пояс. Страшным стальным бугорком была припрятана граната...

Труп и четверых задержанных курганцы привезли в каземат. Потом поступила команда: сдать чеченцев в райотдел. Убитого пока никто не забирал. В этом бойцы спецназа видели косвенное подтверждение своей версии. Ведь, по мусульманским обычаям, убитый должен быть похоронен до заката солнца, об этом должны позаботиться близкие. Афганцу же родственники нашлись лишь на пятый день.

Тогда же спецназовцы поинтересовались в райотделе:

– Как вы поступили с теми, кто любит ходить по трубе?

– Разобрались, отпустили.

Курганцы пожали плечами, угрюмо прокомментировали в своем кругу: – Странно все это.

Они не могли тогда предположить, что эта история по причудливому стечению обстоятельств получит свое продолжение, хотя и не скоро.

В свою командировку в 1995 году курганский спецназ стоял в Аргуне. С трех основных направлений город перекрывали три блокпоста. Они контролировали дороги на Грозный, Шали и Гудермес. Курганцам досталось Гудермесское направление. И, как ни странно, было оно самым тихим. По другим блокпостам каждую ночь с гор лупили пулеметными очередями, пугали минометами. А здесь стрельбы вообще не наблюдалось. Надо сказать, курганцы в общении с местными жителями не проявляли злобы. Конечно, проверяли весь транспорт, как положено. Подозрительных типов задерживали и отправляли по назначению. Однако своего превосходства не демонстрировали и пробок на дороге не создавали.

И вот однажды к блокпосту подошла “шестерка” цвета морской волны. В салоне сидели пятеро молодых чеченцев. Предъявили паспорта. После осмотра машины Олег Уфимцев подошел к Игорю Игнатову:

– Узнаешь?

Игорь заглянул в документы: что такое?

– Помнишь, как мы “духа” подстрелили у нефтепровода? И вот этот среди них был.

Игнатов посмотрел на парней, сидящих в автомобиле, с одним из них встретился глазами.словно электрический разряд проскочил между ними. Они узнали друг друга. Чеченец сказал что-то сквозь зубы своим попутчикам, те напряглись, на их лицах читался испуг.

– Есть основания, чтобы их задержать?

– Нет, вроде машина чистая, документы в порядке.

– Ну, отпусти.

Эта встреча произошла утром. В течение дня курганский наряд ушел на отдых, а в ночь опять заступил на дежурство. Когда наступила полная темнота, с горных склонов вдруг начался пулеметный обстрел. Чудеса!

Олег Уфимцев не успел залечь – его зацепила пуля.

На помощь подъехали на бронетранспортерах собровцы из Махачкалы и ребята из отдельного батальона внутренних войск. Открыли ответный огонь. Комбату не повезло. Или повезло? Он стрелял из автомата с колена. В какой-то момент, разгорячившись, встал в полный рост. И как раз пуля угодила ему в ногу. А останься он в прежней позе – попала бы в грудь...

Наши навели на склон автоматический станковый гранатомет. Страшная штука. В Афганистане за захват такой установки давали орден Красной Звезды. После нескольких выстрелов противник утих.

Раненых увезли в госпиталь. На следующее утро Игорь Игнатов встретил чиновника из местной администрации. Он знал, что представители власти поддерживают контакты с теми, кто скрывается в горах. Игорь был раздражен. Основания у него, согласитесь, были.

– Вот скажи, – начал он разговор, – с нашей стороны было что-нибудь такое, чем вы были бы недовольны? Может быть, мы деньги брали? Или издевались над местными?

– Нет, все нормально, что ты.

– Так вот, запомни: если по нам еще раз откроют огонь – пусть не ждут пощады. Мы все стволы нацелим по ним и сметем всех. И еще. Каждый автомобиль будем разбирать по винтику. Есть в нем что-то, нет ли ничего – все равно, будем. Кого это обрадует?

С тех пор обстрела курганского блокпоста не было.

Новый, 1996 год в отряде отмечали торжественно и по-дружески. Собрались вместе с женами у елки в Кургане, в Доме культуры имени Горького. А через месяц последовала новая командировка.

В Чечне уже было совсем горячо. Террористы иногда вели боевые действия в открытую, но чаще из-за угла. На этот раз курганцы стояли в Грозном.

В канун 8 марта Игорь Игнатов позвонил из Кургана в Чечню. На том конце провода был заместитель командира отряда по личному составу Виктор Лебедев:

– Как у вас дела?

– Очень плохо. Тяжело. Не могу ничего говорить.

И повесил трубку. В Кургане поняли: случилось страшное. Ночью с 8 на 9 марта из Грозного пришла телеграмма – в отряде есть потери, от трех до десяти человек.

И хотя доступ к этой информации имели немногие, скоро стало известно в семьях всех командированных. Жены, родители, дети провели несколько бессонных ночей. И лишь потом, в следующей телеграмме, отряд получил уточнение: погибли подполковник Евгений Родькин, майор Владимир Звонарев и лейтенант Константин Максимов. Их бронетранспортер шел на вырубку пермскому отряду. На проспекте Ленина, неподалеку от православного храма, наши нарвались на засаду. БТР был подбит из гранатомета. Бойцы укрылись в жилом доме. Отстреливались до последнего. Те, кто уцелел – Александр Елин и пермяк Игорь Омушов ночью пробрались на наш блокпост. Так мы узнали подробности последнего боя.

В “мирной” жизни отряда тоже есть место опаснейшим случаям. Так, в мае 2002 года отряд спецназа предотвратил столкновение на национальной почве.

На востоке области есть небольшой район – Частоозерский. Еще в семидесятые годы приезжали сюда на сезонные заработки бригады строителей с Кавказа; армяне, грузины, азербайджанцы, чеченцы. Некоторые остались здесь жить постоянно. Самой многочисленной оказалась чеченская диаспора. Она разрослась после того, как началось противостояние федеральных войск террористам. Одни бежали от выстрелов, другие – от возможного ареста.

В районном центре, пожалуй, единственное успешно работающее предприятие – колбасный цех. Мясо он закупал со всей округи, и продукция его пользовалась спросом. Один из владельцев цеха – Александр Ильтяков занимает в национальном вопросе принципиальную позицию: вы нас не трогайте – и мы вас не тронем. И случилось так, что именно к Ильтякову потянулись те частоозерцы, кто настроен по отношению к чеченцам негативно.

В селе периодически возникали конфликты между чеченцами и русскими: то подростки подерутся, то ребята постарше. Противостояние дошло до критической точки, когда двое молодых чеченцев встретили в кафе русского парня и побили его. Одна часть встала на сторону обиженного, другая готовилась дать отпор.

Поднятое по тревоге подразделение во главе с заместителем командира отряда майором милиции И.Бабиным приехало в район в одиннадцать часов вечера. Колбасный цех находится на въезде в село, на территории бывшего хлебозавода. Подъезд к цеху забит легковыми машинами. Их было около двадцати. В салонах – молодые чеченцы в возрасте от двадцати до тридцати лет.

Причиной затора послужил КамАЗ, которым частоозерские милиционеры перекрыли рейдер.

Спецназу достаточно было нескольких минут, чтобы разобраться в ситуации. На территории, прилегающей к цеху, собралось около двухсот частоозерцев, которые готовы были принять бой. Очевидно, обе стороны ждали ночи, чтобы начать не то бой, не то драку. Причем, если количественный перевес на стороне русских, то качественный, возможно, на стороне их противников. А что, если среди чеченцев есть люди, прошедшие через боевые действия на Кавказе и умеющие убивать? И быть может, у обеих сторон где-то припрятано оружие.

Спецназовцы приказали чеченцам выйти из машин. Те огрызнулись. Бойцы дали предупредительную очередь вверх. Приехавшие поняли, что с ними не шутят. Почувствовали силу, подчинились. Их построили в колонну и увели в районный отдел милиции. Защитников цеха местные следователи допросили тут же, на месте конфликта. Они потихоньку разошлись. Поняли – пора успокоиться.

Летопись курганского отряда спецназа не закончена. И в будущем мы обязательно ее продолжим.

Анатолий КУЗЬМИН

ПОГОВОРИМ, БРАТ...

У Ивана Игнатьевича Мацкова была особая гордость – дети: четыре сына и дочь. Парни росли работащими, самостоятельными и бойкими, порой чересчур. Старшие, Анатолий, Владимир и Виктор, друг за другом после школы пошли в профтехучилище, стали механизаторами. «Откололся» только младший, Иван: играл в волейбол, его команда была чемпионом области среди юношей, потому и поступил в физкультурный техникум. В конце концов он тоже стал сотрудником милиции, служит в Щелково, майор, но до старших братьев Ивану далеко...

Сыновья были все в батю, в этом Иван Игнатьевич постоянно убеждался, находя в их судьбах сходство своего жизненного пути.

Когда парни уезжали из дома на учебу, он сильно не возражал, сам семнадцатилетним парнишкой ушел в 1943–м на войну. Когда все сыновья пошли служить в милицию – тоже не возражал, мол, вам, ребята, виднее.

Боевой орденом Красной Звезды искал Мацкова–старшего лет пятьдесят и все–таки нашел солдата–пехотинца. В это время в командировку на войну стали отправлять других, а награжденные листы по–прежнему не по году ждут чьей–то подписи. Так было у Владимира Мацкова с получением медали ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. А у Виктора Мацкова с орденом Мужества за первую командировку в Чечню...

ВЛАДИМИР

Он задумал стать милиционером еще в армии. По пути из Чехословакии еще в Москве хотел завербоваться, да что-то не срослось, тогда приехал в Шадринск, где уже обосновался младший брат Виктор.

Перечислять все записи в личном деле нет резона, но вот последние десять лет... 1 мая 1992 года был собран отряд быстрого реагирования, СОБР. Слово «командировка» стала для бойцов отряда делом привычным: Владикавказ, Аргун, Грозный... Майор Мацков провел в Чечне в общей сложности год.

Рассказывает Виктор:

– В ночь с 5 на 6 марта 1996 года, когда в Грозном начались все эти страшные события и чеченцы штурмом брали город, нашим СОБРовцам оставалось меньше месяца до конца командировки. Ко мне приезжают парни и говорят: «Звони срочно в отряд». У меня сердце сразу прихватило, мы-то о тех событиях уже знали... В общем, прошла информация, что Володя ранен, потом уточнили, что ранен другой, Маслов, но они все были на одном БТРе, вместе с командиром Евгением Родькиным, посмертно представленным к званию Героя России.

Когда ребята домой вернулись, смотрю, у него жетон на шее. Говорю: «Вовчик, снять надо», а он мне – «Нельзя снимать». Я тогда понял, что он все еще на той войне...

Это могут быть не совсем точные данные, но в ту ночь погибло 38 бойцов СОБРа: курганских, липецких, пермских, свердловских. О тех событиях подробно написал Виталий Носков в книге «Любите нас, пока мы живы». Владимир Мацков знает подробности без книги:

– Утром 6-го мы приехали в штаб, нам говорят: в Октябрьский район поезжайте, там надо раненых перевезти. Кругом уже бои шли, но никто не знал точную обстановку, иначе командир поступил бы по-другому. В общем, пошли мы на БТР и на 22-м блокпосту попали под интенсивный огонь снайперов. Родькин нас оставил на прикрытие, а сам стал прорываться за ранеными, больше мы его не видели. Мы впятером заняли оборону и девять часов вели огонь, пока челябинцы к нам не прорвались. И только через месяц удалось вывезти тело командира, обменяли на пленного...

ВИКТОР

...Зимой 2001 года с Владимиром Мацковым в командировку в Аргун поехало все его отделение, восемь бойцов. И вдруг он узнает, что следом, командиром сводного отряда милиции едет Виктор.

Рассказывает Владимир:

– Я тогда подумал, черт, меня же здесь одного хватит, и давай узнавать, когда отряд прибудет. Парни говорят, ладно, не расстраивайся, а я места себе не нахожу, все в Грозный рвусь. Хоть Аргун рядом, километров 15, уж не стану уточнять, сколько раз запросто могли обстрелять по дороге. В общем, приехали мы на блокпост 15, нас, конечно, никто не ждет... Ребята обалдели, подарки стали доставать, даже гуся по дороге не съели, которого мне жена зажарила, ну, водочку нашу... А веники где? – спрашиваю. – Мы же заказывали! Кинулись искать – нет. Оказалось, смена так домой торопилась, что чужую сумку старшины с собой прихватила и мешок с нашими вениками, без бани оставили...

– На самом деле, приезд брата был мощной поддержкой, – добавляет к рассказу Виктор Иванович. – Он – то в Чечне – почти как дома, его даже начальником Гудермесского отдела ГАИ назначали, в 99–м. Тогда по приказу всю чеченскую автоинспекцию за бездеятельность и злоупотребление разогнали, создавали временные отделы УВД, ну и пришлось брату покомандовать. Русских тогда там здорово обижали...

...Они оба все еще на той войне. Там у них – одна большая семья, и не важно, откуда ребята. Но хотя бы раз в год Мацковы стараются вырваться в Новосибирскую область, туда, где на погосте могилы родителей, где тополя выше школы, где друзья детства... Сейчас это будет сделать, наверное, проще: майор Мацков уходит на заслуженный отдых. Сидеть без дела, конечно, не будет, но и планы конкретные еще не строит. Пока мечтает собрать всех своих, с кем пришлось пройти огонь и воду, за большим столом, чтобы у всех ребят была возможность сказать друг другу: «Поговорим, брат!».

И на душе станет легче...

Галина ЗАДОРИНА

СОЗДАНЫ НЕ ДЛЯ ПАРАДОВ

У нас нет парадной формы – лишь камуфляж с потертыми коленями и локтями” – говорит капитан милиции Дмитрий Викторович Хвостов, которому недавно вручена медаль “За доблесть в службе”. Этой награды он удостоен первым среди сотрудников отряда милиции специального назначения – подразделения, в котором и проходит службу старший оперуполномоченный по особо важным делам.

Предупреждая возникающие вопросы, скажу, что потертые колени и локти не потому, что в милиции не хватает формы для всех сотрудников. Потерлась одежда от бесконечных каждодневных тренировок, каждая из которых максимально приближена к боевой обстановке, когда в считанные секунды требуется принять единственно верное решение, когда от того, как ты поведешь себя в экстремальной ситуации, зависит жизнь – твоя и товарищей, которые рядом, которые прикрывают твою спину, которым можно доверять, как самому себе.

В отряде милиции специального назначения при УВД Курганской области принято работать парами, эти же пары постоянно тренируются вместе. Все для того, чтобы отработать движения до автоматизма, чтобы своего партнера понимать не с полуслова – с полувзгляда. Действительно, находясь в трудной ситуации: при задержании ли преступника, в боевой ли обстановке в Чечне – необходима слаженность в действиях. Поэтому в каждой паре свои наработки, своя система, ска-

жем так, понимания действий товарища.

...Отбиваясь от моих назойливых просьб подробно рассказать о том задержании, за которое и был представлен к награде, Дмитрий предложил:

– Давайте лучше о Ромке расскажу.

Ромка, вернее, Егоров Роман Васильевич – самый молодой в небольшом коллективе отряда. Ему чуть больше двадцати лет. Недавно вернулся из армии, а службу проходил в нелегких условиях Чечни. Привык к постоянному риску, а потому, как говорится, органично живет в условиях экстремальных ситуаций, которых на Кавказе хоть отбавляй. Потому и в отряд пришел, чтобы снова быть в постоянной боевой готовности.

– По моим наблюдениям, – говорит Дмитрий Викторович, – в наш отряд приходят люди увлеченные – либо неисправимые романтики, либо фанаты своего дела. Рома – из фанатов, он не мыслит для себя другого дела.

На то задержание Дмитрий и Роман по приказу собрались за полчаса. До этого никогда они не работали в паре, были из разных отделений. Скажу сразу, ребята действовали так, словно долгое время только и занимались тем, что тренировались вместе. Понимали друг друга буквально с одного движения ресниц.

– Ромка – он ведь с пол-оборота заводится, прекрасно чувствует партнера. И вышло так, что мы с ним в тот день показали класс спецназа. Даже немало повидавшие за период своей службы опера удивлялись тому, как чисто мы сработали...

А ситуация и в самом деле была сложной. Требовалось задержать человека, который совершил тяжкое преступление, скрывался от оперативников уголовного розыска отдела милиции «Первомайский». Когда выяснилось его местонахождение – одно из сел Юргамышского района, вместе с операми на задержание были отправлены Дмитрий и Роман. В селе узнали, что преступник готов на все, лишь бы уйти от расплаты. Вооружен обрезом, живет в лесу, на контакты ни с кем из сельчан не идет. Потом оперативники нашли человека, который снабжал преступника продовольствием, выполнял его поручения. Конечно, действовал под принуждением и тоже был достаточно запуган. Преступнику доводился родственником,

а уж, как говорится, свой своему поневоле друг. Родственник имел в личном пользовании трактор, на котором выезжал в лес, заготавливал дрова. На лесной дороге и встречал его разыскиваемый, делал заказы, забирал продовольствие. Подобраться незамеченным к нему было очень сложно. И так и этак крутили опера со спецназовцами: решали, как поступить в данном случае. Наконец пришли к единому мнению: задерживать тогда, когда он выйдет на встречу с родственником. В каком месте это произойдет – не знал никто, а потому никак не могли решить, где устроить засаду. Наконец пришло решение: в кузове трактора. Ведь в каком бы месте ни тормознул тракторист, спецназовцы были рядом. Одно плохо: борта у тележки низкие, хорошо замаскироваться невозможно. Забросали парней тряпьем и отправились в путь. А надо сказать, что лесозаготовители приезжали не только забрать дрова, но и, в первую очередь, напилить их. Поэтому в дебрях проводили весь рабочий день. Чтобы перевезти дрова в деревню, тракторист делал несколько ходок.

Неподвижно лежать в кузове целый день было невозможно. Поэтому, прибыв на место, ребята незаметно соскользнули с «лежанки», замаскировались в лесу. Когда трактор был готов к первой ходке, вновь забрались на подготовленное место. В первый раз съездили безрезультатно – преступник на связь не вышел. Во второй раз – тишина... Оперативники начали терять терпение и решили снять засаду, не веря уже в успех намеченного. Отправились к дороге с тем, чтобы забрать парней. Да забуксовали на узенькой лесной дороге, начали выталкивать машину. И в это время...

Да-да, именно в это время преступник пошел на контакт. Роман и Дмитрий поняли это по тому, что трактор резко остановился, потом чуть дернулся вперед: именно об этом условном знаке они и договаривались заранее с трактористом, предусмотрительно защищенным бронезиловым. Для того чтобы задерживаемый оказался аккурат возле того места, где находились спецназовцы, родственник должен был, увидев его, вначале остановиться, а потом слегка протолкнуть трактор вперед. Работа была выполнена четко. Роман углядел в дырочку, что случайно оказалась в проржавевшем борту: так и есть, тот, кого поджидают сотрудники милиции. На задержание ушло

несколько секунд: преступник так и не понял, откуда свалились на его голову рослые, крепкие парни, раздались выстрелы.

– Я только успел заметить его большие от удивления глаза, – рассказывает Дмитрий. – И вот он уже на земле, разоружен...

Как потом рассказывал задержанный, он долгое время скрытно наблюдал, как приезжал трактор, как рабочие валили лес, и ничего подозрительного не заметил. Решил, что все чисто, никто его не поджидает, и пошел на контакт с родственником.

В приказе о награждении, подписанном 24 ноября 2003 года временно исполняющим обязанности министра МВД генерал-полковником Р.Г. Нургалиевым, обращают на себя внимание такие строки: «Наградить Хвостова Дмитрия Викторовича, старшего оперуполномоченного по особо важным делам отряда милиции специального назначения при УВД Курганской области, медалью «За доблесть в службе» – за мужество и отвагу, проявленные при задержании опасного преступника». На Романа Егорова также ушло в Москву представление о награждении его медалью «За отличие в охране общественного порядка».

В практике каждого сотрудника милицейского спецназа есть подобные случаи. И Дмитрий никак не хотел рассказывать о себе, своей работе потому, что считал: любой его товарищ выполняет свои обязанности ничуть не хуже, чем это сделали они с Романом.

– Работа наша такая, – рассуждает Дмитрий, – постоянно быть в форме, физически подготовленным. Для того и ежедневные специальные занятия проводятся. Как-то принято считать, что у спецназовцев – героическая профессия, опасная для жизни. Мы так не считаем. Да, отправляемся в Чечню, там, естественно, тучи над головой сгущаются. Но если все делать по правилам милицейской, воинской науки – риск можно к минимуму свести. Обыватели зачастую имеют мнение, что спецназовцы – дуболомы какие-то: налетели, избили, скрутили... А в нашей работе, прежде всего, нужно думать, просчитывать ситуацию наперед. Наши тренировки как раз и направлены на то, чтобы риск, в случае чего, был минималь-

ный, и мы, выполняя свои обязанности, думали прежде всего о страховке и безопасности товарищей.

Этим словам можно верить: все-таки служебный опыт у Дмитрия достаточно большой – около десяти лет служит он в правоохранительных органах. Начинал еще в «Мираже», отряде специального назначения при управлении исполнения наказаний. Крестным своим отцом считает нынешнего начальника отряда милиции специального назначения полковника милиции Владимира Михайловича Монахова. С Владимиром Михайловичем Дмитрий знаком с подросткового возраста – именно тогда он начал посещать занятия в секции карате, которые вел лейтенант фельдъегерской связи Монахов. Именно Владимир Михайлович пригласил Дмитрия в «Мираж», когда тот вернулся из армии. Тогда еще служба исполнения наказаний находилась в юрисдикции МВД. В отряде он оказался единственным, кто имел звание рядового милиции. Сейчас, пожалуй, такого уже в органах внутренних дел не встретишь... Как-то принято службу с сержантского звания начинать. Впрочем, Дмитрий об этом вспоминает с достаточным чувством юмора, теперь-то он уже капитан. А тогда, в 1994-м, рядовой Хвостов старательно осваивал азы спецназовской науки, что ему преподавали.

Сотрудников «Миража» широко привлекали к всевозможным милицейским операциям – работали и с управлением по борьбе с организованной преступностью, и с милицией общественной безопасности города, которую тогда возглавлял Александр Николаевич Бушмакин. Через год Дмитрия ожидала первая командировка в Чечню, откуда вернулся с медалью «За отвагу».

В Чечне он охранял фильтропункт (это нечто похожее на изолятор временного содержания, где короткое время находились задержанные боевики), а неофициально был прикреплен наводчиком-оператором на БТР к Виктору Ивановичу Ремезову – человеку, закаленному в горниле Афганистана, не боящемуся ничего на свете, доброму, чуткому товарищу, балагуру и весельчаку. Виктора Ивановича знала добрая половина Грозного – не только командированные в Чечню военные, но и жители. На борту его «бэтэра» красовалась надпись «Бача», так его все и называли. С ним Дмитрию было

спокойно – умело выйдет из любой ситуации. Разница в десять лет им не мешала прекрасно понимать друг друга. Виктор Ремезов обучал Дмитрия воинской науке. И хотя в одиночку по Грозному передвигаться было запрещено, в необходимых ситуациях они спешили вперед: Виктор – за рулем, Дмитрий – на броне...

А вот за что получил медаль «За отвагу»? Был случай, когда на «бэтээре» сопровождали колонну с гуманитарной помощью из Моздока в Грозный. Неожиданно начался обстрел, и у одного из «КамАЗов» оказалось пробито колесо. БТР «Бача» прикрыл подбитую автомашину, а наводчик-оператор Дмитрий Хвостов открыл по противнику огонь. Под таким прикрытием «КамАЗ» подцепили к другому автомобилю и вывели из-под обстрела...

Всего за период службы в отрядах спецназа УИН и УВД Курганской области, куда Дмитрий, по приглашению Владимира Михайловича Монахова, перешел в 2001 году, ему довелось четырежды выезжать в командировку в Чеченскую Республику. Кроме уже названной медали «За отвагу», награжден медалью «За отличие в охране общественного порядка». Это уже было, когда в СОБР (так раньше назывался отряд милиции особого назначения, и так, по привычке, именуют его до сих пор) перешел. Тогда было несколько моментов, за которые и представлен к награде. В тот период службу несли в Аргуне. Помогали сотрудникам временного отдела внутренних дел задержать человека, состоявшего в незаконном формировании. Выехали колонной – боевики открыли огонь. Ребята в ответ – тоже. Так и стреляли, пока колонна не отошла на безопасное расстояние. А второй случай, когда в здании полуразрушенного Дома культуры несколько боевиков устроили перестрелку, пытаясь забрать из схрона, оборудованного в развалинах, спрятанное оружие. За этот бой пятеро собровцев получили награды, Дмитрий – в их числе.

Был в жизни Дмитрия период, когда он несколько устал от такой беспокойной службы, от ежедневных перегрузок, что захотел перейти на работу спокойную, размеренную, распланированную по меньшей мере на неделю вперед. Продолжил тогда службу в отделе по работе с осужденными УИН. Эти четыре года, проведенные там, по мнению Дмитрия, оказали

на него огромное влияние. Во-первых, конечно, он познакомился с изумительными людьми – старшими товарищами по службе Александром Владимировичем Калгановым, Василием Васильевичем Драчевым, Юрием Геннадьевичем Усольцевым, Александром Васильевичем Лютым, Галиной Викторовной Груздевой...

– Они учили меня новой работе, – вспоминает Дмитрий. – Ведь мне все пришлось начинать с нуля – они нянчились со мной, в буквальном смысле этого слова, неназойливо опекали, направляли, подсказывали.

Со своими уиновскими коллегами Дмитрий до сих пор подерживает самые теплые отношения. «Жаль только, – заметил он, – времени на частые встречи не хватает...»

Впрочем, может, потому Дмитрий так легко сходится с людьми, что и сам легок в общении, доброжелателен, учтив, внимателен. Отличную характеристику дал другу Виктор – тоже офицер спецназа: – Дима – простой, открытый парень. Мы с ним подружились в полугодовой командировке в Чечне. Я тогда только-только перешел в отряд из ОМОНа. Для меня командировка на войну была не первой в служебной биографии, ведь омовцев тоже постоянно привлекают к таким поездкам. И больше всего в новой командировке поразил тот факт, что ни разу за эти длинные полгода в нашем отряде не было никаких конфликтов, что неизбежно вспыхивали, когда люди, абсолютно разные по характеру, на длительный срок оставались в таком узком коллективе.

Дмитрий умеет сказать правду в лицо, какой бы горькой она ни была, но найдет для этого такие слова, что они и прозвучат необидно, и человек поймет свои ошибки. У нас в Чечне была традиция ежевечернего чаепития, когда за общим столом собирались все, и начинался неспешный разговор: обсуждали перипетии минувшего дня, давали им каждый свою оценку, спорили иногда, но тут же приходили к консенсусу. У Дмитрия на все было свое собственное мнение, иногда отличное от мнения окружающих. Он никогда не стеснялся его отстаивать, а вместе с тем всегда внимательно выслушает товарищей и примет чужое предложение, если оно действительно верное.

В коллективе спецназовцев особенно ценится умение вос-

принимать окружающие события через призму доброй шутки. Огромное психическое напряжение, присущее в службе, снимается шуткой, тонким юмором, которые здесь чувствуют прекрасно. Так вот, Дмитрий Викторович числится среди самых-самых лучших шутников. «Впрочем, – тут же поправляется Виктор Иванович, – у нас в отряде таких много. Все прекрасно принимают беззлобное подтрунивание, и никаких обид при этом...»

– Дмитрий в любое мгновение готов прийти другу на помощь, – продолжает Виктор. – Он необычайно трудолюбивый, работоспособный, всегда все сделает в срок, его не надо подгонять. Он очень начитан, прекрасно разбирается в музыке, особенно обожает рок-н-ролл...

– Что еще могу сказать про него? – на мгновение задумывается Виктор. – Он очень надежный. Мы с ним и в разведку ходим, и на задержание преступников... Если он рядом – ты надежно прикрыт.

– У всех людей должен быть надежный тыл, – говорит Дмитрий. – А для нас он нужнее вдвойне. Хочется вернуться домой, где тебя ждут... На долю наших жен выпали огромные перегрузки, ведь именно им приходится растить детей, содержать дом в порядке, волноваться за нас, когда мы в бесконечных командировках. Это им, а не нам, надо давать награды – за то, что ждут, за то, что почти не слышим упреков в свой адрес.

Дмитрия всегда ждут дома: жена Светлана Анатольевна – преподаватель Курганского университета, маленький Женька, родившийся как раз тогда, когда подразделения СОБРа отмечали свой десятилетний юбилей. Кстати сказать, рождение Хвостова-младшего ожидали всем отрядом, все время гадали, сможет ли наследник Дмитрия появиться на свет аккурат в день юбилея? Как выяснилось, Женя опоздал на один день. «Ничего, зато имя у него самое соборовское: и первый командир отряда носил такое же, да и сейчас у нас четыре Евгения», – улыбается Дмитрий Викторович.

– Что мне больше всего нравится делать? – на мгновение задумывается Дмитрий. – Дарить жене цветы, она их очень любит. Жаль, это не получается так часто, как хотел бы...

Людмила ПЫЛЬНЕВА

ТОВАРИЩ ПОЛКОВНИК

В органах внутренних дел Зауралья немного найдется сотрудников, которые были бы известны большинству. Когда называешь фамилию Бортовского, никогда не надо уточнять, кто это и из какой службы. Редкий милиционер, разве что из какого-то отдаленного района да, пожалуй, новичок милицейского дела не слышал об Андрее Казимировиче.

Полковник милиции Бортовский ушел в отставку с должности заместителя начальника управления охраны общественного порядка УВД Курганской области. До этого служил в батальоне патрульно-постовой службы, стоял у истоков Курганского ОМОН. Более десятка раз побывал он в «горячей» российской точке – на Северном Кавказе, возглавлял отряды курганских милиционеров. Возвращались из района боевых действий всегда в полном составе – в этом заслуга командира: сумел организовать выполнение служебных задач так, чтобы не было человеческих потерь. Смелый, жесткий, волевой, решительный, умеющий быстро найти единственно правильный выход из любого создавшегося положения командир, и вместе с тем добрый, заботливый, умный, надежный товарищ – как много разных человеческих качеств таит в себе характер нашего сегодняшнего гостя.

Вот что рассказал Андрей Казимирович на встрече в редакции.

НАЧИНАЛОСЬ ТАК...

В милиции я с 1983 года. До этого закончил 30-ю курганскую школу, машиностроительный институт, трудился на различных предприятиях, затем в Первомайском райкоме комсомола. По рекомендации бюро райкома партии меня направили на службу в УВД. Пока шло длительное оформление документов, успели призвать в армию, два года служил замполитом роты. Но связи с милицией не терял и после армии вернулся сюда. Закончил Свердловский факультет заочного обучения, сейчас это Уральский юридический институт. Всегда придерживался такого правила: если выбрал профессию, надо знать ее хорошо, до тонкостей.

Мне никогда не хотелось заниматься чисто бумажной работой, а именно это ожидало в политотделе. И в 1988 году перешел заместителем командира батальона патрульно-постовой службы милиции, с 1993 года та же должность в ОМОН. 12 лет прослужил с одним командиром. Анатолий Васильевич Пивень – редкий по доброте человек и командир редкий. Он умел подобрать команду, которая и дело делала на совесть, и отношения в коллективе всегда были хорошие. Мы его уважали и даже, можно так сказать, любили.

С 99-го возглавил отдел охраны общественного порядка.

Первую свою награду – медаль «За отличие в охране общественного порядка» – получил в 1985 году, когда был еще инструктором политотдела, и потом всей своей милицейской службой как бы доказывал, что награда не была ошибкой. Будучи в командировке в Катайске задержал преступника. Был такой особо опасный рецидивист – убил двух человек и находился в розыске. На вокзале его задержал. Нечаянно. Я милиционер по жизни, а у нас многое делается как бы нечаянно. Ведь случайность – это объективная закономерность. Как задержал? Да ничего особенного: ударил дипломатом по голове, он уже в годах был, да еще туберкулезом болел... В основном эта правительственная награда, считаю, связана не столько с задержанием, сколько с тем, что это был единственный случай в Советском Союзе, когда представитель политорганов сработал конкретно на раскрытие преступления. За такие задержания милиционерам патрульно-постовой служ-

бы обычно давали денежную премию. Любой сотрудник на моем месте поступил бы так же. Ведь если ты надел форму, твой долг – бороться с преступностью. Это же в законе «О милиции» написано: ты обязан...

НА ГРАНИ ФОЛА

Первый прообраз ОМОНа – спецвзвод патрульно-постовой службы был создан приказом МВД в 1991 году. Потом уже, по Указу Президента, создавались отряды ОМОН в областных центрах и городах с населением свыше 150 тысяч человек.

Наш ОМОН начинался так. Командир Пивень Анатолий Васильевич первым взял себе водителя, Сергея Кокорина, он до сих пор работает там. Я с ним неоднократно ездил в командировки, это замечательный сотрудник. Третьим новобранцем ОМОН был Валерий Анатольевич Базанов, впоследствии возглавлявший отряд. А четвертым пригласили меня. Сначала «квартировали» в медучилище, потом в ГПТУ-30, автоколлонне. Нынешнее здание в Энергетиках восстанавливали сами, зарабатывали деньги, находили спонсоров.

Тогда, как и сейчас, был дефицит кадров, потому нам решили взять из разных отделов 25 человек, а остальных (по штатному расписанию полагалось 151 человек) искали сами. Нарбатывали опыт проведения спецопераций, профессиональной и физической подготовки сотрудников.

Из первых успехов отряда было раскрытие исчезновения мастера спорта по боксу Салазкина. Он помогал в создании ОМОНа, потом работал в коммерческой структуре и пропал – уехал на машине и не вернулся. Возбудили уголовное дело. Выяснили, что занимался частным извозом. Установили, что его машину видели в Куртамышском районе. На двух «уазиках» туда выехали наши бойцы, долго искали и вышли на это авто... Оказалось, двое мужчин и женщина убили Салазкина выстрелами из самодельного пистолета. Они сознались в содеянном, показали место, где спрятали труп.

«СОЛДАТЫ УДАЧИ»

Едва перевелся в ОМОН, приказ: в Осетию повез бойцов

патрульно-постовой службы. Первый раз мы поехали в село Чермен, откуда начался осетино-ингушский конфликт... Считаю себя выходцем из патрульно-постовой службы и постоянно связан с ней. Вот и в Грозный, когда поехал в первый раз в феврале 1995 года сменять отряд Базанова, тоже тогда (ОМОН не был еще укомплектован) брал 10 сотрудников патрульно-постовой службы – ребят, которых хорошо знал, на которых мог опереться.

В последний раз был в 2000 году в Грозном. Лучше бы туда, конечно, совсем не ездить. Но уж если отправлять, то, считаю, нужно тех людей, которые там уже были и имеют представление о жизни на Кавказе. Конечно, всегда кто-то едет впервые. Это допустимо для рядовых бойцов. А командир должен иметь какой-то боевой опыт, впервые лучше съездить заместителем, а в следующий раз – уже полностью отвечать за жизнь и здоровье своих подчиненных. Именно это поможет избежать неправильных решений, каких-то потерь.

Вообще, все люди, которые бывают на Кавказе – фаталисты, как у Лермонтова. Вера в судьбу – чему быть, того не миновать – защищает человека от ненужных мыслей. В последние своей длительной командировке в одном из разрушенных домов нашел «Дневники» Константина Симонова. Именно там прочел о том, что человек на войне не может постоянно думать о смерти, он думает об обыденной жизни: как побриться, умыться, найти пропитание, выполнить поставленную задачу... А если он постоянно будет бояться того, что его убьют – так жить невозможно.

Боб Диннар, признанный во всем мире авторитет, американский «солдат удачи», как-то сказал: «У человека на войне меняется состав крови, он без адреналина уже существовать не может». Это особый род людей, которые не представляют себе жизни без участия в каких-то операциях, боевых действиях.

У меня девять длительных командировок – от месяца и больше. Несколько раз возил в Чечню гуманитарную помощь, но это командировкой на войну не считаю. У нас ведь как порой бывает: пробыл ночь в Грозном, когда привозил подарки, и всем хвастает, что в Чечне побывал...

Вообще, кавказский узел начинался осетино-ингушским

конфликтом. Чеченцы помогали ингушам, как бы опробовали, что может из этого получиться, а потом применили у себя. Фактически война в Чечне никогда не объявлялась. Там даже не был принят закон о чрезвычайном положении. С точки зрения права – там мирная жизнь. И в то же время – самая настоящая война, с законами военного времени и соответствующими правилами. В бою к каждому милиционеру, каждому солдату командира не поставишь. Он сам делает выбор, как поступить. Всегда говорил своим подчиненным: поступай так, чтобы не было стыдно перед собой и собственной совестью. Не знаю, всегда ли это получалось. Жизнь – такая штука. Наверное, найдется тот, кто скажет, что я был не прав...

... ПОЛУЧИЛИ НЕ ВСЕ

Если философски рассуждать о наградах, то их заслужили многие, жаль, получили не все. В период первой чеченской командировки руководителем нашей группировки был начальник управления уголовного розыска МВД РФ Иван Филиппович Храпов. Он говорил так: «Если человек согласился сюда приехать – медаль «За отличную службу по охране» ему обеспечена. Просто потому, что приехал, что добросовестно служил, потому, что главную задачу – быть заслоном – выполнил. Если же кого-то задержал, изъясил снаряды, оружие – медаль «За отвагу». Пролил собственную кровь – орден Мужества.

Мы после первой командировки сделали, как говорил руководитель, документы привезли в рукописном варианте, все заверенные подписями, печатью. Там ведь сложно кого-то выделить. Ну как, к примеру, когда по тебе стреляют, определить из группы людей, кто там подавил огневую точку – были все. Один из руководителей УВД того времени, просмотрев наши документы, пробурчал: «У вас там что, массовый героизм? На всех привезли, все героями быть не могут.» Таким образом, за первую чеченскую командировку я не получил ничего. Считал, пусть наградят достойных моих ребят.

После двух командировок мне вручили орден Мужества. Узнал об этом в Чечне, в третьей командировке. Хотя, если честно, было представление на медаль «За отвагу».

ДВАЖДЫ НЕ ВОЙДЕШЬ

Дома мне никогда не снилась война. Единственное, что о ней напоминало: в первую ночь, проснувшись, долго не могу сообразить, где я. Если в палатке, то откуда вдруг появилась стена? Иногда, прокручивая в памяти встречи на войне, интересные события, неординарные ситуации, хочется взять ручку и написать свои воспоминания. Но удерживает от этого собственная цензура – в душе. Может быть, когда-нибудь...

Не считаю, что моя милицейская карьера не сложилась. Меня знают, уважают, я достиг определенных высот. Никогда не жалел о своем выборе, который сделал в 1983 году. Хоть и говорят, что дважды в одну и ту же реку не войдешь, но если бы жизнь вновь поставила меня перед выбором службы, не задумываясь, все повторил бы снова...

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Очень многое из двухчасового разговора с Бортовским осталось «за кадром». В основном беседа наша так или иначе касалась командировок на войну. Оно и понятно: одна такая поездка по накалу страстей и количеству ярких эпизодов заменит добрый десяток лет мирной службы.

«Оттуда» привез Бортовский на память военные сувениры: иззубленный кусок металла – осколок от фугасной бомбы, которая взорвалась чуть с опозданием, и группа курганских омоновцев успела проскочить опасное место; зеленая повязка чеченского смертника. Дав Аллаху обет, такой доброволец сознательно идет на смерть в священной войне «Газават»; удостоверения чеченских боевиков и милиционеров, указы Яндарбиева. А еще – огромное количество фотографий: люди, горы, техника...

Однако для публикации тогда отобрали самый мирный снимок – боевой офицер с мамой. Сейчас известной курганской тележурналистки Валентины Кузьминичны Бортовской уже нет рядом с Андреем, но сколько бессонных ночей провела она, ожидая сына из дальних беспокойных краев. И как спешил он после очередной поездки прижаться к родному материнскому плечу – такому хрупкому, но такому надежному...

Людмила ПЫЛЬНЕВА

КОМАНДИР “СКИФА”

На припорошенный снегом перрон мягко, как кошка, прыгнул по спортивному легко человек в форме. Один за другим его сослуживцы выходили из вагонов, радуясь возвращению в родной город. Позади – полгода “гостеприимного” Кавказа, впереди – ...Отдых, который каждый наверняка планировал по-своему.

Журналисты обступили старшего группы ОМОНовцев. Вопросы, вопросы, почти все – о Чечне. И вдруг:

– Александр Анатольевич, что вы сделаете первым делом, приехав домой?

Глаза подполковника по-мальчишески блеснули:

– На рыбалку бы...

– ...Тогда не съездили: погода помешала, – вспоминал, почти год спустя, в беседе с автором этих строк тот самый подполковник, командир Курганского ОМОНа Александр Анатольевич Зиновьев. Не только эта встреча на вокзале всплывала в памяти. По просьбе гостя, офицер рассказал о себе, об отряде, в котором служит одиннадцатый год, о командировках в “горячие точки”, о родном городе, каким он видится патрульному экипажу.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Зиновьев Александр Анатольевич

Родился 14 марта 1968 года в городе Куртамыше. В 1985 году окончил там среднюю школу №1, тогда же поступил

в педагогическое училище. В 1986 году был призван на службу во внутренние войска МВД СССР. После демобилизации – в 1988 году служил в батальоне патрульно-постовой службы. Параллельно закончил прерванное призывом обучение. В 1989 году – без отрыва от службы – стал студентом факультета физической культуры Курганского пединститута. С 1992 года – командир взвода. Год спустя – вскоре после создания ОМОНа – переведен в это подразделение. В 1994 году окончил институт. Одновременно получил звание “старший лейтенант милиции”. В том же году впервые, в составе группы бойцов отряда, выехал в командировку на Кавказ. Всего, за время службы в ОМОНе, в “горячие точки” выезжал 11 раз. С 2002 года – командир Отряда Милиции Особого назначения УВД Курганской области.

ДОРОГИ ДЕТСТВА

На шевроне каждого ОМОНовца – название отряда: “Скиф”. В этом коротком слове вместились столько значений и смыслов, что любому профессору-филологу хватит не на одну научную работу. Один из самых любопытных подтекстов – жизнь командира. Еще до прихода в милицию он сам для себя определил будущее: беспокойное, кочевое, но от этого еще более интересное. Хотя, конечно, тогда об этом не задумывался.

Не беда, что вместо доспеха носил – уже в ОМОНе - бронежилет, а коня и колесницу заменил автомобиль. Главное, в душе остался прежним: неугомным, ищущим человеком. С годами умножились мудрость и опыт, не раз и не два убеждался Александр Анатольевич, что не ошибся, выбрав нелегкую долю стража порядка.

Путешествовать начал школьником, проучившись семь лет – с четвертого по десятый – в спортивном классе. В шестом классе всерьез увлекся биатлоном. Тренировался у Николая Захаровича Кузнецова, выезжал на сборы в Новосибирск, Свердловск, другие города Урала и Сибири. Крепкий, выносливый, недавний школьник – едва поступив в педучилище – был призван в армию. Попал во внутренние войска. По всей вероятности, там и началась милицейская служба Александр-

ра Анатолевича. И выбор места в жизни по возвращении домой. Два года службы проторили будущему офицеру новую дорогу. И по ней он идет достойно уже – не ошибиться бы – семнадцатый год.

ДОРОГИ СЛУЖБЫ

1994 год. Время, когда старший лейтенант Александр Зиновьев впервые попал на войну.

В Осетию лежал путь группы бойцов курганского ОМОНа, в составе которой был и Александр Зиновьев. Две поездки – по месяцу каждая – выпали на тот год. В девяносто пятом не по книгам познакомился с Чечней. Пробыл 45 суток. Уже шла война. Та, которую сегодня принято называть первой кампанией.

С ее окончанием связана самая тяжелая – морально – командировка. 1996 год, Аргун. Только-только заключено печально известное Хасавюртовское соглашение, по итогам подписания которого на довольно долгое время все вопросы, касающиеся службы и снабжения отрядов российских войск и милиции, были переданы в ведение местных властей. То есть без их ведома не сделать было ничего. А сопровождение колонн – совместно с недавними боевиками, сменившими, как хамелеоны, окраску, словно призвано было добить уставших от непонятных политических заигрываний бойцов.

Это не шутка и не мнение одного человека. Подтверждение? Сколько угодно. В книге петербургского журналиста Андрея Константинова “Рота”, посвященной подвигу бойцов 6-й роты 104-го воздушно-десантного полка, описан переход группы “местного ополчения” на сторону федералов. Рапорт: “Товарищ полковник! Федеральное бандформирование по вашему приказанию построено...” комментариев, думаю, не требует.

Самое главное – из той командировки все вернулись живыми. Как и из остальных. Что очень много, людям понимающим, говорит о качестве подготовки бойцов и опыте командиров. Курганцы – один из немногих отрядов, не потерявших на Кавказе ни одного бойца. Единственный ли в России? На этот вопрос Александр Анатолевич ответил осторожно: “Не знаю

точно". И правда: не сплзить бы. Не до шуток: вера и суеверия на войне – тема отнюдь не шуточная.

Возвращаются все. Самой приятной стала за последние годы для командира и его бойцов дорога домой. И, как притоки полноводной реки, вытекающие из нее.

ДОРОГИ ДУШИ

Нервы у омовцев не железные, регулярная психологическая разгрузка – не роскошь, а необходимость. Каждый эту задачу решает по-своему.

У подполковника Зиновьева, кроме рыбалки, увлечений немало. Именно они помогают в трудную минуту. Музыкальному собранию Александра Анатольевича позавидует даже искушенный меломан. Советская и зарубежная эстрада разных лет, барды, рок – чего только нет. Давняя любовь – песни Владимира Высоцкого. В командировках и просто в пути – всегда с собой. Раньше на кассетах, теперь, когда техника развивается семимильными шагами, их заменили компакт-диски. А “Баллада о борьбе” и “Баллада о брошенном корабле” словно о нем самом написаны.

Не менее сильная любовь – книги и автомобили. “...Во мне пропал автослесарь...”, – шутит Александр Анатольевич, – “...но, боюсь, быстро разорился бы: слишком медленно все делаю...”. Читает все, от детективов до классики. А некоторые книги “в драку” – шутливую, конечно, – делят с дочерью. Так недавно было с “Тихим Доном” Михаила Шолохова. Одна из самых любимых книг – “Педагогическая поэма” Макаренко. Полушутя-полусерьезно рассказывал командир ОМОНа: мол, некоторые сцены очень родной отряд напоминают. Есть над чем задуматься.

Вот так, со временем, из книг и собственных наблюдений, рождается опыт и смекалка офицера. То, что с уважением можно назвать

ДОРОГИ МУДРОСТИ

В ОМОН Александр Зиновьев пришел 11 лет назад. Отряд тогда только-только появился, командиром – из батальона

патрульно-постовой службы – переведен был тогдашний комбат Анатолий Васильевич Пивень. Он-то и пригласил хорошо уже знакомого взводного из родного батальона в новое подразделение. Которое, два года назад, подполковник Зиновьев возглавил.

Первое же испытание новому командиру выпало – не приведи господи кому-то: введены полугодовые командировки на Кавказ. Все лето, в разгар огородных – да много каких еще работ и забот – семьи оставались без мужчин.

Людей для поездки набрали с трудом. Но не это было самым страшным. Из отряда, по причинам, так или иначе связанным с нововведением, ушло более 30 процентов личного состава. Как быть? Кем закрыть кадровую даже не брешь – смертельно опасную пробоину?

Решение было найдено. Недаром много добрых слов сказано о командовании отряда. В том же 2002 году процентов девяносто вакансий перестали таковыми быть. Но вставала другая проблема: почти все новички пришли “с гражданки”, необходимо время, и довольно немалое, для обучения их и подготовки к тем же командировкам.

Едва решили эту задачу – новая напасть, посерьезнее. Декабрь 2002 года, взрыв Дома правительства в Грозном. Виноваты – якобы – три омоновца из Кургана, мол, по их халатности это произошло.

Справились. Отстояли справедливость и друзей, они, к счастью, не ушли после этого из отряда. Двое. Третий, подполковник Сергей Журавлев, на пенсии. ОМОНовцы рассказывали, что с его уходом история вышла любопытная: рапорт остался – не поданный – на столе, когда уезжал в командировку. Не мог он оставить братьев по оружию в трудную минуту. Решил: съезжу – а потом можно и на покой. Съездил. И почти полгода обвинялся в том, в чем ни его, ни его коллег вины не было.

Обучили пополнение, “обкатали” в “горячей точке”. Сейчас кадровых проблем отряд не испытывает. Есть вакансии, но их очень мало, и сам командир спокойно называет это рабочим дефицитом. Потому что желающих попасть в ОМОН много. Причина? Хотя бы отношение к отряду. Востребованность его, когда давно лишились покоя.

ДОРОГИ РОДНОГО ГОРОДА

В последние годы патрули ОМОНа в Кургане менее заметны. Просто потому, что командировки отвлекают большую часть бойцов, и на улицах столицы Зауралья камуфляжей с шевроном “ОМОН-Скиф” появляется немного. Зато уж если появляются – на их маршруте затихает любая, даже самая отпетая шпана. Причины?

На этот вопрос командир отряда ответил просто: специфика службы. От того же батальона патрульно-постовой службы, к примеру, ОМОН отличается отсутствием постоянных патрульных маршрутов. То есть – нет такого, что экипаж годами работает в одном и том же районе, и знает его как “Отче наш”. Нет такого, что ОМОН раскрывает много преступлений, но райотделы постоянно просят помочь людьми. Отряд работает жестче, чем тот же батальон. Плюс – эффект чисто психологический: к серой милицейской форме горожане давно привыкли, а к ОМОНу относятся куда серьезнее, некоторые попросту боятся его бойцов больше, чем обычного патруля. Потому-то и спокойнее там, где работают его экипажи и пешие наряды.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

В прошлом году курганскому ОМОНу исполнилось десять лет. Возраст невелик, но за это время и в родном городе, и на Кавказе отряд знают не понаслышке и уважают. Есть за что. “Скифы” – так их иногда называют – мастера своего дела. Сменилось несколько поколений бойцов и командиров (не преувеличение: из первого набора не осталось почти никого), но требования к службе остаются максимально серьезными. Иначе нельзя: многие задачи решаются с риском для жизни.

Эти традиции отряда продолжают.

Владислав КОЛЕСОВ

«СКИФЫ»

Мы любим и умеем работать хорошо. За это можно многое отдать. И мы отдаем. Себя, свое время, порой – покой наших семей, часто – здоровье. Как, наверное, и многие другие в милиции.

Говорят, бывших омовцев не бывает. Пожалуй, бывают, но их так немного, что говорить о них не стоит.

Могу сказать без преувеличения – мы суровы в первую очередь к своим. Представьте сами, каковы мы с чужими.

Миф о гориллоподобных и тупых омовцах – плод сериалов типа “Ментов”.

Вячеслав Ятченко, заместитель командира ОМОН.

Курган – город невеликий. И за последние десять лет люди в камуфляже с короткой, непосвященным неясной, но ко многому обязывающей надписью – «ОМОН «Скиф» – примелькались, из местной достопримечательности превратились в элемент ночной жизни города. Их задача – охрана общественного порядка. Их жизнь – служба. И негромко сказанное о базе отряда “дом родной” – не метафора, а самое короткое и точное описание омовских будней.

Почему “Скиф”, – спросит кто-нибудь? Смысл названия: скифы – по природе своей кочевники. По аналогии, и курганскому ОМОНу покочевать довелось немало. И по родной земле, и по “гостеприимному” Северному Кавказу. Именно там началось.

САМОЕ “ПРИЯТНОЕ” КОЧЕВЬЕ

Маршрут его донельзя прост и понятен каждому бойцу и офицеру: “Чечня – Дом”. Именно так, с большой буквы. Зажались, за полгода командировки, родня и друзья, жены и невесты. Да и навоевался отряд изрядно. С гордостью можно сказать:

ОМОН столицы Зауралья – едва ли не единственный в стране не понесший, за несколько лет Чечни, боевых потерь. Это говорит о многом. Прежде всего – о профессионализме командования и личного состава отряда. Но говорить об этом не любят, и не говорят – просто знают. И “третий” тост поднимают всегда – “за тех, кого с нами нет”.

Каждому бойцу и офицеру служебные командировки запомнятся чем-то по-своему особенным. Они, словно из невидимой заготовки, выковывают душу омовца. Смеющуюся и тоскующую, грубую и нежную, уязвимую и прикрытую “броней” прибауток. Словом, все как у самого обычного человека. Да и кто сказал, что они необычные люди? Не верьте. Это мнение, мягко говоря, ошибочно. А для служивых попросту оскорбительно. Хотя бы потому, что на войне отчетливей всего проявляются именно человеческие качества, и уже совсем другой вопрос: с каким они знаком – плюс или минус.

А дома ждут. И не только родные. Есть еще безответная любовь, имя которой –

РАБОТА, РАБОТА И ЕЩЕ РАЗ РАБОТА

Ее в родном городе не ubyло, а омовских патрулей на улицах – из-за регулярных отъездов групп бойцов в Чечню – меньше, чем в прошлые годы.

Теперь ситуация в корне изменится. На некоторое время курганцы от чеченских командировок освобождены. И за наведение порядка на улицах областного центра возьмутся, что называется, от души и с чувством. Кое-кто из офицеров пошутил: “Готовьтесь, граждане”.

Но это не более чем шутка. Потому что дрожь и нездоровый трепет короткое, как выстрел, слово “ОМОН” вызывает только у хулиганов и прочей околзаконной публики. А когда, к

примеру, патруль наводит порядок на детской площадке и отправляет по домам пяток-другой великовозрастных балбесов, ищущих приключений на голову и иные части тела, то от притихших мам с колясками, удивленных: почему это вокруг стало тихо, не слышно ничего. Кроме негромкого, искреннего: “Спасибо, ребята”.

“Всезнающим” и вечно ворчащим, думающим: ОМОН – спецподразделение и не барское, мол, дело заниматься уличными хулиганами, не стоит беспокоиться. Потому что – не дай бог, конечно – начни все милицейские подразделения делить: кто что должен и не должен делать, – хуже ситуации для горожан не придумаешь. На практике все несколько проще: есть работа – ее нужно делать. Как – прочитайте еще раз в эпиграфе.

Отрядный дух, чувство локтя, уверенность в товарище, прикрывающем твою спину — все это родилось не вчера. Не секрет, что не по разу сменился весь командный состав отряда, да и среди бойцов и офицеров, тех, кто служит с основания ОМОНа, можно без труда пересчитать по пальцам. Постепенно складывались отрядные особенности и традиции. И признание ОМОНа лучшим, по психологическому климату, подразделением УВД Курганской области говорит очень о многом. Например, отвечает на вопрос: почему молодежь все чаще просится в отряд.

Но это – в наши дни. А начиналось все десять лет назад, в апреле 1993 года, когда в областном УВД появилось новое подразделение со штатом из двух человек: командира и милиционера-водителя. Точнее об этом может “сказать” только один свидетель. Имя ему —

ПРИКАЗ № 171

Подписан он был 12 апреля 1993 года. То есть, 2003 год для отряда – юбилейный. Вдвойне, потому что десять лет исполнилось Курганскому ОМОНу и пятнадцать – ОМОНам в системе МВД. Первые отряды такого типа были созданы приказом министра внутренних дел СССР 3 октября 1988 года. И отныне этот день – день отрядов милиции особого назначения. Из песни слова, как из истории документа, не выбросить. И бывшего, на сегодняшний день, начальника УВД Юрия Пет-

ровича Сковордина можно назвать крестным отцом курганского ОМОНа. А отцом-командиром первого отрядного набора стал полковник милиции Анатолий Васильевич Пивень. Сейчас отрядом командует подполковник милиции Александр Анатольевич Зиновьев, пришедший в ОМОН из батальона патрульно-постовой службы в том же 1993 году. Именно оттуда, чаще всего набирали поначалу людей в новое подразделение. Со временем в отряд пришли и армейские офицеры, и солдаты, и сотрудники самых разных милицейских служб. Многие, особенно после изматывающих командировок на Кавказ, уходили, а оставшиеся только укрепили отряд. Создали тот самый коллектив, о котором приятно говорить и писать. И это не только мнение автора. Об оценке внутриотрядного климата уже упоминалось.

С омовцами интересно общаться, хотя частенько проскакивает специфический, черноватый чаще, юмор. Ничего не попишешь: издержки работы. Нет ни малейшего намека на какую-либо элитарность или избранность. Они не то, чтобы лишние – от них просто быстро избавляются. Самая простая возможность заработать в этой среде авторитет – показать себя в командировке. Опыт, накопленный в них, бесценен. (Это – отнюдь не авторская импровизация, а мнение самих омовцев). Потому что ни одно спецподразделение в Зауралье не выезжало в Чечню так часто, как ОМОН. Двадцать семь раз отряд побывал на “гостеприимном” Северном Кавказе. На момент написания очерка заканчивалась однанадцатая командировка подполковника Александра Зиновьева. Она же – первая для нескольких новичков, недавних стажеров отряда.

А на “мирной и спокойной” чеченской земле наши земляки вели себя как настоящие мужчины. Иначе просто не умеют, да и подготовку получили отнюдь не слабую. Примеры? Пожалуйста.

Из представлений к награждению особо отличившихся сотрудников курганской милиции.

Командир взвода ОМОН А. особо отличился, умело руководя действиями подчиненных сотрудников, при проведении специальных операций в городе Грозном. 22 января 1995 года

оперативным путем была получена информация о местонахождении бандформирования в одном из зданий. Отделение под командованием А. выдвинулось для проверки указанного дома. При подходе к разрушенному зданию подразделение попало под огонь противника. Умело организовав огневую поддержку, используя естественные укрытия, А. вплотную подобрался к противнику и точным броском гранаты уничтожил огневую точку.

Тем самым были предотвращены возможные потери среди личного состава подразделения.

Милиционер-боец С. особо отличился 21 января 1995 года во время несения службы на блокпосту в центральном парке города Грозного, когда его внимание привлек гражданин, несший большую сумку. С. предложил ему остановиться для досмотра. Неизвестный попытался убежать. С. наступил и задержал нарушителя. При досмотре в сумке было обнаружено 10 шашек тротила.

В ходе допроса задержанного было установлено, что на территории парка находится склад боеприпасов. После прочесывания указанного района из замаскированного склада было изъято и передано федеральным войскам 220 килограммов тротила, 4 ящика усиленных противотанковых мин.

“Информправо”, 1996г., №2.

Сухие газетные строки вряд ли точно расскажут о тех боях. О переживаниях омоновцев и готовности в любой момент закрыть собой товарищей или подавить врага огнем. О том, что таких стычек с боевиками бывало и не по одной за командировку, о полученных ранениях и контузиях. О сожженных, в ожидании, нервных клетках и о простой человеческой усталости, накапливающейся к концу командировки.

Да и эпизоды эти — одни из многих. Отряд воевал и в первую, и во вторую кампании. О том, как воевали, “говорят” награды. В том числе — ордена Мужества и медали “За отвагу”. Есть, к сожалению, и другие приметы войны: ранения, контузии и т.п. Но это никого не пугает: каждый знал, куда шел служить, и понимал, что трудностей и опасностей не избежать. А к безопасности и закону в отряде отношение очень уважительное.

“МОЛИТВА” ПО-ОМОНОВСКИ

“...И, главное, помните о законности и безопасности. Потому что законность – это ваша свобода, а безопасность – это ваша жизнь...”

Это не молитва и не проповедь. И услышана она была не в церкви и не на торжестве, а на самом обычном разводе на службу патрулей курганского ОМОНа. Перед началом смены, на которую вместе с одним из патрульных экипажей вышел журналист.

Впечатлений – масса. В основном – не очень приятных (от вида горожан, трезвых и не очень, и других “прелестей” сумеречного Кургана). Но в любой ситуации – когда, казалось бы, не хватит терпения объяснять очередному правонарушителю: в чем он не прав или “любоваться” очередной семейной склокой, итогом которой стал вызов милиции – омоновцы вели себя очень корректно. Иногда просто удивляешься их выдержке – но, видимо, на этой почве и рождается упоминавшийся уже специфический юмор. Иначе нельзя: голова у человека – в форме он или в штатском – одна, и запасных нервов нет.

Каким запомнился курганский ОМОН? Серьезным и неугомонным, озорным и внимательным, дружным и заслуживающим уважения. Умеющим отстоять свою точку зрения и “горящим” на работе. Общительным и улыбающимся. Когда патрули отряда работают на улицах Кургана – горожане могут не бояться за себя. Если – не дай Бог, что-то случится – им обязательно помогут. Иначе попросту нельзя.

Владислав КОЛЕСОВ

ОМОН – МОЯ ЖИЗНЬ

Начальник штаба ОМОНа Вячеслав Владимирович Ятченко в родном коллективе пользуется заслуженным уважением. Это сотрудник, как и многие в отряде, прошедший войну и хорошо знающий, как она меняет человека. Это уважаемый командир и специалист своего дела – спокойный, уверенный в себе, с легкой хитринкой в глазах. Кажется, нервничать он не умеет. Да и противопоказано это саперам, а именно такую специальность майор Ятченко получил в военном ВУЗе. О том, как все начиналось и как он пришел на милицейскую службу, Вячеслав Владимирович рассказывает читателям сам.

ОФИЦЕРАМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ

– Решение служить закону и народу – благодаря военруку, майору ВДВ в отставке Николаю Филипповичу Даниленко – было принято мною и еще шестерыми одноклассниками в десятом, выпускном, классе в 1987 году.

Сколько помню себя в школе, примерно со второго класса, и учился, и занимался спортом самостоятельно. Поначалу – года два – шахматами. С четвертого класса увлекся фотографией. Увлекся серьезно, до сих пор бросить не могу. По настоянию отца пришел к тренерам по конькобежному спорту Александру и Лилии Васильевым. Чемпион из меня не полу-

чился, но общее развитие получил.

Классе в седьмом с друзьями пришел во Дворец пионеров – в секцию настольного тенниса. В принципе, не столько спорт, сколько развлечение. Но это развлечение дало спортивную злость и реакцию. Немного позанимался чем-то навроде каратэ. Тогда это модно было – вспомните фильм “Фанат” – целая психология. Не увлекся. Но кое-что вынес.

В школе началась начальная военная подготовка. Николай Филиппович Даниленко предрекал нам военную судьбу. Без вариантов. Спортивная стрельба, неплохие результаты. ДОСААФ, парашютное многоборье. Одноклассники поехали на экскурсию в Минск зимой, я остался прыгать. Банально – первый прыжок непонятно, второй – страшно, третий – привык. Зима, небо, высота – романтика. Видимо, на этом порыве подал я документы в Рязанское высшее военное десантное командное училище. Результат, правда, для меня и двух школьных друзей был отрицательным. Обидно, не то что бы до слез, но обидно. Трезво поразмыслил, в обычный ВУЗ идти не хотелось, решил все равно поступать в военное училище. В военкомате из списка выбрал Тюмень – командное училище инженерных войск.

Лето 1987-го. Поехал – поступил. Еще будучи абитуриентом нашел первых друзей – будущих курсантов. Не из Кургана – из Симферополя и Молдавии. Пожалуй, эти первые дни в военном училище – в палатках на пять человек, с новизной курсантской столовой, в которой потом пришлось отдежурить не один десяток нарядов, с впечатлением от стройных рядов курсантов, проживающих по соседству в общежитии, – и решили все для меня.

На мандатной комиссии при приеме предложили выбор специализации – сапер, понтонер, технарь. Управляемое минирование почему-то не предложили, да я теперь и не в обиде. Интересно, круто, но за границу практически не выехать. Но об этом дальше.

КУРСАНТСКИЕ БУДНИ

Может, сегодня понимаю, самое беззаботное время в жизни – курсантские годы.

Второй взвод 13-й роты, группа 132 – навсегда в памяти. Сразу познакомился с Брониславом Слынько из Кривого Рога – он тоже был фотографом. “Отдыхали” мы тогда всем батальоном на Андреевском озере – учебном центре ТВВИКУ. Шел экспериментальный курс молодого бойца. Не только в Тюмени, но и по всему Союзу – по письмам одноклассников узнавал. Программа везде была одинаковая – и в Кургане, и в Тюмени, и в Перми, и в Уфе. В училище я приехал, естественно, с фотоаппаратом. Снимки того времени напоминают хронику начала войны. Без ее ужасов, конечно. Но – с портретами.

Заочно поступили мы с Брониславом в Академию аудиовизуальных искусств в Москве. Преподаватель нам достался один на двоих – Арутюнян Рустам Андроникович, капитан первого ранга в отставке. Несмотря на все запреты родного ротного, учились мы полунелегально, но фотолабораторию свою имели всегда – ну куда ротному при партийной системе без ротных фотографов, да еще энтузиастов вроде нас? Ну, а что такое два увлеченных фотографа в роте курсантов – объяснить не стоит. Сегодня пленки тех времен у меня – килограммами. В общем, закончили мы Академию – я на “отлично”, Бронислав – на “хорошо”, но об этом узнали уже после выпуска – не успел он на меня обидеться. Может, я хитрее был, может, удачливее.

Думаю, в Тюменском высшем военно-инженерном командном училище я состоялся таким, какой я есть сейчас. Немаловажное значение отвою в этом первом своему командиру взвода Александру Ивановичу Волощенко. Был ли он хорошим командиром? Да. Хитер? Да. Повлиял ли на меня как на личность? Конечно, да. И именно на меня. Почему-то меня он избрал одним из немногих, кого стал “лепить” так, как считал нужным.

ДЕВЯНОСТЫЕ: РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НА ЧУЖБИНУ

Ротный тоже был хохол (друг – Слынько, взводный – Волощенко, ротный – Тимошук). Да и я – не Иванов – хоть и был управляемым, но до определенной степени. Во взводе я руководил комсомолом. Излишне говорить о том, что в конце 80-х годов армия была крайне политизирована. Соответственно, обязан был поставлять партии рекрутов в виде кандидатов в

члены КПСС. Не знаю почему, но к выпуску у меня во взводе было аж два кандидата и один член КПСС. К примеру, в других взводах было по два не кандидата. Был я за это замполитом батальона “бит” неоднократно. Правда, и не старался он сильно, майор Селезнев. Да еще и учиться в Академии аудиовизуальных искусств ротный запрещал. Но мы учились. Тайно. В результате распределил он меня в Гродно, в полк гражданской обороны, где, видимо, мне пришлось бы служить долго и счастливо. Но поехал я в Западную группу войск. Как? Просто “красный” диплом и пятеро из шести золотых медалистов, реально имеющих возможность выбрать место службы, но закончившие тот самый взвод управляемого минирования и ставшие невыездными – 1991 год, еще СССР – и позволили выбрать место службы.

И вот – Германия. Уже Западная, с ее марками и непередаваемым впечатлением от капитализма. Это было 7 августа. Меня представили батальону. А 19-го был путч в Москве. СССР не стало. Не стало руководящей роли КПСС. Но армия осталась. И служить мы продолжали той же стране, пусть и вдалеке от нее. В России армию уже ставили на колени, в Германии все было как прежде – учения, боевая готовность и наш 122-й отдельный инженерно-саперный батальон 90-й танковой дивизии 20-й танковой армии.

Что мне дала эта служба? Трудно сказать. Может быть, житейский опыт, если так можно назвать жизнь молодого лейтенанта между казармой и Домом офицерского состава. Может быть, осознание собственной значимости, когда у тебя есть пусть всего 12, но – подчиненных, готовых для тебя расшибиться в лепешку. И еще – как трудно эту готовность заслужить. И на это способен лишь один человек в армии – КОМАНДИР. Думаю, те, кто служил, меня поймут.

УРОКИ АРМЕЙСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Комбат подполковник Александр Сергеевич Соловьев – пусть не первый (в училище тоже был ой как суров), но в памяти остался навсегда. Именно его я представляю, когда говорю, что мужчина – это “сказал – сделал”. И это оттуда: “делай, что должен – и будь, что будет”. Тогда я понял, что такое

подчиненные. Не формально – а мои. Когда в поле ты им создал условия для еды, питья и ночлега, то и ты будешь сыт, в тепле и без жажды. И с полной солдатской кепкой ежевики. И с копчеными угрями из немецкого озера. И, когда сложное время придет, живой.

Саперный батальон. Тротил – тоннами, снаряды – тысячами, детонаторы – сотнями. Что поделаешь – вывод войск, и дешевле было боеприпасы взрывать, чем в Россию вывозить. Первые жертвы. Сапер – профессия хлопотная. Особенно, если это долго продолжается. Взрывали месяцами. Сначала – интересно. Потом – как автомат. И не дай бог ошибиться. Развлекались по-своему. Без фанатизма, не по-гусарски, а так, как саперы – спокойно и с толком. Кто на войне лучше всех живет? Разведчики и саперы. Первые у врага воруют, а у вторых и так все есть. Кран – да, экскаватор – пожалуйста, пило-рама – без проблем, переправу понтонную навести – давайте обсудим. Может, поэтому и сейчас саперов своих так “воспитываю”. Да, откровенно говоря, ко всему отряду применить стараюсь. Мы – структура самодостаточная. Чтобы ни у кого ничего не просить, у нас самих все быть должно. А чтобы было – найти там, где есть, но не как разведчики, а как саперы. Тихой сапой и законно. Ну или почти законно. А если у нас есть – то и другим дать что-то можно.

Прошло два года. Пришла пора ехать в Россию. Домой. Тревожно. Тамошнюю смуту видел и в отпуске, и по TV. Эшелон с техникой. Девять суток от Берлина до Самары. В Самаре: “вы – саперы, вы построитесь, вот вам 1 гектар в поле, это ваш парк техники. Жить – в казарме”. Что ж, мы – саперы, мы построились. Но еще мы – офицеры. И еще – страна имеет такую армию, какую может позволить себе иметь. Из десяти лейтенантов, с кем я пришел служить в один год, уволилось восемь, считая меня.

Я учился быть офицером, а не дневальным в парке. И не трудности смущали. Да и какие трудности – следить, чтобы технику не разворовали.

Молодой, 23 года. Самара, третья столица России. Никита Михалков с его жизнеутверждающим заявлением из космоса. Так или иначе, жена моя – Ирина – из Самары. Декабристкой ее иногда называю – из Самары да в Курган...

КУРГАН: ПУТЬ В ОМОН

Приехал в Курган. Осмотрелся, немного поработал на себя. Понял, что могу и хочу служить. Пошел по подразделениям УВД. Хорошо запомнил Сергея Александровича Ситникова – в ТОМ-2 УВД города он был начальником уголовного розыска. Прямо и открыто предложил служить у него. Но чувствовал я внутренне, что не опер. В экспертно-криминалистическом управлении нужен был эксперт-взрывотехник, но штаты долго не приходили. Пшеничников Николай Михайлович должность в своем отделе долго обещал, но мне работать надо было, а не ждать должность. Спасибо ему, конечно, но... В конце концов, я попал в ОМОН.

Командир, Анатолий Васильевич Пивень, был в отпуске. Ему позвонил Андрей Казимирович Бортовский – Пивень распорядился “брать на любую должность”. Так я стал сотрудником ОМОНа.

Сначала работал рядовым стажером – в пеших патрулях на улицах, тренировки вместе со всеми. На тот момент я был единственным стажером – офицером в отряде. Аттестация – в июле 1995 года. Первая командировка в Чечню – в декабре 1995 года, с Андреем Казимировичем Бортовским. Дома – шок, несмотря на все подготовки. В Чечне – очень похоже на армию. Не очень смешно, но тоже бардак...

В отличие от других омовцев, я – недавно еще армейский офицер, и очень многое из происходящего понимал. Ну, а уж как оборудовать узел заграждений на посту – извините, меня этому учили, – я курсовой проект защитил, на “отлично”. На мой взгляд, командировка прошла спокойно. Всю правду только командир, Бортовский, знал.

По прибытии домой постепенно набрал инженерно-техническую группу – кинолога Володю Каржавина, взрывотехников. В августе 1996-го – Аргун. Самая “неподарочная” командировка. Вроде бы мир, но и не мир. И не война. Пакт о ненападении. Лебединая песня. Мы за блоками ночами сидели, а чечены – “победители” – пачки денег в свете фар делили. Да, у нас пост был напротив их – как остановки автобусные. Нам – в одну, им – в другую сторону. Тогда я в полной мере “оторвался” как сапер. Встретил в Грозном своих “тюменцев” –

помимо осетровой ухи, поработали над обеспечением отряда инженерными боеприпасами. Первыми, в своем роде. Таими, какие никто в ОМОНе не знал. Да и я-то кое-что в боевом виде впервые встретил.

Отслужили. Заработал, вернее, подтвердил, свою репутацию сапера.

В 1997 поступил в Челябинский юридический институт. Можно сказать, учился между чеченскими “войнами” – с 1997 по 2000 год.

В 1997 же стал начальником ИТО – инженерно-технического отделения. Работали хорошо и плодотворно, заслужили репутацию в городе и области. Я за собой до сих пор руководство группой ликвидации угрозы взрыва оставил.

В 1998-м город и область оснастили нас оборудованием – очень хорошо оснастили, спасибо им. Это, конечно, по поводу произошло – многие помнят “бомбу” в сбербанке по улице Кирова, 60. Тогда специалиста из Екатеринбурга привозили. Он отработал, ему заплатили. Когда мы с Валерием Анатольевичем Базановым – командиром – у начальника УВД на докладе были, я осторожно сказал, что и мы могли бы не хуже сработать, будь у нас техника. Вот техника и появилась – ду-маю, не без участия руководства УВД. Работаем.

Год спустя в ОМОНе сокращение, так я стал начальником штаба. Поскольку инженер по образованию, да и сапер, то первым делом занялся оснащением отряда техникой. Компьютерной. Голова, руки, пишущие машинки – хорошо, но без техники работа будет сегодня в тягость. Просто не успеешь сделать то, что надо. Да и вообще, очень многие в ОМОНе знают, на что ноутбук наш – волшебный “черный чемоданчик” – способен.

НОВЫЙ ВЕК: СНОВА ЧЕЧНЯ

2000 год – Замай-Юрт Ножай-Юртовского района Чеченской республики. Предгорья, но место красивое и в тактическом отношении выгодное. Это все понимали, но меня в военном училище мой бывший комбат полковник Фунтиков на кафедре общевоинской тактики хорошо учил и сурово. Поэтому я не волновался – если что – стоять будем долго и с минимумом потерь. Обошлось без них. Только коровы на наших

минах рвались – но это не наша вина, что животные в Чечне такие самостоятельные.

Были потери – не у нас. Лучше об этом у нашего “большого доктора” Артименко Александра Яковлевича спросить: это его земляки – оренбуржцы – на фугасе недалеко от нас подорвались. Один у него на руках умер. По дороге в больницу. Больно было его видеть, когда они вернулись. Думаю, не обидится, если я скажу, что он плакал. Или что стакан спирта сразу “замахнул”. Нам всем тогда тошно было.

2001 год – с начала года ОМОН стоит в Грозном. В тот год впервые были проводы с оркестром и батюшкой. Я поехал в июле. Уезжали в день годовщины моей свадьбы, 29-го. Отца на следующий день инфаркт свалил. Второй за год. Мы в это время в Екатеринбурге “борта” на Моздок ждали. День сомнений – оставаться или лететь. Полетел. Удивитесь, но семья – мать и жена – так решила. У отца в 2001 году – две операции на сердце.

Что самое трудное в Грозном? Передвижения. Но об этом лучше спросить у тех, кто нас, командиров, возит. Мы-то с оружием в руках сидим, а у них – баранка, и не бросишь ее в случае чего.

Как ни банально звучит, но ОМОН – моя жизнь. Или – наша. Я здесь не один. Пусть нас немного, тех, кто с 93-94 года служат, но мы – костяк, на нас равняются. Руководство отряда полностью сменилось, и не раз, пожалуй, и не два. Командир – третий, заместитель командира – третий, начальник штаба – третий, заместитель по тылу – третий, по технике и вооружению – третий, по кадрам – четвертый, правда.

Что меня привлекает, если откровенно? Трудно сказать. Может, подобие армии – все-таки строевое подразделение. Скорее всего, это. Еще – здоровый дух какого-то братства, что ли. Как бы там ни было, когда живешь в одной палатке не день и не месяц – и о, чудо! конфликтов нет! – это дорогого стоит.

Работаем. Служим. Придумываем разные причины, иногда сами себя обманываем. Но – остаемся. Мы здесь – хозяева. Мы любим и умеем работать хорошо. За это можно многое отдать. И мы – отдаем. Себя, свое время, покой наших семей, часто – здоровье. Как, наверное, и многие другие в милиции.

Вячеслав ЯТЧЕНКО

ПРИВЕТ ИЗ ЧЕЧНИ...

(короткие записки омовца с комментариями и размышлениями, присланные из служебной командировки)

СНОВА ЗДРАВСТВУЙ, ГРОЗНЫЙ!

Не так уж давно мы не виделись, да и, честно говоря, не хотелось особенно, но ты, похоже, хочешь видеть нас сильнее, чем мы тебя.

Если излагать по порядку, то начинать надо с отъезда. Или даже с того момента, когда мы узнали о том, что едем в командировку после полугодового перерыва. Полгода без командировок, конечно, насмешка над самим «отдыхом», но нам выбирать не приходилось, бывало и похуже: когда нам показали тяжелыми пять командировок в 1999—2000 годах в Энгель-Юрте и Замай-Юрте Ножай-Юртовского района и мы попросили у МВД перерыв. Нам его дали на целых два (!) месяца и – «здравствуй снова, Грозный!».

Без дороги из дома нет дороги домой. И та и другая – приятные, каждая по-своему. Первая – потому что еще не командировка, вторая – потому что уже не командировка. А между ними – то, без чего этих дорог не бывает. Когда едешь туда, напряжение потихоньку начинает нарастать, обратно – начинает отпускать все то, что «наросло» за командировку. А за срок (очень подходящее название для этого временного промежутка) появляется многое. Так что, как ни парадоксально звучит, но похоже, что дорога домой тяжелее. Кто ездил хотя

бы тогда, когда «сроки» были два-три месяца, меня поймут. Ну, а пока что...

Отъезд 5 апреля. Непогода в дороге очень радует. Такую бы нам удачу как эта непогода. Дорога – без приключений. Ну не считать же приключением встречу на перроне в Пензе с пензенским ОМОНОм, которому мы позвонили из поезда сразу по отъезду. Пусть это были 22 минуты, но какие! Может, это именно то, что называют воинской, фронтовой, боевой дружбой? Да и как это называть иначе после того июня 2002 года, как наш отряд мчался через половину Грозного – по Старо-промысловскому шоссе, улице Маяковского, улице Жуковского к месту подрыва на фугасе пензенского ОМОНа? К месту подрыва мы приехали первые и единственные. И как наш «маленький» доктор «вытягивал» Серегу Решетникова из Пензы?..

Прибыли в Моздок. Нормальный для периода замены «бардачок». Переночевали на запасных путях в КомАрово. Именно так, а не КомарОво, - пояснили гордые осетины из отдела спецперевозок. Видимо, название происходит от совершившего что-то героическое комАра, а не от стаи голодных комаров. Кавказ, знаете ли... Тоже часть России, которую умом не понять, а уж аршином общим и вовсе не измерить...

Утром подали бронепоезд МВД «Козьма Минин» и (о чудо!) без всяких проблем – машины для имущества, несмотря на то, что вечером их еще не было.

Дневной тур по Чечне до пресловутого населенного пункта Ханкала. Маленький пересыльный городок для отъезжающих и заезжающих – несколько армейских взводных палаток, каждая на 30 человек. Переночевали – кто у костра, кто в кузовах бронированных «Уралов». Утром, «посвежевшие» от ночной температуры, – в Грозный. Уселись в «Уралы», поехали. Три часа на 300-м КПП на выезде из Ханкалы – и мы на прямой дороге.

Но никто не отменял юмор, то есть то, что в армии и Чечне называется приколами. Те, кто опытом побогаче, с деловитым видом стали натягивать на себя все, что было – бронезилеты, шлемы, разгрузки. Нет, конечно, и команда такая была, и здравый смысл опять же. Дело в том, как все это преподнести молодежи... Ну, наших, у кого по 8-12 командировок, учить не надо. Сам я не видел – в кабине ехал, но, говорят, проняло!

Не буду описывать, как именно, не так уж, в общем-то, и смешно... Одно дело, разговоры в течение трех суток в поезде, другое, когда все это – вокруг тебя. Сам когда-то в первый раз ездил, помню.

Базу мы приняли. Тут, в общем-то, прилично. Главное, подручного материала хоть отбавляй: жилой дом (бывший таким раньше), шкафы, тумбы, доски пола, понимаешь... Наши парни строить любят, было бы из чего. Из чего – было. А уж строить есть кому. Баню перестроили за 2 дня. Вернее, заново построили. Правильное решение. Наши предшественники ее соорудили практически под Минуткой – в одном из подземных переходов, прямо у забора. В темноте, хочешь, перелезай через него и бери в плен нас, беспорточных, хочешь, гранату туда кидай – все равно скатится. В общем, баня теперь что надо, как и положено.

Итак, снова в Грозный, в «резерв руководителя Главного управления Временной объединенной группировки отделов и подразделений МВД России в Чеченской Республике». Для непосвященных объясню реальный смысл слова «резерв»: наш отряд будет жить там, где ему прикажут, а не под боком у данного руководителя в Ханкале, и в любой момент ожидать нужной команды. А слово «резерв» вовсе не обозначает, что нас обеспечат приличным жильем, соответствующим уровнем коммунальных услуг, транспортом, наконец.

Грозный, как и прежде, стерегут и охраняют люди в серой и камуфляжной форме, несущие службу и живущие на этих многочисленных КП, КПП, блокпостах и тому подобных, разбросанных по городу там и сям, с какой-то претензией на систематичность. Я имею в виду – именно они, российские милиционеры, а не кто-то еще. Так что охраняет Грозный российская милиция во всем своем многообразии. И неспроста над расположением этих подразделений, живущих в основном в палатках, развалинах пятиэтажек, гаражных боксах, складских помещениях, землянках (за редкими, оговорюсь, исключениями), в ветреную погоду развевается наш российский триколор иногда вкупе с флагом региона.

ИСТОРИЯ, ДОСТОЙНАЯ ОТДЕЛЬНОГО ИЗЛОЖЕНИЯ

Ее либо красным шрифтом выделять, либо с картинками показывать. Казалось бы, ничего особенного, но получение продовольствия – одна из составных частей боеготовности. Не случайно в армии США 60 процентов собственно армии составляют подразделения обеспечения. И солдату непосредственно боевой части остается только взять то, что ему дает в руки интендант, скушать – и все. Можно, конечно, попросить, чтобы еще губы вытерли, но это уже несерьезно.

А у нас подразделение обеспечения – это старшина. Зовут его Верещагин. Не тот, который «наливай, чтобы все утонули». Последние годы за ним укрепляется прозвище «Краб». И не потому, что моряк. Но вам, как говорится, рано еще об этом. Потому, что аналогичные случаи были не только в прошлом году.

Значит, старшина. Всего один, а нас намного больше. Представляете, насколько мы были бы сильнее американцев, если взять штатную численность одинаковую!?

Продовольственные склады – это железнодорожные вагоны количеством около тридцати, стоящие на двух путях. Вдоль них идет фронтальная рокада. Для непосвященных, рокада – это дорога, устроенная специалистами дорожных частей инженерных войск исключительно для прохода танковых колонн. Танки – это машины, не боящиеся грязи (не путать с КамАЗами). Наш УАЗ хоть и бронированный, но не танк. И первое получение продуктов нам пришлось осуществлять после нескольких дней дождей. Дожди и Ханкала – это как две части бинарного оружия, то есть по отдельности – вполне безобидны, а при соединении вместе представляют собой серьезную угрозу. Итак, в результате этой порочной связи рождается грязь. Знаменитая ханкальская грязь, средоточие которой находится у продовольственных складов Южной базы. И наш УАЗ храбро едет по этой грязи, собирая из вагонов ящики, коробки, мешки, стеклянные и иные банки с продуктами. Диву даешься, как много мы едим. Что-то, а в командировках еще никто из нас не похудел и не голодал.

Еще одна тема для неспешного обсуждения в переоборудованной (вернее, построенной на пустом месте) курилке – кафе «Вдали от жен». Большинство из читающих вспомнят

это не раз горевшее заведение недалеко от въезда на территорию наших Голубых озер. Но те из вас, кто внимательно посмотрел бы на наших парней, увлеченно эту вывеску делающих, поняли бы, что главное здесь – не «от жен», а «вдали». А к «женам» можно бы еще добавить – детей, родителей, друзей...

План застройки нашего ППВД практически ежедневно меняется – то переносится баня, то устраивается курилка, то коптильня. Так и до самогонного аппарата недалеко. Но коптильня – серьезная заявка на успех. Еще бы, на весь отряд только командир и его заместитель (Ятченко да Гнатюк) – ненастоящие русские. Так что сало коптится вдумчиво и кропотливо. Поедается быстро и с удовольствием. Потому что его – мало. Его всегда мало... Но практически не едят его только Ятченко и Гнатюк. Наелись, наверное...

ТЕПЕРЬ – ПРОСТО О БЫТЕ

На первом этаже находится кухня, дежурная часть, командирская «квартира», в которой по традиции живут командир, его заместитель, доктор. На втором – три «кубрика» отделений. Поскольку дом был когда-то жилым, то кубрики представляют собой двухкомнатные квартиры с убранными стенами и отдельной кухней. В третьем отделении даже есть балкон, но предыдущие отряды ленились выносить мусор на помойку и сыпали его просто с балкона вниз. В результате высота кучи достигла практически второго этажа, и это вид с балкона немало портит, несмотря на то, что он и так не очень красив – разрушенные здания и т.д. Зато для крыс – полное раздолье – по ночам, а иногда и днем, разгораются буквально крысиные бои с боевым кличем, стонами раненых и командами старших крысона начальников. Иногда создается впечатление, что настоящие хозяева города – не чеченские легализовавшиеся «члены НВФ», а именно они – храбрые ночные разведчики. Отношение к ним разное. Кто-то их боится, кто-то – нет. В принципе, не такие уж они и страшные, хотя встречаются такие уродливые экземпляры, что – мама, не горюй: облезлые, без хвостов, больше похожие на кошек (по размеру). Особо трепетное к ним отношение у нашего «деда» Олега Валентиновича Зырянова, он в прямом и переносном смысле – самый

старший по возрасту и, соответственно, жизненному опыту и буквально дедом стал в августе 2004 года. У него с собой пневматический пистолет, с которым пристрастился ходить на охоту весь отряд. Еще у него же – расположенная неподалеку от туалета специальная палка, которой он при входе в помещение нашего галюна, обшитого металлическим профнастилом, бьет по стене. Чтобы, стало быть, крыс распугать. Перед этим он не спрашивает, находится ли кто внутри. Так что зашедшему туда справить нужду маленькую угрожает возможность неожиданно для самого себя сходить по-большому.

О БРАТЬЯХ МЕНЬШИХ

Расположение в некотором роде напоминает зверинец. Это не о крысах – они хоть делают вид, что прячутся. У нас живет около шести кошек. Потом их стало гораздо больше. Одна из них родила. Еще одна – собирается. Ходит к нам один черный кот, который кошек портит. Проникает через бойницы в стенах, которых предыдущие смены наделали чуть не сотню – все не заделаешь. У нас, конечно, еды и на большее количество животных хватит, но просто под ногами путаются. Миримся с этим. Всё веселее. Имен практически ни у кого из них нет. Только у одного из двух котят, которые родились буквально перед нашим заездом, имеется – Тигр. Видимо, потому что зверски пожирает крысят, которых доктор периодически ловит мышеловкой в нашей комнате. Особенно на сыр и сало – не дураки, однако.

Во дворе живут две собаки – старшая Мина (потому что Минутка) и младшая Сека (потому что секунда меньше минуты). Лично я обеих называю дурами, на мой взгляд, – наиболее точное определение их сущности. Но от посторонних двор охраняют четко – при появлении чужих – начинают блажить, как потерпевшие. Была еще одна – называли Нюркой – чистый стаффордширский терьер, но кто-то прибрал, похоже, ГИБДД на площади. Жаль, наши ее уже домой брать планировали.

Первый месяц командировки у молодых бойцов прошел под девизом «масса в опасности». В итоге опасности подверглись продукты, до полного уничтожения. Такого у нас еще не было – чтобы все полученные продукты были съедены, включая мас-

ло, которое не тает вне холодильника, и четыре ящика печенья. Воспользовавшись земляческими отношениями с представителями Южной продовольственной базы, в апреле мы получили вкусные продукты – консервированную ветчину, куриные грудки в желе, колбасу и т.д. В лучших традициях пребывания ОМОН в командировках мы раздали эти вкусности по отделениям (а не спрятали в чулан зам. по тылу или старшины). Банки съели сразу же – дней за пять-шесть. Включая внушительное количество шпротов и тунца в масле. И сгущенного молока тоже.

Особый успех у личного состава имеют продукты, приготовленные группой энтузиастов из полученного на базе – соленое и копченое сало, холодец, мясные рулеты, копченая рыба. Причем энтузиастов – два-три человека, а потребителей – все остальные.

9 МАЯ 2004 ГОДА. ГРОЗНЫЙ СТАДИОН «ДИНАМО»

О том, что мы поедем туда охранять общественный порядок, я узнал в Ханкале за два дня. 9 мая заходим на стадион, допытываюсь о сути нашей работы. Оказывается, будем стоять по периметру – две прямых и два поворота дорожки. Нормально. Глядя на стадион, размышляю, где бы встать. Если будут неприятности, они будут в массе местных жителей или представителей власти. Высших ее представителей. Значит – или общая трибуна, или гостевая. Соответственно, надо быть подальше, и это – дальняя от трибуны прямая. Туда и встаем, рассредоточившись примерно через 5 метров.

Не могу сказать, что взрыв был неожиданным. Подсознательно мы этого ждали. Первая мысль: при чем здесь пиротехнические эффекты? На секунду. Потом – дым, летящие фрагменты сразу непонятно чего. Пара секунд (как раз дослать патрон в патронник) и – канонада из автоматов со стороны трибуны. Пожалуй, больше мы испугались именно этого – беспорядочной стрельбы. Потом поблагодарил своих за то, что у всех хватило (или не хватило?) ума не стрелять. За то, что испугались – не стыдно. Страх был здоровым и рациональным. Попадали в траву, за бетонные блоки. Кто-то успел выдернуть с футбольного поля мечущихся ошалевших и ок-

ровавленных детей, зашвырнуть их за машины и только после этого спрятался сам. Кто-то упал и изгойвился к стрельбе. Все и всех не видели. И я в том числе.

Эта минута стрельбы показалась часом. Выстрелы стихли. Ожили двигатели машин. Начался крик. За 5-10 минут вывезли и вывели всех раненых и пострадавших. Умчались артисты и все гости праздника. Что есть жертвы, было ясно по характеру взрыва. Кто именно – узнали позже.

Обошли с доктором места расстановки бойцов. На побеленных стенах разрушенных спортзалов, у которых стояли, – красные кляксы от кирпичей, прилетевших от трибуны, и осколки величиной с кулак. Криво улыбнулись: повезло же, не задело никого. Мысль: не зря встали сзади, правильным был «пожарный расчет». У нижегородцев, что стояли у трибуны – трое раненых. Трое – потому что фотокорреспондент перед самым взрывом попросил отойти от VIP-ложи, чтобы не испортили картинку. Могло быть больше. Фотограф погиб сразу – он стоял лицом к взрыву.

Вячеслав ЯТЧЕНКО

БОЙЦАМ ОМОНА ПОСВЯЩАЮ

*Застыл «Руслан» на поле летном,
И рядом с ним - отряд ребят:
Бойцы ОМОНа ждут приказа,
Навстречу пулям полетят.
И вот - короткая команда,
Все заняли свои места.
Взревел мотор, готовый к старту,
Ясна задача, цель ясна.
И вновь внизу плывут равнины,
И вновь - сплошные облака,
А там - знакомые вершины.
Дорога будет нелегка.
Кавказ стоит глухой грядкою,
Как будто выстроен в редут.
Невзгоды парни встретят стоя,
Покой России сберегут.*

И. ЛУКАШОВ

МИРОТВОРЕЦ ИЗ КУРГАНА

В 1999 году была принята резолюция Совета безопасности ООН № 1422 о введении миротворческих сил в Косово, после вывода югославской армии, – для восстановления мира и поддержания порядка на Балканах. Президент России дал распоряжение Министерству внутренних дел направить 210 российских милиционеров в Косово. Главное управление кадров МВД подобрало кандидатов для командировки. Главными «параметрами» были – профессионализм и знание английского языка.

Из Кургана на службу в Косово был командирован Андрей Александрович Зайцев. Наш корреспондент беседует с ним.

– Очевидно, что вы по этому «параметру» проходили. Откуда такое хорошее знание языка, Андрей Александрович?

– В свое время я окончил Маслянскую среднюю школу в Шадринском районе, где получил первую хорошую подготовку. Тогда мое внимание к иностранному языку было обусловлено мечтой стать моряком, чтобы побывать в дальних странах. Правда, в школе у нас преподавали только немецкий язык, а английский я уже осваивал во Владивостокском мореходном училище. Там знание английского как языка международного общения было одним из самых жестких требований, и английский был одним из профилирующих предметов. Поступив на радиотехнический факультет, я попал в группу для на-

чинающих изучение английского языка. Чтобы продолжить учебу в училище, за первый семестр мы должны были достичь в изучении языка определенного уровня. Поэтому мне пришлось всерьез заниматься.

Поскольку был радистом, у нас была практика радиообменов, я постоянно должен был повышать свой языковой уровень. Этому помогали и общение по радиосвязи, и непосредственное общение с местными жителями при заходах в зарубежные порты. Ведь после окончания училища я пять лет проработал в Дальневосточном морском пароходстве, побывал во многих дальних странах. Так что моя детская мечта осуществилась. И морской романтики уже было вполне достаточно, тем более что я уже стал семейным человеком. Женился на своей однокласснице, то есть у нас обоих корни были в Зауралье, и мы решили вернуться на родину.

– И, став сухопутным человеком, не забросили занятия иностранным языком?

– К тому времени это стало моим настоящим хобби, которое, кстати, очень помогало еще в одном увлечении. Во время учебы в мореходке я стал заядлым радиолюбителем. А в радиолюбительстве без знания английского сложно.

Дополнительным стимулом к продолжению занятий языком стал и приезд в конце 90-х годов полицейских из американского города Эпплтона, побратима Кургана. Тогдашний начальник милиции общественной безопасности города Кургана Александр Николаевич Бушмакин попросил меня «поработать переводчиком», поскольку американцы изъявили желание не только пообщаться в кабинетах, но и поработать с нашими ребятами на патрульных машинах. Конечно, мой английский – это далеко не уровень профессионального переводчика, но моих знаний оказалось вполне достаточно, чтобы гости могли объясняться с инспекторами ГАИ, с нарядами патрульно-постовой службы. В общем, я еще раз убедился, что знание иностранного языка – очень необходимая в жизни вещь, если хочешь, чтобы границы этой жизни стали шире.

Примерно в это же время первая группа миротворцев начала работать в Боснии. И Министерство внутренних дел России формировало резерв для участия в миротворческих миссиях. Когда телеграмма об этом пришла в УВД Курганской

области, обо мне, уже попавшем в поле зрения после визита американцев, сразу вспомнили. Меня пригласили на тестирование в Главное управление кадров МВД. Там мое знание английского было оценено на «тройку» с плюсом, с мнением, что «есть неплохой потенциал для совершенствования языка». Меня включили в резерв, а затем я попал в число участников полицейской миротворческой миссии в Косово.

– *Андрей Александрович, у миротворческих вооруженных сил и у миротворцев-полицейских задачи одни и те же?*

– Это была первая полицейская миссия в чистом виде. Ведь после завершения бомбардировок, по условиям Совета безопасности ООН, была выведена не только югославская армия, но и югославская полиция, и осталось только гражданское население. А теперь представьте даже наш мирный Курган без милиции! И нам пришлось заново создавать районные отделы полиции – там они называются «police-station», или полицейские участки, полицейские станции, и организовывать их работу. Была также открыта «школа полиции», в которой мы должны были передать первые служебные навыки вновь набранным местным полицейским. Нам сразу сказали: мы вызывали полицейских, вы будете обеспечивать порядок и передавать опыт, но по стандартам ООН, в соответствии с требованиями о соблюдении прав человека.

– *Эти стандарты сильно отличались от правил привычной милицейской службы в России?*

– Абсолютно не отличались. И при несении милицейской службы, как это записано и в ооновских стандартах, применение физической силы, а тем более оружия, допускается только в крайних случаях, когда иными способами нельзя пресечь тяжкое преступление, направленное против здоровья или жизни человека.

На полицейской станции № 3, где я работал, нас было пятнадцать человек из разных стран. Оказалось, что суть полицейской службы везде одинакова. Это было, пожалуй, самым первым и самым важным открытием, потому что очень помогло в дальнейшей работе. А она оказалась достаточно сложной. Во-первых, первая командировка вместо предполагаемых шести месяцев длилась целый год. Мы прибыли в Косово 3 августа 1999 года – первые 100 человек из 210 – это офи-

церский состав со знанием английского языка; остальные 110 должны были быть наши омовцы, которые стали бы охранять объекты, работать на блокпостах, контролировать соблюдение паспортного режима и т.п. На них требование знания английского не распространялось. Наши омовцы должны были прибыть в конце августа. Но 6 августа началась вторая чеченская война. И вместо 100 мы встретили только 35 человек из нижегородского ОМОНа. Укомплектовывать группу пришлось из тех милиционеров, которые владеют английским языком, то есть из тех, кто должен был нас заменить через полгода. Не набрать свою квоту Россия просто не могла – это же очень сказалось бы на ее международном престиже. Поэтому спустя шесть месяцев замены не произошло, и мне продлили командировку еще на полгода.

– *В течение этого года случались те самые “крайние ситуации”, когда приходится применять оружие?*

– К счастью, я оказывался только в ситуациях, когда достаточно было только достать и показать оружие. При обычном патрулировании мы всегда ощущали прикрытие «кейфора»4 – «Kosovo Force», косовские вооруженные силы. Обычно на патрулирование выходили четыре человека: два полицейских и два солдата. Если встречали подозрительного человека или транспорт, останавливали, обыскивали. Автоматы у солдат и бронетранспортер, следующий за нами, – это хорошие аргументы в пользу того, что нашим требованиям лучше подчиниться.

– *Андрей Александрович, а не было мысли отказаться от такой опасной командировки?*

– Честно скажу: были сомнения. Сначала, когда я прошел все тесты, конечно, гордился, что я первый из Курганской области буду представлять Россию в полицейской миротворческой миссии на Балканах. Но уже когда началась подготовка, а тем более когда сообщили, что мы едем с оружием, конечно, появилась тревога: ведь если тебе выдают оружие, есть вероятность, что его придется применить. К тому же вооруженный человек становится объектом недоброжелательного внимания, а порой и преступления. Поэтому это был шок и для меня, и для семьи.

И в первую командировку я ехал с мрачными мыслями. Но

отказаться – такого даже в голову не приходило!

– *Что оказалось самым сложным?*

– Языковая адаптация. Конечно, я прошел тесты в Министерстве внутренних дел России. И по нашим стандартам я языком владею, могу нести службу, вести допросы, оформлять документы. Но по прибытии в Приштину нам предстояло сдавать экзамен комиссии ООН: по языку, вождению джипа, стрельбе. И в Министерстве внутренних дел России нас предупредили: мы вас отобрали, но если вы хотя бы один экзамен не сдадите этой комиссии, вы возвращаетесь домой за счет родного Министерства, которое встречает тебя и «благодарит»: дескать, спасибо, дорогой, за то, что ты съездил за границу за казенный счет и провалился. То есть ко всем другим тревогам добавлялось еще переживание за это: милиционеры – люди ответственные, и никому не хотелось подводить своих руководителей и коллег. К счастью, россияне выдержали этот экзамен без потерь, хотя он был достаточно сложный: четыре различных теста, предполагающих достаточно высокий уровень языковой подготовки.

На инструктаже, где нас знакомили с оперативной обстановкой, ставили задачи, я понял только половину из того, что говорил старший смены. Конечно, первой мыслью было: как же я буду работать?! Надо же было общаться с напарником. Все вроде бы говорили на английском, но он совершенно по-разному звучит в устах ирландца или пакистанца. Предстояло по очереди с напарником и водить автомобиль по совершенно незнакомой пока местности, значит, нужно было постоянно читать карту и поддерживать радиосвязь. А также понимать и исполнять команды и своих коллег-полицейских, и иностранных военных. Конечно, психологическое напряжение было очень высоким. Это длилось месяц-два. В процессе живого общения и проходила языковая адаптация.

Второй сложный момент – неприкрытая агрессивность местного населения по отношению к россиянам. Среди албанцев существовало убеждение, что «Россия любит сербов», что мы за тем и пришли, чтобы их защищать. Тем более незадолго до этого произошел знаменитый марш-бросок Российской Армии в Приштину, и у населения поначалу было опасение, что все будет примерно так, как в свое время случилось в Че-

хословакии. Морально было очень тяжело. Приезжаем на место происшествия, например, по поводу элементарной кражи, с моим коллегой-испанцем. С ним общаются, а со мной на контакт не идут. И изо дня в день приходилось показывать, что на рукаве у меня – эмблема ООН, что на голове у меня – голубой берет миротворческих сил, доказывать, что и россияне прибыли в Косово в составе миссии ООН для поддержания мира и охраны правопорядка. И никаких иных целей мы не преследуем. Со временем отношение местного населения к нам изменилось, поскольку люди смогли воочию убедиться, что я, российский офицер, совершенно одинаково реагирую на правонарушение и со стороны серба, и со стороны албанца. Если случалось какое-то происшествие, мы не выясняли национальности, просто задерживали подозреваемого. И постепенно недоверие к русским полицейским исчезло.

– *Какие происшествия случались наиболее часто?*

– Наверное, больше запомнились происшествия, необычные с точки зрения курганской милиции. Я имею в виду физическое уничтожение людей. Например, нередко обстреливали дома, в которых еще оставались сербы: либо из автомата по окнам, либо забрасывали гранатами. Случались такие действия и по отношению к албанцам, но гораздо реже: один случай из десяти...

На все подобные происшествия вызывали полицейских. Мы вставали в оцепление, опрашивали свидетелей. Очень тяжело было видеть раненых и даже не пострадавших, но очень испуганных людей, стену, прошитую очередью из автомата Калашникова, неразорвавшуюся гранату вблизи детской кроватки. Был у меня такой случай. С напарником – полицейским из Египта – мы только заступили на вечернее дежурство. И где-то буквально в 100 метрах от нас обстреляли из автомата Калашникова сербский дом. Даже было такое ощущение, что стреляют в нашу сторону. От дома на бешеной скорости мчится автомобиль, который мы начинаем преследовать, предварительно по радиации вызвав «KFog», о которых я уже говорил. Надо отдать должное моему напарнику – он выжал из нашего джипа все возможное, и машину, в которой оказались двое молодых албанцев, мы прижали. А они приветливо так улыбаются: “Что случилось? Сирена? Нет, сирену мы не слышали.

Стреляли? Мы не слышали"... В результате досмотра мы ничего не обнаружили: как потом выяснилось, автомат они выбросили, но мы этого в гонке не заметили. Пришлось ограничиться тем, что записали номер машины, проверили документы и предупредили, что при необходимости пригласим их в полицейский участок.

Я и мой товарищ из Чувашии Сергей Демьянов

– А случилось, что вам оказывали открытое сопротивление?

– К счастью, нет. Но в самом начале службы произошел такой случай. Вечером, когда я уже вернулся с работы, вблизи дома, где я жил, началась стрельба. Вместе с моим соседом хватаем оружие, набрасываем форму – ношение формы вне дома было обязательным требованием, иначе могли бы расстрелять те же солдаты. Кстати, я имел возможность убедиться, как профессионально они действуют: при любом подозрении выламывают двери, стреляют без предупреждения. То есть солдаты действовали как солдаты: если они не выстрелят первыми, они могут не успеть увернуться от той же гранаты. И за прошедшее время, видимо, местное население это

успело прочувствовать.

– Андрей Александрович, та напряженность, которая всегда присутствует в «горячих точках», сохранялась на протяжении всей вашей командировки?

– Она снижалась по мере того, как прибывали международные полицейские силы, квоты которых комплектовали более 40 стран.

Мой порядковый номер – 437-й, то есть наша довольно большая группа прибыла одной из первых, за нами – тоже достаточно большой американский контингент. Но были группы и из пяти человек. Полиции становилось все больше, открывались новые полицейские станции, увеличивалось число патрулей. И обстановка постепенно нормализовалась.

Объявлялись амнистии. На первом этапе, в конце сентября, гражданским лицам было запрещено появляться в камуфляже. Предупредили: нарушители будут задерживаться, камуфляж изыматься, виновные наказываться. Затем было предложено до конца октября добровольно сдать оружие. После истечения указанного срока полицейские уже проводили массовые досмотры с принятием соответствующих мер. Возможно, в результате этих мер или потому, что народ «впал в зимнюю спячку», к концу года наступило относительное затишье. Но весна принесла новый всплеск преступности. Опять начались и минная война, и обстрелы из автоматов, и взрывы гранат. А в августе уже закончился срок моей командировки (напомню, что за выполнение своих обязанностей Андрей Зайцев был награжден медалью ООН «За поддержание мира»).

– Что было самым памятным в этой командировке?

– Репортажи по телевидению не могут передать того, что происходит в этом крае. Это можно почувствовать только на месте, при непосредственном общении с местными жителями. Беседует, например, журналист с сербами – они неопределенно так говорят: да, югославские военные вели себя здесь не очень хорошо. Албанцы же однозначно заявляют: сербы нас ни во что не ставили, пытались уничтожить. Но при постоянном непосредственном общении люди становятся более открытыми. И сербы сопротивлялись, и наши военные перегнули палку: были и расстрелы, и «чистки». Но в то же время другой серб рассказывает: албанские партизаны расстреляли

всю семью, потому что его брат служил в полиции. То есть даже я, пробыв там целый год, не могу однозначно сказать, что кто-то – сербов или албанцев – обидели больше. Во всем, как всегда это бывает, виноваты политики, а простым людям и с той, и с другой стороны досталось. Я, например, жил в доме сербов, которые очень дружили со своими соседями-албанцами, их дома разделял только небольшой забор. Когда начался вывод югославской армии, войска проходили мимо этого места. Военные остановились неподалеку на привал. В один из вечеров, подвыпив, солдаты открыли огонь по дому албанцев. Ведь албанские дома – приметные, сильно отличаются от сербских. Их окружает высокий глухой забор из кирпича. А вокруг сербского дома по соседству – только низкая оградка, часто декоративная. После этого инцидента албанец пришел к соседу-сербу, попрощался и ночью уехал вместе со своей большой семьей: как правило, у албанцев много детей. То есть совершенно необъяснимая с точки зрения здравого смысла стрельба солдат навсегда разделила людей, много лет проживших друзьями рядом.

Самым же важным для меня открытием было то, что во всех уголках земного шара живут люди, выполняющие те же функции, решающие те же проблемы, что и мы, российские милиционеры. Поэтому, несмотря на национальные и религиозные различия участников нашей миссии, «полицейское братство» помогало выполнять поставленные ООН задачи. У меня появились настоящие друзья. Например, Ахмад из Каира – тот самый полицейский, с которым мы вместе преследовали «стрелков». Расставаясь, обменялись телефонами, адресами, и будь такая временная и финансовая возможность, обязательно побывали бы друг у друга. И дороже не было бы гостя.

Мы очень похожи. Все одинаково скучали по своим семьям. И методы работы в общем-то у нас одинаковые. И еще могу определенно сказать, что рейтинг российских милиционеров довольно высок, потому что нам в России приходится работать, с одной стороны, в гораздо более сложной криминогенной обстановке, чем нашим зарубежным коллегам, а с другой – в условиях очень низкого уровня материально-технического обеспечения. Когда мы только прибыли в Косово, полиция там полностью отсутствовала, и мы работали в режиме нашего российского участкового, который должен быть и криминалистом, и сле-

дователем, и опером уголовного розыска, и работником ГИБДД, чтобы сразу выстроить какие-то версии. Благодаря этой универсальности не было ситуаций, в которых бы мы растерялись. Как я уже говорил, нам приходилось выезжать на такие происшествия, как неразорвавшаяся граната или обнаруженная мина. Что-либо предпринять мы не могли – это было функцией армии. Но в отличие от наших многих коллег из других стран мы не испытывали страха в таких ситуациях, даже могли дать дельный совет. Как-то мне пришлось выехать на дорожно-транспортное происшествие. Я опросил свидетелей, нарисовал схему места происшествия. Поскольку рулетки у меня не было, расстояние вымерял привычным для нас способом – шагами. Когда приехали коллеги из дежурной части, все документы, все протоколы были готовы, осталось делу только номер присвоить. Мою работу оценили как «супер». И все спрашивали, не работаю ли я в дорожной полиции?

– *Андрей Александрович, а как случилась ваша вторая командировка?*

– Вторая командировка началась 25 сентября 2003 года, спустя ровно три года после первой. После ее окончания я остался в действующем резерве МВД Российской Федерации: все-таки сотрудников, имеющих опыт подобной работы, не так много. Потребовалась плановая замена, и я снова был направлен в Косово в составе группы из тринадцати человек, из которых шестеро – уже во второй раз. Было очень приятно встретиться с парнем, с которым мы вместе были в первой командировке. Честно скажу, что главный мотив нынешней командировки материальный: дочка – студентка, в этом году школу заканчивает и сын, на их обучение нужны деньги.

Первая командировка, конечно, добавила седых волос моей супруге. Ведь связь отсутствовала почти полностью. Можно было при случае, когда работали с «кейфоровцами», воспользоваться их спутниковой связью. Во всех штаб-квартирах была Интернет-связь, и когда я там оказывался, также имел возможность отправить семье небольшое сообщение по Интернету и таким же способом получить ответ от близких. То есть жили мы от одной случайной весточки до другой. И это было самым сложным: неизвестность и ожидание вестей. Но, как получается, нет худа без добра: моя семья сейчас достаточно «продвинутая» в пла-

не владения компьютером. Они сразу же установили модем, и я все сообщения отправлял прямо домой.

Теперь же совсем иное дело. В Косово создана разветвленная система связи, и я могу по сотовому телефону в любое время из любого места пообщаться с семьей, и самого тяжелого для нее – долгого ожидания вестей – в этот раз нет.

Вообще, нынешняя командировка протекает совсем по-другому: за три года я еще не успел забыть язык, служу снова в Приштине, то есть в знакомой местности. И по всему краю, вплоть до границы с Албанией, Болгарией, Македонией, создана обширная сеть полицейских станций. Уже во время моей первой командировки состоялись два выпуска полицейских, подготовленных из местного населения. А сейчас их уже свыше 6000. И работать, конечно, стало легче. Одно дело, когда на происшествие прибывают только иностранцы, работающие с переводчиком, и совсем другое – когда напарник из местных. Люди охотнее идут на контакт, больше доверяют.

Поэтому сейчас идет планомерное сокращение иностранного полицейского контингента. И, как нам сказали, с 1 января 2004 года произойдет сокращение еще на 30 процентов.

– Какова ситуация сейчас? По-прежнему ли ощущается война?

– Самое первое впечатление нынешней поездки – везде полиция, то есть плотность полицейских нарядов соответствует и полицейским нормам, и правилам ООН. На полицейских станциях руководители – албанцы, а представители ООН выполняют только функции наблюдателей. Албанцы, можно сказать, берут власть в свои руки.

– А как на это реагируют сербы?

– По статистике, за время известных событий более 1500 сербов убиты или исчезли, то есть вытеснение сербов действительно имеет место. Второй по величине город Митровица разделен рекой на две части. Северная заселена сербами, их там компактно проживает несколько тысяч, а на другой стороне живут албанцы. В Приштине сербов сейчас нет. Многие стали беженцами: кто уехал в Сербию, кто в Грачаницу. Мирного сотрудничества не получается: «сначала вы были у власти, теперь мы – у власти». Ситуация повторяется. И не исключено, что недовольство, зреющее в среде сербов, может

привести к еще одному этническому взрыву в этом крае. По крайней мере, мы, международные полицейские, об этом говорим: мы уйдем, и война здесь снова вполне вероятна. Но при этом сокращается и численность «KFor».

В этот раз я живу в албанском доме. С хозяевами мне повезло. Это молодые современные албанцы: хозяин – выпускник университета в Тиране, много лет работал в Англии, его жена – учитель английского языка. Они уже абсолютные европейцы. Разговаривают на английском, иногда на сербском. У меня с ними нормальные дружеские отношения.

– Андрей Александрович, как удалось заработать рождественский отпуск?

– Работа международной полицейской миссии строится следующим образом. Режим работы, как и в нашей милиции, круглосуточный. Смена длится восемь часов. Но там еще такое правило: 30 суток работаешь без выходных, затем получаешь право на 6 дней так называемой компенсации: будет такая возможность, тебе их предоставят. В первую миссию я работал без выходных 50 суток, но все равно имел право только на 6 дней компенсации. Но что успеешь за шесть дней? Поэтому разрешили так: работаешь 60 дней – 30 плюс 30, получаешь компенсацию 12 дней. Это максимум. Такая возможность появилась и у меня, да еще под Новый год. Командир нашего небольшого подразделения принял решение, что трое могут провести этот праздник в кругу семьи. 23 декабря уехал встречать Рождество на родину американец, 25-го – грек, 27-го – я. Из-за тумана сутки потерял в Софии, но к Новому году все-таки успел: в 0 часов 31 декабря приехал в Курган.

– То есть на этот раз ваша служба почти мирная – вот отпуск дали?

– Изменилось действительно многое. В том числе и на бытовом уровне. Если в первую миссию случалось неделями умываться водой из пластиковой бутылки, сейчас же водоснабжение круглосуточное. Что касается электричества, случаются веерные отключения на 1-3 часа. Работает торговля. Работает национальный албанский театр. Есть кинотеатр, масса увеселительных заведений: кафе, рестораны. Но я – человек домашний и нерабочее время люблю проводить дома, даже если я далеко от семьи. На сэкономленные командировоч-

ные купил переносной компьютер и теперь практически все свободное время провожу около него. Да и не так уж много этого свободного времени, потому что немало его отнимают чисто бытовые проблемы: иногда я себя балую домашними обедами, сам привожу в порядок форму, навожу чистоту в квартире. Но иногда с коллегами ходим друг к другу в гости.

И семья в этот раз чувствует себя спокойнее. Как у меня произошла адаптация языковая, так у жены – адаптация к разлуке. Да и звоню теперь через день, никаких проблем с Интернетом – он есть на каждой полицейской станции. Выдастся свободная минутка – посылаю сообщение: как себя чувствую в данную минуту, в какую смену работаю. Наверное, в самом деле, служба больше приближена к мирной. Хотя в августе прошлого года, за месяц до нашего прибытия, в засаду попала машина международного полицейского контингента – полицейский из Индии был убит, англичанин ранен, но выжил. Месяц назад в оперативных сводках сообщалось о том, что обстреляли машину с полицейскими-албанцами. Как выяснилось, это уже начались местные разборки криминала и полиции: погибшие, среди которых была женщина-следователь, вели какое-то громкое дело. И еще один случай был буквально перед моим отъездом. Полицейский-грек обнаружил, что его машина заминирована, заметил вовремя, и обошлось без жертв. Мы связываем это с тем, что он работает в таможене – это тоже одна из функций международных полицейских. Кого-то они задержали за контрабанду, и греку так отомстили.

Опасность нынешней ситуации в том, что на руках у населения осталось оружие – тысячи стволов. Народ вооружен очень крепко. Однако полиция работает в нормальном режиме, и по сравнению с первой командировкой я все-таки чувствую себя абсолютно комфортно. Российский флаг уже никого не раздражает. Много местной полиции, и ее сотрудники смотрят на нас, как на помощников, а не на ведущих. И нередко уже обходятся и без нас.

Я сейчас работаю в эскорте: сопровождаю арестованных – это пока местным полицейским не доверяют.

Вообще признаюсь: горжусь, что я – первый миротворец из Кургана, что мне даже доверили быть членом комиссии по приему экзаменов на знание русского языка у миротворцев

других национальностей. Об этом свидетельствует благодарственное письмо от ООН, которое я и держу в руках.

Теперь-то нас уже двое. Насколько я знаю, в середине прошлого года из Косово вернулся мой коллега из Петуховского РОВД, но, к сожалению, я не смог с ним увидеться.

Прощаясь, Андрей Зайцев пожелал молодым коллегам изучать языки и почаще «засвечиваться». И тогда появится много возможностей проявиться и в такой «непрестижной» милицмейской профессии.

P.S. А недавно мы получили от Андрея Зайцева электронное письмо: «Шлю вам горячий балканский привет из Косово. 11 января я благополучно добрался до Приштины и 12-го уже приступил к исполнению служебных обязанностей. Погода балует нас теплом, но идут дожди. Но на криминогенную ситуацию погода не повлияла. Обстановка нормальная.

Желаю вам всего наилучшего и до встречи в Кургане”
До встречи, Андрей!

(газета “Курган и курганцы”, февраль, 2004 г.)

ДЕЛО ЖИЗНИ НИКОЛАЯ ЧИСТОУСОВА

Главное в нашей службе – добросовестно относиться к своим обязанностям, – так ответил Николай Михайлович Чистоусов на вопрос, какие главные качества должны быть у сотрудника уголовного розыска.

Какими только эпитетами не наградило Николая Михайловича Чистоусова руководство межрайонного отдела по раскрытию умышленных убийств, характеризуя его. Честное слово, даже завидно стало. Умный, отзывчивый к чужой беде и боли, тактичный, внимательный, аккуратный, честный, порядочный, настоящий... – вот лишь малая толика из того набора добрых слов, что прозвучали в его адрес.

В уголовный розыск Николай Михайлович пришел, как принято говорить, по велению сердца. Об этой службе мечтал с детства. Об уголовном розыске знал многое из книжек да по рассказам отцовских друзей-милиционеров. Но знаете, настоящая сыскная работа – в большей части своей каждодневная рутина, а рискованные задержания опасных преступников, пальба из пистолета, головокружительные прыжки на крышу мчащегося автомобиля – в большей части своей литературные изыски создателей популярных детективов. Хотя, конечно, за десять лет службы и у Николая были опасные ситуации.

В 1993 году, после службы в армии, пришел Чистоусов в УВД города Кургана – осуществлять детскую свою мечту. Встре-

тили его приветливо. Виктор Фадеевич Быстров, бывший в ту пору начальником городской службы криминальной милиции, рассказал вчерашнему десантнику о всех «прелестях» сыска, ничего не приукрашивая. Но это только раззадорило Николая, и Виктору Фадеевичу ничего другого не оставалось, как дать команду кадровикам оформить Чистоусова на службу.

Так в отделении по борьбе с серийными кражами появился новый сотрудник. До сих пор помнит Чистоусов свой первый рабочий день, во время которого произошло и первое задержание преступника. Это, тогда еще непривычное для начинающего сыщика дело прошло как нельзя буднично: приехали к подозреваемому в совершении краж мужчине, предъявили ордер, сказали, что арестован. Тот безропотно пошел с милиционерами. Просто, тихо, спокойно. Теперь-то, конечно, на счету Николая немало самых разных эпизодов из бурной жизни оперативника: и смешных, и трагических, впрочем, как и у любого сыщика.

Азам оперативной службы Чистоусов учился у опытных наставников Владимира Ивановича Глазунова и начальника отделения Александра Николаевича Клементьева. Служба заладилась сразу – природжденные способности к сыску оказались у Николая Михайловича, а главное – набор необходимых сотруднику уголовного розыска человеческих качеств: доброта, умение в каждом подозреваемом видеть человека, вызвать его на откровение, даже помочь в чем-то, если это требуется. Результаты не замедлили сказаться: молодой оперативник стал обладать столь необходимой в их деле информацией, чтобы раскрывать преступления. С улыбкой вспоминает сегодня Чистоусов о своей первой награде за службу.

3 августа 1993 года (даже дата помнится до сих пор) сотрудники отделения отправились на задержание квартирного вора. «Достал» их уже этот «домушник», действовавший с помощью отмычек. Пока вычислили его, успел совершить более 50 краж.

– Приезжаем, заходим, – рассказывает Чистоусов, – мать подозреваемого спокойно говорит, что сына нет дома. Здесь же по комнатам расхаживает собака, следя за каждым нашим движением. Но нас на мякине не проведешь – нутром чуем фальшь. Не спеша прошлись по квартире, потом заглянули

под диван: вот он, голубчик, притаился, не дышит...

Спустя четыре года в управлении уголовного розыска УВД начал создаваться «убойный» отдел, который возглавил Игорь Николаевич Ермолаев. А так как работе этого отдела придавалось большое значение, Игорю Николаевичу разрешено было отбирать достойные кадры. Основным упор начальник сделал на молодых сыщиков. В числе приглашенных оказался и Чистоусов. За пять лет службы в этом подразделении он ни разу не пожалел о том, что перешел сюда. Трудная, беспокойная, но очень интересная теперь у него служба, хотя постоянно в разъездах: сегодня – Шадринск, завтра – дальше село в Частоозерском районе. Как правило, дела приходится распутывать самые сложные, бытовыми пьяными разборками здесь не пахнет.

Коллектив отдела, по мнению Николая, – сильный, сплоченный, дружный. Чистоусов о своих заслугах говорить не любит, а вот о коллективе – это пожалуйста. Чувствуется, что здесь у Николая словно вторая семья. Да, наверно, так оно и есть. За пять лет отдел покинули лишь двое сотрудников, и то не по собственному желанию – подчинились приказу. Каждый из членов этого небольшого коллектива очень дорожит службой и менять ее не собирается. Были и Чистоусову интересные предложения в другие службы – материально в выигрыше... Отказался.

– Мы здесь – как одна семья. Вместе служим, вместе отдыхаем. Сюда приходим со всеми своими проблемами, знаем, что друзья помогут их решить. У нас не надо никого просить о помощи: если у тебя беда – ребята бросят все личные дела, но помогут. Недавно был такой случай: кража в квартире одного из сотрудников. Самое главное, ребят никто ни о чем не просил, не заставлял это делать – каждый сам решил, что человеку надо помочь, и подключил свои оперативные каналы. Через сутки кражу раскрыли.

Настрой на службу у Чистоусова самый серьезный. Родители это хорошо понимают, и хоть бывает он дома чрезвычайно редко, но упреков в свой адрес от них не слышал. Знают близкие, как предан он делу. В прошлом году состоялся первый выпуск заочного факультета Уральского юридического института – среди его выпускников и Николай Михайлович Чи-

стоусов. Помогли ли в работе сыщику полученные в институте знания? Что за вопрос, ведь теория еще никогда не мешала практике.

За последние десять лет Николаю Михайловичу трижды довелось побывать в так называемых “горячих точках”. В первый раз попал туда еще в составе армейского подразделения, во время конфликта между Грузией и Южной Осетией. И сейчас помнит Чистоусов свой первый настоящий бой в городе Цхинвали. Едва только въехали солдаты в город – разгорелось столкновение на мосту. Тут уж смотри, десантник, в оба.

Полгода провели в горах – снимали мины, освобождали заложников, ликвидировали бандформирования. Потом уже, в Кургане, вручили ему прямо на центральной площади, на виду у тысяч горожан – орден «За личное мужество».

Во второй раз был во Владикавказе, в 96-м, третья его командировка – летом 2000 года. Задачи перед группой были непростые: выявление и ликвидация лидеров бандформирований.

– Для меня карьера не главное, и запросто откажусь от любой должности вне нашего подразделения. Точно также и другие ребята – ведь многим делали заманчивые предложения. Лично я намерен служить здесь до пенсии, не меньше, – лукаво улыбается Николай Михайлович.

На неширокой курганской улочке стоит обычная с виду пятиэтажка. Прочитаешь табличку на входных дверях ее, и немножко не по себе становится: «Межрайонный отдел по раскрытию умышленных убийств». Но именно здесь, в «убойном» отделе можно встретить сразу так много умных, добрых, тактичных, внимательных – короче, лучших на свете мужчин.

Людмила ПЫЛЬНЕВА

ЭТО НАШЕЙ ИСТОРИИ СТРОКИ

Александр Леонидович Агеев во время нашего разговора был очень занят. Он, как помощник командира батальона по материально-техническому снабжению, готовил наших ребят к отправке в Чечню. Такие поездки стали, к сожалению, уже будничной реальностью.

– Некогда мне с вами разговаривать, – отмахивался майор милиции. – Нужны еще запчасти на машины. В Чечню отправляется наш автобус и три “шестерки”. Сопровождать колонну будет еще одна машина, так что запчасти нужно доставать, а не разговоры разговаривать, дорога неблизкая.

Александр Леонидович знает, что такое зона вооруженного конфликта не понаслышке. В 1992 году Агеев был в Северной Осетии на условной границе с Ингушетией. Участвовал в операциях по изъятию у населения оружия.

– Как им не вооружиться, ведь кругом пепелище. Помню, за один заход мы изымали у населения по 5-6 гранат, пистолеты. В таких операциях действовали вместе с ОМОНОм и внутренними войсками. Основная работа была на блокпостах, где проверяли транспорт. Пресекали контрабанду. Они ведь в Россию спирт везли, а от нас бензин вывозили.

Очередной звонок прервал наш разговор. Что ж, ребята отправляются на войну. Дело не ждет. И Александр Агеев вновь поспешил по своим делам. Хоть и седина уже пробивается, а все, как прежде, подвижный, улыбчивый. В 1985 году он был награжден медалью “За отличную службу по охране общественного порядка”. В ГИБДД есть кем гордиться...

БОЕВОЙ АЛЬБОМ

Георгий Валентинович Девяшин службе в ГАИ “подарил” большую часть своей жизни. Может быть, поэтому его альбом с фотографиями хранит множество уникальных снимков. Почти каждый – не просто эпизод его жизни, это история батальона, история службы.

– Вот этот снимок сделан в Армении. В Спитаке. Жутко вспоминать. От города остались одни развалины. А это наша групп-

па, – показывает Девяшин на молодые лица ребят. – Саша Корболин, Сергей Бантиков, Володя Иванов, Саша Бацин. Там наша задача заключалась в организации дорожного движения и наведении общественного порядка. Не простое это дело в незнакомом краю организовать. А на этой фотографии наши палатки, где мы жили. Это все в Спитаке.

А эта вот фотография из Осетии. Видите, 1992 годом помечена. Вот я, вот Юра Васенев, Саша Багрецов, Андрей Стенников, Вячеслав Васильев. Там мы были месяц. Почти сутками работали. Без выходных. Стояли на границе между Северной Осетией и Ингушетией. Проверяли проходящий транспорт, досматривали его на предмет провоза оружия.

Смотрите, а вот так выглядел наш блокпост, наложены блоки железобетонные и все. Крыша где? Да какая там крыша...

Потом направили нашу группу в Ингушетию, в станицу Слепновская, где был большой аэропорт. Там опять на дороге стояли круглыми сутками. Вымотались полностью. Не дни, а часы считали, когда домой поедем.

– Нет, – улыбается Георгий Валентинович на мой вопрос. – Это не шлагбаум, это ствол танка. Вот он, танк, стоит. Но им и как шлагбаумом пользоваться не раз приходилось. Надо дорогу перекрыть – военные башню поворачивают, движение перекрывается.

Много в памяти у Георгия Валентиновича разных рассказов – и веселых, и грустных. За долгую службу всякого перевидал. В ГАИ Девяшин – с 1975 года. Быстро познакомился и подружился с людьми. Вместе и на службу, и на рыбалку, и по грибы.

Через два года после прихода в ГАИ весь батальон гулял на его свадьбе с инспектором Галей Сыровой. До сих пор вспоминают, как на десяти “Волгах” приехали они к родителям Георгия Валентиновича в деревню Старо-Першино Мокроусовского района. Там и погуляли на славу.

Вскоре началось и его продвижение по службе: назначили старшим инспектором, чуть погодя – командиром взвода, потом командиром роты, а с 1997 года Георгий Валентинович начальник штаба. Сын Девяшиных – Сергей пошел по стопам отца, Сергей служит в ГАИ инспектором по розыску. Дочь учится в Курганском университете на отделении организации дорожного движения. Так что получилась целая династия организаторов дорожного движения.

ОБЫКНОВЕННАЯ РАБОТА

Валерий Васильевич Плюхин, заместитель командира роты в батальоне ГАИ. В Нагорном Карабахе побывал два раза. Когда возник конфликт армян с азербайджанцами, Валерий учился в специальной школе ГАИ, в Краснодарском крае. Оттуда его и командировали в зону конфликта. Служебная командировка длилась три месяца.

В городе Кировабаде стояли на мосту 200 курсантов и 200 десантников, пытались удержать от драки разъяренные националистически настроенные группировки. До применения оружия дело тогда еще не дошло, поэтому усмирители были «вооружены» что те, что другие “до зубов”: одни резиновыми палками, а другие саперными лопатками. Вся защита — каски да бронежилеты. А разъяренная толпа теснила их днем и ночью. Тогда еще не было войны, а жертвы были. На мосту были убиты толпой шесть курсантов и двое десантников.

Через какое-то время их перебросили в город Шеки. Прибыли они туда ночью, а рано утром райотдел, где расположились, националисты подожгли.

Воспоминания Валерия Васильевича Плюхина о Карабахе малоприятны. В ту ночь они еле выжили. Пылало со всех сторон. От копоти все стали грязные как черти, многие уже задыхались в дыму. Тогда ребята самовольно взломали оружейку и вооружились. Местная милиция считала их захватчиками и помощи не оказывала ни в чем. До сих пор удивляются, как

выжили в ту ночь.

В 1990-м году снова пришлось побывать в Карабахе, в составе оперативно-следственной бригады. Вместе с Плюхиным в этой командировке были Александр Корболин и Юрий Анциферов.

Валерий в подробности командировки не вдается, отмахивается.

— Да, обычная работа была, охрана общественного порядка, разве только с оружием. Правда, в голове в то время была одна мысль: ты или тебя?

Вот вам и обычная работа.

МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ

КОГДА была сделана эта фотография, Владимиру Рязанову перевалило чуть за двадцать. Сегодня Владимир Александрович – заместитель командира батальона патрульно-постовой службы, начальник штаба, майор милиции. Более двух десятков лет отдано службе. За плечами - командировка в Северную Осетию в 1994-95 годах, полугодовая командировка в Чеченскую Республику в должности заместителя командира.

А начиналось все так просто, так прозаично...

С первого же дня начал учиться. Сам, на личном опыте. Никаких тебе «первоначалок», никакой теории. Вышли патрулировать свой «квадрат» втроем. Командовал нами старший сержант Алексей Леонидович Калугин, милиционер в возрасте, мы все его «дедом Калугиным» называли. Вот энергии у него было! Мог все 12 часов дежурства отмахивать по заданному маршруту, не остановившись, не присев ни разу

отдохнуть, только разве что для заполнения протокола. Второй напарник – такой же, как я, новичок, Влад Королев. Место досталось – самый центр города, да только мне все равно, ведь я не местный и названия улиц даже не знал.

Возле остановки напротив КМИ дед Калугин приметил такси, «Волгу», полную людей. Ни слова не говоря, остановил двигавшуюся следом «легковушку», сел в нее – и за «Волгой», по направлению к центральному рынку. А что нам делать? Рации нет, оружия нет. Догонять? Стоять его дожидаться? А может, дальше по «квадрату»? Раздумывать долго не пришлось – в соседнем дворе услышали крики. Драка была в полном разгаре. И снова вопросы: кто виноват? Кого брать? Насилу разняли молодежь, двоих задержали за хулиганство. И снова в путь. Вот и весь первый день службы.

Благодарен Владимир Александрович тогдашнему начальнику милиции общественной безопасности Александру Николаевичу Бушмакину, который и воспитывал, и учил работать с людьми и документами, и желанием служить.

Позднее Владимир Рязанов поступил заочно в Елабужскую (Нижнетагильскую) школу милиции. К тому времени жил с женой и ребенком в комнатухе в девять квадратных метров. Контрольные делал по ночам, чтобы не будить домашних, ставил две лыжные палки, укрывал сверху одеялом, и в таком вот самодельном “чуме” писал конспекты, выполнял контрольные задания.

– Ведь интересно было! – восклицает Владимир Александрович. – Хотелось узнать все премудрости службы.

Мало того, после окончания школы милиции он еще шесть лет носил сержантские погоны. Правда, по бытовой причине – если бы ушел офицером на оперативную службу, куда не раз был зван, остался бы без жилья.

ЧЕМ ЛЮДИ БОЛЕЮТ...

– Столько всего было – не упомнишь, – сознается Владимир Рязанов, – это же не производство, где одну деталь делаешь с утра до вечера. Каждый день несет что-то новое. Новые впечатления, новые знания, новые заботы.

Жадный до работы, Владимир Александрович быстро себя

зарекомендовал, его перевели из пешего на автомобильный патруль. Восемь лет изо дня в день по территории отделения милиции «Октябрьский», Восточный поселок выучил – с завязанными глазами в любое место уведет.

– Сильно тогда гоняли мы двух жуликов – Чефира и Липецкого. Патрулируем как-то ночью, вдруг видим – они нам навстречу катят из города на машине. Разворачиваемся за ними, движемся в сторону Омского моста. По дороге из окна машины жулики что-то выбросили. После погони мы вернулись взглянуть, что там. Оказалось, шприцы. Мы их даже с собой не взяли. Недоумевали: «Чем это таким люди болеют, что прямо в машине необходимо было инъекцию делать?!» Ведь в 80-е годы о наркотиках даже милиция мало что знала. Примером тому еще один случай.

Вызов был в дом на улице Куйбышева: недавно освобожденный из заключения скандал устроил. Мы его на улицу вывели, а он картинно так – раз! – и из кармана на землю пакет с каким-то зельем высыпал. Задерживаться не стали, привезли его в отдел. А жулик оперативникам уже сам рассказал о своей демонстративной выходке. Пришлось мне снова туда ехать, чуть ли не с веничком наркотик с асфальта в мешочек сметать. Да, и так учились.

ТЫ ЧТО, ИДЕЙНЫЙ?

Какой детектив без погони? Так и звучит в голове вальсок из фильма «Берегись автомобиля». Однако не до музыки, когда преступник не в кино, а реальный, в нескольких метрах от тебя.

– Вдвоем с сержантом Волковым зимней ночью двигались по односторонке. Вдруг навстречу автомобиль с казахскими номерами. «Моргаем» ему фарами – не останавливается. Началась настоящая погоня. Кричу по радиостанции: «Уходит, нужна подмога!» А преступники гонят по улице Гагарина, затем к дрожзаводу, оттуда через Бурово-Петровский мост и – к Увалу. У них – «ВАЗ», «шестерка», у нас – «УАЗ».

Преступники свернули в деревню Каширино, мы – на Половинский тракт. За деревней эти дороги вновь сходятся, так что мы опять «в лоб» встретились. И снова «догонялки». Вдруг слышим выстрелы – это они по нам из обреза! Промажнулись.

Затем преступники из машины в снег выпрыгнули и ринулись в разные стороны, как зайцы. Мы тоже разделились. Я за своим еще километра два по снежному полю бежал. У меня выносливость хорошая, футболистом всегда был. Подмога при- была, когда уже оба жулика в наручниках сидели. Те мужики, угрожая обрезом ружья водителю, машину угнали. После этого случая стали автомат патрульным выдавать.

В другой раз гнались за пьяным водителем. Коллеги из Первомайского района передали по рации, что он в сторону аэропорта движется. Стали его преследовать. На Омском мосту я начал стрелять по колесам – ну сколько можно догонять? Машина проехала еще несколько сот метров, потом остановилась. Стекло у пассажирского сиденья открывается, и водитель спрашивает меня: “Ты что, идейный?”

ВОВРЕМЯ УВИДЕТЬ

– И вправду, идейность была, – продолжает Владимир Александрович. – И к работе ответственной относились. На этой фотографии я с мальчишками стою неспроста. Тогда строго было, и профилактикой преступлений занимались. Тех ребят, кого видели после десяти часов вечера, записывали в специальные тетради, беседовали, провожали домой, знали об их семье, окружении. В нужный момент эти данные могли оказать большую услугу. Кого-то из пацанов предупредишь раз, и он на противоправное дело уже ни за что не пойдет. Бывало, конечно, и иначе.

Возле кинотеатра «Мир» разгорелась драка. Обозленные подростки – хуже взрослых мужиков. Мы вдвоем с напарником пытались разнять, успокоить. А двое зачинщиков, уже по малолетству отсидевшие, на нас бросились с нешуточными кулаками. Порвали одежду, так разошлись, что пришлось подмогу вызывать. Оформили как положено. А позже мы с этими ребятами подружились. И с собой на маршрут брали, порой они интересные наводки давали. Только вот все равно не сложились у них спокойные отношения с милицией. Один за наркотики сел, другой – за кражу. Может, где-то и мы проморгали.

НОРМАЛЬНЫЙ МУЖИК

С годами желание работать не пропало. Если раньше порой просто шашкой хотелось помахать, то теперь шаги взвешенны, с опытом и мудростью. А ведь это именно те качества, которые и нужны командиру. И оказывается, лучшим показателем работы являются не ордена и медали, а то, что из командировок в Чечню привез Рязанов всех подчиненных без единой царапины. С каждым нарушителем закона разбирались особо, с головой. С местным населением отношения не нагнетали.

– Однажды ночью в наш блокпост на полной скорости въехал «КамАЗ». Хорошо, внутри никого не было – все здание ударом разрушилось. На терракт было непохоже, решили оружие не применять. Водителю ноги прижало, мы дверь отогнули, еле его вытащили, отправили в больницу. На другой день пришел свою машину забирать.

– Надо бы здание восстановить, – говорю я ему.

– Ладно. Завтра, – отвечает тот.

Назавтра – никого. Только местное телевидение. Все пыталось этот случай развернуть в выгодном им свете, но не вышло. Через день подъезжают кран и человек двадцать местных. Стали блоки на место складывать. Мы с виновником разгрома отошли пообщаться в сторонку.

– Вот, хочу сказать, что ваш блокпост лучший, – говорит он, – и еще один, в Шали. Не мародеры, не крутые. Нормальные у вас тут мужики.

Разве нужны еще слова?

Римма ЧУДОВА

СЛУЖБА У НАС ТАКАЯ

Вагин Александр Геннадьевич – прапорщик милиции, заместитель командира взвода первой роты батальона патрульно-постовой службы милиции УВД города Кургана, родился в 1975 году. Окончив среднюю школу, он служил в рядах Российской армии, а вернувшись на “гражданку”, решил свою жизнь связать с милицией. Начал с милиционера батальона патрульно-постовой службы. За короткое время сумел проявить себя боевым, энергичным человеком, добросовестно исполняющим возложенные на него обязанности по охране общественного порядка. Чувствуя, что знаний в борьбе с преступностью не хватает, поступил на заочное отделение Уральского юридического института МВД РФ. А уже вскоре был переведен на должность заместителя командира взвода и непосредственно участвовал и управлял процессом обеспечения правопорядка в областном центре. Когда сложилась напряженная обстановка в Дагестане, когда “басаевцы” развязали там войну, дважды выезжал с группой сотрудников для наведения порядка. Службу несли почти сутками, забывая о сне и отдыхе, не раз вступая в единоборство с хорошо вооруженными бандитскими группировками.

После Дагестана четыре раза выезжал в Чеченскую Республику, где обстановка оказалась не менее сложная. Александр Геннадьевич везде проявлял высокую исполнительскую дисциплину и высокую профессиональную подготовку.

За раскрытие тяжких преступлений неоднократно поощрялся, награжден нагрудным знаком “Отличник милиции”. В сложных экстремальных ситуациях действует всегда собранно и хладнокровно, умело ориентируясь в сложившейся обстановке. Эти качества Вагина особенно ярко проявились в служебных командировках в “горячих точках”.

Находясь в 2001-2002 году в командировке в Чеченской Республике, он неоднократно участвовал в операциях по “зачистке” различных районов города Грозного, в ходе которых задерживались боевики, изымалось огнестрельное оружие и боеприпасы.

2 ноября 2001 года в ходе такой операции по группе сотрудников был открыт огонь из стрелкового оружия. Боевики засели в разбитом здании и не давали поднять голову. Мгновенно оценив обстановку, Александр Геннадьевич открыл огонь из автомата и сумел подавить огневые точки. Это позволило группе сотрудников занять оборону и успешно завершить так неожиданно завязавшийся бой, в ходе которого не было допущено потерь среди сотрудников.

Подобная ситуация возникла и 8 декабря 2001 года, когда группа сотрудников “зачищала” промышленную зону города Грозного. Неожиданно она подверглась массированному обстрелу из автоматического оружия и подствольных гранатометов. Проявив решительность и находчивость, Вагин занял наиболее выгодную позицию и огнем своего пулемета заставил замолчать огневые точки противника, что позволило группе сотрудников выйти без потерь из зоны огня боевиков.

Однако в последней командировке не обошлось и без потерь. 4 ноября 2003 года на месте дислокации поста произошел взрыв радиоуправляемого фугаса. В результате взрыва погиб сержант милиции Лебяжьевского ОВД Феденев Александр Сергеевич, получил ранение прапорщик батальона милиции Макаров Валерий Владимирович. Командиру взвода батальона Вагину Александру Геннадьевичу взрывом было нанесено множественное осколочное ранение всего тела и проникающее ранение грудной клетки.

Долго возились врачи, изымая железо из живого организма, но один осколок так и остался в груди Саши, напоминая ему на всю оставшуюся жизнь о событиях в Чечне.

За умелое и добросовестное исполнение служебных обязанностей, за проявленное мужество и самоотверженность Александр Геннадьевич награжден знаками: “За отличие в службе” II степени, “Участник боевых действий”, “За верность долгу”, а также медалями: “За отличие в службе” III степени и “За доблесть в службе”.

Кроме перечисленных наград в личном деле солдата правопорядка записана не одна благодарность и Почетная грамота.

Жизнь не стоит на месте, и впереди еще немало испытаний, но я уверен, что этот человек не повернет назад от своего намеченного пути. Он верой и правдой будет служить родному Отечеству и уверенно продолжит дело по наведению порядка в стране, начатое старшим поколением.

Юрий ГАВРИЛОВ

ДОБРАЯ СЛУЖБА ПРАПОРЩИКА ОМАРОВА

Омаров Даулет Кенжетович – старший прапорщик милиции, милиционер второй роты батальона патрульно-постовой службы милиции УВД города Кургана родился в 1967 году в селе Жаркуль Кустанайской области. Окончив СПТУ, а затем отслужив в рядах армии, он пришел работать в милицию в ноябре 1990 года. Почему пошел служить именно в милицию? На то были свои причины. Во-первых, сестра работала в милиции, а во-вторых – отец военный. Дисциплина и порядок в семье всегда почитались. Поэтому не случайно, на службе в батальоне, он за короткое время зарекомендовал себя собранным, исполнительным и требовательным человеком. Там, где службу несет Даулет Кенжетович, можно не сомневаться, порядок будет. Он, не считаясь с личным временем, с погодными и другими условиями, добьется выполнения задач, поставленных перед экипажем.

Это он доказал даже еще молодым сотрудником, а вернее стажером, который еще не прошел первоначальной подготовки в учебном центре УВД. Однажды, в 1991 году, белым днем двое неизвестных парней сорвали с женщины норковую шапку и скрылись. Растерянная и испуганная, она вызвала милицию и описала одежду преступников, так как в лицо их просто не видела. Эту информацию немедленно передали патрульным экипажам милиции. Получив конкретное задание от старшего экипажа, Даулет Кенжетович вместе с таким же моло-

дым напарником, как и он, начали обходить дворы, с целью обнаружения грабителей. Решили, на всякий случай, проверить пригородный вокзал. Народу много. Но кого они искали, в толпе не было. На перроне стояла электричка на Макушино. Решили и ее проверить, хотя до отправления оставались считанные минуты. Пробежав несколько вагонов, в одном из них обнаружили группу ребят, среди которых один походил по приметам. По рации вызвали подмогу и буквально перед отправкой поезда, задержали подозрительную группу. У одного из парней обнаружили похищенную у женщины шапку.

Даулет Кенжетович двенадцать раз направлялся в командировки на Северный Кавказ. Там он не раз вступал в единоборство с боевиками, с закоренелыми преступниками. Только за командировку в Грозный с 27 января 2002 года по 23 апреля 2002 года он, участвуя в проведении специальных операций, лично изъял два автомата Калашникова, два пистолета, пять килограммов тротила, шесть ручных гранат, ручной гранатомет и несколько тысяч патронов к оружию.

Высокая профессиональная подготовка, умение действовать в экстремальных ситуациях не раз помогали ему выйти победителем в схватках с нарушителями законности.

Так, 22 февраля 2002 года он нес службу на блокпосту в Грозном. В ночное время заметив легковой автомобиль, движущийся с большой скоростью к посту, он фонариком указал на границу поста и потребовал остановиться. Водитель автомашины, сбавив скорость, резко повернул автомобиль и из открытых окон по блокпосту ударили автоматы Калашникова. Рискуя жизнью, короткими перебежками Омаров выдвинулся вперед и из гранатомета поразил автомашину. Группа боевиков была ликвидирована. Из личного состава отряда никто не пострадал.

За смелость и отвагу, проявленные Даулетом Кенжетовичем в “горячих точках” на Северном Кавказе, он награжден медалью “За отличие в охране общественного порядка” и знаками: “Отличник милиции”, “За отличие в службе ВВ МВД РФ” – 1 степени, “За верность долгу”, “За службу на Кавказе”.

Юрий ГАВРИЛОВ

СЛУЖИТ ДОСТОЙНО

Малышев Алексей Александрович – прапорщик милиции, кинолог батальона патрульно-постовой службы милиции УВД города Кургана.

В милицию пришел работать в августе 2000 года, практически сразу после службы в армии. Постепенно освоил все азы милицейской службы. В начале был водителем, а затем освоил службу кинолога. “Любовь к собакам у меня с детства. Каждую дворняжку хочется погладить и приласкать”, – говорит Алексей Александрович. – Они как люди, многое понимают, только не могут выразить свои чувства словами. Особенно большое уважение к собакам у меня сложилось, когда мы находились в командировке в Чеченской Республике. В машине, заваленной строительным хламом, собака обнаружила взрывчатку: спасла не одну человеческую жизнь. Это и подсаказало мне идти работать с собакой. Вернувшись из командировки, стал кинологом.

Хорошие знания милицейской службы, а теперь еще и с использованием специально подготовленной собаки не раз помогали Алексею в практической работе. Как опытного сотрудника его дважды командировали в Чеченскую Республику. И здесь его дисциплина и хорошая милицейская выучка много раз помогла прапорщику Малышеву выйти победителем в сложной обстановке.

Только за период командировки в 2003 году он лично за-

держал три автомобиля, находящихся в розыске, более десяти боевиков, причастных к незаконным вооруженным формированиям и совершивших различные преступления, изъял около 400 единиц оружия и боеприпасов. Алексей Александрович неоднократно участвовал в отражении вооруженных нападений боевиков, при этом проявлял свои лучшие качества сотрудника милиции. Так, 6 мая боевики напали на пункт временной дислокации группы сотрудников. Под огнем противника Малышев быстро сориентировался, выбрал боевую позицию и из пулемета открыл огонь по нападавшим. Отвлекая огонь на себя, он дал возможность личному составу занять боевые позиции и отразить нападение противника.

28 мая Алексей Александрович принял участие в задержании автомобиля “КАМАЗ”, водитель которого пытался под видом цемента провезти взрывчатку и подорвать ее в людном месте. После захвата автомобиля Малышев, рискуя жизнью, заскочил в кабину и вывел машину в безопасное для людей место.

Думал ли он о том, что опасный груз может взорваться в любое время? “Да, думал, – сказал Алексей, – но больше беспокоился о том, чтобы машина не взорвалась раньше, чтобы не пострадали люди”.

Такие они, наследники милиционеров-героев – Сабенина Михаила Варнавича, Родькина Евгения Викторовича, живут и работают ради людей, ради их спокойствия и безопасности, порой забывая о своих родных и близких. Хотя у Алексея Александровича трое малолетних детей и они требуют внимания и каждодневной заботы.

За смелость и отвагу, проявленные Малышевым Алексеем Александровичем в Чечне, за работу, постоянно сопряженную с риском для жизни, он награжден медалью “За отличие в охране общественного порядка”.

За активное участие в борьбе с преступностью, высокую дисциплину и исполнительность Малышев награжден знаками “Отличник милиции”, “Участник боевых действий”, “За службу на Кавказе”, “За отличие в службе МВД РФ” I и II степени.

Я уверен, Алексей Александрович не дрогнет, не посрамит высокого доверия быть достойным сотрудником правопорядка, а это говорит о многом.

Юрий ГАВРИЛОВ

ЕЩЕ РАЗ САМИ О СЕБЕ

Вглядитесь. Обычные ребята. Обычные русские лица. Иногда – и не совсем русские, да нам все равно. Вам не кажется, что есть в них что-то, отличающее их от других? Какая-то печать мудрости, более глубокого, чем у других, осознания окружающего, более честного мироощущения. Такая же печать отличает лица всех, прошедших через ад Афганистана. Или Грозного 95-го. Всех, кто с оружием в руках выполнял свой долг перед государством. Перед Россией...

Родной город. Раннее утро. Для всех – электричка, автобус, троллейбус, остановка. За окнами – начало 1996 года. Для всех. Для нас – идет второй год командировки на Северный Кавказ.

– Советы призывнику – как «закосить» от армии, – голосисто призывает женщина. Юнец тянется к брошюре. Платит деньги.

– Только в этой газете. Правда о войне в Чечне, – кричит профессорского вида мужчина, размахивая многоцветной, хорошо изданной газетой. Мелькают дензнаки.

А за окнами – та же жизнь. Рынок. Растущие дворцы «новых русских», около которых стоят «вольво» и «мерседесы». Коммерческие ларьки... На лицах прохожих, в самом пейзаже явно ощущается какая-то болезненность, лихорадочная суматоха.

Все привычно, видано каждый день. И, кажется, нет ничего другого, кроме нервного ожидания завтрашнего дня, погони за «баксами», бесконечной купли-продажи. Кажется, что вы навечно попали в этот безумный круг и нет из него выхода. И просто не видно нескольких десятков семей, живущих в диком напряжении, для которых «правда о войне в Чечне» в очередной «желтушке» – не просто печатное слово. Растворились эти семьи в городе. Это наши семьи – семьи простых курганских омовцев.

Особенно это почувствуется, когда встретитесь с нами – сотрудниками Курганского отряда милиции особого назначения, прошедшими Чечню от границы до границы, от Горагорского до Замай-Юрта, с самых первых дней и до последних. А помимо этого были Москва, Владикавказ, Чермен, Моздок, Куртат. Была ли война? Да. Но не на картах и не по телевизору. Некрасивая, со слезами женщин и детей, с растерянностью и страхом тех, кто был к ней не готов. Были ли готовы мы? Не знаем. Но слез не было.

Проведите с нами хотя бы несколько дней, и вас долго не покинет ощущение, что вы побывали в другом мире, где далеко не все продается и покупается, где люди остаются людьми в любых обстоятельствах.

Есть о чем вспомнить. И о разведдозорах, и о «зачистках» городов и сел от бандитов, о не всегда понятных командах «на штурм». О мужской дружбе, о верности долгу, о том, как прикрывали друг друга. И о бравате генерала Грачева, ради подтверждения своего шапкозакидательства положившего в Грозном тысячи мальчишек. О том, как пили воду из грозненской канализации, мылись из гильзы 155-го калибра. Конечно, нельзя забыть о «взятии» спиртозавода. А что вы хотите: когда из жидкости на 10 км вокруг – только спирт в цистернах. А вы чистили зубы зубной пастой и – не водой? Да, водкой. Не поверите, но – неприятно. Делали то, что называли делом. Или – работой. А потом будет август 1996 и еще один генерал – Лебедь. И будет – благодаря этому генералу, остановившему другого генерала – Пуликовского, объявившего свои «48 часов» – Дагестан 1999-го.

И снова будем мы, и будут Энгель-Юрт и Замай-Юрт, и не будет Сереги Полторацкого. Потом будет Грозный, будет очень

долго – с февраля 2001 по октябрь 2003. А еще подставят подполковника и двух прапорщиков, и весь город будет полгода в напряжении – что будет дальше? А дальше пусть будет не совсем по-нашему, но мы до сих пор считаем, что победили. Или – нам повезло. История рассудит – она справедливая. И мы там будем. И вообще – мы будем еще очень долго. А потом будут такие же, как мы, – это когда мы на пенсию пойдем. Думаете, почему те, кто от нас уходит, зачастую возвращаются? Да, впрочем, вряд ли вы об этом думаете. Вы просто знаете об этом – и все. И никто никогда не задумается о том, что еще в средние века великие теоретики войны написали: «Пока сын не родил хотя бы одного ребенка, за него должен воевать отец». Хотя нет – задумались. В 2001-м, когда решили, что тем сотрудникам, кто имеет трех и более детей, в Чечню нельзя. Видимо, остальным – можно. Но задумались те, кто никогда своего ребенка в Чечню не пошлет, да и в армию тоже.

Конечно, не это оставит главный след от общения с нами. Возникнет желание разобраться: что же такое чеченское противостояние для России и ее граждан, как оно отозвалось в душах людей? В наших душах.

Хотите, подскажем?

Еще не один год будут вестись споры о том, надо или не надо было вводить войска в Чечню, с какими нормами Конституции и международного права это согласуется. Долго будут ревнители «общечеловеческих ценностей» – ковалевы и лорды джадды – убеждать, что государство не имеет права применять силу против бандитов. Споры, споры, споры... И в них, этих спорах, будет тонуть простая истина: армия и МВД в Чечне выступали вовсе не «оккупантами» и «карателями», как их пытаются активно выставить антигосударственные, антироссийские силы. Они были защитниками. Они защищали Россию от распада и краха. Защищали людей, в том числе и самих чеченцев, от унижения и разграбления.

Был ли в мировой практике аналог тому, что представляла собой «свободная Республика Ичкерия»? Слава Панамы и Колумбии, считающихся образцами мафиозных стран, тускла, как старый пятак, по сравнению с сиянием этой пиратской республики. Абсурд заключался в том, что она входила в со-

став Российской Федерации, став своеобразной «черной дырой», провалом в правовом российском поле.

«Правозащитники» бодро расписывают, как плохо относится Российская «империя» к свободолюбивому, жаждущему самоопределения чеченскому народу. И стыдливо замалчивают, что же было «до»...

Мы работаем не так давно – с 1993-го. Но уже в том же 1993-м побывали в Москве. Да, охрана общественного порядка – одна из основных наших задач. Для проверки в одно из московских отделений был доставлен чеченец лет сорока. На вопрос, что он делает в Москве и почему ему не живется на Родине, он по-восточному бурно взорвался:

– В гробу я все видел! Я рабочий. Золотые руки... За зарплатой прихожу, а мне знаете, что говорят? – «Ты совсем обнаглел! Какая зарплата? Тебе правительство автомат дало, что тебе еще надо?!»

Это своеобразный символ того, что творилось в «свободной Ичкерии». – Тебе дали автомат. Пойди и возьми, что тебе нужно, сам. На протяжении долгих лет нити авизовочных и нефтяных афер, маршруты беглых преступников сходились в одной точке – в Чечне. Торговля наркотиками, контрабанда.

Через тамошние аэропорты можно было провезти что угодно – только не забывай делиться с бандитами.

– Наши мальчишки-чеченцы самые ловкие, – так примерно говорил на митинге генерал Дудаев. – Они провозят через всю Россию похищенные машины и не попадают.

Провезти украденную машину и не попасться – вот образец доблести для гражданина свободной Ичкерии. Неудивительно, что Чечня стала одним из основных центров черного автобизнеса.

При гигантских потоках «черного нала», выделяемые из России деньги разворовывались. Люди годами не получали пенсии и зарплаты. Закрывались школы. Республика скатывалась в каменный век. Бандиту не обязательно быть ученым. Он должен лишь уметь провезти через Россию краденую машину и не попасться...

«Почему телевидение и газеты три года молчали о том, как грабили и убивали в Чечне?» – вот строки из воззвания казаков станицы Ассиновская. То, что творилось в Ичкерии, иначе

как геноцидом назвать нельзя. Никогда русский солдат не забудет лиц женщин, чьих детей убили дудаевские бандиты. Было это. Тысячи, многие тысячи убитых за время «благословенного» джохаровского правления, выкинутых из своих квартир, вынужденных бежать без имущества. И это не выдумки. Это своими ушами слышали, своими глазами видели солдаты. И мы тоже. Мы же солдаты – правопорядка.

Знали ли наши бойцы, за что воюют в Чечне? Много сейчас любителей порассуждать о том, что не знали, не ведали о происходящем. Не понимали, что «подавляют национально-освободительное движение». Солдаты – и те смеются: главная свобода, которую добивались дудаевцы, – это свобода от Уголовного кодекса... Знали и солдаты, и сотрудники МВД, за что воюют и с кем. Что им противостоит супермафия, которая еще несколько лет назад не могла присниться и в страшном сне. Им противостоят уголовные преступники, оснащенные и вооруженные войсковым оружием, гораздо лучше и современнее нашего, оболваненные националистическими лозунгами. Ни в коем случае не чеченский народ.

– Я знаю женщину, она пятнадцать лет прожила в Грозном, учила в школе чеченцев английскому языку, – вспоминает один из сотрудников (Аргун, 1996 год). – Когда все началось, кому-то приглянулась ее квартира. И ее должны были убить. Чеченцы. Среди них были, возможно, и ее ученики, которых она старалась учить хорошему, вечному. Но пришли, предупредили ее тоже чеченцы. Также ее ученики. И не только предупредили, а помогли выехать из республики в багажнике автомашины. Нельзя весь народ мазать одной краской.

Что показали боевые действия в Чечне? Главное, что жив до сих пор русский дух, отвага и умение русского солдата.

Восемнадцатилетние пацаны-солдатики и асы-сотрудники спецназов, как и их предки, готовы на самопожертвование. Аргун, Гудермес, Грозный... Кто бы ни кривился в ироничной усмешке, но факт остается фактом – это места славы русского солдата. Солдата, который показал, что на две головы выше тех «благородных» горцев, кто прикрывается живыми щитами из женщин и детей и ведет пальбу по войскам из детских садов и больниц, захватывает в заложники роддома и убивает младенцев.

Что ж, поговорили немного обо всем. Но все-таки у нас праздник, не так уж все и грустно вышесказанное. Мы мемуары потом напишем, когда уже не сможем порядок охранять. Будет, как здесь, – и серьезно, и с юмором, и больше, чем в этом издании, просто оно – первое, да и на блин чем-то похоже. А это пусть будет так – эссе на тему о нашей жизни. Как у нас иногда говорят (женщинам, конечно) – Отряд Мужчин Особой Нежности.

Вам, бывшие омовцы, спасибо, особенно – пенсионерам, за дружбу и службу. Говорят, что бывших нас не бывает, проверим со временем. Вам, молодые, – наших удач и успехов в будущих командировках.

*Из жизни, службы и командировок ОМОНа
записал Вячеслав ЯТЧЕНКО*

ЭПИЛОГ

*– Вернешься – ты будешь героем,
Ты будешь бессмертным, иди! –
И стало тревожно, не скрою,
И что-то кольнуло в груди,
И рухнул весь мир за плечами:
Полшага вперед – и в века...
Как это непросто в молчанье
Коснуться рукой козырька,
Расправить шинельные складки,
Прислушаться к дальней пальбе,
Взять светлую сумку взрывчатки
И тут же забыть о себе...
А почестей мы не просили,
Не ждали наград за дела.
Нам общая слава России
Солдатской наградой была.
Да много ли надо солдату,
Что знал и печаль, и успех:
По трудному счастью – на брата,
Да Красное знамя – на всех.*

Григорий ПОЖЕНЯН

★ вечная память ★ вечная память ★

★ вечная память ★ вечная память ★ вечная память ★

*Я сделал все, что Родина ждала.
И лишь прошу не позабыть об этом.*

6 марта 1996 года в уличных боях в Грозном погибал цвет МВД – СОБР, цвет русского офицерства. Все это время подразделения МВД в одиночку сдерживали заранее подготовленную и тщательно спланированную дудаевцами операцию “Возмездие”. Вооруженные, в отличие от противника, в основном стрелковым оружием, снабженные разбитыми БТР да допотопными БРДМ, они погибали, но не сдавали своих позиций. А федеральные войска смотрели на эту бойню со стороны.

Что чувствовали военные генералы, слыша последний зов о помощи в радиозфире? “Патроны на исходе!”, “Боеприпасы кончаются!”, “Мы окружены!”, “Вы, начальники, договоритесь между собой, пусть прикрытие останется!”, “Коробки” уходят! Они уходят!!!”. От погибающих блокпостов уходили армейские БМП и БТР, оставляя оставшихся в живых на растерзание врагу.

Среди жертв тех мартовских событий и наши милиционеры-собровцы – подполковник Евгений Родькин, майор Владимир Звонарев, лейтенант Константин Максимов, те, кого вполне заслуженно можно причислить к цвету русского офицерства. Они погибли, выполнив свой долг, не уронив чести офицера. Погибли, пытаясь спасти раненых товарищей.

Тяжкая доля журналиста приходит в дома, где еще так свежо горе, сердце не выдерживает этой боли. Но хотелось, чтобы вы услышали голоса тех, кто был близок с Евгением

Родькиным, его родных. Для кого он не просто отличник милиции, кавалер орденов Красной Звезды, афганского “За храбрость” и последнего – ордена Мужества, который он так и не успел получить, а просто Женька, Женечка, Евгений Викторович, брат, друг, муж, сослуживец, сыночек.

Клавдия Ильинична, мать:

– Я со всеми своими четырьмя сыновьями горя не знала, добрые и ласковые, как девочки. Старались не огорчать, не волновать. Жили мы трудно, муж – машинист, все время в поездках, и я фактически одна их растила. Но мои мальчишки помогали мне во всем: и полы мыли, и посуду, и за водой ходили, и дрова кололи, и огород копали. А вечером я усажу их на печку и читаю какую-нибудь приключенческую книгу, а они слушают, затаив дыхание. Так к чтению и пристрастились. Бывало, скажешь: “Женечка, принеси воды”, а он: “Сейчас, мама”, а сам читает. Напомнишь еще раз, а он: “Ну, мама, еще одну страничку, там так интересно”.

У него никогда уроков не проверяла, очень ответственный был. В школе его очень любили: Женя и в спорте, и в самостоятельности, и в отряде юных друзей милиции, куда и четверых своих закадычных друзей затащил. До самой его гибели они дружили, все в органах милиции работать стали, очень хорошие мальчишки.

Женя очень общительный был. Ребятам организовывал на строительство спортплощадки, куда потом все мальчишки с нашего Северного поселка ходили. Он любил живое дело: что-то организовывать, налаживать. А как все пойдет само собой, так ему уже и скучно, что-то новое подавай.

Наказала его в жизни по-настоящему только один раз. Лет десять ему было. Они с соседским мальчишкой скрутили самокрутку, набили травой и закурили. Тогда я и взяла в руки ремень.

Помню, закончил он пединститут, принес мне подарок – отрез на платье, на заработанные в стройотряде деньги купил. Я его спрашиваю: “За что подарок, сынок?”, а он мне: “За то, что вырастила и воспитала”.

Он всегда такой веселый, с улыбкой. Никогда не забуду, как мы танцевали с ним на свадьбе у Сережи. Он пригласил, а я ему: “Сыночек, у меня не получится, голова кружится”. А он:

“Если надо, мама, я тебя на руках понесу”.

Все быстро, все бегом делал, бегунчик мой. Так и улетел мой соколик неведомо куда. В первую командировку, когда в Чечне и младший мой, Колечка, одновременно с Женечкой был, и внук Димочка, сын старшего, Анатолия, очень волновались, но не было плохого предчувствия. А во второй раз, когда он поехал, сказала: “Ох, Господи, хоть бы я умерла”. А он: “Вот еще что придумала!” И ушел, не оборачиваясь. В Афганистане судьба его сохранила, так в Чечне подстерегла...

“В жизни надо быть в меру спокойным, не надо переживать, реагировать на чьи-то слова и взгляды. Пытаться всем угодить, мама, бесполезно, не получается в жизни всем угождать, да и подлаживаться ни под кого не надо”.

(Из письма к матери).

Александр Петрович Стринадкин, исполняющий обязанности начальника СОБРа:

– Я служил под началом разных руководителей и могу сравнить. Главное у Евгения Викторовича – открытость и порядочность. Сказать, что наши отношения всегда были гладкими, не могу, но мы всегда искали и находили компромисс.

Для Евгения Викторовича важнейшей задачей было воспитание и обучение молодых сотрудников, а главной заботой – поиск каких-то новых наработок в деле. И вот эти традиции мы стараемся продолжать и после того, как его не стало с нами.

Что я в нем ценил, так это то, что он никогда не терял головы. Для него не было самоцелью выполнение приказа, как для некоторых: любой ценой вперед, вперед. Он щадил людей и берег их. Был настоящим командиром. И если был уверен в своей правоте, отстаивал ее на любом уровне, не боясь чинов. Причем он не просто оспаривал приказ, а аргументировал, предлагал свои варианты решения, обосновывая их: “Я располагаю такими-то средствами, выполнять задачу можно так-то, а то, что вы предлагаете – авантюра”. Без точных разведанных он в рейд ребят не отпускал, и кто знает, сколько этим спас жизней.

Не знаю, сказался ли в этом опыт Афганистана, он о нем вспоминать не очень-то любил. Только тогда, когда операция в чем-то была похожей. Но ведь Чечня не Афганистан. Там

хоть какая-то идея была, а тут... Делают одно, говорят другое, думают вообще третье. Сегодня – в бой, завтра – за стол переговоров, послезавтра опять в бой. Это людей внутренне разрывает. Представляете, что такое командовать бойцами в таких условиях?

Евгению Викторовичу очень доверяли. Во всем. Говорили то, что и родному брату не скажешь. Он ведь многим ребятам помог жизнь направить.

У него была огромная человечность и понимание людей. Знаете, как вдали от дома дороги знаки внимания? В Чечне мы справляли все дни рождения – и бойцов, и членов семьи. И всегда это было хоть скромно, но торжество, с подарками, праздничным столом, песнями. А ведь мог сослаться на занятость, заботы: не до того, мол.

“Так надо работать, чтобы совесть была чиста”.

(Из письма к матери)

Нина Петровна, жена:

– Я только сейчас начала сравнивать Женю с другими и поняла, что таких, как он, больше нет. Вы не поверите, но я не могу назвать ни одной его отрицательной черты. Он был самым настоящим Рыцарем, не сегодняшнего времени. Для него честь, долг были превыше всего.

Женя обладал удивительным даром – видеть внутреннюю сущность людей. Через общение с самыми разными из них он познавал мир. Стоило нам денек пожить где-нибудь, и у нас сразу же появлялось множество знакомых, которые шли к Жене со своими заботами, вопросами, просьбами.

Женечка был очень простой, очень скромный человек, никогда не показывал кому-то, что ему плохо, не обременял своими проблемами. Хотя я-то знаю, как сильно он душевно уставал. Веселый был, не терпел хмурых лиц рядом. На него в быту просто невозможно было сердиться. Не мог выносить женских слез, для него это было мучительно. С трепетной нежностью относился к пожилым людям.

Он всегда жил только своим трудом. Много читал. Перед поездкой в Чечню всю литературу по стратегии и тактике перевернул. У него вообще с детства такая неумная тяга к зна-

ниям, любовь к книгам. Я иногда даже сердилась за это. Его ведь после окончания академии там хотели оставить, но Женя отказался, он очень любил практическую работу.

Человек разносторонне образованный, знал почти весь репертуар нашего театра. Все фильмы новые мы с ним смотрели. Классическую музыку он сначала не очень-то жаловал, но когда начал учиться в Москве, мы с ним стали ходить на концерты, и он тоже полюбил ее.

Личность человека для него всегда была превыше всего, никого никогда в своей жизни не унижил. Но и себя не позволял унижать никому.

Я очень тяжело пережила Афганистан, у меня даже нога отнималась. И после первой поездки в Чечню умоляла его больше туда не ездить. Он ведь все эти события предвидел заранее, еще года за два до этого, и тогда же сказал как-то: “Нам там делать нечего. У них сложная обстановка, сложные взаимоотношения, не стоит в них вмешиваться”. Но Женечка на все мои просьбы ответил: “Я ребят не оставляю. Они молодые, мало обученные. Я их не предаю”.

Очень ценил своих друзей, их семьи. Они держались друг за друга. Он не мог терпеть, если какая-то пара ссорилась, и прилагал все усилия, чтобы их помирить.

У него было слово такое: **важнее**. Если он его произносил, то я понимала, что спорить бесполезно. Важнее — значит действительно важнее. Знаете, как молодые ждут квартиру? Вот и мы так ждали. И, наконец все, решилось. А Женя приходит домой на следующий день и говорит: “Я квартиру отдал Н. У него дети. Для него важнее”. И все. Квартиру мы ждали еще полтора года.

Я жила с ним, как за каменной стеной. Он оберегал меня от всех хлопот, волнений, от всего плохого. Никогда не рассказывал ни о своей работе, ни об Афганистане: “Тебе это не надо”.

24 января мы праздновали 20-летие нашей свадьбы. И все снимали на видеопленку. Я смотрела ее 8 марта, когда Жени уже не было в живых, но я еще об этом не знала. Удивительно, на пленке есть все, но Жени на ней почти нет.

Когда я вспоминаю его, я вижу себя и его в лесу. Он бежит за мной и смеется, смеется... Как мне жить без него? Вокруг меня пустота...

“Годы совместной службы с вами не прошли для нас бесполезно. Ваша выдержка и принципиальность всегда поражали нас. Именно эти качества являются для нас примером. Ваш оптимизм поддерживал нас в самые трудные минуты. Желаем вам успехов в дальнейшем. Оставайтесь таким, каким мы вас знали”.

(Из памятного альбома, подаренного сотрудниками Первомайского Территориального отдела милиции Евгению Викторовичу Родькину при его уходе в СОБР).

Сергей Николаевич Карпов, заместитель начальника СОБРа по кадрам:

– Это был удивительный человек. Всю жизнь стремился знать как можно больше. Он пришел замполитом в наш Первомайский отдел внутренних дел. Там своя специфика, в каждой службе свои проблемы, нюансы. Нужна была большая подготовка, чтобы во всем этом разобраться. Первое время Евгению Викторовичу этого не хватало. И он кропотливо изучал каждую службу, вникал во все дела.

И потом, когда после академии он стал начальником райотдела, не изменял своих привычек. Я по себе это знаю. Работал тогда в участковой службе. И вот Евгений Викторович выбирал время, приезжал вечерами в пункт охраны порядка, брал какое-нибудь запутанное заявление и разбирался с ним. Ситуации у участковых встречаются сложные, иногда для решения какой-то проблемы требуется вмешательство и городской администрации, и других структур, и он всегда брал это на себя. Я знал других начальников. Ну в кабинет могут вызвать, поговорить, а вот чтобы так...

Знаете, что в нем ценили? Умение принимать решения, брать ответственность на себя. Другим было проще за его спиной.

Очень берег своих ребят в Чечне. Каждый день ездил с отделением в рейд. Зачем? Ведь риск большой и сам простужен был сильно. Но... Все хотел видеть своими глазами, чтобы принять правильное решение.

Помню, был случай. В Чечне рано темнеет. Выходит наш Викторovich из штаба в начале четвертого, говорит: есть указание отвезти отца солдата срочной службы из Челябинска в поселок, где-то километров за 30. Наших блокпостов там нет,

дороги незнакомы. Собрал я отделение, посоветовался с ребятами. Говорю: Викторovich, давай лучше с утра, часов в 6-7, чтобы в запасе световой день был. А то ведь случись что, с одним-то бэтээром – помощи ждать неоткуда. Евгений Викторovich сумел убедить штаб. А потом смотрим в комендатуре карту – а там не 30, а 50 километров до поселка и дороги Бог знает какие. Да нас бы там расстреляли в ночь и следов потом не нашли.

Он был очень скромным человеком. Хотя у него была служебная машина, пользовался ей только в срочных случаях, а так ездил на автобусе.

Викторovich мечтал, когда уйдет на пенсию, сходить на охоту, даже ружье купил. Не знаю, как насчет охоты, а природу он очень любил.

“Не болейте, не вешайте носа. Жизнь хороша, и радуйтесь ей сполна”.

(Из письма к матери).

Николай Викторovich, брат:

– “Относись к людям так, как хотел, чтобы они относились к тебе”. Это у Женьки девиз такой был, и он ему всегда в жизни следовал.

Я самый младший из братьев. В детстве иногда и ссорились, как в каждой семье, а когда подросли, дружнее нас и не было. Помогали друг другу, сообща решали все семейные проблемы. Семья для нас всегда было самое святое.

Женька очень добрый был, прощать умел, если только не подлость. Помню, пошли мы все вместе с отцом купаться. Долго купались, я первым вылез и оделся. А Женька возьми и обрызгни меня. Я так распсиховался, что схватил какую-то банку и запустил в него. Попал в голову. Увидел кровь и испугался. Не помню, как убежал домой, сию, трясусь от растерянности и страха, жду их возвращения. Смотрю, Женька идет и улыбается, как ни в чем не бывало. Он понял мою обиду, почему я так поступил, и не стал держать зла. Он всегда так в жизни поступал и потом, с другими людьми.

Я ведь спортом начал заниматься из-за братьев, хотел быть как они. Но разве с Женей сравниться! Он 12 лет рекорд по области держал по метанию диска. Я им всегда гордился, стремился во всем ему подражать: в поведении, в отношениях с

людьми. Вы знаете, он ко всем без исключения людям младше его и по возрасту, и по званию всегда обращался на вы и по имени-отчеству. Честь человека и офицера ценил превыше всего. У него однажды был случай. Вызвало начальство на “ковер” и давай ругать, не выбирая слов, за что-то. А Женя, надо сказать, матерщину вообще не выносил. Он и сказал этому высокому “товарищу”: “Если вы еще раз меня обматерите, я вас застрелю”.

Очень любил своих друзей, дорожил ими. Они ведь у него со школы. Их так и звали: “неразлучная пятерка”.

Женька мотор был в нашей семье. С ним все советовались, все считались, хотя он и не самый старший. Для нас его гибель – страшная трагедия.

“Приеду и вновь работа и дом, и так до самой пенсии. Дома забот хватает, не замечаешь, как бежит время, годы, жизнь. Ведь нам уже четвертый десяток, а такое состояние, как будто бы и не жил”.

(Из письма к брату Анатолию).

Валерий Иванович Нечеухин, друг:

– Мне очень тяжело говорить. Были мы все как пять пальцев на руке, кулак, где Женька был большим пальцем, а сейчас четверо осталось. Умом понимаю, что его нет, а сердцем... Ведь он такой жизнелюб был. Сам никогда не унывал и другим не давал.

Мы с Женей в 9-м и 10-м классах на одной парте сидели. И до этого знакомы были, конечно, ведь в одном поселке, в Северном, жили, вместе играли, вместе купались, вместе в спортсекцию ходили. Но дружить по-настоящему только в старших классах начали.

Он был очень честным и справедливым. С детства. Помню, я потихоньку взял у старшей сестры часы и принес в школу. Похвастаться, наверно. Ну и посеял их. Нашел часы Сережа Родькин и показал Жене, а тот сразу узнал их, рассказал матери. И они принесли часы к нам, сестра еще и пропажу не обнаружила.

Потом мы все вместе учились в пединституте. И даже в армии мы с Женей служили вместе.

В нашей компании он был спланивающим ядром. Бескорыстие, открытость, справедливость притягивали к себе. Он и семьи наши сумел передружить. Всегда и во всем, в радости и в горе мы были вместе, советовались друг с другом, помогали. Все праздники вместе встречали. И какие это были праздники! Он никому скучать не давал. Любил розыгрыши, и хоть «медведь на ухо наступил», пел вместе с нами под гитару. Сейчас мы продолжаем собираться, но его гибель внесла свой диссонанс в наши встречи. Мы ни о чем, кроме него, говорить не можем.

На него во всем можно было положиться. Если обещал, значит, сделает. Ему нелегко было в этом мире из-за его прямоты, повышенного чувства справедливости. Он ведь умный человек, сердцем не принимал лжи.

Да, он не мог оправдывать войну в Чечне. Но приказ есть приказ, а он офицер. Он ведь в свою вторую командировку почему поехал? Чувствовал настроение ребят, их внутреннее смятение и не мог их оставить так, хотел личным примером подбодрить. Не знаю почему, но у меня было нехорошее предчувствие, так я не хотел, чтобы он туда ехал. Такого не было даже, когда он служил в Афганистане. Кстати, он своей службой там не стыдился. 9 мая всегда надевал свою полевую афганскую форму и оба ордена – наш и афганский.

Женя так хотел, чтобы мы не забывали друг друга. Встречу сокурсников в 1995 году он организовал, снимал на видео, брал интервью. Всегда говорил: «Время уходит, неизвестно, сколько его осталось...»

“К 20-летию НДПА должны закончить строительство спорткомплекса. В него мы включили и детскую площадку, так как ребятишкам в городе нет места для отдыха и игр, бегают с рогатками на улицах. Поставили на площадке металлическую горку, так нет конца радостям и восторгам ребятишек. Они впервые увидели такое чудо. А самое главное — получили удовольствие от катания. С утра до захода солнца очередь огромная к этой горке. Родители ходят в окружком и просят объявить благодарность царандою за заботу о детях”.

(Из письма к матери).

Игорь Фатеев, командир отделения СОБРа:

– Евгений Викторович вернулся из академии и стал начальником нашего Первомайского ТОМ. Я тогда в угрозыске служил. Он узнал, что я увлекаюсь боевыми восточными единоборствами, и попросил меня позаниматься с детьми. К нему тогда за помощью обратился директор училища №1. Они все каким-то образом узнавали, что Викторович очень любит детей, старается организовать их досуг, интересуется жизнью подростков в районе. Это училище я сам закончил и даже полтора года проработал там мастером, потому согласился.

Евгений Викторович во всем старался мне помогать, в организации работы, на учебу посылал, на соревнования. В общем, благословил на это дело.

Конечно, дистанция между простым опером и начальником райотдела большая, но все мы знали и уважали его за то, что это категорично честный человек. Иногда его честность была в ущерб делу. В каком плане. Он ведь не спускал любому начальству из УВД невежества, необязательности.

Мне нравилось в нем то, что он умел слушать, с ним можно было спорить, отстаивать свою точку зрения. И если он находил аргументы убедительными, то не считал зазорным отменить свое решение. Это тоже редкая черта. Ведь обычно-то как? “Я – начальник, ты – дурак”.

“Моя главная задача: привезти вас живыми домой”, – сказал он нам перед первой поездкой в Чечню. Когда мы узнали, что он погиб, ревели и не стыдились своих слез. И этот страшный месяц до того, как привезли останки, мы были сами не свои.

Там, под пулями, судишь совсем другими категориями, другие ценности в ходу. Мы психологически готовились к этим поездкам. Но... Я помню первый бой. Трассирующие пули у лица. Дудаевцы били тогда, как в кино, сплошь, из ста стволов. У меня ноги стали ватные, вообще ног не было. Я опустился у дерева. А на войне ведь как – сумеешь преодолеть страх в самом начале и все, считай ты победил, ты адаптируешься, начнешь разумно мыслить, не будешь испуганно метаться из стороны в сторону, значит, не погибнешь напрасно. И я как сейчас вижу: свистят пули, ветки с деревьев стопками валяются по бокам, а наш Викторович идет спокойно, только плащ-палатка развевается на ветру. И мы пошли за ним...

Геннадий Павлович Устюжанин, товарищ по Афганистану:

“Человек рождается для счастья, как птица для полета”, – писал Максим Горький.

Для счастья родился и Женя Родькин. Всю свою жизнь он стремился к справедливости, к правде, к радости и добру. Он, словно жаворонок над зауральской степью, своей веселой трелью звал мир и людей к голубизне, простору, свету, солнцу и добру. Да только век нам выпал иной – неугомонный и жестокий.

Евгений Евтушенко будто с Жениной судьбы списал его облик:

*... Я сибирской земли подорожник,
Распрямившийся из-под колес ...
И телеги по мне колесили,
И машины, и танки ползли.
С хрустом я прорастал из России,
Из горчайше -сладчайшей земли.
Вроде буйного чертополоха
Я от пыли себя не спасал.
Твою кровь, твои слезы, Эпоха,
Я в трехжильные жилы всосал.
Мои листья – они горьковаты
И в салаты они не идут:
Подорожник кладут не в салаты,
Подорожник – на раны кладут.*

Да, своим горячим и добрым, целительным сердцем Евгений Викторович Родькин творил справедливость и на земле Афганистана. А в трудную годину Женя прикрыл собой кровоточащие раны истерзанной распрями России. Прикрыл, как Великий и Верный сын Отечества.

Афганский синдром ... Чеченский синдром. Это ложь словоблудов! Синдромов нет. Есть сердечная боль тысяч воевавших парней, ныне оболганных и униженных продажными писаками и конъюнктурщиками – политиками, без совести и стыда торгующими самым дорогим для нас и святым.

Но в нас жива память о добропорядочности, чести, справедливости, верности боевому братству, где мы плечом к плечу стояли и мужественно сражались один за всех и все за одного. Все вместе – за Отечество.

Женя Родькин понимал это глубоко и трепетно, может быть, как никто другой, в годы службы на земле Афганистана и когда судьба поставила перед ним вопрос жизни и смерти в Чечне. В тот яростный, смертельный момент, он не дрогнул, отдал свою светлую жизнь, выполнив мудрый и вечный закон гордых Русичей – сам погибай, а товарища выручай!

Женино сердце, огромное и яркое, как солнце, взорвалось тысячами пламенных и негасимых искр, ранив вечной болью наши сердца и души. “Нет! – сказали земляки-курганцы, – Женя с нами в одном строю!” Женя Родькин живет в имени семьдесят пятой школы, где он учился, и в имени улицы, где он рос и любил, в трепетных наших сердцах. И это навечно!

Евгений Викторович Родькин

*Другу Евгению Родькину,
погибшему в Чечне*

* * *

Не громы небесные стонут,
Не роты в атаку идут –
Над свежей солдатской могилой
Гремит оружейный салют.
Проснитесь же, люди! Проснитесь,
Стряхнув равнодушия тень!
Ужель хоронить не устали
В могилы своих сыновей?
Ужель замечать перестали
Рыдающих женщин, отцов,
Сиротами ставших детишек
У цинковых звонких гробов?
Проснитесь же, люди! Проснитесь!
От залпов нелепой войны!
Опомнитесь, люди! – Взывают
К вам звезды с могил и кресты.
Не громы небесные стонут,
Не роты в атаку идут –
Над свежей солдатской могилой
Гремит оружейный салют.
Спи, Женя! И пусть пухом будет
Тебе Зауралья земля.
Тебя мы вовек не забудем!
Да будет ли помнить страна?

Виктор ШУШАРИН

ЗВОНАРЕВ Владимир Васильевич

Майор милиции Звонарев Владимир Васильевич родился 6 октября 1960 года в рабочем поселке Юргамыш Курганской области.

После действительной военной службы с 1981 года служил в органах внутренних дел. За безупречную службу награжден двумя медалями, 42 раза поощрялся руководством. Дважды выезжал в составе сводных групп в Чеченскую республику.

Погиб в бою с чеченскими сепаратистами в городе Грозном 6 марта 1996 года.

Награжден орденом Мужества, посмертно.

Похоронен на кладбище деревни Щучье Юргамышского района.

Когда человек уходит из жизни или уже ушел, окружающие обязательно вспоминают, каким он был замечательным, добрым, отзывчивым. И они не лукавят. В каждом землянине есть столько крепких начал, о скольких он и не подозревает. Но близкие люди при жизни свыкаются с этими его добродетелями до того, что не замечают их. И только человек уйдет в мир иной, вспоминается все самое светлое, начиная с раннего детства.

Много светлых дней было и у Володи Звонарева, жизнь которого оборвалась на чеченской войне. Оборвалась на самом взлете – в тридцать пять лет, когда еще о многом мечталось, многого желалось, многое было не исполнено.

Кто же он – храбрый офицер спецотделения быстрого реагирования? Откуда в нем было одновременно столько мужества, отваги и величайшей крестьянской честности, большой человеческой нравственности?

Чтобы ответить на эти вопросы, надо приехать в деревню Щучье Юргамышского района, где прошли Володины детство и отрочество, откуда он шагнул в огромный мир самостоятельной жизни, где сейчас остались неутешными его родители –

★ Вечная память ★ Вечная память ★ Вечная память ★

Василий Егорович и Лидия Николаевна. Надо встретиться с его друзьями – одноклассниками, которые все, как один, пришли шестого апреля на деревенское кладбище проводить в последний путь, может быть, самого лучшего из них.

Учительница, которая ездила со школьниками на экскурсию в Москву, долго искала на фотографии лицо Володи Звонарева. Это когда пришло сообщение из Чечни о его гибели. Искала и не нашла, хотя твердо помнила, что учился он как раз в этом классе. Все оказалось до банальности простым и в то же время печальным. Оказывается, на поездку в столицу давал деньги совхоз, и ездили туда дети совхозников. Отец же Володи – лесник...

Думается, что первые шаги в природе, познание ее и любовь к родному краю пришли к мальчишке как раз из походов с отцом по лесным угодьям. Леса в той стороне знатные. Могучие сосновые боры сменяются светлыми березовыми рощами, сумрачным и густым осинником. Имеются и почти сказочные места. Одно из них – согра, клочок северной тундры в Зауралье, с багульником и клюквой, мхом и брусникой, жуткими топями. И, конечно, все легенды, страшные сказки об упырях и леших – оттуда, из согры.

Мне представляется, как жарким летним днем Володя с сестрами Натальей и Ольгой бродят по лесным полянам в поисках грибов и ягод, как быстрехонько наполняются лесными дарами их лукошки, как, утомленные и счастливые, они приходят домой. И, даже не перекусив, бегут к спасительному озеру.

Щучанское озеро. Какой рыболов в области не знает его? Сейчас там ловятся замечательные караси – “лапти”, а еще не так давно славилось озеро первоклассным окунем. И по той самой причине деревня Щучье была постоянно многолюдной – рыбаков наезжало великое множество и зимой, и летом. А какое удовольствие окунуться в чистые прохладные воды озера, пройтись, позагорать на его песчаных берегах, плавать на лодке аж на ту сторону, где когда-то стояла деревня Звонарево – прародина Володиных предков. Не стало деревушки. Неудобной вышла властям. Неперспективной назвали да и развалили.

Силен же крестьянин русский. Жмут его, коречат, с насыженных мест снимают, а он все с любовью к родине, все чес-

тью да совестью мается. Спросите сегодня о прежних звонаревцах, и вам скажут, что эти люди крепко на ногах стоят. Примером тому и Василий Егорович. Ни в какое время не позволял семье бедствовать. Таким же и сына воспитывал. Таким и вырос Владимир Васильевич Звонарев.

Не помнит Щучье таких похорон. Никогда не встречало столько народу. Не гремел БТР на деревенской дороге. Вряд ли видели когда щучане, как плачут люди, для которых прыжок в любую точку – это реальность. Область простилась с одним из лучших своих сынов, отдала честь его памяти. Залп. Еще залп. Еще.

Жизнь продолжается. А иначе и быть не может. И зачем иначе принимать было лютую смерть Владимиру Звонареву, его боевым товарищам? Жизнь продолжается в его детях, в наших воспоминаниях. Еще друг и мой коллега Сергей Овчинников последним услышал от Владимира его пожелание. Он, предчувствуя гибель, просил журналиста рассказать землякам только правду. Как это все было.

Сергей Овчинников:

*“В ГУОШе, как заходишь, с правой стороны
Висит печальный список,
Черный список не вернувшихся с войны...”*

Эти стихи мне прочитал 9 февраля майор милиции сотрудник Курганского СОБРа Владимир Звонарев. Был поздний вечер, мы сидели рядом в нашей четвертой комендатуре Ленинского района Грозного. С соседнего блокпоста пулеметными очередями омонцовцы отвечали на огневой налет боевиков. Изредка бухал гранатомет. Война. Выслушав стихи, я сказал “Володя, не будем о грустном”, и мы вернулись к нашей извечной теме. “А вот мой сын – такой...” Нашим младшим сыновьям на двоих тогда набиралось 1,5 года. Ровно через месяц, 9 марта, уже в Кургане я узнал, что Володя погиб. Однажды в Грозном он попросил: “Напиши, как со мной все случится”.

Писать о погибшем товарище – горькая участь, сердечная боль.

6 марта в Грозном с утра начались ожесточенные бои, дуэвцы пытались захватить город. БТР Курганского СОБРа из

Военного управления МВД России в Чечне был направлен на 6-й КПП для эвакуации раненых.

На проспекте Ленина группа попала под жестокий обстрел дудаевцев. Из многоэтажек, справа по ходу движения БТРа, они вели огонь из пулеметов, автоматов, снайперских винтовок. Пули беспрерывно долбили по броне. Костя отвечал короткими очередями, БТР продолжал движение. Справа, от пятиэтажного общежития, выскочил чеченец и в упор расстрелял курганский БТР из гранатомета “Муха”. Осколками были ранены командир и водитель БТРа. Бронетранспортер еще медленно двигался, пока не ткнулся в дерево.

Было решено укрыться в частном доме, до которого от подбитого БТРа оставалось всего несколько метров. Володя выдвинулся вперед и закричал: “Уходите, я вас прикрою!”, стал стрелять из своего ПКМС по окнам общежития, откуда вели огонь боевики. Весь их огонь Володя принял на себя. Он продолжал стрелять, прикрывая отход товарищей и был тяжело ранен в ноги и живот. Сам серьезно раненный, командир приказал своим бойцам: “Несите Васильевича, я дойду сам”.

Укрылись во дворе, стали перевязываться. Вышла хозяйка – чеченка, предложила собровцам перебраться в дом. Подхватив раненых, собровцы вошли в помещение, продолжили перевязку. Чеченка подтерла следы крови на крыльце. Спустя некоторое время в дом постучали чеченские милиционеры – они искали собровцев. Хозяйка их непустила, сказав, что русские ушли в ближайшие развалины. Оказав помощь раненым, собровцы заняли оборону у окон.

Боевики начали обстрел дома из гранатометов. Стали рушиться стены, начался пожар.

В этом бою 6 марта в Грозном вместе с майором Звонаревым погибли полковник Евгений Викторович Родькин и лейтенант Константин Борисович Максимов.

Позднее собровцы дважды пытались вынести тела погибших товарищей, вели тяжелые бои, но безуспешно. Была принята большая операция СОБРа при поддержке танков, но пробиться к дому, где приняли свой последний бой Владимир Звонарев и Евгений Викторович Родькин, не удалось, дудаевцы укрепились за рекой Сунжен основательно. Только путем переговоров представителей МВД с местными жителями уда-

лось вернуть тела и впоследствии похоронить погибших офицеров Курганского СОБРа в родной земле.

Память моя живет сейчас самостоятельной жизнью, сопротивляясь понятию “был”, упорно отстаивая свое “есть” – нет сил смириться с гибелью Володи.

Февраль. Наш БТР мотается весь день по Грозному, сопровождаем колонны. Выпал снег, встречный ветер пронизывает до костей, Володя с пулеметом устроился на корме БТРа, прикрывает нас с тыла. Перекрикивая вой двигателя, спрашиваю его: “Володя, ты свой броник “Модуль-5” из-за таких слабеньких морозов надеваешь?” Он смеется, утвердительно кивает головой и машет рукой – отстань. Володя – первый номер нашего пулеметного расчета, мой командир – отличный, опытный боец, веселый, добрый товарищ.

Каждый день, иногда ночью вспоминается “Володя сказал так, сделал это”. Крутится бесконечная лента-фильм “Володя живой”. Вот он молоденький блюститель порядка отдела внутренних дел Октябрьского района города Кургана. На все еще смотрит широко открытыми, удивленными глазами. Надо учиться этой увлекательной, но нелегкой и опасной профессии. А вот он уже курсант Хабаровской высшей школы милиции. Учится хорошо, а иначе зачем. Не ради корочек диплома, а чтобы стать настоящим профессионалом, сидит Володя Звонарев долгими часами над мудрыми книгами, занимается в спецклассах и спортивных залах.

На его плечи вместе с офицерскими погонами легли заботы о спокойствии и безопасности тысяч людей, чей покой должен обеспечивать оперуполномоченный Звонарев.

Во все времена службы его отличали высокая гражданская зрелость, непримиримость к правонарушителям, последовательность и принципиальность в действиях, открытость и доброжелательность в общении с людьми. На его послужном счету десятки раскрытых сложных и запутанных дел, задержанных и обезвреженных преступников. Преступающие закон всегда боялись встречи со Звонаревым, ибо он был смелым и решительным человеком, всегда принимал меры по неотвратимости заслуженной кары.

Перед последней поездкой в Чечню собрал Звонарев в родительском доме всю свою большую родню. До позднего

вечера 31 января готовились соборцы к поездке, лишь около 22 часов получили обмундирование. В Щучье Владимир приехал после полуночи. Все так и сидели за накрытым столом, ни к чему не притронувшись. Едва он появился в доме – сразу смех, шум, анекдоты. Вот и гармонь в руках Володи запиликала – в семье Звонаревых петь любили частушки, русские народные песни. Чуть что, Володя звал сестру: “Натка, пойдем на крылечко, песни петь”. И голосили вдвоем на все село: “Ой, мороз, мороз, не морозь меня”. А в последний его домашний вечер каких только песен не пели! Под утро уже мама, Лидия Николаевна, уговаривать начала: “Отдохни хоть чуток” “Да ну, мама, – отмахнулся, – мне в поезде, знаешь, какой отдых предстоит”.

Еще по пути в Чечню Евгений Викторович Родькин купил магнитофонную кассету с записями ансамбля “Золотое кольцо”, исполняющего русские народные песни. В Грозном “Кольцо” слушали постоянно. Володя – вечный неунывающий живчик, в столовой ел, стоя рядом с магнитофоном. Ел, напевая, даже слегка приплясывая. Добрые, хорошие песни подтягивались хором. Сейчас, когда я слышу эти песни, не могу сдержать слез: снова вижу Грозный, снова слышу, как Володя вместе с Надеждой Кадышевой – солисткой “Золотого кольца” – поет: “Виновата ли я?” Он не виноват, что идет эта поистине подлая чеченская война, ни в чем не виноваты его родители, жена и дети. Но почему то за все отвечают Звонаревы, Родькины, Максимовы.

Тяжело раненный, Володя умирал, шепча пересохшими, посиневшими губами “Пить!” А дома, в далекой зауральской деревушке в ту ночь мама видела во сне, как сын просил воды, а она нигде не смогла найти ее ни капли.

Время идет, а мы с Володей так и остаемся в нашем грозненском феврале.

Наш БТР уходит из аэропорта Северный. Володя с брони машет мне рукой. Когда расставались, он улыбнулся, хлопнул меня по плечу, сказал: “Держись, Второй! Вернусь, поедем ко мне в Щучье и все будет хорошо”. Прощаться мы не стали.

Они простились в Щучье шестого апреля. Прошел ровно месяц после того, как Владимир Звонарев был убит. Они простились навсегда. Одному продолжать жизненный путь. Другому – вечная память.

Анатолий КОЛЕСНИКОВ

МАКСИМОВ Константин Борисович

Лейтенант милиции Максимов Константин Борисович родился в городе Кургане 18 августа 1969 года. Служил в органах МВД с марта 1991 года. Участвовал во многих боях с чеченскими сепаратистами. Погиб 6 марта 1996 года в городе Грозный. Награжден орденом Мужества посмертно. Похоронен на Рябковском кладбище города Кургана.

ИЗ СЛУЖЕБНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Максимов Константин Борисович шестнадцатилетним юношей начал свою трудовую деятельность каменщиком СМУ-1 Главкурганстроя. Без отрыва от производства окончил вечернюю школу. В 1988-1990 годах проходил срочную военную службу в специальных моторизованных милицейских частях на территории Грузии и Азербайджана. Здесь в условиях активизации процессов, предшествующих развалу союзного государства, резкого обострения криминогенной обстановки получил он свои первые уроки мужества и верности служебному долгу. После демобилизации в марте 1991 года сержант Максимов Константин Борисович был принят в органы внутренних дел на должность милиционера патрульно-постовой службы города Кургана. В ноябре 1991 года при задержании вооруженного преступника был ранен.

В 1993 году в составе оперативно-следственной группы трижды находился в зоне чрезвычайного положения по оказанию практической помощи органам внутренних дел Северной Осетии и Ингушетии.

Во время паводка в 1994 году за проявленные мужество и самоотверженность Максимов Константин Борисович награжден медалью "За спасение утопающих".

В июле 1994 года Константин был назначен на должность

★ Вечная память ★ Вечная память ★ Вечная память ★

оперуполномоченного СОБР УОП и получил свое первое офицерское звание – “младший лейтенант милиции”. В 1995 году принимал участие в разоружении незаконных бандформирований в Чечне. За смелые и решительные действия при раскрытии преступлений и охране общественного порядка неоднократно поощрялся руководством.

В феврале 1996 года в связи с наличием боевого опыта и служебной необходимостью был добровольно откомандирован повторно в Чеченскую Республику. 6 марта погиб в бою.

Из воспоминаний брата Андрея Максимова

Семья наша была среднего достатка. Отец работал шофером, мама – парикмахером. Мы росли с Костей вместе. Было у него два излюбленных увлечения – чтение книг и настольные военные игры: солдатики и казаки-разбойники. Ну и, само собой, игра с ребятей на улице и просмотр фильмов по телевизору. Костя особенно любил комедии, так как сам был веселым и озорным. Любимец семьи, все шалости ему сходили с рук – младший же... Любил животных. Вечно в доме были котята, щенки, которых он приносил с улицы и старательно выхаживал.

Годам к 14 стал серьезнее, сдержанней. Уже в эти годы в Косте проглядывали качества, ставшие впоследствии для него определяющими навсегда – доброта, скромность и смелость. Если в школе пятерку получит, то не бежит к родителям с дневником, смотрите, мол. Знал, что к концу недели мама и так проверит. Кстати, подобная скромность относилась и к неприятностям. Если явится с синяком под глазом или с разорванным пиджаком – никогда не пожалуется. Добиться от него, что случилось, было трудно. Как-то ушел на Тобол с приятелем купаться, никому ничего не сказав. Свалившись с водного велосипеда на середине реки, стал захлебываться, тонуть. На счастье, заметил это студент Александр Симонов, кинулся в реку и спас Костю, а мы узнали об этом из заметки в областной газете.

Всегда Костя был непритязательным и самостоятельным. Брюки погладить, рубашку постирать, прибрать в квартире, приготовить обед – с этим у нашей мамы забот не было.

Косте было 14 лет, а я уже служил в 3-й роте батальона патрульно-постовой службы. И он при каждом удобном слу-

чае напрашивался поучаствовать в патрулировании, дежурстве, расспрашивал дома о разных случаях – словом, проявлял интерес к моим делам. К тому времени он уже успел окончить курсы каменщиков и за хорошую учебу и успехи на практике его фото, наряду с другими отличниками, поместили в газете “Молодой ленинец”.

Он работал в бригаде Героя Социалистического Труда Геронтия Лория, учился в вечерней школе и занимался в секции гири и штанги. Руководителем там был инспектор Первомайского ОВД Николай Грачев, сыгравший впоследствии большую роль в жизни Константина. Как удавалось такое “совместительство”, можно судить хотя бы по тому, что в 16 лет Костя получил юношеский разряд по штанге, а по работе в ОКОД – знак ЦК ВЛКСМ “За отличную работу по охране общественного порядка”, получить который окодовцу все равно, что милиционеру – “Отличника милиции”.

Забегая вперед, скажу, что Костя имел за свою службу два знака “Отличник милиции”, что встречается редко. А еще у него были занятия водным туризмом, походы на катамаранах по горным рекам. Многое другое, что было...

Несмотря на такую разносторонность увлечений и возможностей, с выбором своей жизненной профессии он уже тогда четко определился. Тем более, что выбор был подсказан и “фамильным фактором”. Отец наш в свое время прослужил 12 лет в органах милиции, дядя Юрий Иванович находится на пенсии после выслуги лет там же, я отслужил 11 лет в милиции, а двоюродные братья Александр Рыжов и Сергей Максимов продолжают служить и поныне.

Когда пришло время Константину уходить на срочную службу, выбор его был однозначен – в войска МВД. Там ему впервые пришлось узнать, что такое Кавказ, Кутаиси, Нахичевань, разгоряченные вооруженные люди, готовые в любую секунду нажать на курок, что такое брошенный из толпы булыжник, разбивший твой пластмассовый “бронешит”, а заодно и лоб, и многое другое. Однако вернулся Костя со службы не обремененный, уверенный в себе, полный планов на будущее. Долго отдыхать не стал.

Вскоре уже был курсантом учебного центра УВД, окончил его с отличием. Работать начал в самой универсальной пат-

рульно-постовой службе, ставшей для него хорошей школой. Там снова были патрулирования, задержания нарушителей, ежедневная борьба со злом, там он получил ранение и травму, и два “Отличника милиции”, и медаль “За спасение утопающих” во время паводка, и командировку в Чечню.

Даже простые перечисления этих фактов за 3 года службы дают представления о нем, как уже о сложившемся сотруднике милиции. По рекомендации Николая Грачева Костя стал оперуполномоченным Курганского СОБРа.

Хочу отметить, что Костя всегда был очень чутким, заботливым сыном. Отца не стало, мама, вышедшая досрочно на пенсию по болезни, часто болела. Но не было ни одного дня, чтобы он, живший тогда уже отдельной семьей, не заскочил к ней хоть бы на пару минут, не принес что-нибудь по мелочи, не проявил заботу.

Перед его последней “чеченской поездкой” попрощаться нам не пришлось. Я к тому времени уже 5 месяцев находился в Чечне, в составе Федеральных Сил. Но мама рассказала – перед самым отъездом Костя, зайдя к ней попрощаться, принес крошечного черного котенка, пусть мол живет, вам вдвоем будет веселей. Он остался верен себе, своему детству, остался добрым, скромным, сильным.

Многие его сослуживцы, друзья, с которыми я встречаюсь, всегда очень тепло отзываются о моем брате. Служба в милиции не мед, что скрывать, бывает, и сорвешься. Но Костя себе этого не позволял. Никогда.

Он остался у меня в памяти таким, как мы виделись с ним в последний раз летом 1995 года – веселым, собранным, как-то мягко улыбающимся, может быть, бессознательно подражающим в манерах своему командиру – Евгению Викторовичу Родькину, которого я тоже знал много лет и уважаю исключительно. А возможно, это были люди одного склада, одних жизненных позиций. Главное, чтобы таких людей в жизни, а в милиции особенно, было как можно больше.

Из воспоминаний майора милиции Николая Грачева

С Константином Максимовым я познакомился в декабре 1983 года, когда работал участковым инспектором милиции в

поселке Северный. Костя здесь жил, учился в школе и записался в комсомольский отряд по охране общественного порядка. Отряд был у меня отличным помощником в обеспечении спокойствия и порядка в поселке и его окрестностях. И хотя по возрасту мы были неодинаковы, но между нами завязалась дружба. Костя стал ходить в секцию гиревого спорта. Был очень сильным парнем. Мизинцем руки подымал двухпудовку больше десятка раз. Но покоряла меня и его друзей не сила Константина, а широта его души, надежность, обязательность, настойчивость, смелость и скромность.

После службы в армии я пригласил Константина в СОБР, потому что доверял ему во всем, знал, что он ни в чем не подведет. В служебных делах он был щепетилен до предела. В 1995 году мы направлялись в Чечню. Когда были уже в Москве, Костя Максимов получил телеграмму о смерти отца. Он немедленно вылетел в Курган, организовал похороны, и, когда мы грузились в аэропорту на вылет, он неожиданно для всех появился там. Вылетел в командировку и показал себя замечательным бойцом и товарищем в тяжелейших условиях боевых действий. Это был настоящий защитник Отечества.

Из воспоминаний Тамары Ивановны Ивановой

Моя дочь Ираида познакомилась с Костей Максимовым и пригласила его домой. Он мне сразу же понравился. Что значили только его глаза! Взгляд был чистым, открытым и теплым. Я сразу доверила ему свою дочь. И не ошиблась. Он вошел в нашу семью как настоящий сын. Все мужские заботы взял на себя и делал их увлеченно, с душой. Костенька опекал нас трепетно, делал все с такой любовью, что у меня замирало сердце.

Тому, как Костя любил мою дочь и как ее обожал, завидовали все соседки и его друзья тоже. Они будто были рождены друг для друга.

В 1995 году была его первая командировка в Чечню. Все два месяца мы не отходили от телевизора, слушали радио, зачеркивали прошедшие дни. Бог уберег нашего Костю, он приехал живой и здоровый.

Через 3 месяца ему пришлось снова уехать в Чечню. Я так

плакала, так боялась за него, мое сердце подсказывало, произойдет что-то недоброе...

Как бы мне хотелось снова услышать, как прежде говорил Костя: “У меня золотая теща”. Но нет его, не слышно его душевных, ободряющих слов. Словно опустел наш дом.

Из воспоминаний жены Ираиды Максимовой

Мы познакомились с Костенькой, когда он уже успел отработать год в патрульно-постовой службе после демобилизации из армии. У меня даже в мыслях не было, что Костя работает в органах милиции, потому что он был такой добрый, обходительный, вежливый, внимательный и веселый. Я очень удивилась, узнав о его месте работы.

Мы с Костей прожили пять счастливейших лет. Он не изменился в отношениях ко мне. Все пользовались его добротой, все уважали его и любили, да и невозможно было его не любить.

Моя мама любила Костю больше, чем меня, свою дочь. Все удивлялись, как дружныхонько они жили.

Костенька очень любил ребятишек и разных животных. Наша собачка (карликовый пудель) однажды выпрыгнула к нему с третьего этажа, так сильно его любила и ревновала ко всем. До сих пор, когда мы произносим имя Костя, она начинает бегать и искать его по квартире. Помнит.

Если к нам приходили гости, (а они приходили часто), Костик всегда помогал мне на кухне. Он все умел делать. Ухаживая за гостями за столом, он был внимательным и ко мне. В компании был всегда в центре внимания, сам был веселым и всех веселил.

Когда я училась, Костенька взял многие домашние хлопоты на себя. Тряс половики, мыл пол, стирал белье. А как он умел вкусно готовить! Особенно удавались ему отбивные котлеты, яичница с помидорами и луком. Любил, когда я пекла для него и товарищей пиццу. Делала ее большую, на весь противенъ, чтобы всех угостить.

Он всегда просил меня за него не беспокоиться, уверял, что с ним ничего не случится. И в последний наш разговор по телефону 23 февраля 1996 года обещал мне вернуться скоро живым и здоровым... Уходят годы, но я продолжаю его ждать, любить и помнить.

записал Геннадий УСТЮЖАНИН

БУДАЕВ Эдуард Георгиевич

Будаев Эдуард Георгиевич родился 13 января 1970 года в селе Пичугино Варгашинского района. В органах внутренних дел служил с сентября 1990 года. Участвовал в контртеррористических операциях на территории Чеченской республики. Погиб при исполнении служебных обязанностей 8 октября 2000 года. Награжден орденом Мужества, посмертно. Похоронен на кладбище поселка Варгаши.

Эдуард Георгиевич Будаев начал службу с должности милиционера-водителя службы обеспечения Отдела внутренних дел Первомайского райисполкома города Кургана. В декабре 1997 года назначен на должность водителя автохозяйства Управления Внутренних Дел области. В Чеченскую Республику прапорщик Будаев был направлен в августе 2000 года для выполнения служебно-боевых задач. В составе Мобильного отряда МВД России милиционер значился как водитель группы тылового обеспечения.

8 октября 2000 года по заданию командира Эдуард Георгиевич поехал за водой для подразделений, располагавшихся в Грозном. На одной из улиц города автомобиль, управляемый Будаевым, был обстрелян. Боевики вели массированный огонь из автоматического оружия. Получив пулевое ранение в голову, Эдуард Георгиевич продолжил движение и сумел вывести машину из зоны обстрела. Тем самым была спасена жизнь бойца отряда милиции особого назначения УВД Орловской области, который в качестве сопровождающего лица находился в кабине автомобиля. Однако рана для прапорщика милиции Будаева оказалась смертельной.

Елена СОКОВИШИНА

★ ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ★ ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ★ ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ★

ВАГАНОВ Роман Иванович

Роман Иванович родился 17 августа 1977 года в селе Карагай Пермской области. С 1980 года жил в рабочем поселке Мишкино. Сержант милиции, участвовал в контртеррористических операциях на территории Чеченской республики. Тяжело ранен. Скончался в госпитале 25 августа 2001 года. Указом Президента Российской Федерации награжден орденом Мужества, посмертно. Похоронен на кладбище поселка Мишкино.

Двадцать пятого августа 2001 года в госпитале Москвы скончался сержант милиции Ваганов Роман Иванович от ран, полученных 22 июня 2001 года в Грозном, в результате подрыва автомобиля “Урал”, на котором он вместе с товарищами по сводному отряду УВД Курганской области возвращался с боевого задания в расположение своего блокпоста №15.

В декабре 1995 года Роман был призван в ряды Вооруженных Сил России в Федеральную пограничную службу. Служил старшим водителем автомашины в поселке Камень Рыболов Приморского края.

После службы в армии сразу пришел работать в милицию, инспектором дорожно-патрульной службы в отделение ГИБДД районного отдела внутренних дел.

9 мая 2001 года был командирован в составе сводного отряда милиции Курганской области в Чеченскую республику. Там зарекомендовал себя положительно. За добросовестное выполнение служебных обязанностей пять раз поощрялся руководством отряда.

При отражении вооруженных нападений со стороны незаконных вооруженных формирований действовал решительно. Бдительно нес дежурство на контрольно-пропускном пункте. С целью розыска угнанного автотранспорта, задержания лиц, находящихся в розыске, изъятия незаконно хранящегося оружия и боеприпасов им лично было досмотрено 895 грузовых

и легковых автомобилей, проверены документы у более тысячи граждан. Для сопровождения автоколонн выезжал в различные районы Грозного. За добросовестное выполнение обязанностей и личное мужество был награжден знаками: «Участник боевых действий», синим крестом “За верность долгу”.

22 июня 2001 года он не должен был участвовать в операции, но вызвался добровольцем...

Трагедия произошла около 14 часов, когда тяжелый бронированный “Урал” поравнялся с “Жигулями”, стоящими на обочине дороги. До блокпоста оставалось не более 300 метров. Раздался взрыв огромной мощности. Это боевики привели в действие радиоуправляемый фугас, заложенный в легкой автомобиль. Пострадали все, кто находился в милицеском “Урале”. Сразу был убит водитель - омоновец из Тувы, ранены 8 сотрудников УВД сводного отряда милиции Курганской области. В этом “Урале” был и Роман.

Рассказывает мама Романа

Роман рос послушным и добрым мальчиком. Мальчик как мальчик, правда, делал все не спеша. Рос он без отца. Помогали мне в воспитании детей их бабушка и дедушка. Поэтому мальчик был добрый характером и сердцем, с ясными большими глазами, цвет которых менялся в зависимости от окружающего мира и настроения. Они могли быть ярко-зелеными и ярко-голубыми, и даже цвета морской волны. Но если ему было плохо, глаза были серые. Я всегда детям смотрела в глаза, когда они возвращались домой. По глазам могла узнать: напроказничали они или сделали что-то доброе. Не зря говорят, что глаза – это зеркало души.

Еще я люблю улыбку Романа. У него открытая и добрая улыбка. Он весь был такой: открытый и добрый. Хотя, в наше время, доброта скорее стала недостатком, чем достоинством. Добрым и честным детям всегда труднее в жизни. Особенно когда они сами учатся жить и стараются жить правильно, по законам справедливости.

Я всю жизнь работала, иногда и на двух работах. После смерти отчима Роман заменил младшему брату и отца, и няньку. Что говорить, повзрослел он рано. В 12 лет я с ним говорила и советовалась уже как с равным. Он был немногословен и

степенен. Ему часто мешала жить суета нашей жизни. Да, да, именно суета, я это поняла недавно. В основном мы суетимся, а не живем. Мы пишем свою жизнь, как бы на черновик, и думаем, что можем или успеем написать и чистовик или хотя бы что-то подправить. Но это, мне кажется, еще никому не удавалось, поэтому мы быстро учимся ненавидеть, к сожалению, быстрее, чем любить. Я где-то читала, что мы любим людей за то добро, которое им несем, и ненавидим за то зло, которое им причиняем.

Я всё думаю об этой войне, – хотя ее войной не называют. А как объяснить те раны, которые превращают молодых парней в инвалидов, в “груз-200”, в горе матерей, отцов, сестер, жен, дочерей... Как и чем это можно объяснить, измерить и пережить? И как жить с этим горем? Если бы вы знали, как это трудно, почти невыносимо.

Мой сын, мой Рома! Были в его жизни и детство, и юность, и любовь, и возмужание, и работа, и свадьба, и семья, любимые жена и дочь. Это была его автобиография. И была в его жизни Чечня. И было 22 июня 2001 года. Ребята рассказывали, что, уходя с боевого дежурства на КПП-15, 22 июня утром Роман пошутил, чтобы ребята не начинали без него третью мировую войну.

И была поездка в Ханкалу. И был этот проклятый взрыв.

Тяжелое ранение. Просьба о помощи. Потеря сознания. И 64 дня борьбы за жизнь...

Весть о ранении старшего сына я получила, когда вернулась с младшим из Ярославля. Мы были с ним на обследовании в военно-медицинской академии. Мы с женой Романа, Надеждой, вылетели во Владикавказ. Роман находился в госпитале. То, что нам сообщили в госпитале о ранении Романа, было для нас тяжелейшим ударом. Роман был парализован полностью. А голова была ясная, он был в сознании. Он обрадовался нам. И успокоился. В глазах загорелась надежда – жить. Он не мог дышать самостоятельно. Поэтому его не отвезли и не госпитализировали в окружной госпиталь в Ростов-Дону.

Однажды к нам вышли врачи и сказали, что его вообще не будут госпитализировать в окружной госпиталь. Трудно описать чувство отчаяния, охватившее нас. Врачи отводили ему

жизни еще на неделю или две. И открыто об этом говорили. Казалось, все небо и горы упали на меня в тот момент и придавили. Стало трудно дышать. От отчаяния я кинулась звонить сестре.

К нам, во Владикавказ, вылетела моя сестра, тетя Романа, Татьяна Ивановна. Она здорово меня поддержала. С ее помощью мне удалось добиться, чтобы Романа отправили в окрестной госпиталь в Ростов. Роман мог не вынести дороги. Да, он мог не вынести, но он перенес этот перелет. Я восхищаюсь его мужеством. Ни единого стога, ни жалобы.

В Ростове его научили дышать. Там очень хорошие доктора, очень. Благодаря им и молитвам добрых людей, прихожан церкви Пресвятой Богородицы в честь иконы Её "Целительница" Роман стал самостоятельно дышать. Через две недели нас отправили в Москву, в главный госпиталь МВД. Еще месяц мой сын мужественно сражался за свою жизнь. Он часто смотрел через окно в небо. Там прыгали парашютисты с самолетов. Я догадывалась, о чем он думал. Потому что его выдавали глаза. Они были серые. Я любовалась сыном и восхищалась его мужеством. Во мне боролось много чувств. Они душили меня. И это были самые тяжелые дни моей жизни.

25 августа 2001 года около 2 часов московского времени Рома заснул навсегда. Окончилась борьба за жизнь. Жизнь отступила. Не мне судить, но я знаю: он достоин вечной жизни. Я просила об этом Господа Бога, когда Рома умирал. Я читала молитву над ним. Я молила о его душе. И я знаю, Господь меня слышал. Это я точно знаю. Жена Надежда и брат Романа Андрей просили Господа об этом же. Рома ушел спокойно.

Перенести все это, Боже! Несмотря ни на что, жизнь продолжается. Она продолжается в моем сыне Андрее. Со снохой Надеждой у меня нормальные отношения. А у внучки Анастасии Романовны, ей четыре с половиной годика, – папины глаза. Такие же – то ярко-зеленые, то ярко-голубые и даже цвета морской волны, а то и серые...

Хочу, чтобы она была в жизни доброй и стойкой, как ее отец Роман Иванович.

Галина Ивановна ВАГАНОВА

ЛИСИХИН Владимир Анатольевич

Владимир Анатольевич родился 5 января 1962 года в селе Менщиково Кетовского района. В органах внутренних дел служил с декабря 1982 года. Принимал участие в контртеррористической операции в Чеченской республике. Погиб при исполнении служебных обязанностей 12 мая 2002 года. Награжден орденом Мужества, посмертно. Похоронен на кладбище города Кургана.

Владимир Анатольевич Лисихин за время службы в роте батальона патрульно-постовой службы милиции Управления внутренних дел города Кургана имел более тридцати различных поощрений. За время службы много раз направлялся в служебную командировку на Северный Кавказ. Последняя состоялась весной 2002 года в составе курганского ОМОНа, к которому он был прикомандирован. Он принимал участие в специальных операциях по выявлению незаконных вооруженных формирований, выезжал в различные районы города Грозного и многие другие населенные пункты Чечни. В его задачу входило сопровождение автомобильных колонн с личным составом и специальными грузами. Вооруженные нападения со стороны боевиков были нередкими. Но всегда Владимир Анатольевич Лисихин проявлял смелость, находчивость и решительность. Действовал грамотно и разумно, сохраняя спокойствие и выдержку. 12 мая 2002 года для получения продуктов питания в Ханкалу была сформирована колонна из двух автомобилей: ЗИЛ – Курганского сводного отряда милиции и Урал – ОМОНа УВД Пензенской области. Во второй половине дня колонна возвращалась в Грозный к местам дислокации. На одной из улиц города автомобиль Урал был подорван на радиоуправляемом фугасе. В кабине находились водитель ОМОНа Пензенской области и старшина Владимир Анатольевич Лисихин. Оба сотрудника милиции погибли от полученных смертельных ранений.

Елена СОКОВИШИНА

Сергей Геннадьевич родился 8 мая 1975 года в поселке Новопокровка Северо-Казахстанской области. В органах внутренних дел Курганской области служил с декабря 1995 года. Погиб в Чеченской республике 22 июня 2001 года при исполнении служебных обязанностей. Награжден орденом Мужества, посмертно. Похоронен на кладбище поселка Водный Притобольного района.

С простой, “на документ”, увеличенной фотографии на нас смотрит совсем еще молодой мужчина в милицеской форме: открытое лицо, ясные глаза, чуть сжатые губы, словно боялся, когда фотографировался для “личного дела”. И тут же, в углу, широкая траурная лента – черная полоса, которая подвела итог жизни...

Двадцать шесть лет ему было, когда за тысячи километров от родного дома произошел трагический случай, повлекший за собой смерть старшего сержанта милиции Сергея Геннадьевича Сапожникова.

Нет больше Сережи, не обнимет он уже своих пожилых родителей, не приласкает свою молодую жену, не поиграет с еще не успевшим родиться ребенком. Навеки останется он в памяти родных, друзей, знакомых улыбчивым, жизнерадостным парнем, полным надежд и планов на будущее. И тем сильнее горе близких, что не успели сказать ему все то, что чувствовали, что ценили в нем и любили. Ведь и уехал Сергей практически внезапно: за день до отъезда никто из родных, и даже он сам, еще ничего о командировке не знали. Так получилось, что Сергей хоть и хотел, но не оказался в этот раз в числе кандидатов на поездку в Чечню. Но буквально за день до отъезда сводного отряда в зону военных действий освобождено место, и Сережу включили в состав отряда.

Очень тяжело беседовать с родными и друзьями Сергея –

так свежо еще было горе. И хочется, чтобы многие узнали о том, каким он был человеком. Прежде всего, что в нем отмечали – это его веселый нрав и располагающую, открытую улыбку на лице. Такой уж у него был характер, что улыбался он всем. И таким бодрым, жизнерадостным настроением он заражал тех, кто с ним общался.

Друзья Сергея вспоминают, что излишних запросов у Сергея не было, и что мечты у него были самые реальные. Ну, например, купить нашу отечественную машину, как ее величают в народе, “копейку”, и довести ее “до ума” своими руками. Ведь еще в детстве у Сергея было увлечение – собирать макеты самолетов, машин. Работа трудоемкая и кропотливая. Ему хотелось также построить собственными руками дом для своей семьи. Был куплен уже и участок под него, но не успел осуществить Сергей и эту мечту.

Говорят, что о мертвых можно сказать либо только хорошее, либо совсем ничего. Но о Сергее, даже если и сильно постараться, плохого вспомнить нельзя, просто нечего. Товарищи по службе, друзья, односельчане, все, кто хорошо знал Сергея, говорили, что у него не только грехов, даже грешков не было. Никогда и никому он ни в чем не отказывал, будь то помощь родителям в уборке урожая, или в постройке дачи для друга. И сейчас, когда Сергея уже нет, родным и близким тяжело оттого, что не успели отблагодарить его, ответить ему добром на его добро.

Очень тяжелая атмосфера была на похоронах. Глядя на родных и близких Сергея, становилось невыносимо больно и от жалости к ним, и от собственной беспомощности, что не можешь хоть чуть-чуть облегчить их горе.

Бывший сослуживец и друг Сергея Алексей Русаков потом признался, что у него все это время было такое чувство, что душа Сережи бьется о стенки запаянного цинкового гроба и не может оттуда вырваться на волю. И что хотелось ему помочь другу, проделать отверстие в гробу и отпустить его душу на свободу.

Сослуживцы отмечали в Сереже безотказность и общительность. Все в нем было как-то уравновешено. Он имел хорошие отношения с товарищами. Среди приятелей были не только люди одного с ним возраста, но и гораздо старше. С легко-

стью Сергей поддерживал отношения в любой, даже мало-знакомой компании, был веселым парнем, располагающим к себе. Друзьям было с ним интересно. Сергей очень любил музыку. Любил танцевать и делал это отлично.

Дмитрий Литвинов – друг и одноклассник, выделял в Сергее, как и другие, доброту и отзывчивость, готовность помочь. Еще до службы в милиции нравилось Сергею заниматься хозяйством, возиться с техникой. Не раз выручал односельчан – ремонтировал колхозные комбайны, машины. И поэтому, как многие пареньки, он поступил после школы в Куртамышский сельскохозяйственный техникум.

А затем был призван на военную службу, где и служил во внутренних войсках МВД рядовым – водителем. Еще будучи в армии, Сергей Геннадьевич первый раз побывал в Чечне.

“За время прохождения службы зарекомендовал себя с положительной стороны. К выполнению служебных обязанностей относится добросовестно, вверенную технику знает и содержит в порядке. По характеру спокоен, уравновешен. Приказы выполняет добросовестно. Волевые качества: настойчивый, целенаправленный, уверенный в себе, инициативный” (из служебной характеристики на рядового войсковой части Сапожников С.Г.).

Демобилизовавшись, Сергей Геннадьевич решил продолжить службу в родном министерстве, уже в качестве сотрудника милиции. И 20 декабря 1995 года его приняли стажером на должность милиционера охранно-конвойной службы отдельной роты при УВД.

“За время прохождения стажировки Сапожников Сергей Геннадьевич зарекомендовал себя с положительной стороны. По характеру тактичен, спокоен, честен. В коллективе поддерживает дружеские отношения. В строевом отношении подтянут, аккуратен” (из заключения о проверке соответствия занимаемой должности).

А спустя три года Сергей Геннадьевич Сапожников получил повышение – стал старшим конвоя этого же подразделения. Помимо стажа, назначению на эту должность способствовали личные качества и заслуги. По словам командира, майора милиции Николая Орлова, Сергея Сапожникова отличало исключительно добросовестное исполнение обязаннос-

тей, умение организовать работу подчиненных сотрудников, сообразительность, способность принимать решения в нестандартных ситуациях, исполнительность в плане решения конкретно поставленных задач, активное участие в охране общественного порядка.

«У каждого из нас есть черные дни. И мы помним их столь же ярко и подробно, как и радостные. Для меня 23 июня 2001 года – один из таких черных дней, когда узнали о гибели сына, – вспоминает мама Сергея Геннадьевича Сапожникова Лидия Васильевна. – Даже сейчас, по прошествии трех лет, когда вроде бы все установилось, я помню тот страшный день с поразительной отчетливостью. Когда в дом зашли люди в погонах с траурными виноватыми лицами, я поняла: случилось непоправимое.

– То, что Сережа пойдет в Чечню, – продолжает Лидия Васильевна, – мы узнали, когда поезд был уже в пути. Он пытался перед отъездом до нас дозвониться, но так мы с ним в последний раз и не поговорили. Все случилось так неожиданно – заменить ему пришлось кого-то, не он должен был ехать. То ли чувство ответственности в нем было так глубоко, что он, не задумываясь, уехал за другого... Еще когда он служил срочную, ему тоже пришлось четыре месяца в Чечне воевать. Мы тогда всей семьей просили не ехать – не помогло. Оставить своих друзей по службе он считал предательством – «они уедут, а я здесь останусь, и как после этого я им в глаза смотреть буду?» Уехал. Писал оттуда такие письма, будто на курорте был, а не на войне. Тогда Бог его миловал.

А вообще он с детства такой, везде кому-то помогал, кого-то выручал. В школе учился не особо, но любил технику и отцу все время «Запорожец» чинил. Когда повзрослел, с отцом уже на комбайне работал. Из-за любви к технике поступил в Куртамышский техникум, который закончил на одни четверки. Вот его студенческие фотографии.

Открыв толстый альбом, Лидия Васильевна показывает снимки Сергея Геннадьевича, где он с друзьями и один. Улыбчивый, симпатичный парень смотрит на нас с цветных и черно-белых фотографий.

– Ночами часто не сплю, все перебираю фотографии. Вот видите, – Лидия Васильевна показывает фото внука, – он ро-

дился уже после гибели Сережи. Именем отца назвали. А вот Сережа-сын, тут ему на фото один годик. Внук-то, вылитый отец. Один к одному. Только глаза у него Наташины, снохи нашей. Большеглазенький ты наш! – Целует фотографию. – Приезжают они к нам частенько. Сережа возьмет портрет отца, целует и говорит: «Папочка, папочка!»

Лидия Васильевна, смахнув слезы, показывает последние снимки сына уже из Чечни:

– Вот Володя Бабкин, это Сережа Захаров с Александром Агуловым. Они частенько к нам заезжают, не забывают. Где Сережа работал, там его тоже помнят. Жене, сыну помогают. Квартиру двухкомнатную дали. У Наташи одна проблема: не может работу найти, хотя и закончила сельхозакадемию с красным дипломом.

Сотрудники Притобольного районного отдела внутренних дел Владимир Бабкин, Сергей Захаров и Александр Агулов с Сергеем Сапожниковым ранее знакомы не были. Хотя он вырос в поселке Водном, наш земляк, но служил в охранно-конвойной роте милиции при областном Управлении внутренних дел. Познакомились уже в поезде, так сказать, в «более тесной» обстановке.

“Отправилась мы в Чечню с вокзала города Кургана 6 мая, – рассказывает бывший заместитель командира по тылу Курганского сводного отряда милиции Владимир Анатольевич Бабкин, – а у Сергея 8 мая день рождения. Естественно, как не отметить 26-летие! У нас у всех четверых дни рождения пришлись на время командировки.

С 11 мая уже под Грозным дежурили на блокпосту. Ребята досматривали автотранспорт, проверяли паспорта и документы. Находили оружие, выявляли боевиков. Иногда они нас обстреливали, а мы их. В общем, все как на войне. Самое трагичное, что случилось в эту командировку, – это подрыв «Урала», на котором мы возвращались на блокпост. Хотя нас по радиации предупредили, что на обочине уже несколько часов стоит “бесхозный жигуль”, решили на большой скорости проскочить. Услышали только хлопок. Очнулся уже на земле. Всех наших выбросило. “Урал” искореженный горит. Тут стрельба началась. Сам ранен, контужен, Саня Агулов тоже в крови лежит и признаков жизни не подает. Сергей был еще в созна-

нии, говорит мне: “Володя, мне так больно. Не сообщайте только маме”. Умер он уже в госпитале, ранения были очень тяжелые».

Жаль, что в мирное время гибнут у нас такие парни. Тогда ведь погиб не один Сергей. У всех остались семьи, дети, а бессмысленность и жестокость этой войны очевидна. По мнению тех, кто там воевал, эта проблема долговечна.

Низкий поклон всем тем, кто по служебному долгу, по зову сердца и в настоящее время находится там, в далекой Чечне, и на дальних рубежах защищает нас с вами. Память о погибших навсегда останется в сердцах ныне живущих.

Сергей КОРЮКИН, Владимир ЖОРОВ

ТИМАШЕВ Александр Александрович

Александр Александрович родился 20 апреля 1978 года в селе Канаши Шадринского района. В органах внутренних дел служил с апреля 2000 года. Участвовал в контртеррористической операции на территории Северо-Кавказского региона. Погиб при исполнении служебных обязанностей 26 мая 2001 года. Награжден орденом Мужества, посмертно. Похоронен на кладбище села Канаши.

Вот как говорит о сыне его отец Александр Викторович:

Саша, Шурик – так звали его родные, друзья, одноклассники. Саша ходил в сад, школу, а затем поступил в Шадринский индустриально-педагогический техникум. Любил играть в хоккей, футбол, как все дети. Учился в художественной школе. Затем его призвали в армию.

Служил в погранвойсках в Дальневосточном пограничном округе, в бухте Посъет на берегу Японского моря, в заливе Петра Великого. Затем учеба в Хабаровском крае на кинолога. Прошло два года службы. Сашу звали работать в Екатеринбург, но он остался в Шадринске. Был принят в роту патрульно-постовой службы милиции ОВД.

18 апреля приехал Саша домой и сказал, что 20 апреля, в день рождения, привезет свою невесту. Решил, что в августе будет свадьба. А 5 мая сообщил, что уезжает в Чечню. Мать и я отговаривали, но Саша сказал, что если он не поедет, то пошлют другого и если с кем-то что-то случится, то как после этого в глаза смотреть людям и сослуживцам.

А это слова о сыне его матери Илсумы Максумовны:

Однажды, в первом классе, катаясь с горки, Саша сломал себе два передних зуба. И только на следующий день, когда отказался от завтрака, я узнала о случившемся и повезла его в больницу. Врач очень удивилась его терпению. Вот поэтому

★ ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ★ ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ★ ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ★

меня не удивило то, что он служит на заставе, а не где-то в городе, то, что он пошел работать в милицию. Решения Саша принимал всегда сам, редко ошибался, никогда не жаловался и всегда заступался за тех, кто в этом нуждался. Работа в милиции, поездка в Чечню воспринималась в семье, как закономерность. Он по-другому не жил.

Александр Тимашев службу начал с должности милиционера роты патрульно-постовой службы милиции ОВД города Шадринска. В мае 2001 года по личной просьбе был направлен в Чеченскую Республику в составе Курганского сводного отряда милиции. Принимал участие в специальных операциях, выезжал в различные районы города Грозного и другие населенные пункты Республики с целью сопровождения автомобильных колонн с личным составом и специальными грузами. При отражении вооруженного нападения со стороны чеченских боевиков действовал грамотно, смело, профессионально и решительно.

25 мая 2001 года Тимашев нес службу на контрольно-пропускном пункте. Осуществлял проверку документов и досмотр автотранспорта, проходящего через блокпост. Во время очередного досмотра автомобиля территория КПП была обстреляна из автоматического и снайперского оружия со стороны прилегающего к зданию блокпоста пятиэтажного жилого дома. От выстрела снайпера Александр Александрович Тимашев получил тяжелое ранение в голову. Скончался в госпитале Владикавказа.

Елена СОКОВИШИНА

ТЕГАЕВ Абдул Муцарович

Абдул Муцарович родился 1 июня 1957 года в селе Петроград Бородулинского района Семипалатинской области.

В органах внутренних дел служил с января 1979 года. Принимал участие в контртеррористических операциях на территории Северо-Кавказского региона. Погиб при исполнении служебных обязанностей в июле 1995 года. Похоронен на кладбище в городе Урус-Мартане Чеченской Республики.

Абдул Тегаев в ОВД Курганской области служил в должностях милиционера спецкомендатуры, начальника отряда спецкомендатуры, заместителя начальника, затем начальника того же подразделения. В феврале 1992 года, на основании личного рапорта, был откомандирован в распоряжение кадров МВД Чеченской Республики. Находясь в служебной командировке в Шелковском районе Чечни, в июне – июле 1995 года, майор милиции Абдул Муцарович Тегаев пропал без вести при невыясненных обстоятельствах. Группа, в составе которой находился Тегаев, производила комплексную проверку ОВД Шелковского района. По завершении задания большинство сотрудников милиции на автобусе выехали в город Грозный, все они в пункт назначения прибыли благополучно. Тегаев на своем автомобиле, вместе с тремя членами инспекторской бригады, направился к месту постоянной службы. У станицы Червленая, миновав блокпост федеральных войск, автомобиль проследовал в направлении Грозного. Далее следы исчезли. К месту службы четверо сотрудников не вернулись. Весной 1998 года тело майора милиции Тегаева Абдула Муцаровича, в числе других сотрудников, со следами огнестрельных ранений, было обнаружено вблизи водохранилища, расположенного между Шелковским и Наурским районами Чеченской Республики. Группа похоронена с воинскими почестями.

Елена Соковишина

★ ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ★ ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ★ ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ★

ФЕДЕНЕВ Александр Сергеевич

Александр Сергеевич родился 2 августа 1979 года в рабочем поселке Лебяжье. В органах внутренних дел служил с июня 2001 года. Погиб в Чеченской республике при исполнении служебных обязанностей 4 ноября 2003 года. Награжден орденом Мужества, посмертно. Похоронен на кладбище рабочего поселка Лебяжье.

Александра я знал еще со школы, где преподавал физическую культуру и начальную военную подготовку, – рассказывает Николай Николаевич Ржанников, заместитель начальника по кадрам Отдела внутренних дел Лебяжьевского района. – Добрый малый. Физически развит, хорошо играл в баскетбол и волейбол. После школы, знаю, мечтал поступить в милицейские учебные заведения. Но не получилось, и был призван в армию. После двух лет срочной службы остался еще на год по контракту. По возвращении домой, в Лебяжье, обратился в райотдел милиции о принятии на службу в органы внутренних дел.

И в июне 2001 года Александр был принят стажером на должность милиционера охранно-конвойной службы изолятора временного содержания Лебяжьевского райотдела. Пролетели шесть месяцев учебы в учебном центре УВД. Накануне Нового года сержант милиции Александр Феденев предстал перед начальником отдела с рапортом о готовности приступить к службе. Новоиспеченный сотрудник легко влился в коллектив охранно-конвойной службы. К строгому распорядку не привыкать – за плечами три года армии. Да и по характеру пришелся, как говорится, ко двору. Умел поддержать разговор, вставить к месту шутку, четко знал свои обязанности по службе.

Коллеги сразу же оценили простоту и отзывчивость парня.

Как сказал старшина милиции Архипов: “На него можно было положиться в любом деле. Он не отказывал в какой-либо просьбе по работе – по жизни всякое бывает. Никто о нем не скажет плохого слова. За два года хорошо узнал службу, был ответственным человеком. Все схватывал на лету”.

С кем ни разговаривал, все отмечали ряд характерных черт Александра Феденева. Он общительный, активный, инициативный, настойчивый, целеустремленный... В то же время честолюбив, стремится к самоутверждению, лидерству, независимой позиции в коллективе. Последние качества его характера и привели к осознанному выбору – подать рапорт на отправку в служебную командировку в составе сводного отряда милиции, дислоцировавшегося в Грозном.

“В нашем подразделении, – говорит старший конвоя прапорщик милиции Карачков, – две трети личного состава побывали в подобных служебных командировках. Александр, когда принял решение, сказал нам: “Вы съездили, и я поеду...” Он не хотел в чем-то уступать другим, не хотел, применительно к себе, поблажек. Потому и старался сделать как можно больше, помочь другим. И ребята чувствовали это, тянулись к нему, хотя он и был моложе других. Умел он располагать к себе. И когда из далекой Чечни долетело это трагическое сообщение, у всех в душе остались вопросы без ответа: почему? за что?..”

Они не виделись почти два года. Двух братьев Феденевых – старшего, Александра, и младшего, Евгения, разделяли многие сотни километров. Когда Александр только еще учился на милиционера, Евгений, по завершении учебы в шадринском техникуме, был призван в армию. В последние месяцы службы находился в Северо-Кавказском округе, в Моздоке. В это время они были почти рядом: Александр ехал туда в служебную командировку, а Евгений уже паковал дембельский чемодан. Они разминулись. В Лебязье Евгений вернулся позднее всего на неделю, но оказалось, что это не на шесть месяцев командировки Александра – на всю оставшуюся жизнь.

Сергей Александрович Феденев показывает фотографии из семейного альбома, на которых запечатлены его сыновья. Вот семья Феденевых начала строить дом. Саше было тогда три года, единственное, чем он мог помочь родителям – со-

вочком подбросить песок. А вот первое сентября – в руках букварь и букет цветов для первой учительницы. А вот молодой пограничник. А вот молодой пограничник Александр Феденев у Российского флага. А это фото улыбающейся троицы – последний привет из Грозного. Александр с возвращающимися в Лебяжье Алексеем Дмитриевым и Виктором Замятым.

– Для меня райотдел, что дом родной, - говорит Сергей Александрович. – Сам прослужил в милиции больше двадцати лет, последние годы – замполитом. Привык по-старому называть... Хотел, чтобы и Александр продолжил семейную традицию. Способности у сына были. Но вот проблема с сочинением на экзаменах не позволила поступить ему в Нижнетагильскую и Челябинскую школы милиции. Мы с ним планировали учебу по возвращении из командировки. Я не отговаривал его от поездки. Он такой же, как и все, имел право выбора. Поступил как настоящий мужчина...

Помню, как в первый раз он надел милицейскую форму. Мы с женой, Татьяной Александровной, были на кухне. Я ей говорю: “Смотри, какой-то милиционер к нам идет... Не случилось ли чего?” А оказалось, это наш сын, долго им форму в то время не давали...

Сейчас вот Евгений уже прошел медицинскую комиссию. Возможно, займет место брата. Женька, а разница у них три года, на голову выше брата. Они у нас такие разные, как в песне: Санька – светленький, Женька – черноволосый. Но оба нами любимы... Навсегда.

Сергей КОРЮКИН

ЗЮЗИН Валерий Владимирович

Родился 16 ноября 1974 года в рабочем поселке Красный Октябрь Каргапольского района.

В органах внутренних дел служил с октября 1995 года. Погиб при исполнении служебных обязанностей 24 марта 2001 года. Награжден орденом Мужества, посмертно. Был похоронен на кладбище поселка Октябрьское Тюменской области. По просьбе матери в 2003 году его прах перезахоронен на кладбище села Сосновка Каргапольского района.

Зюзин проходил службу в должности старшины, помощника оперативного дежурного в Октябрьском РОВД Ханты-Мансийского автономного округа. В феврале 2001 года Валерий Владимирович Зюзин был направлен в командировку на Северный Кавказ в составе сводного отряда милиции временного ОВД Октябрьского района города Грозного, выполнял служебно-боевые задачи по восстановлению конституционного порядка в Чеченской республике. За период нахождения в командировке зарекомендовал себя с положительной стороны. Отличался исполнительностью, профессионализмом, успешно решал служебно-боевые задачи.

24 марта 2001 года в соответствии с боевым распоряжением для эвакуации из госпиталя «Северный» раненого сотрудника милиции была направлена группа из бронетранспортера и автомобиля УАЗ. По выполнению поставленной задачи колонна выдвинулась к месту постоянной дислокации. Следуя по улице Садовая, автомашина УАЗ, в которой находились милиционеры, была подорвана на радиоуправляемом фугасе. В результате подрыва от полученных осколочных ранений старший сержант милиции Зюзин Валерий Владимирович погиб на месте.

Елена СОКОВИШИНА

★ Вечная память ★ Вечная память ★ Вечная память ★

Над книгой работали

**Авторы проекта,
составители**

*Устюжанин
Геннадий Павлович,
директор
издательства «Парус-М»*

*Гаврилов
Юрий Георгиевич,
директор
музея милиции Курганской области*

Технические исполнители

*Устюжанин
Павел
Геннадьевич*

*Лушников
Станислав
Александрович*

Содержание

ЭСТАФЕТА МУЖЕСТВА	3
Геройская жизнь Михаила Сабенина.....	9
Расписался на рейхстаге.....	14
Уходил добровольцем.....	19
Вернусь с победой!.....	21
Сергей Чечулин на дорогах войны.....	25
По приказу сердца.....	29
Русский характер.....	38
Командир эскадрона.....	41
Наша юность опалена войной.....	43
Шушарины на войне... и дома.....	45
По дороге на Берлин.....	47
С достоинством и честью.....	54
У жизни на переднем крае.....	56
Мальчишкой ушел воевать.....	60
Всем смертям назло... ..	62
Воевал в воздухе и на земле.....	65
Посланец партизанского края.....	67
Легендарный Вакулич.....	70
В боях у Волжской твердыни.....	72
В пулеметной роте.....	75
Умел быть счастливым.....	78
В бой – со взводом штрафников.....	82
Спорт помогал на войне и после.....	85
Горбуновы.....	87
Семь ранений в одном бою.....	92
Переправу удерживали трое суток.....	95
Это было на Днепре.....	97
В бою под Бродами.....	99

Уходит в ночь десантный батальон.....	101
В трудовой колонии НКВД.....	103
Солдат – всегда солдат.....	105
От Волховских болот до красавицы Вены.....	108
Не искал легких путей.....	113
Я люблю тебя жизнь!.....	116
Под счастливой звездой.....	122
Служба – есть служба.....	125
Бойцовский характер.....	128
Однажды в разведке.....	131
Всю жизнь на передовой.....	133
В небе над Будапештом.....	135
Кинохроника жизни Кузьмы Сафронова.....	137
В боях за Берлин.....	144
А чем измерить боль народа?.....	147
Три боевых похода за спиной.....	150
Плечом к плечу.....	152
Схватка с дезертирами.....	158
Первый криминалист.....	162
Дело всей жизни.....	168
Дядя Саша – постовой.....	171
«Железный» Казарин.....	176
Премудрости старшины Булатова.....	179
Сыщик... не из романов.....	186
На самых дальних рубежах.....	192
КОМАНДИРОВКИ НА ВОЙНУ	198
Разведчик из «Кобальта».....	211
Советник из 14-го века.....	214
Расскажу о товарище.....	219
Старшина Гарипов.....	223
Ползком, ночью.....	225
Афганская закалка.....	226
На горном перевале.....	228
Испытан на прочность.....	230
«Кабул» – «Флагман».....	234
Давай за жизнь!.....	242
Поговорим, брат... ..	255
Созданы не для парадов.....	258
Товарищ полковник.....	266

Командир «Скифа».....	272
«Скифы».....	278
ОМОН – моя жизнь.....	284
Привет из Чечни... ..	292
Миротворец из Кургана.....	300
Дело жизни Николая Чистоусова.....	314
Это нашей истории строки.....	318
Боевой альбом.....	319
Обыкновенная работа.....	321
Мои университеты.....	323
Служба у нас такая.....	328
Добрая служба прапорщика Омарова.....	331
Служит достойно.....	333
Еще раз сами о себе.....	335
МЕМОРИАЛ	
Честь имею!.....	343
Звонарев Владимир Васильевич.....	357
Максимов Константин Борисович.....	363
Будаев Эдуард Георгиевич.....	369
Ваганов Роман Иванович.....	370
Лисихин Владимир Анатольевич.....	374
Сапожников Сергей Геннадьевич.....	375
Тимашев Александр Александрович.....	381
Тегаев Абдул Муцарович.....	383
Феденев Александр Сергеевич.....	384
Зюзин Валерий Владимирович.....	387

Дороги войны

Составители: Ю.Г.Гаврилов, Г.П.Устюжанин

Редактор: Г.П. Устюжанин

Корректор: М.И. Гаврилова

Компьютерный набор и верстка: П.Г. Устюжанин и С.А. Лушников

«Парус-М», 640000, г.Курган, ул.Комсомольская, 14-15.
Лицензия ЛР №071414 от24.03.1997г.

Сдано в производство 11.03.2005. Отпечатано в Куртамышской типографии Комитета по печати и СМИ Администрации Курганской области.

г. Куртамыш, ул.22 Партсъезда, 7. Тел./факс 9-15-59.